

Иркутский областной
историко-мемориальный
Музей
Декабристов

Иркутскому
музею
декабристов

50 лет

ДЕКАБРИСТСКОЕ КОЛЬЦО

Вестник
Иркутского музея декабристов

Выпуск 5

2020

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 5

Иркутск
Иркутский музей декабристов
2020

УДК 947.073
ББК 63.3(2)521-425
Д 28

Редакционная коллегия:
Е.А. Добрынина (отв. редактор),
Н.Ф. Мусабилова, А.Н. Гарашенко, А.В. Глюк

Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов :
Д 28 Сборник статей. Вып. 5. – Иркутск : Иркутский музей декабристов,
2020. – 252 с. : ил.

ISBN 978-5-901539-22-4

Сборник объединяет статьи исследователей, сосредоточившихся на изучении архивного наследия декабристов и их современников. Основу издания составили работы сотрудников Иркутского музея декабристов, посвященные в большинстве своем публикации архивных материалов, эпистолярного наследия декабристов и их окружения. Наряду со специалистами музея в сборнике приняли участие историки и декабристоведы из Иркутска, Новосибирска и Италии.

Сборник предназначен для музееведов, историков, краеведов и всех, кто интересуется историей декабристов и краеведением.

ISBN 978-5-901539-22-4

К читателю

Пятый выпуск «Вестника Иркутского музея декабристов» не совсем обычный. Он выходит в виртуальном формате, что, с одной стороны, безусловный плюс: это позволит большему числу заинтересованных читателей ознакомиться с представленными в нем материалами; с другой – причина, по которой было принято это решение, вынужденная. 2020 год стал сложным для всех, в том числе и для нашего музея. Запланированные на летние месяцы торжественные мероприятия по случаю 50-летия музея были отменены, двери закрыты, а многие работы приостановлены. Но научно-исследовательская работа продолжалась.

Сегодня основной вектор исследований музейных сотрудников – работа с архивными материалами, в первую очередь с письмами. Поэтому сборник открывается разделом «Архивное наследие», где читателя ждет очередная встреча с уже полюбившейся темой – письмами декабристок. Начиная с первого выпуска, со статьи О.А. Акулич, и далее в каждом последующем мы публикуем письма замечательных женщин, навсегда вошедших в российскую историю. Е.А. Добрынина, директор Иркутского музея декабристов, продолжила публикацию писем жены декабриста А.П. Юшневского Марии Казимировны. Письма декабристки к подругам К.П. Ивашевой и П.А. Белоголовой – это источник не только бесценных сведений, но и эмоций, чувств, переживаний, любви и дружбы.

Очень важная тема как для Иркутского музея декабристов, так и для всего декабристоведения была затронута научным сотрудником музея, кандидатом исторических наук Л.М. Подшиваловой. Ею была изучена часть писем С.Г. Волконского, предназначенных для включения во второй посвященный декабристу том серии «Полярная звезда».

Эту же тему продолжает Н.Ф. Мусабилова, заместитель директора по научной работе. Автор подробно анализирует все известные на сегодня источники хранения писем жены декабриста М.Н. Волконской, а также приводит своеобразную летопись публикаций начиная с 1878 г. К сожалению, до сих пор не существует научной биографии М.Н. Волконской. И эта статья – лишь небольшая часть планомерной работы сотрудников музея, которая позволит в дальнейшем написать биографию княгини Марии Николаевны, основанную на ее письмах к родным и близким, на воспоминаниях ее современников и других документальных источниках.

В разделе «Декабристоведение: историко-краеведческие исследования» читателя ждет встреча с трудом основоположника декабристоведческой традиции в Иркутске, историком-архивистом Б.Г. Кубаловым. На страницах

«Вестника Иркутского музея декабристов» мы уже обращались к работам Б.Г. Кубалова. Публикацию, посвященную Амурской компании 1858–1865 гг., можно рассматривать как продолжение знакомства с научными трудами Бориса Георгиевича.

Следующий автор впервые появляется на страницах сборника. Н.В. Гончаренко уже много лет занимается историей семьи В.П. Сукачева. Наталья Валерьевна – первооткрыватель семейного архива Сукачевых в г. Тарту (Эстония) и автор книги «Сукачевы. История одной семьи», посвященной семейной переписке иркутского городского головы, общественного деятеля и коллекционера В.П. Сукачева. В публикуемой статье Н.В. Гончаренко исследует связь семей Сукачевых и Поджио.

Тема семьи Поджио продолжается и в статье доктора исторических наук, доброго и давнего друга Иркутского музея декабристов Н.П. Матхановой. Наталья Петровна приводит в небольшой заметке о Варваре Александровне Поджио, дочери декабриста, весьма интересный документ, содержащий информацию о последних месяцах ее жизни.

Раздел «Музейное дело» открывается статьей главного специалиста научно-фондового отдела Иркутского музея декабристов А.В. Саковича. Александр Васильевич уже не первый год занимается изучением повседневной жизни декабристов. Исследователь убежден, что все, что мы называем повседневностью, в той или иной степени связано с понятием культуры. Статья «Вещный мир декабристов в Сибири» наглядным образом демонстрирует эту связь.

В статье научного сотрудника музея К.В. Харабадзе представлен аналитический обзор данных, полученных в результате длительной работы, связанной с поиском декабристских мест и реликвий по всей России. В будущем на основе этого материала планируется создать справочник, который позволит сохранить в цифровом формате информацию для будущих поколений, а также поможет музейным специалистам, преподавателям, научным работникам, студентам, ученикам и всем, кто интересуется этой темой, получать и передавать научные знания о предметах и местах, связанных с декабристами, более оперативно.

Последний раздел сборника – «Люди и судьбы». Он открывается статьей заведующей отделом «Дом и усадьба Волконских» А.О. Афанасьевой «Эпизод из жизни чиновника. Дневник и письма М.С. Волконского». Работа представляет собой краткий очерк жизни М.С. Волконского, сына декабриста, скрупулезно собранный по дневниковым записям и письмам. Он предваряет публикацию дневника М.С. Волконского – живого и яркого свидетеля жизни юного чиновника. Дополнением к портрету Михаила Сергеевича выступает публикация его писем к родителям.

Журналист Никита Кирсанов, создатель популярного интернет-портала «Декабристы» и давний друг нашего музея, в статье «Декабрист Николай Панов» пишет о нелегкой судьбе одного из самых неоднозначных фигурантов восстания на Сенатской площади и публикует письма декабриста.

В статье доктора исторических наук, профессора кафедры политологии, истории и регионоведения ИГУ А.А. Иванова и иркутского историка

А.Н. Гарашенко «Из переписки Б.Г. Кубалова и Ф.А. Кудрявцева в 1957–1966 гг.» публикуются письма известных ученых друг другу, обнаруженные в фондах ГАИО. Письма знакомят с последними годами жизни Бориса Георгиевича в Москве, с кругом его научных интересов. Данные документы раскрывают также внутренний мир ученого, свидетельствуют о большой любви учителя к ученику, к Иркутску и иркутянам, к Сибири и сибирской истории.

В публикации, посвященной 40-летию Архитектурно-этнографического музея «Тальцы», Г.Н. Куценко, заведующая музеем в 1982–1993 гг., делится впечатлениями о работе с легендарным архитектором Г.Г. Оранской во время создания музея.

Завершая обращение к читателю, мы традиционно выражаем надежду на то, что в будущем «Декабристское кольцо» объединит новых авторов, исследователей и единомышленников, а уже изданный материал будет и впредь интересен всем, кто увлекается историей декабристов.

Архивное наследие

Е.А. Добрынина

С чувством живейшей дружбы...

(письма М.К. Юшневской)

Письма декабристок... Мы вновь и вновь обращаемся к ним не только как к источнику бесценных сведений, но и как к источнику эмоций, чувств, переживаний, любви и дружбы. На страницах музейного сборника, начиная с первого выпуска, со статьи О.А. Акулич¹, и далее в каждом последующем мы публикуем письма замечательных женщин, навсегда вошедших в российскую историю².

В настоящее время готовится издание 2-го тома писем Н.М. Муравьева в серии «Полярная звезда», в котором будут представлены письма не только самого Никиты Муравьева, но и его жены Александрины, поскольку за декабристов, лишенных права переписки, писали их жены.

Готовится также переиздание сибирских писем Алексея Петровича и Марии Казимировны Юшневских, впервые опубликованных профессором П.В. Голубовским в 1908 г. Они адресованы брату декабриста Семену Петровичу Юшневскому. Петр Васильевич Голубовский, отыскавший около 100 писем декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены, написанных из Сибири, подготовил большую часть писем к изданию. Письма были опубликованы с купюрами, тексты на французском языке были даны без

М.К. Юшневская

¹ Акулич О.А. К вопросу об эпистолярном наследии княгини Е.И. Трубецкой (1843–1855) // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып.1. С. 226–231.

² Добрынина Е.А. Письма декабристок: подвиг повседневности // Там же. 2014. Вып. 2. С. 103–107; Зейфман Н.В. Неизданные письма к И.И. Пущину (А.П. и М.К. Юшневские) // Там же. С. 107–167; Письма М.К. Юшневской И.И. Пущину (1843–1855) / публ. и коммент. Е.А. Добрыниной // Там же. 2017. Вып.3. С. 68–102; Мусабинова Н.Ф. Письма М.Н. Волконской в «Архиве Раевских» // Там же. 2018. Вып. 4. С. 44–73.

перевода, часть писем не вошла в издание 1908 г., комментарии отсутствовали, поэтому в настоящее время ведется работа по подготовке всего корпуса писем М.К. и А.П. Юшневских в соответствии с принципами публикации в серии «Полярная звезда».

В нашем распоряжении сейчас есть интересные и значимые эпистолярные материалы, хотя и не столь многочисленные. Это письма Марии Казимировны подругам. Письма публикуются по автографам в соответствии с современными правилами орфографии. Сведения о месте хранения указываются в конце каждого письма. Даты проставляются перед текстом независимо от их места в оригинале. Для фамилий и имен сохранено авторское написание. Письма на русском языке. Немногочисленные фразы и отдельные слова, написанные в оригинале по-французски, выделены курсивом. Перевод с французского сделан Л.Г. Потаповой.

В ОР РГБ сохранилось несколько писем М.К. Юшневской Камилле Петровне Ивашевой, милых, теплых, очень искренних и дружеских, которые Мария Казимировна писала в Туринск после отъезда Ивашевых на поселение. Главным их содержанием являются чисто женские темы: новости, дети, рукоделие и, конечно же, заверения в дружбе и доброй памяти.

1

4 июля 1836. Петров[ский] Завод

Милая моя и добрая Камилла Петровна, о сию пору не можем мы привыкнуть, что вас нет с нами, грустно, нестерпимо грустно. Но надо привыкать к разлуке с вами!¹ О сию пору ничего мы еще не знаем, где вы будете поселены, и с нетерпением ожидаем писем от вас, добрые наши Камасинька и Василий Петрович. Что моя милая Машинька делает?² Помнит ли она свою Кази?³ Как перенесла она дорогу? Все ли она такая милая и болтливая? Расцелуйте ее за меня и передайте мне все ее новые слова, которые она начала в дороге говорить.

Я обещала сообщать вам, когда буду получать письма от своих. На первой неделе после вашего отъезда получила я от моей Сони хорошие известия: дети ее и они здоровы и прислали нам за нашу посессию 1700 руб.⁴ Но наш посессор объявил претензию за разные издержки на наши надобности. Как-то за ревизские сказки, за поимку людей бежавших, перевод их на свою землю, за вспомоществование мужикам во время неурожая. Это составляет 3400 руб., которые и должен он себе вычесть за эти три года, покуда кончится сделанный с ним контракт на посессию. Вот, мои добрые и милые, я так радовалась, а выходит, что почти не прибавилось мне дохода, всего 600 руб. только. Но Бог милостив, даст мне силы, и покорюсь переносить мои недостатки.

Мой добрый Алек[сей] Петр[ович] здоров, поручает сказать вам все, что чистая, безусловная дружба может только выразить. Он от души обнимает своего любезного Василия Петровича, и дружеское пожатие руки Камилле Петровне. Просит Машиньку за него поцеловать. Вспомните его прощание с вами, он эти чувства сохранит навсегда к семейству вашему.

Я, мой друг Камасинька, ничего почти еще не вышила. Мало прибавилось к моей работе, зато как засяду, награжу все потерянное время. Я чувствую себя как-то нехорошо все это время, потому не могу пристально сидеть за пальцами. Хотя почти все сижу дома. С Мар[ьей] Ник[олаевной]⁵ видаемся часто, с нею вместе были мы у Саши⁶, она уже вам писала о том, в этот самый день отнесли и образ в церковь. Вот вам незабудки от этого ангела, который молит о вашем счастье. У Сашиньки лилий желтых и сараны множество, много и разного сорта цветов – все так же, как было при вас. И будьте уверены, что, покуда я здесь, буду все исполнять, как исполняли вы сами.

У нас все здоровы. Госпожа Аннен[кова] думает ехать в начале августа, но еще верного ничего не знаем⁷. Дети ее каждый день у Кат[ерины] Ив[ановны]⁸, и она любит Олиньку⁹ ужасно. У Алек[сандры] Ив[ановны]¹⁰ все здоровы, у Кат[ерины] Ив[ановны] тоже. В каземате все по-старому, знакомые ваши кланяются вам. Прочие гуляют изредка по двору, потому что продолжительные дожди не дают пользоваться летним приятным воздухом. Говорят также, что такая грусть напала на всех после отъезда на поселение наших господ, что не хочется никому выходить из своего номера.

Дом ваш еще никем не занят¹¹, но на днях, говорят, перейдет туды жить Занадворов Леонтий¹². Петр ваш здоров, но грустит, бедный, ужасно. Несколько дней плакал как ребенок. Потом для успокоения своей грусти начал было пить немного. Я его позвала к себе, потолковала с ним, и он дал мне честное слово, что будет грустить, не приискивая утешения в вине. Он все еще сторожем при доме и сидит теперь постоянно, или, лучше сказать, лежит. От скуки не знает, что делать.

На сей раз нечего более вам сказать, буду с нетерпением ожидать ваших писем. Прощайте, добрые мои, милые мои, друзья мои Камилла Петровна и Василий Петрович, Машутка милая. Поклонитесь от меня всем домашним, начиная с няни, Марьи, Кати, и Сидоровичу, они мне так охотно всегда услуживали, могу ли я их забыть. Пусть и они меня вспомнят иногда.

Если Ник[олай] Вас[ильевич]¹³ с вами, вручите мою маленькую при сем прилагаемую записку ему. Еще раз прощайте, да будет над вами всеми благословение Бога. Пожалуйста, опишите мне все, как вы живете, как хозяйничаете, какой у вас домик etc. etc. Вы меня более утешите этим, чем думаете. *Прощайте, мои дорогие, любезные друзья, храни вас Господь.*

Марья Юшневская.

[*Притиска:*] Ник[олай] Алек[андрович]¹⁴ очень вам кланяется, он все по-старому живет. Исполняет ваши портреты и скоро вам вышлет обещанные¹⁵.

Примечания

¹ В.П. и К.П. Ивашевы выехали из Петровского Завода в июне 1836 г. на поселение в г. Туринск Тобольской губ. Об отъезде Ивашевых сообщила М.К. Юшневская в письме С.П. Юшневскому от 12 июня 1836: «<...> завтра едут Ивашевы, и мы стараемся, сколь возможно, быть более вместе. Очень нам грустно будет проститься с ними, они нам как родные» (Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири / сообщ. проф. П.В. Голубовским. Киев, 1908. С. 109).

² Дочь Ивашевых Мария (1835–1897).

³ Кази или Казя – так называли М.К. Юшневскую дети Ивашевых и Волконских.

⁴ Дочь М.К. Юшневской от первого брака, жена художника К.Х. Рейхеля, и их дети Софья и Алексей.

⁵ М.Н. Волконская.

⁶ Сын Ивашевых Александр (1833–1834). Умер и похоронен в Петровском Заводе.

⁷ И.А. и П.Е. Анненковы выехали на поселение в с. Бельское Иркутской губ. 20 авг. 1836 г.

⁸ Е.И. Трубецкая.

⁹ Дочь Анненковых Ольга (1830–1891).

¹⁰ А.И. Давыдова.

¹¹ О доме Ивашевых в Петровском Заводе см.: *Краснова З.В.* О домах жен декабристов в Петровском Заводе // *Сибирь и декабристы.* Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 195–197.

¹² *Занадворов Леонтий Петрович*, сын отставного горного чиновника Петра Егоровича Занадворова, брат Фавста Петровича Занадворова (1811–1888), губернского секретаря, впоследствии купца, золотопромышленника.

¹³ Н.В. Басаргин выехал из Петровского Завода 13 июня 1836 г. на поселение в г. Туринск Тобольской губ. вместе с Ивашевыми (Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири. С. 109).

¹⁴ Н.А. Бестужев, художник-декабрист.

¹⁵ Считается, что портрет В.П. Ивашева, выполненный Н.А. Бестужевым и датированный художником 15 июня 1834 г., последний из портретов Василия Петровича в Петровском Заводе (*Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 285–286). О варианте портрета К.П. Ивашевой, выполненного Бестужевым в 1834 г., автор монографии писал как о более позднем повторении (Там же. С. 395). Судя по содержанию этой приписки, Н.А. Бестужев работал над портретами Ивашевых после их отъезда на поселение и портрет К.П. Ивашевой из собрания Государственного Эрмитажа может датироваться 1836 г.

2

31-го июля 1836. Петровский Завод

Милая моя и добрая Камилла Петровна, о сию пору не могу привыкнуть, что вас нет с нами, ужасно грустно. Вчерась я прошла мимо вашего дома – ставни заперты, ворота тоже, пустота невероятная, о сию пору я избегала проходить мимо. Но вчерась пошли мы ходить с Мар[ьей] Ник[олаевной], и она меня провела с большой улицы по площадке, которая за вашим домом или, лучше сказать, за домом Вас[илия] Львов[ича]¹. С каким нетерпением ожидаю я и муж мой ваших писем. И еще долго их не будет! Вероятно, вы еще и не доехали до своего места. Что моя милая Машинька? Помнит ли она свою тетю Кази? Много ли слов новых говорит? Все мне о ней скажите. Кат[ерина] Ив[ановна] третью неделю живет в доме Ник[иты] Мих[айловича]², у них штукатурят и исправляют вообще в доме все, чтобы зиму провести в нем покойно. Кат[ерина] Ив[ановна] с детушками здорова, Никитушка³ славный мальчик, полный, резвый и хорошенький. Кат[ерина] Ив[ановна] каждый вечер играет на фортепьянах ваших, хочет вспомнить бывший свой талант, те-

перь покуда играет аккомпанементы русских песен, которые вам все знакомы, Фед[ора] Фед[оровича]⁴ <нрзб тетрадь (?)>. Кат[ерина] Ив[ановна] теперь вышивает экран для своей сестры⁵. Моего бедуина – всадник и голова лошади вышиты, на мелкой канве чудесно выходит, фон будет белый шелковый *с блестящими точками*. Букеты на коврике она совсем кончила, и теперь ее пальцы поступили ко мне, ибо другая моя подушка готова. Я шью осьмиугольный бордюр кругом букетов из маленьких розанчиков на черном фоне, с обеих сторон зеленые полосочки, середина, где букеты, фон* *белый – сетка* <далее одно слово нрзб>, а края синие, и все, что по сю сторону бордюричка, – синий фон *с блестящими точками*. Теперь я дошиваю половину всего коврика. Видите, как скоро работа идет, сижу пристально, по две недели никуда не выхожу. Хочется поскорей отправить работы Кат[ерине] Ив[ановне], и мне хочется начать поскорее шить что-нибудь для вас, мои милые, мои добрые, никогда незабвенные друзья. Мар[ья] Ник[олаевна] с детьми здоровы. Серг[ей] Григ[орьевич]⁶ возвратился, но все страждет рукою и очень, бедный, жалуется. Но цвет лица у него поправился, и он очень пополнел, несмотря на сильную боль руки и шеи.

К.П. Ивашева

Ив[ан] Ив[анович]⁷ здоров, третьего дня ходил к Саше и сказал мне, что хочет посадить деревья, вчера я была у Сашиньки, все там исправно, цветов много, он молит о счастье своих добрых родителей. Новая церковь подвигается быстро и, верно, будет готова к зиме, т. е. строение, отделка, может, и не опоздает⁸. Мы видели царские двери, чудесно вырезали здесь мальчики разные украшения на ней, а главный за ними досмотрщик – тот самый искусник, который вырезывал монаха и прочие фигуры.

Алек[сандра] Ив[ановна] с детушками здоровы, ходит с ними каждый день гулять, и все по-старому. Об них как-то мало хлопочут родные. Госпожа Аннен[кова] укладывается и думает выехать 15-го августа. Как-то они доедут до Иркутска и как Байкал переплывут. Но Бог милостив, говорят, что в это время хорошо еще плыть и ветер бывает попутный отсель. От уехавших мы еще ничего не получили и ничего об них не знаем. Нонушка оставалась в Иркутске, а папа ее уехал вперед приготовить жильё для Ноно⁹. Не знаю теперь, уехала [ли] уже Нонушка.

Ник[олай] Ал[ександрович] Бестужев весьма порадован производством своего брата Александра¹⁰. Оба брата¹¹ по-старому живут. Они в большом горе, что надо проводить Аннен[ковых]. Пар[асковья] Егор[овна] часто ходит к Кат[ерине] Ив[ановне], но Кат[ерина] Ив[ановна] не была, теперь она

* В оригинале здесь и далее: фонд.

страждет зубами. Поджио¹² всегда добр, всегда занят своими дынями, всегда вздыхает, машет руками, морщится, что дыни плохи, а между тем каждый день потчует ими, и дыни славные. Осипа Францевича¹³ парники плохи, а Пет[ра] Ив[ановича]¹⁴ не знаю какие. Я думаю, ему не до дынь, хозяйство артельное его измучило. Ник[олай] Алек[сеевич] Панов в отделении с Фед[ором] Фед[оровичем] и Суд[гоф]¹⁵ живут по-старому хорошо, муж мой по вторникам ходит играть на фортепьянах к Фед[ору] Фед[оровичу], если это не день работы. Кат[ерина] Дмитриевна ездит верхом на свою заимку с Дм[итрием] Зах[аровичем] и живут таким образом благополучно¹⁶. Она начала шить букет, тот самый, который я вышивала последний.

Надеюсь, что вас перенесла в наше общество довольно живо. Все вас помнят, все вам посылают дружеское приветствие. Муж мой от искреннего сердца обнимает доброго и душевно любимого Василия Петровича, у вас, мой друг Камилла Петровна, целует руки, называет вас роднушками и очень часто вспоминает вас. Просит Машутку поцеловать за него. А о себе что вам сказать? Нельзя выразить, сколько вас люблю, сколько желала бы еще вас увидеть. Бог – моя надежда, от души вас обнимаю, моя добрая Камасинька, обнимите и доброго Зиля¹⁷, и Машу за меня, да сохранит вас Бог, моих добрых друзей.

Марья Юшневская.

[*Приписки:*]

Арт[амон] Зах[арович]¹⁸ дружески вас приветствует, он уже лечил детей, и все здоровы.

Поклонитесь от меня людям вашим. Коровка <далее нрзб>.

От Сони полтора месяца не имею писем.

ОР РГБ. Ф. 112–5788, 6. Л. 3–4 об.

Фрагменты письма опубликованы: *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 311, 360.

Примечания

¹ В.Л. Давыдов.

² Н.М. Муравьев.

³ Сын Трубецких Никита (1835–1840).

⁴ Ф.Ф. Вадковский.

⁵ Скорее всего, речь идет о Зинаиде Ивановне Лебцельтерн, которая была наиболее близка Е.И. Трубецкой.

⁶ С.Г. Волконский весной 1836 г. лечился на Туркинских минеральных водах.

⁷ И.И. Пущин.

⁸ Старая деревянная церковь святых апостолов Петра и Павла была заложена в 1793 г. и к прибытию декабристов в 1830 г. была уже довольно ветхой. За строительство новой церкви взялась заводская контора при деятельном участии управляющего железодобывающим заводом А.И. Арсеньева. 4 нояб. 1837 г. состоялось освящение новой Петропавловской церкви.

⁹ Дочь А.Г. и Н.М. Муравьевых Софья (Нонушка, Ноно) (1829–1892). Н.М. Муравьев с братом Александром и дочерью выехали из Петровского Завода на поселение 18 июня 1836 г., прибыли в Иркутск 4 июля и некоторое время жили в Иркутске, пока не было найдено и обустроено жилье в Урике. «С 22 июля мы находимся в Урике», – писал Никита Муравьев матери Екатерине Федоровне 27 июля 1836 г. (*ГА РФ*. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 46. Л. 7).

¹⁰ А. А. Бестужев с 1827 по 1829 г. жил на поселении в Якутске, высочайшим повелением от 13 апр. 1829 г. определен рядовым в действующие полки Кавказского корпуса. 3 мая 1836 г. за отличие произведен в прапорщики. Очевидно, об этом производстве и идет речь.

¹¹ Михаил и Николай Бестужевы.

¹² Поджио Александр Викторович.

¹³ Сосинович Осип (Иосиф, Юзеф) Францевич (?–1839), поляк, сосланный в Сибирь после польского восстания 1830 г., с 1834 г. был в заключении в Петровском Заводе вместе с декабристами.

¹⁴ П. И. Борисов.

¹⁵ Сутгоф Александр Николаевич.

¹⁶ Д. З. Ильинский (1805–1842), казематский врач в Петровском Заводе, и его жена Екатерина Дмитриевна.

¹⁷ Базиль, Зиля – так друзья называли В. П. Ивашева.

¹⁸ А. З. Муравьев.

3

16 октября 1836. Петровский Завод

Милая моя и добрая моя Камилла Петровна, с каким нетерпением ожидаю я будущего месяца, полагая, что получу от вас письмо. Неужели вы не поспешите обрадовать меня?

Я все по-старому живу, т. е. не выходя из дому по две и три недели, – вышиваю и люблю ужасно сидеть за моими пяльцами. Уже почты три как Кат[ерина] Ив[ановна] отослала конченную работу своей матушке. Это подвиг немалый. На днях я отошлю Николаю Васильевичу¹ обещанную подушку. Как бы я была рада, если бы он получил ее ранее, чем сам ожидал. Сегодня я пишу к Софи² в П[етер]бург и от нее получила письмо, она опять обещала письмо от матушки своей, но я напрасно поджидала и с отъезда Ник[олая] Вас[ильевича] не получила ни одного. Видно, ей трудно писать, но я никогда не усумнюсь в ее дружбе ко мне.

Я начала также на мелкой канве бандитов вышивать, которых, вы помните, для одной подушки вышивала Кат[ерина] Ив[ановна]. Эту работу окончила, пошлю матушке Крюковых³, а потом стану вышивать, как вы думаете, для кого? угадайте, не скажу...

Никитушку отняли от груди 2 недели тому назад, и он очень скучает. Ни один из детей не отстал так трудно от кормилицы, как Никитушка. О сю пору еще грустен. Вообразите, совершенно как старичок, скучен, задумчив и грустен.

Кат[ерина] Иванов[на] опять беременна и думает, четвертый месяц, она немногу страдает от тошноты, а при том встревожилась, что Никитушка скучен. Саша и Ляка здоровы⁴. Ляка всех смешит, такая форсиха и болтушка ужасная, а Саша всегда сурьезная. Алек[сандра] Ив[ановна], так же как и Кат[ерина] Ив[ановна], нездорова и также четвертый месяц себе считает. Детушки ее здоровы, и они сами также. Мар[ья] Ник[олаевна] здорова, она вам о себе пишет сама и, как говорит, писала уже несколько раз, она меня посещает. Нель⁵ меня тоже называет Киза. Миша⁶ и хорошеет, и становится солиднее, хотя еще видно, что матушка крепко балует. Нелинька тиха и застенчива, как была, но говорливее стала с теми, кого чаще видит.

Господа наши казематские все здоровы, один Поджио хворал обыкновенными своими припадками, теперь ему лучше. Ник[олай] Ал[ександрович] с братом⁷ здоровы, я очень редко выдаю старшего, а меньшого никогда почти, разве встречусь. Он очень постоянно защищает поступок Вл[адимира] Ив[ановича]⁸. Хорошо, когда есть подобный друг! Не многие так постоянно помнят старую дружбу. О старике дурные слухи доходят. Но Бог с ним, он сам лучше знает, что предпринимает.

Ив[ан] Сем[енович]⁹ поручает поклониться Басаргину и вам. Ив[ан] Ив[анович] Пуш[ин], Поджио вас поминают и кланяются вам, Ник[олай] Алек[сеевич] Пан[ов], которого я часто выдаю, также. Фед[ор] Фед[орович] и Ал[ександр] Ник[олаевич]¹⁰ тоже вам кланяются. Их также выдаю часто, особливо Фед[ора] Фед[оровича]. Ив[ан] Ив[анович] Горб[ачевский] всегда добрый, и я его люблю. Петр Ив[анович] Борисов хлопчет по хозяйству, и его серьезность не изменяется. Я часто нападаю на него и спорю с ним, думаю, ему надоела. Брат его лучше немного себя чувствует¹¹. Сер[гей] Гр[игорьевич] был у него в номере на днях, и он разговорился с ним. Дмит[рий] Алек[сандрович]¹² все в одном положении, также и Андреевич¹³. Ос[ип] Франц[евич] здоров, скучает без писем. Его забыли, старичка, 7 месяцев не получает ни строчки от своих. От Ферд[инанда] Богд[ановича]¹⁴ не получили ни строчки, он нас решительно знать не хочет. Я очень спокойна на этот счет, ибо знаю, что насильно быть любиму нельзя. Вероятно, и вы еще не получили от него писем.

Мих[аил] Фот[иевич]¹⁵ все еще по болезни живет в Ир[кутске], он, бедный, хворает не на шутку. Добрый Мих[аил] Фот[иевич], я бы очень желала, чтобы он поправился в своем здоровье.

Милая моя и добрая Камилла Петровна, я все придумывала, что бы вам сказать поинтереснее для вас и для Зиля Петровича, а при том хотелось, чтобы вас понемногу хоть мысленно перенести в наш круг. Если я не успела, так душевно пожалею, что не умела заманить вас к нам. Хоть бы мысли наши встретились как-нибудь, моя добрая Камасинька, я бы утешена была.

От своих я, как всегда, получаю редкие письма, два месяца тому назад получила я от своей Софи, у них все здоровы, и я очень счастлива, когда им хорошо. От брата Сем[ена] Петр[овича]¹⁶ тоже получили письма, и у него все хорошо и все здоровы, дела наши еще неизвестно чем кончатся, но Нат[алья] Григ[орьевна]¹⁷ хлопчет, и я послала уже доверенность г-ну Понятовскому¹⁸, чтобы продал Тимашевку. Дай Бог, чтобы скорее устроились наши дела и мы бы были обеспечены куском верным хлеба. Тяжело жить, как мы живем уже 6 лет, а как я боюсь поселения, и придумать не умею, как мы поедем, если будем живы. Но полно толковать о своем горе. Может, вам весело и хорошо, я бы себе не простила, если бы хоть одну минуту грусти доставила вам.

Мой всегда добрый Алексей Петрович с чувством живейшей дружбы к вам и любезному Василию Петровичу обнимает вас, как своих роднушек. Как он вас любит и как мило вспоминает вас и с каким чувством! Можете полагаться на сего холодного по наружности человека, никогда не изменит чувств своих к вам. Он мне сказал: «Не забудь же попросить их, чтобы и

Машиньку за меня поцеловали». Басаргина обнимите за нас обоих крепко и дружески. Я буду писать ему позже.

Когда будете писать к своим, от меня, как от родной вашей, скажите все, что только можно придумать лучшего и дружеского. Когда же будете ко мне писать, непременно скажите, какие от них получаете известия, все ли у вас здоровы они. *Госпожа Языкова*¹⁹ совершенно ли выздоровела? Поверьте, друзья мои, что ваше известие сделает меня счастливее.

Милая моя Машинька, Казя тебя нежно обнимает крепко и любя тебя душевно. Скажи сама что-нибудь своей маме, чтобы она передала мне твои милые слова, душинька моя, ангел мой Маша, не забывай свою Казу никогда. И няне своей, и Кате поклонись от меня. Не забудь и Марью, и Федора, если он еще у вас. Петруха на мельнице теперь, т. е. на мельнице наших господ, и ему там хорошо, а в вашем доме живет меньший Занадворов.

Прощайте, добрые мои, милые друзья Камасинька моя дорогая и Зиль мой добрый. Да сохранит вас с Машинькою Всевышний и пошлет вам все доброе и благословит вас во всех предприятиях. Желают вам сего от чистого сердца друзья ваши неизменные никогда

Мария и Алексей Юшневские.

[*Приписка:*] Не хочу вас обманывать, я две недели не могу выходить из дому и потому не была у Саши, но знаю, что там все исправно.

ОР РГБ. Ф. 112–5788, 6. Л. 5–7 об.

Примечания

- ¹ Н.В. Басаргин.
- ² Мещерская Софья, сестра умершей жены Н.В. Басаргина Марии.
- ³ Крюкова Елизавета Ивановна (?–1854), мать братьев А.А. и Н.А. Крюковых.
- ⁴ Дочери Трубецких Александра и Елизавета.
- ⁵ Дочь Волконских Елена.
- ⁶ Сын Волконских Михаил.
- ⁷ Н.А. и М.А. Бестужевы.
- ⁸ В.И. Штейнгейль. О каком поступке идет речь, не установлено.
- ⁹ И.С. Повало-Швейковский.
- ¹⁰ А.Н. Сутгоф.
- ¹¹ А.И. Борисов, старший брат П.И. Борисова, страдал душевной болезнью.
- ¹² Д.А. Щепин-Ростовский.
- ¹³ Андреевич Яков Максимович.
- ¹⁴ Ф.Б. Вольф.
- ¹⁵ М.Ф. Митьков в 1835 г. отправлен на поселение в с. Олхинское Иркутского округа, но из-за чахотки был временно оставлен в Иркутске.
- ¹⁶ С.П. Юшневский.
- ¹⁷ Лицо неустановленное.
- ¹⁸ Понятовский Ламберт Иосифович, предводитель дворянства Киевского уезда, управляющий имением М.К. Юшневской.
- ¹⁹ Ивашева Елизавета Петровна (1805–1848), сестра В.П. Ивашева, жена П.М. Языкова.

Письма М.К. Юшневской, хранящиеся в *ГА РФ*, адресованы Прасковье Андреевне Белоголовой, матери двух учеников Алексея Петровича Юшневского – Николая и Андрея. Особенно интересны три письма за 1842 г. Это своеобразные отчеты о ходе обучения детей Белоголовых, которые были поручены вниманию и попечению Юшневских на время поездки Андрея Васильевича и Прасковьи Андреевны в Москву и Петербург. В мемуарном очерке Н.А. Белоголового, написанном в конце 1890-х гг., автор тепло и сердечно вспоминает декабристов-учителей, описывает время, проведенное им и его братом в Малой Разводной, обитателей этого небольшого селения – Юшневских, А.З. Муравьева, братьев П.И. и А.И. Борисовых, потрясение, испытанное детьми после смерти Алексея Петровича Юшневского³. Воспоминания Николая Андреевича дополняют опубликованные в 1912 г. в журнале «Сибирский архив» письма Андрея Андреевича Белоголового, старшего брата Николая⁴. Андрей писал своим родителям об уроках Алексея Петровича Юшневского и Петра Ивановича Борисова, о живом участии в занятиях Марии Казимировны. Приводим эти письма с небольшими купюрами.

«Почтенные и любезные папа и маменька. <...> Мы с братом здоровы. Занимаемся учением и идем с ним вместе во всех предметах учения. Мы так привыкли к Ал[ексею] П[етровичу] и М[арье] К[азимировне], что нам кажется, будто мы дома. П[етр] Ив[анович] занимается с нами постоянно в назначенные дни. Проходим дроби, возвышение чисел в степени, извлечение корней и нумерацию. Вчерась с М[арьей] К[азимировной] и П[етром] Ив[ановичем] были мы на Юпитере, Сатурне и Уране. Видели, папа, затмение солнца, которое было 26-го июня. Мы глядели на него в закопченное стекло. <...> 13 числа [июля] 1842 года».

«Любезный папенька Андрей Васильевич!

<...> Артамон Захарович уехал на воды 9-го числа сего месяца. <...> Я вчера приехал из Разводной, завтра едем с Николой. 20 июня 1843 г. Иркутск».

«Любезный папенька Андрей Васильевич!

<...> Мы третьего дня приехали из Разводной до этой пятницы. <...> Не забудь, папа, книгу, которую Вам заказывал Петр Иванович. Мы с Анкудиновым учим из географии Португалии, из арифметики повторяем десятичные дроби, из немецкой грамматики неправильные глаголы, а французскую грамматику прошли давно уже. Ваш послушный сын Андрей Белоголовый. 12 ч[исла] июля 1843 г. Иркутск».

В публикуемых нами письмах М.К. Юшневской речь идет о подробностях обучения, распорядке дня, некоторых педагогических приемах, применявшихся Марией Казимировной для воспитания мальчиков. Также они содержат описание характеров братьев Белоголовых, их отношения к учебе.

После смерти А.П. Юшневского Андрей и Николай Белоголовые воспитывались и обучались у декабриста А.В. Поджио. Мария Казимировна сохранила дружеские отношения с Прасковьей Андреевной, писала ей и посещала семейство Белоголовых.

³Белоголовый Н. Воспоминания сибиряка. Из детских лет // Знаменский М. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н. Воспоминания сибиряка / изд. подгот. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. Иркутск, 1988. С. 235–251.

⁴Письма ученика декабристов // Сиб. архив. 1912. № 5. С. 376–377.

I

27-го июня 1842 г.

Милая, добрейшая Парасковья Андреевна¹. До сих пор полагая вас в дороге, я не писала к вам. Ныне буду писать и говорить вам о детях. Они все здоровы. Николинька² пополнел и такой же румяный, как Андрюша³. Лелинька⁴ тоже пополнел. Учение идет порядочно, время не теряют, зимой, конечно, пойдет еще лучше. Пожалуюсь вам на Василия Спиридоновича⁵. Взяли детей в прошедшую субботу, чтобы сводить в баню. Да целую неделю я их достать не могла. В[асилий] Сп[иридонович] ездил с ними куда-то на речку, какие-то все были гости, и я измучилась от беспокойства. Наконец написала Мар[ии] Н[иколаевне]⁶ сурьезную записку. На другой день В[асилий] Сп[иридонович] привез сам детей, наговорил мне турысы на колесах, т. е. всякие пустячки. Я ему объявила, что не пушу детей домой теперь до вашего возвращения. Не церемонилась с почтенным старичком, он все приставал ко мне, я <одно слово нрзб>, он уехал домой. Володя⁷ у меня однажды ночевал и никак не хотел домой возвращаться, но няня приехала и увезла его к бабушке третьего дня. Володя был у нас веселенький и здоровенький мальчик. Полинька⁸ все глазками нездоров, их бы с Володиной чудесно было на горячие воды отослать. И когда вы возвратитесь, тогда, может быть, сами решитесь. Дети наши начали писать по-немецки, сегодня за чаем составляли сами фразы по-французски. Математика еще не успешнее, но все идут вперед. Третий их товарищ отстанет далеко, жаль мальчика, добрый ребенок, но еще способности медленно развиваются⁹. Впрочем, бывали случаи, что вдруг все разовьется и перегонит всех товарищей.

Скоро буду вам писать, т. е. каждые две недели будет вам весточка от нас. Пишите и вы нам, пожалуйста, до сих пор ничего еще не знаю об вас, последнее известие было из Томска. Не забудьте купить мне платок темненький шерстяной в нынешнем вкусе. Когда будете возвращаться, то привезете. На днях приехали сюда Ильинские¹⁰ из Селенгинска, наши знакомые. Он был в чахотке, умер на третий день его сюды приезда. Вдову я провела. Женщина милая, добрая и очень была счастлива мужем. Теперь жаль ее видеть, так она несчастлива, лишась его. Плачет горько, мы все очень плакали. Добрый был человек покойник.

Ар[гамон] З[ахарович] на горячих Туркинских водах, его здоровье все плохо. Кисть[ю] руки изломанной нисколько не владеет. Дай Бог, чтобы он поправился, уехал очень грустен.

Все у нас по-старому, ограду у меня уже окончили, службы строятся, теперь новые хлопоты подспевают, сенокос, как-то Бог поможет управиться.

Я было слегла в постель простудной горячкой, но спасибо Ив[ан] С[ергеевич]¹¹ в два дня прервал болезнь, и я теперь по-старому на ногах и хлопочу. Прощайте, добрейшая Парасковья Андреевна. Дружески от нас обоих поклонитесь доброму Ан[дрею] В[асильевичу]. Да поможет

вам Бог во всем. Нас не забывают, пишите, пожалуйста, чаще. Дети не скучают, но все-таки очень обрадуются письмам вашим. Муж мой свидетельствует вам почтение.

Вам преданная Марья.

ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–2

Примечания

¹ П.А. Белоголова (?–1860), жена Андрея Васильевича Белоголова (ок. 1800–1860), иркутского купца в середине 1850-х гг. 2-й гильдии, а с 1859 г. – купца 1-й гильдии.

² Белоголовый Николай Андреевич (1834–1895), сын А.В. Белоголова, ученик декабристов, врач, известный общественный деятель.

³ Белоголовый Андрей Андреевич (1832–1893), сын А.В. Белоголова, иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин.

⁴ Белоголовый Аполлон Андреевич (ок. 1836–1885), сын А.В. Белоголова, иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, гласный Иркутской городской думы в 1877–1884 гг.

⁵ В.С. Белоголовый (1785–?), отец А.В. Белоголова, иркутский купец в 1811 г. 1-й гильдии, в 1815-м – 3-й гильдии.

⁶ Бабушка Андрея, Николая, Аполлона и Владимира Белоголовых, вероятно, мать Прасковьи Андреевны.

⁷ Белоголовый Владимир Андреевич (ок. 1840–1875), сын А.В. Белоголова.

⁸ Аполлон Белоголовый.

⁹ Анкудинов, племянник Василия Яковлевича Анкудинова (?–1846), разбогатевшего крестьянина Жилкинской волости, вместе с братьями Белоголовыми обучался и воспитывался у Юшневских.

¹⁰ См. примеч. 16 к п. 2 М.К. Юшневской к К.П. Ивашевой.

¹¹ Персин Иван Сергеевич (1804–1858), иркутский врач, знакомый многих декабристов еще по Петровскому Заводу.

2

6-го июля 1842

Милая, добрая Парасковья Андреевна, дети здоровы, очень обрадовались письму вашему. Но как они получили его в воскресенье после обеда, то и не могут успеть написать с этою почтою ни папеньке, ни вам. Оба они просят меня сказать вам, что будут стараться заслужить любовь своих родителей. Скажу вам, добрые Андрей Васильевич и Парасковья Андреевна, что надо будет очень потрудиться, чтобы исправить характер Николиньки, крепко сердится, спорить охотник и бросается с сердец царапать. Мы его прозвали Кошкой. Конечно, все переменится. Только надо большое старание, чтобы переломить нрав. Способностей хороших оба брата. У Леночки кроткий нрав, только бывает рассеян. Дети их возраста всегда бывают таковы.

Леночка и Николенька знают много слов немецких и французских, с тем вместе учатся и грамматике обоих языков. Читают оба брата порядочно. Пишут на обоих языках, и немецкий почерк у них как-то делается красивее. Вообще учатся они охотнее немецкому. Математика не столько успешна, но в три месяца нельзя многого требовать. Закону Божьему сам Алек[сей] Петр[ович] учит. Право, не хуже всех духовных знает Священную историю. Теперь трудно найти свободного священника, после к зиме устроится все,

между тем дети будут учиться начальным правилам. Будьте спокойны насчет детей, вы их оставили на руках добросовестных людей. Ничего не будет упущено. В городе они редко будут и то разве для бани, иначе не будем их пускать. Дедушка очень балует и этим делает вред. Мужа моего сегодня нету дома – ему случилась надобность съездить к Ник[ите] Мих[айловичу]. Дождь и град целый день идет, между тем непременно хотел возвратиться хоть поздно.

Меня беспокоит эта дурная погода, боюсь, чтобы не простудился Алек[сей] Петр[ович], такой вдруг холод сделался, что сегодня у нас топили печь. Дождь целую неделю не перестает идти. Точно омулевая погода началась. Ар[тамон] З[ахарович] на горячих водах, да поможет Бог избавиться ему [от] ревматизмов. Петр Иванович с ячменем на глазу. Но здоров, от Алек[сея] Петр[овича] и Петра Ивановича примите искреннюю благодарность за память о них. Вместе со мною желают вам всевозможных успехов во всех предприятиях. Пишите чаще. С будущею почтою сами дети напишут. Обнимаю вас крепко, добрейшая Парасковья Андреевна, и приветствую Андрея Васильевича.

Преданная вам М.Ю.

ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 3–4

3

9-го августа 1842

Милая, добрая Парасковья Андреевна, с этой почтой пишу я вам от себя, а дети будут писать с будущею почтою непременно. Учение снова пошло хорошо, слава Богу. Было немного неприлежания, это после рассеянности, когда их дедушка целую неделю держал у себя. Вы не поверите, добрый Андрей Васильевич, как рассеянность вредна учащимся. Парасковья Андреевна, вы пишете, чтобы дети чаще ездили к бабушкам, мне это не по сердцу. В две недели раз я их отпускаю, а воля ваша, не стану чаще пускать. Они же и сами не очень хлопочут о том. Любить детей и наблюдать их пользу чудесно. А баловство делает всегда большой вред. Ваши дети, милые и очень добрые дети, стали понимать пользу учения. Стараются, много успели по моему замечанию в четыре месяца. Пусть так и идет все, как наладилось. Андрюша прилежанием своим выше своего брата. Николенька способностей прекрасных. Но шалун, и немного характер испорчен. Теперь изменился, не сердится так часто и не спорит. Но шалит при каждом случае. И это пройдет скоро. Резвятся они сколько хотят, гуляют всегда со мною или с Петром Ивановичем. Пешком ходили на покос, за грибами в лес. Все эти удовольствия делаются для них, и мы очень дружно всегда кончаем наши прогулки. Дети много поправились. Андрюша, кажется мне, вырос больше своего брата, здоровы, слава Богу. Надеюсь, что после вашего возвращения вы порадуетесь, на них глядя. Ар[тамон] З[ахарович] был на горячих водах, чрез пять недель возвратясь, нашел, что дети сделали успехи, и радовался, видя их такими здоровенькими. Слава Богу, все хорошо. Да поможет Господь и на будущее время все к лучшему.

Когда вы возвратитесь, сделаем экзамен детушкам, вы им привезите книг, гостинцев разных, чтобы поощрить их прилежание. Пожалуйста, добрейшая Парасковья Андреевна, будьте спокойны о детях. Если Бог продолжит, что все так пойдет, как о сю пору, то можно благодарить Господа, Его святою помощью дети ваши не потеряют времени напрасно. Закон Божий сами преподаем, и когда вы возвратитесь, устроим по вашему желанию, время не уйдет.

Они всегда с большим любопытством слушают, когда читает им и толкует Алек[сей] Петр[ович] катехизис. Ар[тамон] З[ахарович] и Петр Иванович кланяются вам, муж мой тоже. Пишите нам чаще, мы все очень грустим, когда долго нет от вас известий. Прощайте, будьте здоровы, веселы и благополучно возвращайтесь к нам. Ан[дрею] В[асильевичу] дружески кланяюсь. У нас все по-старому. Я всегда дома, городское мне мало известно, потому не передаю вам никаких новостей. Да нам ли отсюда говорить о новостях, когда вы теперь в большом свете. Знакомые меня посещают, была однажды и Анна Прокофьевна с Еленочкой¹. А я все не соберусь, так трудно выбраться из дому.

Обнимаю вас, добрейшая Парасковья Андреевна. Да сохранит вас Господь обоих в добром здравье и поможет во всех предприятиях.

Преданная вам М. Юшневская.

ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–6

Примечание

¹ Возможно, жена и дочь *Гавриила Егоровича Тюменцева*, статского советника, члена Иркутской комиссариатской комиссии.

4

20-го октября

Добрейшая Парасковья Андреевна и Андрей Васильевич, посылаю вам кулич на новоселье. Примите мои самые искренние желания быть вам счастливыми со всем вашим семейством в новом вашем доме. Поверьте, что усерднее меня нельзя желать вам всего доброго, а Бог милостив, благословит жизнь вашу и поможет во всех предприятиях ваших. Обнимаю вас от души, добрый друг мой Парасковья Андреевна, может, выпадет немного снегу, то завтра сама у вас побываю. Пожмите руку дружески доброму Андрею Васильевичу за меня и поцелуйте детей.

Усердно преданная вам Мария Юшневская.

ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 7

29-го июля [1848]*. Кяхта

Добрая, почтенная Парасковья Андреевна, чепчики, оставленные Люб[овью] Ал[ександровной] у вас для отсылки ко мне, я получила, благодарю вас за них. Они очень не новенькие, но фасон хорошенький, и я им рада, в особенности я очень утешаюсь всем тем, что напоминает мне добрых моих друзей. Люб[овь] Ал[ександровна] и Ан[дрей] В[асильевич] постоянно хранили ко мне чувство искреннее, и я им вечно остаюсь благодарною¹.

Скоро начну им писать в Казань. Ан[дрей] В[асильевич] оставил маслинчику мне на память у Ан[дрея] В[асильевича], вашего почтенного супруга, которую при случае не забудьте выслать. Жаль мне, от души жаль, что они уехали, еще более грустно, что неприятности заставили их уехать так неожиданно². Не в том дело. До меня не касаются дела их по службе, а доброту их ко мне и покойному мужу моему я никогда не забуду и до конца жизни сохранию к ним чувство душевной благодарности.

Что вы поделяваете, милая, почтенная Парасковья Андреевна, ваш милый, добрый Ан[дрей] Ан[дреевич] кончил курс и скоро к вам будет. Дай Бог ему счастья во всем. Не забудьте его обнять за меня, старушку, с искренним чувством, которое навсегда останется во мне к детям вашим и к вам. Ник[олай] Анд[реевич] еще год[ом] позже возвратится к вам. Здоровы ли Володя и Поля? Поцелуйте их за меня. Почтенного, доброго Анд[рея] Вас[ильевича] приветствую с лучшими желаниями всего доброго.

У нас скарлатин закрался на плотину, и бедная Авд[отья] Сем[еновна] схоронила двоих детей. И так остался один только старший сын из пятеро детей. Так жаль бедную Ситневу³.

Все жены, у которых мужья уехали на ярмарку, сильно тревожатся, получая известия, что холера не уменьшается и что в Нижнем Новгороде распространилась. Вера Як[овлевна] Игумнова⁴ горько плачет, у нее и муж и сын уехавши. Третьего дня возвратилась я из Усть-Кяхты. Чудесно провела время у доброй, радушной Ел[ены] П[авловны] и Ник[олая] Мат[веевича]⁵. Три дня, проведенных там, показались мне за три часа. В Кударе я гостила два раза по неделе, у них также хорошо. Но Чикой до того разливается и так часто, что неприятно делать это путешествие. Теперь уже буду сидеть дома да по силам заниматься, у меня теперь живет одна Варинька⁶. Не знаю, в сентябре не устроятся ли мои дела лучше, а теперь очень плохи.

Поруча себя вашей памяти и доброму расположению, прошу вас от меня поклониться доброй баронессе, и верьте, что навсегда с чувством привязанности самой искренней и преданности останусь готовою к услугам, Мария Юшневская.

Извините, что так дурно написала. Перо нестерпимо дурно, и чернила нехороши.

Потрудитесь от меня передать усердный поклон добрейшей Анне Прокофьевне и всему ее семейству.

ГА РФ. Ф. 1152. Оп. 1. Д. 56. Л. 9–10 об.

* Письмо датируется по времени отъезда семьи гражданского губернатора А.В. Пятницкого из Иркутска, который состоялся в июле 1848 г.

Примечания

¹ А.В. Пятницкий (ок. 1795–1856), гражданский губернатор Иркутска (1839–1848). Любовь Александровна – его жена.

² А.В. Пятницкий был отправлен в отставку в результате конфликта с вновь назначенным генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым. Убежденный в продажности чиновников и их союзе с местными богачами, Муравьев считал Пятницкого отъявленным взяточником и добился его увольнения. Узнав об этом, А.В. Пятницкий пишет донос в III-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, обвиняя генерал-губернатора в попустительстве по отношению к декабристам. Однако это не только не помогло ему сохранить должность, но и усугубило его положение. Пятницкий был уволен со строящим выговором от высочайшего имени (Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н.П. Матханова. Новосибирск, 1998. С. 310).

³ Лицо неустановленное.

⁴ В.Я. Игумнова (1811–1876), жена кяхтинского купца Гавриила Матвеевича Игумнова (1805–1888).

⁵ Игумнов Николай Матвеевич (1782–1867), кяхтинский купец. Елена Павловна (1807–?) – его жена.

⁶ Вероятно, Варенька Петухова, дочь кяхтинского пограничного комиссара П.Е. Петухова.

Л.М. Подшивалова

Из опыта работы над подготовкой к публикации писем С.Г. Волконского за 1855–1857 гг. в серии «Полярная звезда»

Иркутский музей декабристов, как учреждение, призванное не только сохранять, но и популяризировать память об исторических событиях и личностях прошедших эпох, занимается введением в научный оборот ранее не издававшихся исторических источников, в том числе мемуарного и эпистолярного жанра. Продолжает выходить в свет документальная серия «Полярная звезда», до 1999 г. издававшаяся Восточно-Сибирским книжным издательством. Еще в 1991 г. в серии были изданы «Записки» Сергея Волконского, одного из самых известных ссыльных декабристов, после отбывания каторги проживавшего с семьей сначала в деревне Урик, а затем в Иркутске¹. И именно дом Волконских стал в определенном смысле одним из центров культурного притяжения в столице Восточной Сибири.

Конечно же, Иркутский музей декабристов не мог оставить без внимания и пристального изучения все крупницы памяти, которые остались от пребывания семьи Волконских в Иркутске. Тема декабризма и личности самих декабристов воспринимаются зачастую неоднозначно, тем важнее для нас изучение эпистолярного наследия – отвлеченные исторические персоналии через призму писем и воспоминаний начинают восприниматься как живые люди, со своими человеческими радостями и проблемами, надеждами и мыслями, их жизнь в будничных и порой неожиданных деталях предстает перед нами в более понятном ракурсе. Без формирования подобного личного отношения к декабристам невозможно воссоздать полноценную историю их жизни.

С этих позиций сохранившиеся письма Сергея Григорьевича, его супруги, Марии Николаевны, и их детей, Михаила и Елены, так важны для изуче-

ния и публикации. К большому сожалению, огромный массив писем Сергея Волконского изучен и опубликован лишь в небольшой своей части. В статье, опубликованной в сборнике «Декабристское кольцо», А.А. Шалгунова сделала подробный обзор известных на сегодня мест архивного хранения, а также уже опубликованных писем Сергея Волконского².

Результат изучения таков: «Большая часть эпистолярного наследия декабриста находится в семейном архиве Волконских в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде 57. Известно, что письма С.Г. Волконского хранятся в Государственном архиве Российской Федерации – в личных архивах его товарищей-декабристов и родственников. В Российском государственном историческом архиве письма Волконского находятся в фондах 914 и 934. Фонд 914 – это семейный фонд Волконских, он насчитывает 142 единицы хранения. <...> Письма Волконского хранятся также в отделе рукописей Государственного литературного музея и в Центральном государственном историческом архиве Москвы в фонде 864, в Государственном историческом музее в фонде 282»³. «Богатая коллекция писем С.Г. Волконского представлена в Российской государственной библиотеке. Здесь в фонде 243 (Пушиных) хранится большое количество писем С.Г. Волконского к И.И. Пущину»⁴. Таким образом, очень большое количество писем Волконского (счет идет на сотни единиц) еще не известны широкому кругу исследователей и ждут своей публикации.

Первые публикации писем были предприняты еще в конце XIX – начале XX в. в ежемесячном историческом издании «Русская старина»⁵. В 1918 г., благодаря усилиям внука декабриста С.М. Волконского и историка русской литературы и основателя Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевского, вышел «Архив декабриста С.Г. Волконского» – первый и единственный том задуманной ими серии. В рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился подготовленный к печати Б.Л. Модзалевским второй том «Архива декабриста», однако он так и не увидел свет. Позже, в 1926 г., Борис Львович опубликовал 13 писем из подготовленных ко второму тому «Архива»⁶. В 1933 г. увидели свет восемь писем Сергея Волконского периода 1814–1815 гг.⁷ Через пять лет, в 1938 г., были опубликованы 13 писем к И.И. Пущину⁸.

Одной из наиболее значительных публикаций стало издание в 1961 г. правнуком декабриста Михаилом Петровичем Волконским 23 писем Сергея Волконского к И.И. Пущину⁹.

Лишь спустя 50 лет было предпринято издание значительного блока писем С.Г. Волконского. В 2011 г. Е.А. Добрынина опубликовала 36 писем декабриста дочери Елене и ее мужу Дмитрию Васильевичу Молчанову¹⁰.

Основная проблема работы с письмами С.Г. Волконского состоит не только в большом разбросе мест их постоянного хранения, но и в сложности их расшифровки. В публикации 2011 г. подчеркивалось, что «оригиналы <...> написаны неразборчивым почерком, на русском и французском языках»¹¹. На тот момент исследования музея базировались на копиях уже расшифрованных и переписанных писем – расшифровкой «занимались несколько человек, визуально определяются как минимум три разных почерка, в том числе и Б.Л. Модзалевского»¹². Напомним, что именно Борис Львович Мод-

залевский проделал огромную работу по подготовке второго тома «Архива декабриста», который постигла печальная участь. Сейчас предстоит проделать не меньшую работу по сравнению расшифровок трех переписчиков с имеющимися в доступности оригиналами писем.

Иркутский музей декабристов намерен осуществить выпуск в серии «Поллярная звезда» второго тома, посвященного Сергею Волконскому (в первом томе, напомним, были опубликованы «Записки» декабриста). В этот том планируется включить максимальное число как уже изданных писем Сергея Григорьевича, так и тех, над которыми сейчас работают научные сотрудники музея.

В настоящее время работа ведется над сравнительно небольшим корпусом писем С.Г. Волконского, составляющим 25 писем, которые относятся к последнему периоду пребывания семьи в Иркутске и адресованы сыну Михаилу. Хронологически письма относятся к периоду между 1854 и 1857 гг. Одно письмо относится к 1854 г., 19 – к 1855 г., четыре письма за 1856 г. и еще одно письмо – за 1857 г.¹³

В письмах затрагиваются самые разнообразные темы, начиная с обсуждения международных событий (в первую очередь это Крымская война), событий, так или иначе связанных с политикой, проводимой генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым (в частности, участие Михаила Волконского в организации поселенческого сплава по Амуру, инициированного Н.Н. Муравьевым), а также иркутские местные новости и, конечно, семейные дела и проблемы, с которыми в тот момент столкнулась семья Волконских. В числе последних – отъезд дочери Елены с мужем, Дмитрием Молчановым, в Москву для участия в судебных разбирательствах по так называемому занадворовскому делу (Дмитрий Молчанов, занимавший должность чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, был обвинен в получении крупной взятки и вынужден предстать перед судом в Москве)¹⁴; последующие хлопоты Елены Сергеевны в Петербурге о высочайшем разрешении для Марии Николаевны выехать из Иркутска в Центральную Россию для лечения; приезд старшей сестры Сергея Волконского, светлейшей княгини Софьи Григорьевны, в Сибирь, их поездки за пределы Иркутска; отъезд Марии Николаевны с внуком Сергеем из Иркутска и прочее.

С.Г. Волконский, находясь почти постоянно в Иркутске и лишь изредка имея возможность выезжать за его пределы (в частности, на лечебные воды) – с обязательным согласованием своих перемещений с местными властями, тем не менее старался быть в курсе событий, так или иначе связанных с его товарищами-декабристами, находящимися в Енисейском крае, в Западной Сибири, в Забайкалье. Он поддерживал регулярную переписку с Иваном Ивановичем Пушным (о публикациях части его писем было сказано выше). Сопоставление информации из этих писем, а также из воспоминаний современников значительно обогащает и уточняет разные аспекты, связанные с жизнью семьи Волконских в Иркутске.

Одна из интересных страниц этих писем – визит старшей сестры Сергея Волконского в 1854–1855 гг. в Сибирь. В монографии о С.Г. Волконском

петербургского исследователя Н.Ф. Караш обозначены основные моменты пребывания Софьи Григорьевны в Иркутске, ее поездки с братом за Байкал – в том числе и по тем местам, где в свое время Сергей Волконский отбывал каторгу¹⁵. Отчасти подробности этой поездки известны нам из писем к И.И. Пущину. Сначала Сергей Григорьевич делился предварительными планами на поездку: «Я был летом в Селенгинске; кажется, буду еще зимой с сестрой проездом в Кяхту и тогда завернем в Петровск»¹⁶; «Я опять в путь – кажется, сестра непременно хочет посетить Нерчинский край»¹⁷. Затем, уже по факту, он описывает и само путешествие. Примечательно описание поездки в Забайкалье: «Не писал к тебе потому, что два месяца с половиной был в отпуске из Иркутска <...>. Выехав в самый первый день Светлой Пасхи, сперва мой путь был направлен в Шилкинс[кий] завод, где пробыл в соседстве оного в станице Куларге и в самой Шилке недели три с твоим крестником. <...> Много я объездил, был в Чите и видел Д[митрия] И[ринарховича] (Завалишина. – Л.П.) – тот же вертлявый и беспокойный человек; был в Благодатском, видел старое пепелище наше, назначенное в слом уже несколько лет <...>. Был в Акатуе и на могиле М[ихаила] С[ергеевича] (Лунина. – Л.П.), на которую капнула слеза моя как дань дружбы и товарищества, был в Большом Нерчинском и Александровском заводе, где видел тому несколько лет туда прибывших, видел что хотел видеть, что должен был видеть»¹⁸.

Из писем к сыну Михаилу также можно найти некоторые дополнительные подробности об этой интересной и еще не до конца изученной поездке. В частности, это два письма из Сретенска (в письме обозначено как Встретинское), датированных 13 и 15 апреля 1855 г. В это время Сергей Григорьевич с сестрой Софьей и ее компаньонкой Аделаидой Пэт живут недалеко от Нерчинска, имея возможность встречаться с Михаилом (который в это время был задействован в подготовительных мероприятиях для первого поселенческого сплава) и надеясь в том числе на участие в поездке генерал-губернатора далее по Амуру. Об этом свидетельствуют слова: «Дорогой Миша, неожиданный приезд нарочного от Ник[олая] Ник[олаевича] дает мне возможность написать тебе несколько строк. Мы здесь поживаем скучненько и голодненько и ждем <...> проезда Ник[олая] Ник[олаевича], чтоб пристать к его плаванью, если он нас примет, в чем не сомневаюсь для сестры и Adelaide, а мне если не будет места, то прими к себе. Наша жизнь очень единообразна, встанем заперво сестра и я – Аделаида полощется и сестра вдоволь, чай и обед весьма нежирный, после обеда я сплю как можно продолжительнее, потом чай, а вечером общее преследование и истребление тараканов и так успешно, что и Кат[ерине] Ник[олаевне] можно бы безбоязненно переехать сюда, просто смех смотреть на нас, дай Бог, чтоб так быстро и успешно преследовали англо-француз[ов] в Крыму»¹⁹.

Софье Григорьевне так и не удалось составить компанию генерал-губернатору в этой поездке – в Сибирь из Петербурга было отправлено специальное письмо, запрещавшее дальнейшее путешествие светлейшей княгини²⁰.

В дальнейшем, поскольку поездка вверх по Амуру не состоялась, брат и сестра Волконские предприняли поездки из района Нерчинска в достаточно

отдаленные места Забайкальского края: крайним пунктом на востоке стал Благодатск (Нерчинский большой завод), на юге – Александровский завод и Акатуйская тюрьма, на севере – Сретенск. По времени такое значительное путешествие заняло около двух месяцев – к середине июня 1855 г. Волконские уже возвращаются в Иркутск.

Спустя месяц в письме к сыну от 22 июля 1855 г. Сергей Григорьевич делает приписку: «Всем твоим переселенцам сто приветствий, сто добрых желаний, авось помнут меня, и хотя я много кричал, но уверь их, что у меня такое же доброе сердце, как у тебя, а твое они испытали»²¹.

Таким образом, даже несколько писем при тщательном изучении могут дать очень важные и интересные сведения, которые значительно дополняют картину пребывания декабристов, в частности семьи Волконских, в Сибири, поясняют их отношение и причастность к значительным историческим событиям, затронувшим весь Сибирский и Дальневосточный регион в середине XIX в.

Изучение писем Сергея Волконского и их публикация позволят не только закрыть белые пятна, которые до сих пор существуют в биографии декабриста, но и прояснить некоторые моменты, связанные с внутренней российской политикой в Сибири периода губернаторства Н.Н. Муравьева. Письма должны помочь раскрыть картину жизни сибирского (в частности, иркутского) общества, взаимоотношения между декабристами, их семьями и представителями разных социальных слоев общества, добавить красок в их внутрисемейные отношения, показать их настоящими, живыми людьми, которые были интересны не только своим современникам, но и нам, их далеким потомкам. Как бы то ни было, история общества складывается в том числе и из частных историй людей и их взаимоотношений. Сохранение памяти о выдающихся людях ушедших эпох – это одна из наших основных задач как исследователей и как потомков.

Примечания

¹ *Волконский С.Г.* Записки / изд. подгот. А.З. Тихантовской, Н.Ф. Караш, Б.Н. Капелюш. Иркутск, 1991 / серия «Полярная звезда».

² *Шалгунова А.А.* Эпистолярное наследие С.Г. Волконского: проблемы и перспективы публикации // *Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст.* Иркутск, 2018. Вып. 4. С. 103–107.

³ Там же. С. 106.

⁴ *Караш Н.Ф.* Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. Иркутск, 2006. С. 14.

⁵ *Трефолов Л.* Отношения иркутского архиепископа Нила к декабристам (Письма княгини Е.И. Трубецкой, князя С.П. Трубецкого и князя С.Г. Волконского) // *Рус. старина.* 1899. № 9. С. 559–569; *Записки А.М. Линдена* // Там же. 1905. № 4. С. 108–143.

⁶ *Модзалевский Б.Л.* Декабрист Волконский в каторжной работе на Благодатском руднике // *Бунт декабристов: Юбил. сб. 1825–1925. Л., 1926.* С. 332–360.

⁷ Письма С.Г. Волконского к П.Д. Киселеву. 1814–1815 гг. // *Каторга и ссылка.* 1933. № 2. С. 93–121.

⁸ *Летописи Государственного Литературного музея / под ред. Н.П. Чулкова [Письма и архивные материалы].* М., 1938. Кн. 3. Декабристы. С. 89–153.

⁹ *Волконский М.П.* Письма декабриста С.Г. Волконского // *Записки Отдела рукописей ГБЛ.* М., 1961. Вып. 24. С. 352–408.

¹⁰ Добрынина Е.А. Письма декабриста С.Г. Волконского // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 140–226.

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Там же.

¹³ ИРЛИ. Ф. 57. № 65. Оп. 1. Л. 1–81.

¹⁴ Подробнее о «занадворовской истории» см.: Гаращенко А.Н., Добрынина Е.А. Дело о лихолателе и лихоимце, или «Занадворовская история»: хроника события // Декабристское кольцо. Вып. 4. С. 11–44.

¹⁵ Карааш Н.Ф. Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. С. 292.

¹⁶ Летописи Государственного Литературного музея. Кн. 3. Декабристы. С. 108.

¹⁷ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 389.

¹⁸ Там же. С. 390.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 57. № 65. Оп. 1. Л. 71.

²⁰ Карааш Н.Ф. Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. С. 293.

²¹ ИРЛИ. Ф. 57. № 65. Оп. 1. Л. 8 об.

Н.Ф. Мусабилова

Обзор корпуса документов М.Н. Волконской

Письма выдающейся русской женщины княгини Марии Николаевны Волконской (1804–1863) занимают особое место в ряду эпистолярного наследия декабристской эпохи. Причин тому множество. Она самостоятельно приняла решение разделить судьбу мужа, восстав не только против мнения окружающих, но и против своего дочернего послушания, привитого ей с детства; она одной из первых оказалась в Сибири, разделив с мужем самый тяжелый из этапов каторги – Благодатский; она была музой и другом великого Пушкина. Воспоминания Волконской о сибирской жизни, написанные по просьбе ее детей, короткие, но живые и честные – признак того, что и сама она была далеко не заурядной писательницей.

Эпистолярное наследие Марии Николаевны в основном сосредоточено в архиве Волконских, который находится в ИРЛИ (Пушкинском Доме), в фонде 57. Это семейный архив, насчитывающий 1181 единицу хранения за временной промежуток с 1751 по 1917 г. Основу архива составляют письма, найденные весной 1915 г. внуком декабриста Сергеем Михайловичем Волконским в его петербургской квартире. Письма были завернуты в серую бумагу, запечатаны сургучом и перевязаны тесемками. Надписи на пакетах сделаны Сергеем Григорьевичем Волконским. Находка содержала письма с 1803 по 1865 г.¹ Архив, согласно краткому описанию его содержания на официальном сайте ИРЛИ, содержит следующие материалы М.Н. Волконской: «заграничные паспорта, свидетельство о смерти и погребении, письма М.Н. Волконской должностным лицам А.Х. Бенкендорфу, П.П. Воейкову, С.Р. Лепарскому, А.Ф. Орлову и другим о судьбе детей, о переводе С.Г. Волконского из Урикского селения в Иркутск и др., письмо Николая I М.Н. Волконской с повторением предупреждения, касающегося ее поездки в Сибирь. Переписка с родными и родственниками: Волконскими, Кочубеями, Молчановыми, Орловыми, Раевскими, Репниными. Также там находится переписка С.Г. и М.Н. Волконских по делам владения именными

и домом в Одессе. Журналы регистрации писем за 1829–1836 гг. с пометами, записями, в том числе с выражением благодарности А.С. Пушкину за эпитафию Николеньке (1828)»².

Часть писем княгини Волконской рассредоточена по разным архивным хранилищам. Из них большая часть хранится в *ОПИ ГИМ*, в собрании Петра Ивановича Шукина и в бумагах Раевских – Бороздиных. Письма хранятся в *ГА РФ*, в фонде 1146, в *РГИА*, в фонде 844, в котором собраны материалы светлейших князей Волконских, а также в фондах 914 и 1035, содержащих материалы князей Репниных³. Сведений о точном количестве писем, находящихся в этих архивах, в открытых источниках нет, однако электронные описи столичных архивов дают нам весьма четкое представление о количестве и объеме дел, в которых находятся письма, что значительно облегчает процесс отбора материалов для копирования.

Разумеется, внушительная доля эпистолярного наследия Волконской осела в архивах других декабристов, благодаря переписке изгнанников. Так, к примеру, Мария Николаевна активно содействовала приезду в Сибирь Камиллы Ле-Дантю, став с 1828 г. главной корреспонденткой семьи Ивашевых. Марией Николаевной написаны письма к Екатерине Уваровой, сестре декабриста М.С. Лунина: она писала под диктовку Лунина в Чите и Петровском Заводе вплоть до 1836 г. У Волконских, друзей и фактически главных душеприказчиков Лунина, сохранился важный комплекс его документов; из семьи Волконских рукописи перешли в распоряжение Б.Л. и Л.Б. Модзалевских и ныне находятся в *ИРЛИ*, в фонде 187. В *ГА РФ*, в фонде 279 (Якушкиных), хранится список писем, правда неполный, сделанный рукой Марии Николаевны; несколько писем, адресованных Уваровой, находятся в фонде 339 *ОПИ ГИМ*. Мария Волконская также переписывалась с родственниками А.З. Муравьева. Четыре декабристки взяли на себя ведение переписки декабриста. Большая часть писем из Благодатска, Читы и Петровского Завода написана рукой М.Н. Волконской, в Чите к ней присоединились А.Г. Муравьева, Е.И. Трубецкая, а после смерти Муравьевой – М.К. Юшневская. Только благодаря усилиям этих женщин Артамон Захарович смог установить связь с женой и другими родственниками из России. Всего было выявлено 54 письма Волконской, 78 писем Муравьевой, 88 писем Трубецкой и 50 писем Юшневской. Автографы хранятся в *ИРЛИ*, в фонде 605. Тринадцать писем были опубликованы в 2001 г. историком Т.Г. Любарской⁴. В 2010 г. в серии «Полярная звезда» вышел том, посвященный Артамону Захаровичу, где Т.Г. Любарской были опубликованы все 54 письма Марии Николаевны.

Несмотря на то что личность М.Н. Волконской в российской истории не утрачивала своей популярности, о ней много писали ее современники и декабристы, тем не менее до сих пор нет полноценной научной биографии этой удивительной женщины. При этом книг о героических женах написано немало. Помимо собственных мемуаров декабристок, сегодня пользуются большой популярностью такие произведения, посвященные им, как: «Русские женщины» Н.А. Некрасова, «В добровольном изгнании» Э.А. Павлюченко, «Подвиг любви бескорыстной» и «Несчастью верная сестра» М.Д. Сергеева.

Эти произведения, однако, являются художественной интерпретацией реальных исторических событий и основаны на эпистолярных документах лишь частично. Из биографических произведений о княгине Волконской в России самым известным изданием считается книга из серии ЖЗЛ «Мария Волконская» М.Д. Филина, избилующая домыслами и тенденциозным подбором фактов, несмотря на использование автором серьезных научных публикаций. За рубежом популярна «The princess of Siberia»⁵ Кристины Сазерленд – чистой воды беллетристика, лишь вдохновленная реальной историей.

Дело в том, что интересы специалистов, работавших в разное время над этой темой, были очень различны, что лишало каждую работу непредвзятости и объективности. Письма зачастую публиковались лишь фрагментарно, в угоду той или иной концепции произведения. За всю историю декабристведения существует не так много работ, в которых письма М.Н. Волконской публиковались бы без купюр.

Далее приводим сведения о публикации писем Волконской за 140 лет.

1878

Первая публикация писем Волконской была в журнале «Русская старина» и включала в себя краткий биографический очерк (написанный со слов некой г-жи Навосильцевой) и два письма. Оба адресованы свекрови, А.Н. Волконской, которую Мария Николаевна называет не иначе как «обожаемая маменька». Одно письмо, от 8 декабря 1829 г., было напечатано в переводе на русский язык, правда с пропусками, в июньском номере за 1878 г. В сентябре 1829 г. Мария потеряла отца. «<...> столько упрекала себя за письма, которыми огорчала отсюда обожаемого отца, – писала она свекрови, – а накануне своей смерти он говорил обо мне с похвалой и любовью, показывая мой портрет доктору Фишеру». Там же напечатано и письмо от 5 июля 1829 г. Тогда Волконским уже было позволено разделить камеру тюрьмы Петровского Завода, и Мария сообщает свекрови не без горечи: «Сегодня Сергиев день, милая маменька, и с тех пор, как мы женаты, я имею в первый раз счастье провести его с мужем». Подлинник этого письма не сохранился⁶.

1884

В 1884 г. в журнале «Исторический вестник» выходит статья М.М. Хина, значительная часть которой посвящена М.Н. Волконской⁷. В статье приводятся два письма княгини Волконской, которые были ранее опубликованы в журнале «Русская старина». Позже они не раз публиковались в различных трудах, посвященных княгине Волконской и другим женам декабристов⁸.

1902–1904

В 1902 г. Михаил Волконский опубликовал «Записки» своего отца. Помимо основного текста «Записок» с комментариями и примечаниями Михаила Сергеевича, в приложении с пометкой: «из семейного архива»

помещено письмо Марии Николаевны графу А.Ф. Орлову от 25 февраля 1846 г. Волконская просит графа «исходатайствовать милостивое соизволение Государя Императора на разрешение сыну поступить приходящим учеником в Иркутскую гимназию», так как у нее «нет более родителей и нет никого, кто мог бы за нее ходатайствовать»⁹.

С такой же пометкой, но уже в «Записках» самой Марии Николаевны Михаил Сергеевич публикует ее письмо, адресованное брату, А.Н. Раевскому. В этом письме она выражает опасения из-за возможного насильственного разлучения детей с родителями после повеления императора отдать детей декабристов в казенные учебные заведения с изменением родовой фамилии¹⁰.

1912–1915

В пятитомнике «Архив Раевских», который публиковался П.М. Раевским и Б.Л. Модзалевским с 1908 по 1915 г., письма М.Н. Волконской содержатся лишь в последних двух томах¹¹. Адресованы они А.М. Раевской (урожд. Бороздиной), жене Н.Н. Раевского-младшего.

Обширный корпус писем Марии Николаевны был подготовлен к печати историком русской литературы и общественной мысли, известным публицистом и переводчиком М.О. Гершензоном для первого тома «Русских пропилеев». Письма, печатавшиеся отчасти с подлинников, отчасти с копий, были адресованы княгине А.Н. Волконской и сестре мужа, княгине С.Г. Волконской. Автор публикации поясняет: «Письма эти обнимают время с февраля 1827 г. по октябрь 1831-го, но с большими пробелами: пропали все письма за 1828 и 1830 годы и часть писем за годы 1827-й и 1829-й, как это видно по нумерации уцелевших»¹².

В этом издании повторно печатаются «для полноты» письма от 5 июля и 8 декабря 1829 г., до этого уже опубликованные в «Русской старине» и «Историческом вестнике».

1916

Девять писем М.Н. Волконской к М.И. Козенс, сестре декабриста А.И. Вегелина, были опубликованы в журнале «Огни» за 1916 г. Пачка писем была передана публикатору А.А. Сиверсу от потомка Вегелина с надписью: «Письма, писанные г-жою Волконской, Нарышкиной, Ентальцевой и другими дамами об Александре Ивановиче Вегелине, коему запрещено было писать, из Читинского острога, потом из Петровского Завода от 1828 г. до 1832 г.»¹³. Письма опубликованы на французском и русском языках.

1925

К столетию восстания декабристов вышел в свет сборник материалов и статей «Декабристы на каторге и в ссылке». В одноименной статье С.Я. Штрайха приводятся 26 переведенных на русский язык писем декабристов и их жен, которые «<...> представляют большой интерес вообще для истории пребывания декабристов на каторге и в частности –

для жизнеописаний наиболее видных из них. Представляют они также ценность как материал для характеристики русской женщины пушкинской эпохи¹⁴. Важную роль в создании этой публикации сыграла правнучка С.Г. Волконского Е.Г. Никулина-Волконская, которая помогла в разборе и переводе рукописей. Особое значение этих документов в том, что «они самыми яркими, остро волнующими словами изображают переживания и чувства декабристов в первый момент вступления в каторгу, <...> первым откликом отмечают впечатления «государственных преступников» и их жен при переезде в Петровскую каторжную тюрьму <...> и дают несколько новых штрихов к обрисовке жизни декабристов в первые годы поселения, характеризуют их семейные интересы в тюремной обстановке, рисуют их взаимоотношения с оставшейся в России родней <...>»¹⁵.

Из 26 опубликованных писем десять написаны женами декабристов, в их числе письмо М.Н. Волконской к свекрови от 21 октября 1832 г.

1926

34 письма М.Н. Волконской были опубликованы в Трудах ГИМ в 1926 г. Они охватывают большой период ее жизни: от девичества до 1853 г. Автор публикации, сотрудник *ОПИ ГИМ*, специалист по зарубежным рукописям и автографам О.И. Попова писала: «Большая часть писем относится к жизни М.Н. Волконской в Сибири, и только 7 писем из 34 написаны ею до отъезда к мужу. Из них 3 полуписьма, полузаписки до ее замужества. Письма адресованы к родным: 2 к отцу, 1 к матери, 10 к брату Николаю, 17 к его жене, 2 к сестрам Екатерине, Елене и Софье и 2 к сестре М.С. Лунина Екатерине Сергеевне Уваровой <...>»¹⁶. Автор, как человек, наиболее тесно соприкоснувшийся с архивом Волконских, отмечала несколько интересных особенностей, связанных с состоянием архивного материала: «<...> чернила в некоторых письмах выцвели или расплылись, и потому письма читаются трудно». Публикатор также говорила и об особой манере письма княгини: «Письма М.Н. на французском языке, писаны мелким почерком, который с годами становился все небрежнее и менее разборчив, с орфографическими особенностями, свойственными ее эпохе, а иногда и самой Волконской. Французским языком Волконская владела лучше, чем русским, в чем она сама признавалась. «Я всегда восхищаюсь вашим русским языком, – писала М.Н. декабристу И.И. Пущину, – и, отчаявшись когда-либо приблизиться к нему, я от него отказалась». Незнание родного языка было бытовым явлением в русской дворянской семье того времени, и М.Н., как видно, не представляла в этом отношении исключения»¹⁷.

Работа с письмами была продолжена, и спустя восемь лет вышел в свет биографический очерк, посвященный княгине Волконской.

1934

Очерк О.И. Поповой «История жизни М.Н. Волконской» появился в 1934 г. в журнале «Звенья». В работе было использовано множество новых архивных материалов, в том числе и никогда ранее не публиковавшиеся

письма Марии Николаевны к братьям, сестрам, отцу, матери, мужу и родственникам мужа. Также приведены письма Марии Николаевны к чете Молчановых, благополучно покинувших Сибирь, в которых она не скрывает своей радости за счастливо складывающуюся, как ей казалось в это время, судьбу дочери.

Автор также попыталась раскрыть «суть семейной драмы Волконской», которая заключалась в существовавшей, по ее мнению, связи княгини Марии Николаевны с декабристом А.В. Поджио. О.И. Попова писала: «Чьей-то заботливой и тщательной рукою изъято из архива Волконских все то, что могло бы пролить свет на самую интимную страницу ее жизни, на источник ее семейной драмы»¹⁸. Подобный подход неприемлем для тех, кто ставит перед собой цель создания объективной биографии.

1938

Всего одно письмо публикуется в третьем выпуске «Летописей Государственного литературного музея» 1938 г., посвященном декабристам. Письмо адресовано матери Марии Николаевны, С.А. Раевской, и датируется 26 сентября 1827 г. «Вот я и в Чете, нежно любимая маменька», – пишет «уставшая, разбитая» Мария Волконская¹⁹.

«Я застала госпож Нарышкину, Ентальцеву и Муравьеву в подчинении совершенно тем же порядкам, которые были предписаны нам в Благодатске; значит, мне еще очень долго предстоит видеться с мужем лишь дважды в неделю», – сетует Мария Николаевна. Далее она добавляет некоторые детали к образу декабристок в первое время их проживания в остроге: «Со всеми дамами мы как бы составляем одну семью; они приняли меня с распростертыми объятиями, – как несчастье сближает. Госпожа Ентальцева передала мне игрушки, которые послал мне мой бедный мальчик, произнося мое имя и имя отца; я была очень тронута таким вниманием этой превосходной женщины. Мы живем вместе, она – моя экономка и учит меня бережливости; помещение мое несравненно удобнее, чем в Благодатске, у меня, по крайней мере, есть место для письменного стола, пальцев и роля»²⁰.

1956

Несколько фрагментов неизданных писем М.Н. Волконской, хранящихся в *ИРЛИ РАН*, опубликованы сотрудницей Рукописного отдела Пушкинского Дома М.П. Султан-Шах в сборнике «Пушкин: Исследования и материалы». Автором приводятся два письма к З.А. Волконской от 20 марта и 25 декабря 1831 г. и еще четыре отрывка, касающиеся А.С. Пушкина, из писем к В.Ф. Вяземской от 12 июня и 19 октября 1830 г. и к С.Н. Раевской от 19 февраля 1832 г.

М.П. Султан-Шах поясняет, что «в письмах М.Н. Волконской много говорится о быте и личных переживаниях: о потере первого ребенка, а в связи с этим о настойчивом желании добиться совместной жизни с мужем, о беспокойстве о здоровье своем собственном и близких, о смерти отца, Н.Н. Раевского, сообщается о детях, родившихся в Сибири, и т. п.»²¹

1995

В 1995 г. в статье «Письма жен декабристов А.Х. Бенкендорфу», опубликованной в сборнике А.Д. Марголиса «Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки», автор приводит шесть писем декабристок, среди которых одно письмо М.Н. Волконской, датированное 7 июня 1830 г. Мария Николаевна, будучи на тот момент на последнем месяце беременности дочерью Софией, пишет генералу переполненное горем от недавней потери первенца, а следом и отца письмо, где умоляет его посодействовать прорубке окон в камерах тюрьмы Петровского Завода. Письмо это, как выражается сама княгиня, «крик горя человека, матери, раздавленной обрушившимся на нее ударом»²².

Для нас наибольшую ценность представляют письма сибирского периода. В них раскрываются подробности жизни декабристского сообщества, взаимодействия семей декабристов с родственниками и друзьями и отражаются те, казалось бы, незаметные на первый взгляд детали, которые раскрывают род их занятий и круг интересов, ту жизнь, которая была для писавших простой повседневностью, а для нас, сегодняшних, стала историей.

В 4-м выпуске сборника «Декабристское кольцо» опубликованы письма М.Н. Волконской из «Архива Раевских», переведенные на русский язык. В публикацию включены 12 писем М.Н. Волконской и два фрагмента, содержащие приписки Марии Николаевны к письмам родных.

В настоящее время в музее продолжается работа с письмами М.Н. Волконской за 1829, 1832 и 1835 гг. из фонда Волконских *ИРЛИ РАН*. Это корпус материалов, расшифрованных и переписанных с оригиналов Б.Л. Модзалевским и его коллегами для издания «Архива декабриста С.Г. Волконского»²³. Это издание, как известно, не было закончено. Архив не был опубликован в предполагавшемся объеме.

Сейчас музей располагает копиями писем М.Н. Волконской, подготовленных для издания архива декабриста. Комплекс 1829 г. насчитывает 203 письма, которые переписаны преимущественно понятным, разборчивым почерком. Большая часть материалов на французском языке, за исключением писем к Е.А. Мухановой (1), Ф.И. Фаленбергу (1), М.В. Аврамову (3), Н.Ф. Лисовскому (1), А.В. Ентальцевой (3), Н.И. Бечасновой (1), М.К. Юшневской (1), М.А. Лыковой (1). Таким образом, из 203 писем в переводе нуждается 191 письмо.

За 1832 г. насчитывается 128 писем. На листах пометы – расшифровки имен адресатов и различные пояснения, которые очень помогут в последующем комментировании. Преимущественно все письма на французском языке, за исключением писем к А.В. Ентальцевой (3), И.Ф. Фохту (1), Н.Ф. Лисовскому (2), Ф.М. Башмакову (1), И.Б. Цейдлеру (1). Необходимо перевести на русский 120.

Письма за 1835 г. частично были переведены при подготовке выставки «Бедная Нелли», которая работала в музее в 2017–2018 гг. Этот блок из 63 писем также был обработан Б.Л. Модзалевским для включения в «Архив

декабриста С.Г. Волконского». В музее все эти письма переведены на русский язык.

Современный уровень доступности информации открывает нам широкие перспективы для работы над написанием научной биографии М.Н. Волконской, но работа эта сопряжена с большими сложностями, а ее объем весьма велик.

Одной из проблем является удаленность всех архивных хранилищ от Иркутска и отсутствие во многих из них доступной виртуальной поисковой системы.

Другая проблема – это расшифровка и перевод писем. Общение и переписка на французском языке были бытовым явлением в русской дворянской среде того времени. Неразборчивость почерка, угасание чернил, многочисленные ошибки, стилистика языка, присущая эпохе, – основные проблемы, возникающие при переводе текстов.

Одна из основных задач, стоящих сейчас, – выявление полного перечня сохранившихся писем М.Н. Волконской и определение круга ее адресатов. Планомерная работа сотрудников музея по переводу и комментированию писем позволит в дальнейшем написать научную биографию княгини Марии Николаевны Волконской, основанную на ее эпистолярном наследии, на воспоминаниях ее современников и других документальных источниках.

Примечания

¹ *Волконский С.М.* Воспоминания. О декабристах: по семейным воспоминаниям. Разговору. М., 1994. С. 6.

² Рукописный отдел Пушкинского Дома. Электронный каталог.

³ Неизданные письма М.Н. Волконской // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 5.

⁴ *Любарская Т. Г.* Письма М.Н. Волконской и А.Г. Муравьевой к В.А. Муравьевой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2001. С. 39–41.

⁵ Принцесса Сибири (англ.)

⁶ Мария Николаевна Волконская // Рус. старина. СПб., 1878. Июнь. С. 339.

⁷ *Хин М.М.* Жены декабристов // Ист. вестник. СПб., 1884. Т. 18. С. 650–683.

⁸ Жены декабристов: сб. историко-бытовых статей / сост. В.И. Покровский. М., 1906. С. 36–38.

⁹ *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского / с предисл. и прил. издателя кн. М.С. Волконского. СПб., 1902. С. 493.

¹⁰ *Волконская М.Н.* Записки княгини Марии Николаевны Волконской / с предисл. и прил. издателя кн. М.С. Волконского. СПб., 1904. С. 180.

¹¹ Архив Раевских / изд. П.М. Раевского; ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. СПб., 1912. Т. 4 ; 1915. Т. 5.

¹² Письма кн. М.Н. Волконской из Сибири 1827–1831 гг. // Рус. пропилеи: Материалы по истории русской мысли и литературы / собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1915. Т. 1. С. 1.

¹³ *Сиверс А.А.* Письма жен декабристов о Вегелине // Огни. Пгт., 1916. Кн. 1. С. 121.

¹⁴ *Штрайх С.Я.* Декабристы на каторге и в ссылке (26 неизданных писем) // Декабристы на каторге и в ссылке: сб. новых материалов и статей. М., 1925. С. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Неизданные письма М.Н. Волконской. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 5–6.

¹⁸ *Попова О.И.* История жизни М.Н. Волконской // Звенья: сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. М.; Л., 1934. Вып. 3–4. С. 28.

¹⁹ Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 3. Декабристы. С. 89.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ *Султан-Шах М.П.* М.Н. Волконская о Пушкине в ее письмах 1830–1832 годов // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 257.

²² *Марголис А.Д.* Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. С. 86.

²³ Архив декабриста С.Г. Волконского. Пг., 1918. Т. 1. До Сибири.

Декабристование: историко-краеведческие исследования

Б.Г. Кубалов

**Амурская компания. 1858–1865 гг.
(К истории капитализма в Сибири)**

Предисловие от публикатора

На страницах «Вестника Иркутского музея декабристов» мы уже обращались к творческому наследию Б.Г. Кубалова¹. В Государственном архиве Иркутской области (ГИАО) в фонде ученого в двух делах сосредоточены несколько версий статьи, выписки, черновики, относящиеся к периоду с 1956 по 1960 г.² Все это говорит о длительной работе автора над темой. Для публикации мы взяли вариант, датированный 1960 г., самый поздний из всех имеющихся – «Амурская компания. 1858–1865 гг. (К истории капитализма в Сибири)». Эту работу можно рассматривать как продолжение знакомства с неопубликованными материалами Бориса Георгиевича, поэтому мы не будем повторять сведений об авторе³. По нашему мнению, данное исследование деятельности Амурской компании является до сих пор наиболее интересным и не потерявшим актуальности, хотя текст написан более 60 лет назад с учетом публикаций и научных изысканий того времени, но тем не менее важно отметить, что работа не имеет какого-то ярко выраженного идеологического налета. В целом статья посвящена теме экономического освоения края и роли в этом отдельных личностей. Она подготовлена на большой источниковедческой базе. Автором был тщательно проработан архивный материал, особенно переписка членов семьи Белоголовых, хранившаяся в то время в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, публикации в прессе середины XIX в.

Но нужно отметить, что возникли затруднения в получении архивных материалов из Иркутского архива, о чем свидетельствует письмо Б.Г. Кубалова к известному иркутскому историку Ф.А. Кудрявцеву от 12 февраля 1957 г., в котором Борис Георгиевич сетует: «Мною закончена работа в объеме 5–6 п. л. из истории капитализма в Сибири – “Амурская компания” (1858–1865 г.). Хорошо помню, что в арх. ген.-губ. имелись дела

¹ Кубалов Б.Г. С.Б. Броневский и его донос 1837 г. / публ. и примеч. И. Бедулиной и А. Гарашенко // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов : сб. ст. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 123–139.

² ГИАО. Ф. р-2873. Д. 26 – Амурская К^о. Материалы. 1956; Д. 27 – Амурская К^о. 1858–1865 гг. (К истории капитализма в Сибири). М., 1960.

³ Бедулина И.П. Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966) // Декабристское кольцо. Вып. 1. С. 116–122.

о ней. Читальный зал Моск. обл. архива, где я знакомлюсь с его богатством, дважды в 1955 г. обращался в Ирк. арх. с просьбой выслать для меня 3–4 дела об Ам. К°, там все время молчали и только после того, когда инспектор ГАУ т. Фейнберг ревизовал в мае 1956 Ирк. архив в читальный зал Московского упр., были высланы три дела. 8 окт. и 17 дек. Опять-таки дважды Моск. обл. упр-ние обратилось с просьбой выслать дело о пребывании на Усури Чеботарева (карт. 1645) – предпоследнего управляющего делами К°, а также дело с жалобами Правления компании на действия в Амурской области Л. Пузино и других, отбравших “в счет будущих благ” у К° товары – архив ничего до сих пор не высылает. Так как вы у них, поскольку мне известно, состоите консультантом, то моя убедительная просьба оказать посильное содействие – убедить кого следует в необходимости выслать в чит. зал Моск. обл. архива просимые мною материалы»⁴. Неизвестно, получил ли историк все запрашиваемые им архивные дела: в рукописи имеются ссылки на Иркутский областной архив, но в большинстве случаев отсутствуют выходные данные дел, на которое ссылается Б.Г. Кубалов. Возможно, он пользовался своими выписками еще 1920-х гг., не имея возможности сделать уточнения.

Амурская компания была создана еще до окончательного присоединения Амурского края к России. Ее устав высочайше утвержден 11 января 1858 г. Учредителями компании стали отставной поручик Д.Е. Бенардаки и почетный гражданин В.Н. Рукавишников. Ее правление находилось в Санкт-Петербурге и состояло из трех директоров, а для непосредственного заведования всеми делами на месте деятельности компании учреждалась главная контора в Иркутске. Директорами были избраны Д.Е. Бенардаки, В.Н. Рукавишников, К.В. Брант, кандидатами с правом совещательного голоса – адмирал Г.И. Невельской, князь М.С. Волконский и почетный гражданин М.И. Якунчиков. Управляющим делами правления приглашен К. Сементовский (женатый на племяннице Бенардаки). Компания состояла под покровительством, а фактически под контролем местного генерал-губернатора, т. е. ее деятельность контролировалась государством. Участие государства в деле создания компании было неслучайным. Еще в 1842 г. А.К. Гирс, серьезно занимавшийся изучением и разработкой экономических и хозяйственных вопросов, разъясняя значение создания компаний на акциях, сообщал, что такие компании составляются обыкновенно для таких предприятий, которые имеют целью не только выгоды акционеров, но и благосостояние общества, поэтому их учреждение допускалось не иначе как с разрешения правительства. Этим подчеркивались общественная значимость вновь создаваемых учреждений и содействие правительства в выполнении ими своих уставных задач⁵.

Инициатором создания компании, как отмечает Б.Г. Кубалов, был Д.Е. Бенардаки, которого поддержал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев. На его взгляд, данная компания должна была походить на Российско-Американскую. Правда, по мнению купца П.И. Пахолкова,

⁴ Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов» // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 224–225.

⁵ Гирс А. О компаниях на акциях // Журнал Министерства внутренних дел. 1842. Ч. 43. № 1. С. 60–61.

Листы рукописи Б.Г. Кубалова «Амурская компания. 1858–1865 гг.

современника событий, роль в этом деле Н.Н. Муравьева была более значительной. В своих «Записках» Прокопий Иванович свидетельствовал: «Может быть, идея основать Амурскую К^о родилась в Петербурге вследствие ложных заманчивых сведений, как изустных, а также и печатных, но это “может быть” только отчасти; но всего вернее, что дело это возрождением своим обязано Муравьеву, он в приезды свои с Амура в Петербург всеми возможными средствами старался представить приобретение Амура в блестящем виде и сулил золотые горы; <...> и, зная Бенардаки за человека, обладающего громадными средствами, подстрекал его на то, а Бенардаки, в то время имея винный откуп в В[осточной] Сибири, может быть, хотя против своих личных убеждений, но в угождение Муравьеву, решился основать это дело, я подозреваю даже, что Муравьев начертал первый план, как действовать компании; мне известно, что Андрей Васильевич Белоголовый поступил в компанию по личной рекомендации Муравьева, этот факт ясно показывает, что Муравьев принимал свое влиятельное участие в делах Амурской К^о и компаньоны беспрекословно соглашались с его указаниями, таким образом, они немедленно взяли Белоголового в главноуправляющие...»⁶ Почти так же оценивал роль генерал-губернатора другой современник этих событий, В.И. Вагин: «К попыткам развития культуры в Амурском крае принадлежало и учреждение Амурской компании. Неизвестно, принимал ли граф Амурский непосредственное участие в ее делах; но почти не

⁶ Пахолков П.И. Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX век / сост., предисл., коммент. Н.П. Матхановой, публ. текстов Н.П. Матхановой, О.Т. Базалийской; отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2003. С. 201.

подлежит сомнению, что она была основана по его мысли и пользовалась его покровительством»⁷.

Андрей Васильевич Белоголовый не был столь известной и успешной в коммерческом отношении личностью, как, например, Е.А. Кузнецов или купцы Баснины, тем не менее с середины 1850-х гг. он был записан в купцы 2-й гильдии, занимался торговлей продуктами, вином, бакалеей, парфюмерией, рядом других товаров, владел маслобойкой. «По своему времени это был довольно грамотный человек. Читать, писать, грамматике и арифметике он учился у свящ[енника] Александра Мордовского, немецкому языку – у немца Осипа Питерсона и года 2 учился в иркутской гимназии»⁸, имел большую библиотеку и отличался редкой начитанностью. Любопытную характеристику дает ему тот же Пахолков: «Он был одним из тех блестящих теор[ет]иков-купцов, коими богата наша матушка Россия (а может, их есть много и за границей), обладая замечательным красноречием, зная хорошо конторскую и вообще счетную часть, этот человек способен был хоть кого увлечь, мог написать и притом написанное изложить изустно и даже доказать цифрами какое угодно коммерческое предприятие! А на практике он какое дело вел в Иркутске? Имел бакалейный магазинчик с винным погребок да жалкие золотые прииска на берегу Байкала, на которых процесс работы изображал из себя “толчение воды в ступе”! Этих обоих дел было едва-едва достаточно, чтоб прокармливать себя и свое семейство <...>. Андрей Васильевич как был теор[ет]ик раньше, так и при управлении делами Амурской К^о остался теор[ет]иком; завел во всех пунктах казенную формалистику и отчетность, было письма больше, чем дела, цены на товар устанавливал на основании предписаний из Петербурга, а не соображаясь с местными обстоятельствами; словом сказать, все приемы его в обстановке дела изобличали в нем теор[ет]ика, и следствием того все это оказалось негодно на практике»⁹. Пахолкову вторит и известный иркутский купец В.Н. Баснин: «Таких людей немного на свете: своим умом пробил себе известность. Всегда невероятный, деловой трудник. Основательность и последовательность в рассказе. С ним немногие могут спорить: дельность и логика победят хоть кого. Ум, наблюдательность, память. Столько дел – а по общественным связям и отношениям он успевает быть на свадьбе, похоронах, на именинах, в церкви, дружеском обществе и проч., проч. Меня занимала всегда эта необыкновенная подвижность. Законник и деловой писатель. Многочисленное разнообразие в делах. Я бывал свидетелем, в особенности на Макарьевской ярмарке, когда Андрей Васильевич после двадцати часов ярмарочных трудов невольно спал с пером в руке над бумагами в глубокую ночь. Не бойтесь, не заспится: едва видится утренняя заря, он уже на ногах и снова за те же труды. Так проходил целый месяц. Вы, Дмитрий Осипович¹⁰, мыслитель в особенности, философ, как говорится,

⁷ ГАИО. Ф. 162. Оп. 1. Д. 82 (ОЦ 55). Л. 20 об.

⁸ Сибирский архив: Журнал истории, археологии, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока / ред.-изд. А. Линьков. Иркутск, 1913. Янв. № 1. С. 51.

⁹ Пахолков П.И. Записки об Амуре... С. 201–202.

¹⁰ Портнов Дмитрий Осипович (?–?), иркутский 1-й гильдии купец. Сын калужского 1-й гильдии купца И.Т. Портнова. Шурин В.Н. Баснина.

извольте-ка решить трудную задачу: отчего же Андрей Васильевич не богат, каким бы следовало быть по его даровитым способностям? По-своему я решаю это простенько: кто хочет быть всегда честным, тому трудно, даже едва возможно быть большим богачом. Есть и предприимчивость, и обзор последствий, но опасения за честь удерживают от смелых предприятий»¹¹.

А.В. Белоголовый был связан со многими декабристами. С кем-то из них, особенно с А.В. Поджио, А.П. Юшневским, В.А. Бечасновым, П.А. Мухановым, у него были дружественные отношения, а с некоторыми и особо доверительные. Например, со 2 апреля 1849 г. у него на хранении находился капитал жены Волконского Марии Николаевны «в количестве 63 000 руб. асс., или 18 тыс. р. с.», за которые он платил проценты. Возврат этого капитала производился со 2 апреля 1850 г. «по частям и всегда лично самой княгине Волконской, кроме 3 тыс. р. с., выданных в Москве зятю ее, чиновнику Молчанову». Окончательная выдача состоялась 6 апреля 1853 г.¹²

Сын декабриста Михаил Сергеевич Волконский стал акционером Амурской компании и даже, несмотря на свой юный возраст (26 лет), кандидатом «на звание директора»¹³. Возможно, это произошло потому, что в 1855 г., будучи чиновником по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири, он руководил переселением крестьян из Иркутской губернии на Амур и не понаслышке был знаком с этой территорией, а возможно, и что более вероятно, этому поспособствовал Н.Н. Муравьев, находившийся в хороших отношениях с семьей Волконских. Заметим, что директорами и кандидатами на эту должность, согласно § 21 Устава, могли быть акционеры, имевшие не менее 40 акций (одна акция – 250 р. сер.). Именно столько было у М.С. Волконского, судя по переписке между ним и его отцом С.Г. Волконским¹⁴.

8 мая 1858 г. в Иркутске в доме А.В. Белоголового на Большой улице была открыта главная контора компании¹⁵.

На торжественном обеде 23 августа 1858 г., который город давал Н.Н. Муравьеву по случаю присоединения Амура, Андрей Васильевич Белоголовый призвал сибирское купечество принять самое активное участие в устройстве Амурского края – развитии торговой деятельности. Но появление Амурской компании обрадовало далеко не всех представителей местных коммерческих кругов.

На страницах «Иркутских губернских ведомостей» купечество края высказалось о том, что Белоголовый не хотел подробно говорить о будущей деятельности компании, боясь конкуренции со стороны других купцов. Как отмечал Кубалов, из представителей местного купечества «не все

¹¹ *Баснин В.Н.* Дневник в письмах. 27 сентября 1858 – 2 февраля 1859 (продолжение) // Рос. архив. Вып. 22: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. / [ред. Т.В. Померанская]. М., 2016 (Новая серия). С. 474.

¹² *РГВИА.* Ф. 801. Оп. 85/57. Д. 4. Т. 4. Л. 235–236 об.

¹³ Иркутская летопись 1857–1880 г. (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кронова) / сост. Н.С. Романов; под ред. И.И. Серебrenникова // Тр. Вост.-Сиб. отдела Имп. Рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1914. № 8. С. 20.

¹⁴ *ИРЛИ.* Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 212 об.

¹⁵ Иркутская летопись 1857–1880 г. С. 23.

склонны были считать [Амурскую компанию] предприятием полезным и необходимым для края. Одни из них опасались, что в руки компании перейдет вся торговля и компания станет монополистом в этой области, другие вообще не верили в возможность осуществления намеченной уставом программы и сомневались в способности ее дельцов “распоряжаться одинаково на территории в несколько тысяч квадратных верст”, а третьи просто предвещали ей бесславный конец, утверждая, что, “скорее всего, компания рухнет, не достигнув полезных действий”». Добавим, что имелись и обиженные тем, что не смогли приобрести акции компании и тем самым принять участие в ее деятельности.

Отчасти опасения местных коммерсантов были справедливыми.

О том, что деятельность компании изначально носила колониальный характер, свидетельствовал и состав ее акционеров. Б.Г. Кубалов точно замечает: «Организаторы компании уже при составлении ее устава твердо решили обойтись без участия сибирских капиталистов в новом деле». Он приводит слова К.М. Сементовского, управлявшего делами правления Амурской компании в Санкт-Петербурге: «Мы же всю надежду возлагаем на собственно великороссийские капиталы; надеемся, что дух предприимчивости, так неожиданно развившийся у нас во второй половине XIX в. и в таких колоссальных, огромных размерах, уделит частицу из своих миллионов и на наш отдаленный уголок империи и озарит его своим светом; надеемся, что русские капиталисты, не доверяющие компании, приедут к нам сами или пришлют своих агентов для открытия по Амуру факторий и торговли».

Такое отношение к потребностям далекой от центра территории империи вызвало ответную реакцию со стороны сибирского купечества. Его представители считали, что такие важные вопросы требовали серьезного обсуждения: «Никто не станет отрицать, что гласность подобных соображений может способствовать значительно если не к окончательному, то, по крайней мере, наиболее правомерному и целесообразному разрешению многих вопросов, относящихся до сего края. <...> При настоящих благотворных желаниях и стремлениях нашего правительства вопросы, интересующие общество, предлагать на публичное обсуждение и в свободном выражении о них мнений искать для себя верных и обстоятельных указаний на действительные общественные потребности и способы их удовлетворения...»¹⁶. Как видим, предлагался достаточно демократический подход – полная гласность!

Критика деятельности компании и ее руководителей, в частности А.В. Белоголового, а также дискуссия о ее перспективах и возможностях начались буквально с первых же дней ее создания и продолжались вплоть до ликвидации в 1866 г.¹⁷ Б.Г. Кубалов дает тщательный разбор деятельности

¹⁶ По поводу речи А.В. Белоголового // Иркутские губернские ведомости. 1858. 25 сент. С. 9.

¹⁷ См.: Там же. Неоф. ч. С. 5–10; То же // Там же. 1858. 2 окт. Неоф. ч. С. 10–18; И.П. По поводу разбора речи А.В. Белоголового // Там же. 1858. 9 окт. Неоф. ч. С. 8–10; *Wss.* Замечания на статью «По поводу речи А.В. Белоголового // Там же. 1858. 16 окт. С. 9–10; *Носков II.* Еще по поводу разбора речи А.В. Белоголового // Там же. 1858. 23 окт. С. 5–7; и т. д.

компании, опираясь на свидетельства многих современников, в том числе декабристов. Он приводит архивные материалы выписок из писем М.А. Бестужева к сестре: «Шансов в Амурской компании мало, как я вам и прежде писал; эта компания – пуф и больше ничего. Она рухнет; обычная русская купеческая замашка – драть, где можно драть»; и его же: «Амурская компания Бенардаки оказалась чистым надувательством. Она должна лопнуть. Дела ее были ведены так нечисто, что честному человеку должно благодарить Провидение, что оно избавило его от участия в них»¹⁸.

Критично оценивал положение дел в компании и отсутствие получения акционерами дивидендов С.Г. Волконский, когда писал сыну Михаилу 16 января 1860 г.: «Плохи цены акции, но вы, акционеры, в том виноваты. Журналистика показывает вам, что вы вправе делать, а вы молчите, поделом вам. Мало внести вам вклад, мало ожидать дивиденда, надо поверить счеты, выбирать дельных распорядителей, а негодных или плутов сменять их. Конечно, предприятия, по которым надо предварительное устройство, не могут выгодно идти на уровне надежды, где члены управления телега и лошадь – главные содеятели, но все-таки странно, что компании, обеспеченные дивидендом от казны, ниже пари¹⁹. Об другом нечего говорить, этот упадок может случиться, и особенно в Амурской компании, подвергнувшейся столько неудачам. Авось Н[иколай] Н[иколаевич] примет это в рассуждение и, не покровительствуя монополиям, даст ей некоторые льготы, что будет полезно и краю»²⁰. А через год, 11 июля 1861 г., Сергей Григорьевич констатировал: «Просто тебе беда с твоими акциями по Амурским и Восточным [компаниям]»²¹.

В целом критика деятельности Амурской компании и ее руководителей, как показало время, оказалась справедливой. Компания не выполнила своей основной уставной задачи – содействовать развитию торговли и промышленности в крае. Многие товары продавались не на Амуре, а, например, в Иркутске, о чем свидетельствовали объявления в газетах, такие как: «Управление Амурской компании в Сибири имеет честь довести до сведения, что полученный компаниею из Англии сахар-рафинад продается в Иркутске в магазине А.А. Белоголового и К^о, находящемся по 1-й части города, в доме наследниц Красногорова» или «Поступили в продажу полученные из Гамбурга чрез Амур бордоские вина. В погребах виноградных вин Андрея Белоголового и К^о»; «В лавке Амурской К^о, находящейся в д. Михеева, продаются вновь привезенные: сигары манильские с обрезанными концами, по 4 р. 20 к., гаванской свертки, по 4 р. 50 коп. за сто, и рис китайский, по 4 руб. за пуд. В погребе Амурской К^о, находящемся в д[оме] купца Зубова, продается вновь привезенный с Амура эль, по 1 р. 50 коп. за бутылку»²². Да и вряд ли вина и сигары были товарами первой необходимости для амур-

¹⁸ Цит. по: ГИО. Ф.р-2873. Оп. 1. Д. 27. Л. 187.

¹⁹ Возможно, эту фразу следует понимать как низкий размер дохода, значительно ниже предполагаемого.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 218.

²¹ Там же. Л. 283 об.

²² Иркутские губернские ведомости. 1861. 4 марта; Там же. 16 авг.; Там же. 1864. 10 окт.

ских жителей, они изначально были рассчитаны на другой рынок. Будучи полностью подконтрольной государству, компания испытывала на себе излишнее регламентирование ее деятельности, власть вмешивалась в ее дела вплоть до использования по собственному усмотрению принадлежавших компании товаров и средств. Ее неудачная деятельность была связана в том числе и с мировым экономическим кризисом, охватившим и Россию. Отголосок такого оборота событий встречается в переписке 1861 г. С.Г. Волконского с сыном: «Акции Франко-русских железных дорог все падают, вчера они были по курсовой отметке в 391 f. 15 с., а тому не более месяца в 438 f. Что за убыток тебе, да еще и Амурские [акции] просто страшный убыток»²³.

С 1860 г. торговые дела компании постепенно стали приходить в упадок. В ее розничных магазинах подбор товаров был далеко не полный, не отвечавший нуждам жителей края, оставалась заваль. В 1863 г. компания продала в казну свой лучший пароход «Генерал Корсаков», вскоре другой пароход, «Граф Муравьев-Амурский», был перевезен на Лену²⁴.

С начала навигации 1865 г., как отмечалось в газете Николаевска-на-Амуре, «пришло уже четыре судна, и все завалы, все бракованное, негодное, так же как и все тленные остатки Амурской К^о, проданы с бесчисленных весенних аукционов и отошли на второй план, переселившись в слободки к мелким барышникам. От этого вряд ли где в другом месте происходит такое колебание цен, почти на все предметы – как в Николаевске»²⁵.

В 1866 г. Амурская компания, как заметил П.И. Пахолков, расторгнулась в пух и прах! В.И. Вагин, работая над биографией генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, считал, что компания хотя и была задумана на широких началах, действия ее были очень неудачны: «Первые корабли ее потерпели крушение в устьях Амура; агенты ее были или неумелые или недобросовестные люди, они наводнили страну ненужными для нее товарами, и в то же время в лавках ее не было необходимых припасов; цены на все были назначены баснословные. При таких порядках компания не жила, а только влачила несколько лет свое существование; наконец она ликвидировала свои дела, оставив акционерам едва по несколько копеек на рубль»²⁶.

***

Автограф: *ГАИО*. Ф. р-2873. Оп. 1. Д. 27. Л. 116–242 (машинопись).

Публикуется впервые.

Рукопись не редактировалась и не была окончательно подготовлена к печати. Автор, приводя цитаты, не во всех случаях указывает их источник или не всегда приводит в сносках номер листа в архивном деле (эти случаи ого-

²³ *ИРЛИ*. Ф. 57. Оп. 5. № 30. Л. 288 об.

²⁴ Интересный разбор и оценки деятельности компании и ее сотрудников дает ее современник П.И. Пахолков (см.: Пахолков П.И. Записки об Амуре... С. 201–207).

²⁵ Наши домашние интересы // Восточное Поморье. 1865. 3 июля. С. 30.

²⁶ *ГАИО*. Ф. 162. Оп. 1. Д. 82 (ОЦ 55). Л. 20 об.

вариваются). Но, зная добросовестность и профессионализм Б.Г. Кубалова как исследователя по его ранее опубликованным работам, мы считаем, что издание его трудов в таком виде оправданно.

Звездочками в тексте обозначены примечания, сделанные автором. Сноски оформлены в соответствии с современными требованиями. Названия архивов и библиотек даются в написании автора, а в скобках – так, как называются теперь.

В тексте исправлены явные опiski и грамматические ошибки. Также исправлено написание географических названий, например, Ньюйорк – Нью-Йорк, Николаевск на Амуре – Николаевск-на-Амуре и т. д. Все подчеркивания в тексте сделаны Б.Г. Кубаловым.

А.Н. Гаращенко

I.

Раны, нанесенные России Крымской войной, особенно ее экономике, оказались настолько тяжелыми, что не могли быть залечены в ближайшие за Парижским миром годы. Некоторые экономисты того времени были другого мнения, они называли 1857 и 1858 гг. периодом «промышленного возбуждения». Один из них, В.П. Безобразов*, ссылаясь на высказывания «весьма серьезных людей», писал, что промышленное возбуждение достигло своей высшей точки даже в 1855–1856 гг., «о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят как о золотом времени». Подобное мнение основывалось на простом сравнении числа открываемых акционерных обществ – от одного до трех в год за последние тридцать лет, с шестью обществами, организованными в 1856 г.

Представители великороссийского капитала в лице Бочарова¹ даже в декабре 1854 г., т. е. во втором году Крымской войны, получили разрешение на организацию золотопромышленной компании под фирмой «Золотое руно». Компания учреждалась для золотого промысла на россыпях, которые она откроет или приобретет как в Западной, так и в Восточной Сибири. Причем цель организации компании объяснялась в уставе желанием учредителей «принести пользу государственным доходам и торговле Сибирского края»**.

С окончанием Крымской войны большие суммы денег оказались в руках людей, никогда не занимавшихся ни торговлею, ни промышленностью. Сюда относятся наживы от разных операций, связанных с военными действиями, с заготовками, подрядами и даже с обыкновенною канцелярскою деятельностью по этим частям. Из неудачных турецких походов, из опустошенного Крыма, из-подогнедышащих укреплений Севастополя возвратились в Россию

* *Безобразов В.П.* О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом. М., 1863. Ч. II. С. 21.

** *ПСЗ-2.* Т. XXIX. Отд. 2-е. № 28850. Ни пользы государственным доходам, ни торговле Сибирскому краю компания не принесла. В самый разгар Восточной войны не находилось желающих покупать 50-рублевые акции. С открытием же в 1858 г. золотых приисков в пределах Амурского бассейна и с организацией для разработки их нескольких компаний издававшийся журнал (эти слова вписаны поверх строки. – Ред.) «Золотое руно» успеха не имел. Компания в 18[59] приступила к ликвидации своих дел (*ПСЗ-2.* Т. XXXIV. Отд. 2-е. № 34948).

люди с огромными состояниями; внезапное промышленное оживление увлекло их... все только и хлопотали о том, утверждает Безобразов, чтобы нажиться и обогатиться. Дворяне, промышленники, купцы, нажившиеся на военных поставках, вкладывали капиталы в акционерные компании. В 1857 г. было образовано 16 компаний с капиталом в 300 млн руб. (между ними Главное общество Российских железных дорог с капиталом 275 млн руб. с участием европейских фирм), а в 1858 г. – 36 с капиталом 50,5 млн руб. Одной из таких компаний, организованных в этом году, была Амурская.

Промышленное возбуждение накануне Крымской войны и в ходе ее давало о себе знать и в Сибири, особенно в Восточной, где с открытием в конце 40-х годов XIX в. приисков в Забайкалье «золотая лихорадка» охватила не только торговую буржуазию Восточной Сибири. В надежде на быстрое обогащение к золоту потянулись капиталисты столицы, а также верхи военной и чиновной знати. В распоряжениях об отводе золотоносных площадей, публиковавшихся в «Иркутских губернских ведомостях», встречались фамилии не только восточносибирских купцов, вступавших в компании с некоторыми представителями власти на местах, но и фамилии представителей столичной аристократии и капиталистов. В числе пайщиков одной лишь Верхнеудинской золотопромышленной компании, основанной в 1848 г., находим имена графа К.В. Нессельроде², наследников графа А.Х. Бенкендорфа³, генерал-лейтенантов Л.В. Дубельта⁴ и П.Н. Игнатьева⁵, виленского генерал-губернатора В.И. Назимова⁶, князя Меншикова⁷ и других высокопоставленных лиц николаевской России*. Пайщиком одной из таких компаний был и крупнейший капиталист половины XIX в. Д.Е. Бенардаки⁸, организовавший разведочную партию для поисков руды в Малом Хингане.

Таким образом, уже с 40-х годов XIX в., с момента развития золотопромышленности в Восточной Сибири, великороссийские капиталисты успели захватить богатейшие прииски и в то же время прибрать к своим рукам винный откуп в этом крае и мануфактурную торговлю в Кяхте.

Это «промышленное возбуждение» не осталось незамеченным на западе. Ф. Энгельс писал о том, что «в России промышленность развивается колоссальными шагами и превращает даже русских бояр все более и более в буржуа»**.

Приамурский край, вопрос о возвращении которого Россией был поставлен пред китайским правительством в 1851 г., привлек к себе внимание наравне с капиталистами столицы и сибирских капиталистов.

В 1854 г. в целях защиты Камчатки от вторжения англо-французских войск генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев получил приказание Александра II «плыть по Амуру» с войском и провиантом, не дожидаясь согласия на это китайского правительства. Тогда же организуется так называемый первый амурский сплав, открывший доступ

* Кудрявцев Ф.А. Зарождение промышленности в Западном Забайкалье // Бюллетень «Бурятияведение». 1929. № 3–4.

** Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1949. Т. V. С. 247.

к Амуру сибирским и столичным капиталистам, получившим разрешение вести торговлю с народностями Дальнего Востока и с заграницей через порты Тихого океана, заниматься рыбной ловлей, разрабатывать полезные ископаемые, принимать подряды в Приамурье и в Восточной Сибири.

Если красноярский купец Кузнецов⁹ во время этого сплава продал прибрежным жителям Амура товаров на 30 000 рублей, то читинский Ланин¹⁰, иркутский Курбатов¹¹, кяхтинский Веретенников¹² и другие, направлявшиеся в следующие три года с товарами вниз по этой реке, менее всего старались заложить прочную основу для развития нормальной торговли с туземным и пришлым населением Амура. Они всецело занялись приносящей огромные барыши меной привезенного товара на меха.

Л.В. Дубельт

Большую энергию в 1856–1857 гг. развил на Амуре Паргачевский¹³, действовавший по поручению сибирских купцов Белоголового¹⁴, Зимины¹⁵, Серебрякова¹⁶. Проявляя наибольший интерес к соболям, он зимним путем пробрался от Николаевска до Усть-Стрелки, пройдя за три месяца по льду реки 3000 верст. Паргачевский не только лично менял товары на меха, но и от себя поручал производить ее нанятым приказчиком. Познакомившись с племенами, обитавшими по берегам Амура, он пришел к выводу, что в самое короткое время торговля с ними может всецело перейти к русским.

Поддерживалась и развивалась торговля с маньчжурами и китайцами. «По известиям, полученным с Амура 9 февраля 1858 года, – пишет Муравьев директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е.П. Ковалевскому¹⁷, – все прекрасно... с народом у наших войск и поселенцев дружба тесная. Куль овса покупается у жителей по 20 копеек, курица по 2 копейки, все на медную монету, которую маньчжуры предпочитают всем другим деньгам и товарам. Я употреблю все средства, чтобы не тревожить с нашего левого берега таких милых хозяев-земледельцев»*.

К.В. Нессельроде

П.Н. Игнатьев

* Барсуков И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. М., 1891. Т. II. С. 162. Сычевский Е.П. Русско-китайская торговля на Амуре в середине XIX столетия // Труды Благовещенского гос. пед. института. Благовещенск, 1955. Т. 6.

Вид Николаевска-на-Амуре

Энергично прокладывая дорогу в Приамурье и иностранный капитал.

Беспошлинная торговля на Камчатке была разрешена уже в 1855 г. В письме к товарищу министра иностранных дел И.М. Толстому¹⁸ Н.Н. Муравьев 16 августа 1856 г. высказывается о свободе торговли на Амуре. По его мнению, «открывающаяся по средствам плавания по реке Амуру торговая деятельность для всего Сибирского края, и в особенности сближение с Северо-Американскими Соединенными штатами, представляет столь важный предмет для будущности России, что в настоящее время мы должны всеми средствами содействовать этому великому делу и устранить все препятствия к его развитию. А так как эти новые открытия представляют России возможность допустить совершенно свободную торговлю, freetrade, устраняя всякие стеснительные для торговли меры, и особенно учреждение таможен», то Муравьев считает целесообразным объявить в Вашингтоне через нашего поверенного в делах, что американцы могут привозить в бухту Де-Кастри, в устье Амура и на остров Сахалин все без исключения товары без таможенных пошлин, таможенного осмотра. Во-вторых, все товары могут оттуда направляться, но на русских судах или под русским флагом, вверх по Амуру внутрь Сибири, откуда разрешается вывоз товаров в разные места также беспошлинно и без таможенного осмотра, и в-третьих, что американцам разрешается открывать «торговые конторы на устье Амура, на Сахалине и на землях, правительству принадлежащих». Такие же привилегии должны получить и сибирские купцы в США, куда они будут привозить товары из русских портов в Охотском море и на Тихом океане.

Действительно, положениями Амурского комитета, утвержденными 1 ноября 1856 г. и 4 ноября 1857 г., была разрешена беспошлинная свободная иностранная торговля в устьях Амура и вверх по реке до Мариинска, а 8 декабря 1858 г. это право было распространено и на все порты Приморской области*.

* Барсуков И. Указ. соч. Т. II. С. 147, 209.

Объявляя порто-франко на Амуре, «царское правительство фактически обрекало восточные окраины на грабеж и разорение иностранными капиталистами». Уже в 1856–1857 гг. несколько американских кораблей зашли в Амур с грузом товаров на значительную сумму. Американцы первые открыли в Николаевске торговлю. Из 11 иностранных кораблей, пришедших к концу лета 1858 г. в Николаевск, большая часть принадлежала американцам – Бордману, Верлангу, братьям Уолш, имевшим агентов в лице Якоби, Чеза, Пирса и других. Постепенно в их руки перешла почти вся оптовая торговля.

После открытия судоходства по Амuru американец Фриз¹⁹ подал в 1858 г. заявление генерал-губернатору с просьбой разрешить организацию американского поселения (колонии) в составе 30 семейств на Амуре для занятия торговлей, земледелием и судоходством. В 1860 г. в Николаевске-на-Амуре открыли операции по продаже товаров и скупке пушнины 8 агентов американских фирм, некоторые из них послали своих уполномоченных на Камчатку и в другие районы Дальнего Востока.

Присмотревшись к приемам, применявшимся у устья Амура американскими купцами, корреспондент «Петербургских ведомостей» (1858, № 265) не мог сказать, «чтобы их сделки и торговые обороты отличались особенной добросовестностью. Русские и американские купцы соперничали в искусстве пользоваться обстоятельствами и брать за копейку рубль».

Удивляться этому не приходилось; то было время, когда, по словам Ф. Энгельса, «торговля все более и более превращалась в мошенничество... и главным рычагом общественной власти стали деньги»*.

Подобные акты тогда же по достоинству были оценены сибирской общественностью. В «Иркутских губернских ведомостях» за 1857 г. № 11 читаем: «Огромная прибыль, полученная в первое время от торговли на Амуре, возбудила деятельность наших купцов: они отправляли на устье Амура огромные партии даб**, табаку и разных безделушек и до такой степени были заняты меной, что не только не снабжали наших жителей на устье Амура жизненными припасами, но даже сами нуждались в них. Соболи вскружили головы всем нашим купцам и торговцам».

Вслед за иностранными и крупными сибирскими капиталистами в погоне за наживой потянулись в Приамурье и мелкие купцы из Якутска, Гижиги и других отдаленных пунктов Восточной Сибири.

Не следует забывать и о том, что на всем северо-востоке Азии, а с 1851 г. и в пределах Приамурья действовала Российско-Американская компания, учрежденная в 1799 г. Она не только вела меновой торг с народностями, жившими на этих землях, но и отправляла по поручению правительства экспедиции для исследования ряда мест, прилегающих к Амuru. Компания пользовалась государственной субсидией и фактически была монополистом в крае.

* Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1949. Т. II (страница в рукописи не указана. – А.Г.).

** Даба – дешевая хлопчатобумажная ткань.

Таким образом, уже в начале 50-х годов, а затем в годы Крымской войны и в последующие за Парижским миром в Восточной Сибири и в Приамурье, официально еще не возвращенном России, действовали капиталисты великороссийские, иностранные и сибирские.

II.

Купечество Восточной Сибири внесло крупные жертвования на Амурское дело. Одними обещаниями грядущих выгод нельзя было долго поддерживать щедрость и «патриотическое» настроение капиталистов. Они требовали скорейшего осуществления всех их планов и надежд. Колонизация же края нуждалась в правильно развитой, честно поставленной торговле и в насаждении жизненно необходимых отраслей промышленности.

Чтобы удовлетворить требованиям торгово-промышленных кругов и в то же время добиться успеха в деле насаждения промышленности и развития торговли на территории, официально еще не возвращенной России, Н.Н. Муравьев пришел к мысли создать такие условия, при которых капиталисты могли бы выступать организованно. В 1856 г. он выдвигает идею организации «Общества пароходства и торговли на Амуре» по типу общества «Кавказ и Меркурий», пайщиком которого он состоял. При участии виднейших сибирских капиталистов был составлен устав и 4-летний план деятельности «Общества», опубликованные в «Иркутских губернских ведомостях», 1857, № 11. Помимо развития торговли в городах и селах Восточной Сибири и в портах Тихого океана, а также среди народностей, живших в Приамурье, «Общество» должно было поддерживать пароходные линии, которые связывали бы Николаевск-на-Амуре (база общества) с Шанхаем и Нью-Йорком.

Проект устава дебатировался верхушкой купечества и принят как первый этап на пути реализации ее планов.

Во время обсуждения проекта встал вопрос и о том, в чьих руках будет находиться это предприятие, в руках сибирских или великорусских капиталистов.

В статье «Проект общества пароходства и торговли на Амуре», составленной Н.Н. Х-о, надо думать, не без влияния столичных капиталистов, орудовавших в Вост[очной] Сибири, читаем: «Ожидать сибирских капиталистов для осуществления сего предприятия невозможно: они чересчур избалованы кяхтинской торговлей и золотопромышленностью. Получать 10 или 15 % верного дохода сибирские капиталисты считают делом мизерным и желают из ничего сделаться миллионерами».

Уже в 1857 г. масштаб деятельности «Общества», предусмотренный планом, оказался недостаточным, в этом году как из рога изобилия стали поступать от разных лиц и организаций проекты, один заманчивее другого. В Петербург, например, наехали представители английских компаний с разными предложениями. Одна предлагает устроить телеграф от Нижнего Новгорода до Тихого океана без единой гарантии, другая же предлагает провести на этом пути железную дорогу и телеграф, тоже без гарантий, но с условием, чтобы не менее чем на 99 лет, и дозволить по этой дороге

возить все товары с устья Амура транзитом до Москвы. В обеспечение точного исполнения предложенного проекта компания немедленно вносит в русские банки 320 млн фунтов стерлингов, т. е. 2 000 000 000 руб. серебром, и, сверх того, обязуется платить нашему правительству 7 млн руб. серебром ежегодно в знак признательности. «Каковы молодцы, – пишет своему сыну А.В. Белоголовый, – нутко вы там, политико-экономы, разложите как по пальцам, не доберетесь ли, какие у них виды при устройстве железной дороги? Мне так кажется, что не торговля сибирская, а сама Сибирь со своим необъятным незаселенным пространством соблазняет их»*.

Затем он сообщает о том, что и московские купцы также составляют компанию, ставящую свою цель завести торговлю с Камчаткой кругом света, покупать товары и возить их в Петербург. Учредители: Лосевы, Хлудовы, Солдатовы... «Еще задумана там компания Логинова с Чеботаревым, но эта, кажется, – добавляет А.В. Белоголовый, – скончалась до рождения».

Таким образом, к берегам Амура и к северо-восточным Тихого океана устремили свои взоры капиталисты Европы и некоторые из московских, поддерживавших тесные связи с кяхтинским купечеством.

В начале 1857 г. от имени американских капиталистов Коллинс²⁰ вносит предложение построить от Читы до Иркутска железную дорогу. Он считал целесообразным организовать «Акционерное общество Амурской компанейской железной дороги». Выдвигая проект, Коллинс высказывается за необходимость вовлечения в это предприятие сибирских капиталистов, между ними могли быть распространены сторублевые акции этого общества. Немудрено, что проект Коллинса восторженно был принят представителями сибирских торгово-промышленных кругов и некоторыми представителями высшей администрации, связанной с этими кругами. Начальник Нерчинских заводов, горный инженер О.А. Дейхман²¹ сообщает М.С. Корсакову²²: «Сюда приехал Дубровин²³, и мы толкуем с ним о том, какое развитие ожидает наш край и наши заводы в случае проведения дороги из Иркутска в Читу. Петровский завод сделается новым Бирмингамом²⁴, а в наших заводах разовьется промышленность, а если даст бог успеха в поисках каменного угля, то и значительно»**.

Генерал Казимирский²⁵ так пишет Корсакову из Омска: «Как вы нас всех здесь радостно всполюшили известием о железной дороге, какое счастье для Сибири! Эта дорога даст Сибири толчок на целое столетие вперед, неужели наши тяжелые умы в Петербурге не с радостью примут эту чудную мысль»***.

* Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Ф. 22 (Н.А. Белоголового). Картон 3 (номер дела в рукописи не указан). Письмо 22 дек. 1858 г. (в настоящее время *ОР РГБ. – А.Г.*).

** Государственный исторический архив Московской области. Ф. 864 ([Личный архив] М.С. Корсакова). Д. 20. Л. 218 (в настоящее время *ЦИАМ. – А.Г.*). Каменный уголь в верховьях р. Аргуни между Каймасатуевским и Дуроевским караулами разведен инж[енером] Эйхвальдом в 1858–1860 гг. (Сибирь. 1876. № 12).

*** Там же. Л. 153.

А Н.В. Буссе²⁶, военный губернатор Амурской области, рекомендуя Корсакову молодого и способного инженера Д.И. Романова²⁷, сожалеет, что тот «не говорит по-американски, а то бы они с Коллинсом устроили железную дорогу в Пекин или еще подальше»*.

Были и скептики, иронически относившиеся к проекту железной дороги вообще. Адмирал Е.В. Путятин²⁸, например, «делает престранную физиономию, когда ему говорят об Иркутско-Читинской дороге, и беспрестанно спрашивает: а кто будет ездить по ней?»**

Против проекта Иркутско-Читинской железной дороги выступил и декабрист Д.И. Завалишин²⁹, оставшийся в Чите и после амнистии 1856 г. Осуществление проекта, по его мнению, может принести России только вред. «Какое смешное ребячество утешаться отзывами какого-нибудь иностранца и делать его авторитетом, когда с первого взгляда видим неверность его оснований и не могущую быть скрытой цель... Полно же нам рассчитывать на дружбу США... давайте-ка лучше рассчитывать на себя, да постарайтесь, чтобы расчет был повернее».

Муравьев, отгадав затаенную мысль американцев, притянув Восточную Сибирь к Тихому океану, экономически закабалить край, отклонил под разными предлогами их предложение о железной дороге. Характерно, что когда с депешами об этом проекте и отрицательном к нему отношении Муравьева был отправлен в Сибирский комитет чиновник Ф. Беклемишев³⁰, то секретарь комитета В.П. Бутков³¹, ознакомившись с присланным материалом, сказал: «все представленные доводы отказа – сущий вздор. Нам нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье, так как они разовьют там свои порядки и Сибирь отвалится»***.

А министр иностранных дел А.М. Горчаков³² на донесении Муравьева, в котором излагалось предложение Коллинса, написал: «Этого еще недоставало! Проект Коллинса имеет целью посредством пароходов и железных дорог Сибирь приблизить гораздо более к Америке, чем к России».

Это все та же петербургская болезнь боязни отделения Сибири, которая туманила головы в 50-х годах прошлого века (XIX в. – А.Г.) даже таких, казалось, трезвых государственных деятелей, каким считался Бутков. Против проекта Коллинса в комитете министров рьяно выступили канцлер А.М. Горчаков и главноуправляющий путями сообщения К.В. Чевкин³³.

«Железная дорога канула в Лету, а вместе с нею наши предположения о будущем величии Верхнеудинского округа»****, – сообщает Корсакову один из его корреспондентов.

* Там же. Л. 218.

** Там же. Л. 157.

*** *Струве*. Воспоминания // Русская старина. 1879. № 1. С. 111 (Б.Г. Кубалов ошибочно указывает автором статьи Б.В. Струве, на самом деле «Воспоминания о заселении Амура в 1857–1858 гг.» принадлежат М.И. Венюкову. Не совсем точно приводится и цитата, опубликованный текст выглядит так: «Все это, что написал Чевкин, – вздор; а сущность в том, что нам нельзя пустить американцев на Амур и в Забайкалье. Они разовьют там свои порядки, и Сибирь отвалится. Вы так и скажите об этом Николаю Николаевичу». – А. Г.).

**** ЦИАМ. Ф. 864. Д. 20. Л. 334.

«Как грустно, – высказывает свое мнение другой корреспондент, – что отказали в построении железной дороги от Читы до Иркутска. Как бы она развернула этот богатый край, какой бы она толчок сильный дала всему народонаселению Сибири, не говоря уже о последствиях в торговле. Жаль, очень жаль, что есть люди русские по названию только, управляющие Россией и делающие ей всевозможное зло, стараясь как можно более поставить ее назад, отчуждают ее от всего образованного мира и от всего того, что может ее подвинуть вперед»*.

Представители великороссийского капитала, главным образом столичного, не могли безразлично относиться к попыткам американцев, проявивших интерес к Амуру, привлечь к осуществлению намеченных ими целей капиталы сибирских торгово-промышленных кругов. От их имени выступает Д.Е. Бенардаки.

Что представлял собою этот делец, какое значение он имел в глазах правящих кругов России 50-х годов и какой вес в делах Восточной Сибири?

Вот как в письме к графу Л.А. Перовскому³⁴ отзывается о нем сам Муравьев. «Бенардаки имел большие поставки по военному министерству. Я знаю, как ценятся его услуги, и едва ли мне предстоит надежда успевать в личных объяснениях о делах Восточной Сибири, когда он ворочает капиталами военного министерства, ибо нельзя забыть, что он в то же время откупщик Восточной Сибири, а здесь издревле признавалось существование двух властей, т. е. откупщика и генерал-губернатора. Было время, что это сравнение мне бы казалось обидным, но опыт – великое дело; теперь я сознаюсь, что власть Бенардаки больше моей; имеет даже власть и влияние на меня лично, а я на него не имею»**.

Крупнейший капиталист 50-х годов Бенардаки был не только главным поставщиком военного министерства. Применение своему капиталу он нашел и в Восточной Сибири, когда в 1845 г. вместе с инженером [И.]Е. Разгильдеевым³⁵ составил компанию, разрабатывавшую в Забайкалье прииск по реке Гремучей. В 1847 г. состоял одним из пайщиков Верхнеудинской золотопромышленной компании и в то же время вместе с Зиновьевым и Лопатиным³⁶ разрабатывал Николаевский прииск, оснащенный водоотливными машинами и паровыми приводящими в действие промывальными чанами (так в рукописи. – А.Г.). На прииске была построена и железная дорога***.

С 1855 г. Бенардаки сосредоточил в своих руках и винный откуп в Восточной Сибири не без задней мысли присоединить Амур к откупу. Владелец пароходства на Байкале, он одновременно являлся и пайщиком ряда предприятий, действовавших в Сибири и в Европейской России. Предприятия широкого масштаба, сулившие большую прибыль, – вот сфера его деятельности. Если Николаевский железодобывающий завод в Восточной Сибири выдавал ежегодно 18 000 пудов железа, то Бенардаки, решив арендовать завод, обещал довести его производительность до 300 000 пудов железа в год****.

* Там же. Л. 282.

** Барсуков И. Указ. соч. Т. 1. С. 248.

*** Иркутские губернские ведомости. 1858. № 22.

**** ОР РГБ. Ф. 22. Оп. 3. Д. 12 (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

С Бенардаки считались и в правительственных кругах. К нему обращались с разными просьбами такие лица, как министр юстиции Муравьев³⁷, министр финансов Княжевич³⁸. Только влиянием Бенардаки в правительственных кругах можно объяснить и такой факт, как негласный перевод в Иркутск находившегося на поселении в Томске М.А. Бакунина³⁹.

В противовес американским проектам Бенардаки поддерживает выдвинутый Н.Н. Муравьевым проект «Общества пароходства и торговли». Он отлично понимал, что при изменяющихся условиях жизни и экономики Восточной Сибири для «Общества» с его узким профилем деятельности окажется непосильной задача активно содействовать развитию края, удовлетворять государственным нуждам и возрастающим потребностям увеличивающегося населения. Вот почему он предложил расширить программу деятельности «Общества», внося в его устав ряд существенных дополнений, касавшихся насаждения промышленности в крае, разработки его недр, организации необходимых предприятий и налаживания на них производства в широких масштабах. Вместо «Общества пароходства и торговли» Бенардаки высказывается за организацию «Акционерной компании», назвав ее, как и во всех подававшихся заграничных проектах, Амурской. Высказываясь за расширение программы компании, он обещал полную поддержку такому предприятию со стороны великороссийских капиталистов.

Муравьев согласился с предложением Бенардаки, который в конце 1857 г. подает в Сибирский комитет от себя и от имени своего доверенного В.Н. Рукавишника⁴⁰ заявление о желании «учредить особую компанию на акциях для развития в Приамурском крае деятельности торговой и промышленной».

Поддерживая идею создания Амурской компании, могущей способствовать развитию края, Муравьев преследовал и иную цель: иметь на Амуре компанию, подобно Российско-Американской, для того чтобы в случае необходимости (как поступали с крупнейшими компаниями Ост-Индской, Гудзон-байской и другими их правительства) осуществлять под флагом частного предприятия такие внешнеполитические акции, которые рискованно или неудобно проводить официальным путем.

III.

Устав компании был утвержден Сибирским комитетом 11 января 1858 г.*, т. е. за четыре месяца до того, как по Айгунскому трактату, заключенному с Китаем 16 мая 1858 г., весь Приамурский край был возвращен России.

Амурская компания, согласно уставу, должна была:

---

* ПСЗ-2. Т. XXXIII. № 32668. Учреждение Амурской компании не прошло незамеченным. Амур оставался под неослабным наблюдением Америки и Зап[адной] Европы. Уже в июне 1858 г. в Петербургских торговых кругах стало известно, что «какие-то заграничные негодцианты обратились к Курбатову (одному из иркутских капиталистов) с предложением учредить торговую компанию на Амуре и принять на себя труд вести это дело». *ОР РГБ*. Ф. 22. Картон 3. Д. № 208 (16/VI—1858) (номер листа в рукописи не указан. — *А.Г.*).

«1. Завести торговлю с племенами, обитающими при Амуре, доставляя им все нужное для потребления и получая от них звериные шкуры и другие предметы промыслов.

2. Снабжать по берегам Амура поселенцев всем для них необходимым.

3. Вести заграничную, через порты Восточного океана, торговлю и торговлю внутреннюю повсеместно, где польза и надобности компании укажут.

4. Производить ловлю рыбы по Амuru и впадающим в него рекам, а также в приморских местах.

5. Заниматься китоловным промыслом в Восточном океане и прочих водах, кроме мест, где ловля эта представляется Российско-Американской компании до истечения в 1862 г. данных ей привилегий.

6. Для разработки всякого рода полезных местных произведений учреждать соответственные заведения.

7. Принимать казенные и частные подряды и поставки в Приамурском крае и вообще в Восточной Сибири.

8. Содержать на Восточном океане, по Амuru и Шилке суда парусные и пароходные».

Капитал компании определялся в 1 000 000 руб. [сер.] и заключался в 4000 акций по 250 руб. каждая. Учредители обязались приобрести не менее одной пятой общего количества акций, остальная часть распределялась по подписке с первоначальным взносом не менее 100 руб. за акцию. Если в течение двух лет со дня утверждения устава не все акции будут разобраны или не все деньги за них будут внесены, то учредители принимают на себя оставшиеся акции.

Для нужд компании отводились бесплатно (в пользование, а не в собственность) казенные пустопорожние земли, а также разрешалось бесплатно пользоваться лесом и каменным углем, но не для продажи.

Вся деятельность компании находилась под покровительством генерал-губернатора, которому она была обязана представлять баланс в том виде, в каком он подготовлен для общего собрания акционеров, а также отчет о состоянии всех заведений компании, судоходства и заграничной торговли.

Делами компании ведало правление в составе трех директоров и трех кандидатов к ним, причем каждый из членов правления и кандидатов должен иметь не менее 40 акций.

Д.Е. Бенардаки

В.Н. Рукавишников

М.С. Волконский

Для компании, таким образом, открывалось широкое поле деятельности на огромнейшей территории всей Восточной Сибири от Енисея до берегов Тихого океана, а также на землях по левому берегу реки Амура.

Под силу ли такой организации справиться с широкой программой деятельности на еще не обжитой и мало исследованной территории? Не лежали ли в самом уставе компании причины, препятствовавшие развитию торговой и промышленной ее деятельности если не в пределах всей Восточной Сибири, то хотя бы в возвращенном России Приамурье?

Из ста акционерных компаний, действовавших в России на рубеже 60-х годов прошлого века с общим капиталом в 350 млн рублей, Амурская компания, по объявленному капиталу в 1 000 000 руб., могла бы занять в народном хозяйстве страны далеко не последнее место. Но вся беда заключалась в том, что эта сумма, согласно уставу, могла образоваться лишь к началу второго года существования компании. В первое же время в распоряжении ее оказалось не более 400–500 тыс. руб. С таким незначительным капиталом нельзя было в надежде на успех одновременно вести в широком масштабе заграничную торговлю, приобрести такое количество пароходов и вспомогательных судов, которые обеспечили бы не только перевозку казенных и частных грузов по Амуру, но и переселенцев с их незатейливым имуществом. Рискованно было заняться разработкой полезных ископаемых Восточной Сибири, организацией промышленных предприятий и одновременно вести «разумную» торговлю, обеспечивая по нормальным ценам население предметами первой необходимости, что могло бы избавить народности этой окраины и переселенцев от нахлынувших на Амур хищников-спекулянтов.

Продажа акций компании произведена на Петербургской бирже в течение одного дня – 6 марта 1858 г. Из сибирских капиталистов о продаже акций знали лишь А.В. Белоголовый, сделавший заявку на 100 акций, и кяхтинский купец Веретенников, купивший 60 акций. Все же остальные акции приобрели капиталисты столицы: Утин⁴¹, Коншин⁴², Мамонтов⁴³, Рюмин⁴⁴, Брант⁴⁵, Гинцбург⁴⁶, Якунчиков⁴⁷, а также представители чиновной знати: князя А.В. Васильчиков⁴⁸ и М.С. Волконский⁴⁹, правитель дел сибирского комитета Н.В. Гулькевич⁵⁰ и другие.

Директорами компании оказались избранными Бенардаки, почетные граждане В.Н. Рукавишников, К.В. Брант, кандидатами с правом совещательного голоса: адмирал Г.И. Невельской, князь М.С. Волконский и почетный гражданин М.Н. Якунчиков. Управляющим делами правления приглашен К. Сементовский (женатый на племяннице Бенардаки)⁵¹. По рекомендации Н.Н. Муравьева управляющим Иркутской конторой компании был назначен купец А.В. Белоголовый, бывший в 1858 г. с ним на Амуру.

Перечень лиц, избранных в правление, а также лиц, распределявших между собою акции компании, свидетельствует о том, что компания объединила представителей торгово-промышленного класса столицы и чиновной аристократии. То был общий для финансовой олигархии прием привлечения в органы акционерных обществ или компаний видных представителей государственного аппарата, не без задней цели использовать в интересах дела их вес и значение.

Е.Г. Гинцбург

Выдающихся деятелей Восточной Сибири, кроме Г.И. Невельского, мы не видим в составе правления, а среди акционеров, за исключением Белоголового и Веретенникова, не встречаем и представителей сибирского купечества.

Правление приступило к работе 12 марта 1858 г., через месяц было созвано собрание акционеров для обсуждения сметы расходов компании. Здесь же принимается решение внести досрочно в кассу правления оставшуюся за каждой акцией сумму в размере 150 рублей в два срока: к 1 сентября 1858 и 1 января 1859 г.

IV.

Создание Амурской компании, как и ряда подобных обществ, сопровождалось рекламой. Компанию с первых дней ее существования считали «знаменитой» и по капиталу, и по обширной программе деятельности ставили ее рядом с Российско-Американской и Каспийской. В ней видели панацею от всех зол, могущих сопутствовать быстрому и бесплановому заселению необжитого еще Приамурья.

«Не сомневаемся, что ранее или позже имена учредителей и главных деятелей компании, подобно именам [Г.И.] Шелихова и [А.А.] Баранова*, помянутся везде, а в Сибири особенно, с тем уважением и признательностью, на которые могут иметь право первые виновники дела, соединяющего в себе государственную пользу и историческое значение». Такую славу предвещали организаторам компании «Петербургские ведомости» (1858, № 213).

Г.И. Невельский

О рекламе заботилось правление компании. «Не сознавая вполне цели и сущности предприятия, – писал крупный общественный деятель 60–80-х гг. доктор Н.А. Белоголовый⁵² своему отцу, – оно усердно трубит в публике о великой пользе его, и трубит с успехом; доказательства этого успеха у меня перед

* Учредители Российско-Американской компании.

глазами. Товарищ мой, письмо от которого из Витебска я вчера получил, просит меня сообщить, что это такое за “Амурская компания”, о которой у них все толкуют. Потом, в одном из номеров газеты “Nord” есть статья о новых компаниях, учрежденных в России, где между прочим сказано, что из всех новых компаний наиболее серьезного внимания заслуживает Амурская, которой предстоит блестящая будущность. Словом, как видите, громом гремит Ваша компания, и, слава богу, чем больше гласного грома, тем быстрее пойдет возвышение акций)*.

Не только рекламировалась компания, но расхваливались и ее руководители. Так, в «Петербургских ведомостях» (1858 г., № 175) читаем: «В Иркутске открыта главная контора компании, и управляющим ее назначен А.В. Белоголовый, один из самых умных и опытных здешних негоциантов, лет сорок сам постоянно занимающийся торговлей и пользующийся в здешнем коммерческом мире очень значительным авторитетом. Пароходство, заграничная торговля, предприятия в широких размерах – для него вещи новые и неизвестные; но, вообще говоря, из здешних негоциантов едва ли бы компания могла сделать лучший выбор, а перед всяким заезжим он имеет то неоценимое достоинство, что отлично знает здешних людей, т. е. тех, с кем будет иметь дело».

У сибирских капиталистов сложилось иное мнение о А.В. Белоголовом, а Амурскую компанию не все склонны были считать предприятием полезным и необходимым для края. Одни из них опасались, что в руки компании перейдет вся торговля и компания станет монополистом в этой области, другие вообще не верили в возможность осуществления намеченной уставом программы и сомневались в способности ее дельцов «распоряжаться одинаково на территории в несколько тысяч квадратных верст», а третьи просто предвещали ей бесславный конец, утверждая, что, «скорее всего, компания рухнет, не достигнув полезных действий».

Иначе отнеслась к компании местная интеллигенция, группировавшаяся в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества. Полагая, что основные пункты устава компании преследуют «истинно-патриотические цели», члены общества высказались за необходимость поддержать компанию в ее начинаниях. Отдел общества в лице его секретаря И.С. Сельского⁵³ сообщил правлению компании краткие, но чрезвычайно интересные сведения о долине реки Уссури и обещал прислать карту ее бассейна, что было весьма ценно, так как об этой реке имелись лишь некоторые сведения и то только о нижнем ее течении, сообщенные Де-ля-Брюньером⁵⁴, убитым в 1846 г. тунгусами.

И.

Первый гост за процветание Амурской компании был провозглашен Муравьевым, когда, по заключении Айгунского договора, он встретил А.В. Белоголового у устья Уссури в станице Казакевичевой. Во время завтрака «в генерал-губернаторском помещении (шалаше из коры), – вспоминает

* ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. № 211 (письмо 15 мая 1858 г.) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

М.И. Венюков⁵⁵, – Муравьев выразил надежду, что компания избавит Амур от мелких хищников-спекулянтов и водворит на нем рациональную торговлю, которая послужит развитию края. Предполагалось, что средства компании дадут ей возможность снабдить край теми произведениями стран культурных, которых не доставало необработанной еще, хотя богатой от природы пустыне: хлебом, рисом, скотом, сахаром, свечами, готовой обувью, одеждой и т.п.»*.

То были вслух высказанные надежды. Оправдались ли они?

Во время банкета, организованного иркутским купечеством по случаю подписания Муравьевым Айгунского договора, А.В. Белоголовый обратился к виновнику торжества с речью, в которой наряду с обычными в подобных случаях восхвалениями допустил и такие фразы: «Многими соотечественниками оценен подвиг ваш по достоинству. Правда, в русской семье нашей есть и сомневающиеся в пользах от приобретения Амура; скажу больше: есть не верящие в приобретение его. Но это неверие происходит от изумления перед великостью совершившегося события... Вы кончили первый период исторической главы – вы приобрели Амур с притоками и гаванями на Тихом океане и начали второй, населяя и устраивая этот благодатный, но пустынный край. Теперь открывается третий период – развитие торговой деятельности. Этот последний и важный период вам без сотрудников совершить будет невозможно. Но неужели не отзовется на ваш приветливый, благоразумно-современный призыв наше русское купечество? Неужели мы, сибирские купцы, останемся холодными свидетелями торгового развития в нашей отчизне?.. К вам, купцы сибирские, отношусь я и прошу со свойственной вам практичностью узнать об Амурском крае, обсудить положение его и сообразить, чего можно от него надеяться, а затем приняться деятельно с энергией и усердием, и приняться, не теряя времени».

Напомнив, что неумолимое время быстро течет, Белоголовый советовал не упустить его, чтобы не дать случая воспользоваться «старшим братьям по торговле, купцам российским, или, еще хуже, купцам иностранным, – тогда, говорит Белоголовый, потомки ваши отзовутся о вас с укором...»**.

В этой откровенной речи сформулирована платформа, на которой объединились верхи купечества. В ней интересы сибирского торгового капитала противопоставлены интересам не только иностранного, но и великороссийского капитала. В речи ни слова не сказано о насаждении промышленности, разработке полезных ископаемых, устройстве фабрик, заводов. Устами Белоголового торговый капитал властно требовал от бюрократии разделить с ним власть в крае, открыть пути к обогащению, связанному с монополиями, грозя, что в противном случае «все дело погибнет».

Речь Белоголового – вексель, предъявленный Муравьеву сибирским купечеством за ту материальную поддержку, которая была оказана ему в деле возвращения Амура.

* Венюков М.И. Из воспоминаний. Амстердам, 1895. С. 253.

** Мокеев Н. Амур и Муравьев // Сибирский архив. 1912. № 6. С. 487.

Муравьев понял сущность притязаний этой группы и в ответной речи, сухой и сдержанной, не давая конкретных обещаний, отделался общими фразами, взятыми из того пункта устава Амурской компании, который возлагал на генерал-губернатора обязанность оказывать «всякое зависящее от него содействие всем полезным предприятиям, всему, что может послужить к развитию торговли и промышленности Восточной Сибири».

А.В. Белоголовый, выступая с речью, преследовал и другую цель – сохранить симпатии сибирских капиталистов, в то время, когда он, как представитель Амурской компании и ее пайщик, обязался тем самым проводить торговую политику российских капиталистов, идущую вразрез с интересами торговых сибирских кругов.

Речь Белоголового стала предметом обсуждения не только среди иркутского общества, но и среди некоторых слоев, главным образом купечества Забайкалья, особенно заинтересованного в развитии торговли на Амуре. Некоторые из купцов прислали в редакцию «Иркутских губернских ведомостей» отзывы их на речь А.В. Белоголового. Полученный редакцией материал М.В. Петрашевский⁵⁶ использовал в статье «По поводу речи А.В. Белоголового. Писано от забайкальских купцов И.В.Л. и А.К. и иных из торговой братии на Амуре промышленяющей»*. Эпиграф статьи «Коли взялся за гуж, не говори, что не дюж» дает понять, что оценка речи будет не в пользу «бесталанного витии», как, скромничая, отозвался о себе А.В. Белоголовый⁵⁷.

Автор статьи с первых слов подчеркивает, что неясность и неопределенность речи особенно неприятно поразили большинство иркутской публики, заинтересованной амурским делом.

Обходя иронические замечания, направленные против личности самого А.В. Белоголового, остановимся лишь на тех местах статьи, которые связаны с деятельностью Амурской компании. Говоря от имени «торговой братии», Петрашевский потребовал от Белоголового точного и ясного ответа о том, как он думает вести дела компании, чтобы не допустить ее краха. В частности, спрашивает, какие соображения Белоголовый вывез с Амура относительно заселения этого края, что думает предпринять для осуществления начертанной уставом программы, снарядит ли компания экспедицию для исследования возвращенного края, подготовлены ли кадры из русских, которым бы был известен язык тех племен, среди которых им придется вести торговлю, какие русские товары будут доставлены на Амур, какие произведения Приамурского края пойдут к устью, какие – к верховьям Амура.

Вполне понятно, что «торговой братии» весьма интересно знать и о том, какие отношения компания намерена установить с частными людьми, занимающимися промышленностью в Приамурье. Вот почему и этот вопрос не был поставлен на последнее место.

Статья, написанная с целью выставить действия Белоголового, заодно и компанию, в неблагоприятном виде, вызвала ряд существенных возражений со стороны представителей кяхтинского и верхнеудинского купечества.

* Иркутские губернские ведомости. 1858. № 39, 40.

«Рецензия речи, – пишет кяхтинский купец Носов, – проникнута духом злонамеренности и довольно неблагоприятной»*.

Статья «По поводу речи Белоголового» могла бы, пожалуй, остаться и незамеченной, но, будучи целиком помещенной и в «Журнале для акционеров» (1858, № 103 и 104), она произвела весьма невыгодное впечатление на акционеров компании. Правление же отнеслось к ней сравнительно спокойно, предложив Сементовскому, «как для успокоения акционеров, так и ради правды», добиться от редакции «Журнала» помещения на его страницах и тех статей с возражениями, что были опубликованы в номерах 41–43 «Иркутских [губернских] ведомостей».

В письме к редактору, разбивая основные положения, выдвинутые против Амурской компании «братией на Амуре промышленяющей», Сементовский заявляет, что «мнение людей, видящих все в черном свете, не имеет для компании решительно никакого значения, как мнение всегда одностороннее и пристрастное»**.

Таким образом, разные точки зрения на деятельность Амурской компании с первых дней ее существования получили широкую огласку, заинтересовав не только сибирскую, но и столичную общественность.

В этом же письме Сементовский сообщает, что «торговая деятельность в России обычно чуждалась сообщества науки, Амурская же компания, заботясь, согласно уставу, о государственной пользе, проложит пути в новых, неизведанных, почти чуждых для самой науки краях для промышленности иноземной, идущей рука об руку с наукой» и в то же время, по уверению автора письма, насадит и разовьет в новом крае местную промышленность. Всего этого можно достигнуть лишь при условии отказа от рутины, от применения устаревших приемов торговли. «Амурская компания, избегая рутины, будет идти вперед не иначе как с негаснущим светильником науки». Такой цветистой фразой заканчивает свое письмо Сементовский.

VI.

Выступление в прессе капиталистов Сибири против Амурской компании на этом не прекратилось. Если правление компании с достаточной выдержкой отнеслось к статьям, помещенным в «Иркутских губернских ведомостях», то впечатление разорвавшейся бомбы произвела на дирекцию корреспонденция из Даурии, помещенная в газете «Северная пчела» (1858, № 203). Составленная в резком тоне, она вскрывала неполадки в деятельности компании и, в частности, отмечала плохое руководство делом со стороны А.В. Белоголового. «В Петербурге составила компания для торговли с народами приамурскими, – пишет корреспондент. – Многие опасались монополии. Говорили, что компания в десять лет истребит всех зверей, выловит рыбу. Опасения едва ли справедливые.

Для управления делами нужны люди умные и добросовестные, а такие прячутся в своих муравейниках. Высказываются и успевают более шарлатаны и аферисты, пропеченные опытностью. Главный правитель компании

* Отзывы на статью помещены в «Иркутских губернских ведомостях» 1857 г. в № 41–43.

** Ответ даурскому корреспонденту // Санкт-Петербургские ведомости. 1858. № 213.

получает 17 000 серебром в год жалованья, а сколько второстепенных и третьестепенных служащих, сколько работников, судов и пр. и пр.? Из каких доходов будут удовлетворять их? Нужны огромные выгоды, а здешнее купечество не будет дремать. Оно все знает и, конечно, станет работать не наобум... Народы, обитающие по Амуру, немногочисленные, а Маньчжурия не имеет более 500 000 обитателей. Торговля с Америкой – задача нерешенная; сало, кожи и солонина, а затем все мелочь. Избытка здесь ни в чем нет, кроме леса. Хлеб у нас часто не родится, а когда-то еще разовьется земледелие и скотоводство на Амуре... Товары, привезенные из России, поднимутся в цене от длинного провоза. Жалованье, на которое так щедра компания, едва ли не повредит ей... Набрать людей с Камы и с Волги, “с борка и с сосенки” нетрудно, да что они могут сделать в стране, им совершенно неизвестной? Словом, наши купцы не боятся компании, а не пристают к ней из благоразумной трусости». К последним словам редакция дает примечание: «Жаль!»

Н.А. Белоголовый, бывший в то время в Петербурге, считал корреспонденцию из Даурии «камнем, пущенным из-за угла в компанию, а в частности, и в его отца». Он тогда же пишет опровержение, но, составленное в резком тоне, оно не принимается редакцией газеты. Тогда вновь выступает Сементовский. Защищая интересы компании и честь ее представителя в Сибири, он помещает в «Петербургских ведомостях» (1858, № 213) пространный «Ответ даурскому корреспонденту».

«Вчитайтесь ближе в слова корреспондента о людях, которым должно быть вверено управление делами компании, и вы ясно увидите, – пишет Сементовский, – какую-то дурно скрытую злобу, какие-то счеты с личностью, коей это управление уже вверено.

Компания составлена не только для торговли с народами Приамурья, но и для торговли заграничной, через порты Восточного океана и для торговли внутренней повсеместно. Здесь и береговые промыслы, и чуждый донныне собственно русскому флагу китобойный промысел, здесь и пароходство, и обрабатывающий промысел и т. д.». «В наше время могучего и всестороннего развития промышленной деятельности якорь спасения и гарантия будущих выгод для столь широких предприятий, как Амурская компания, не монополия, а умение угадать потребности края, удовлетворять им правильно экономическим образом и, наконец, разработать естественные силы и богатства края посредством рационального приложения двух плодотворных двигателей – труда и капитала».

Далее Сементовский высказывает отношение компании к идее свободы торговли, которая, по его словам, «мало-помалу берет верх над самым закоренелым консерватизмом. В таких обстоятельствах достойно ли для вашего времени искать монополии вообще, а тем более для компании, учреждение которой состоялось по видам истинно патриотическим».

Затем, касаясь вопроса о жаловании А.В. Белоголовому, Сементовский приводит выписку из журнала заседания правления от 11 апр[еля] 1858 г., где отмечено: «назначение содержания А.В. Белоголовому отложить до личного соглашения с ним по прибытии его в Петербург осенью этого года».

Что касается плана действий компании, то, как и план всякого коммерческого предприятия, он должен до своего осуществления оставаться тайной. Обвиняя корреспондента в незнакомстве с делом, в извращении фактов, Сементовский в то же время отвечает по ряду вопросов и «торговой братии на Амуре промышляющей».

Цель статей, направленных против компании, пишет он, «задушить девятимесячного ребенка в колыбели».

«Если ваше купечество не будет дремать, то из этого, кроме удешевления товаров, в которых край нуждается, с одной стороны, и возвышения цены на местные продукты – с другой, следовательно, кроме прямого добра для края, не выйдет ничего другого».

В своем ответе Сементовский обнаруживает основательное знакомство с современным состоянием экономических вопросов в России, большую начитанность и незаурядную находчивость в полемике. Для него не было секретом, что организаторы компании уже при составлении ее устава твердо решили обойтись без участия сибирских капиталистов в новом деле.

Об этом, как отмечено, проговорился некто Н.Н. Х-о в статье, посвященной намечавшемуся «Обществу пароходства и торговли на реке Амуре».

Сементовский же открыто заявляет: «Мы же всю надежду возлагаем на собственно великороссийские капиталы; надеемся, что дух предприимчивости, так неожиданно развившийся у нас во второй половине XIX в. и в таких колоссальных, огромных размерах, уделит частицу из своих миллионов и на наш отдаленный уголок империи и озарит его своим светом; надеемся, что русские капиталисты, не доверяющие компании, приедут к нам сами или пришлют своих агентов для открытия по Амуре факторий и торговли».

Таким образом, Амурская компания, выступая с широким планом деятельности на огромной территории Восточной Сибири, предполагала действовать без участия в ней сибирского купечества, без тех, кто принимал активное участие в выработке устава и плана ближайшей ее деятельности. Компания полагала, что ради собственной пользы сибирские купцы со временем сами предпочтут теснее сблизиться с нею.

То была одна из крупнейших ошибок организаторов компании.

Как ни покажется странным, но Сементовский, по его словам, копию этого «ответа» вручил американскому посланнику, который, пригласив через несколько дней Сементовского, сообщил ему, что «показывал брошюру государю. Государь прочел ее, очень остался доволен и сказал, что желал бы видиться с Бенардаки, чтобы поговорить об Амурской компании, которой он очень сочувствует и хочет быть полезным»*.

Конечно, возражения на статью даурского корреспондента Сементовский мог вручить американскому посланнику, но чтобы тот представил ее Александру II, который якобы выразил желание быть полезным компании и поговорить о ней с Бенардаки, то все это следует признать чистой выдумкой Сементовского, преследовавшей определенную цель: создать рекламу

* ОР РГБ. Ф. 22. Папка 3. Д. 33 ([письмо] 26.XI–1858 г.) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

компании, поднять курс ее акций и хоть немного сгладить впечатление, произведенное на торговые круги неблагоприятными отзывами печати о первых шагах компании.

Факт разгоревшейся полемики и открытый вызов, брошенный по адресу сибирского купечества представителем великороссийского капитала, должен был восстановить капиталистов Вост[очной] Сибири против компании. Не надо забывать, что класс этот на рубеже 30-х гг. прошлого века являлся значительной общественной силой, обладавшей немалым капиталом.

Купцов всех трех гильдий насчитывалось тогда в Вост[очной] Сибири до 1500 человек. Торговые обороты некоторых из них были не менее 1 000 000 руб. Капиталы сибирских купцов, энергия и заинтересованность их в деле могли бы помочь компании развить промышленность в крае, организовать судоходство по Амуру и тем обеспечить условия колонизации возвращенных земель. Оттолкнув иркутское, нерчинское и кяхтинское купечество, компания с первых же шагов своей деятельности встретила с их стороны не только недоброжелательное, но и враждебное [отношение].

VII.

Одновременно с вопросом о строительстве железных дорог был поднят вопрос и о телеграфе. Если со строительством дорог связывались надежды на улучшение путей сообщения, остававшихся в 50-х годах XIX в. «в первобытном положении», надежды на развитие торговли, промышленности, на облегчение и ускорение процесса переселения, то необходимость проведения телеграфа подсказывалась в первую очередь мотивами политического порядка. Еще в конце 1857 г. Муравьев поддерживает проект «телеграфической линии» через Сибирь в Америку, выдвинутый образовавшейся в Париже компанией. Стоимость телеграфа по расчету компании не превышала 6 250 000 франков, или около 2 000 000 руб. «Телеграф, доказывает Муравьев, необходим для сохранения нашего влияния на крайнем востоке империи и на Восточном океане. У англичан, замечает он, теперь бы начались работы для устройства телеграфа, если бы они были на нашем месте».

В октябре 1858 г. Муравьев отправил в Пекин курьерами есаула Хитрово⁵⁸ и чиновника Неклюдова⁵⁹. Они должны были доставить туда ратифицированный Тяньцзиньский трактат⁶⁰, заключенный Путятиным 1 июня 1858 г. Курьеров сопровождал до Урги пограничный комиссар А.И. Деспот-Зенович⁶¹, получивший от Муравьева указания, в каком плане следует вести переговоры с ургинскими амбаниями (правителями), если они будут возражать против следования курьеров в Пекин. Когда амбани отказались пропустить курьеров, ссылаясь на то, что им ничего неизвестно о Тяньцзиньском трактате, то Деспот-Зенович заявил им, что от прибытия этих курьеров в Пекин будут благие последствия для китайской империи. В частности, им был поднят вопрос о торговле и о необходимости проведения телеграфа.

О четырехдневном пребывании Деспота-Зеновича в Урге была составлена «Записка о взаимоотношениях России с Китаем». Записка эта была зачитана в присутствии Александра II на заседании Амурского комитета, состоявшемся 3 декабря 1858 г.

«Англичане, – читаем в записке, – как народ корыстолюбивый, будут стараться теперь захватить всю торговлю Китая и незаметно подчинят его своему владычеству, как сделали они с Индией, вследствие чего все управление делами Китая перейдет в руки самой Англии, которая вскоре может этого достигнуть, если китайское правительство не соединится с Россией и будет недоверчиво к действиям и к требованиям ее. Для утверждения более тесных связей между Россией и Китаем следует устранить все, что служит ему помехою, а именно: упростить образы сношений между правительствами обоих государств, уничтожить лишние обряды и формальности, ускорить сношения между Россией и Китаем, чтобы посылаемые от нас в Пекин курьеры были пропускаемы беспрепятственно во всякое время в числе, какое признано будет нужным. Генерал-губернатор советовал им серьезно подумать о сообщении между русской границей и Пекином и находит полезным не только почтовые пути на этом пространстве, но и телеграфическое сообщение в случае согласия богдыхана и позволения отправить в Китай людей для его устройства»*.

Вместе с тем Муравьев предложил и уполномоченному русским правительством в Пекине Л.А. Перовскому домогаться у китайского правительства согласия на проведение телеграфа от Кяхты до Пекина.

Настойчиво добиваясь в интересах края и торговли осуществления поставленной цели, Муравьев бомбардирует письмами и докладными записками о телеграфе А.М. Горчакова, Е.П. Ковалевского. В октябре 1858 г. он пишет Горчакову: «В Китае, Японии прочно утвердились Англия, Франция, Америка, и при всем искусстве нашей политики мы никогда не успеем предварить этих господ, если сообщения наши со столицей останутся в настоящем первобытном положении», при котором необходимые сведения и распоряжения получаются оттуда через месяц, а то и более.

Не получая ответа по затронутому вопросу, Муравьев пытается повлиять на Горчакова другими средствами. Убежденный в том, что при наличии телеграфа переговоры с центром помогут ему скорее разрешить основные вопросы, связанные с проведением в жизнь условий Айгунского и Тяньцзиньского трактатов, он привлекает к делу Амурскую компанию. Не без его указки правление заявляет о желании «взять на себя устройство телеграфа». Заявление компании Муравьев пересылает Горчакову и высказывается о целесообразности гарантировать компании определенный доход, как это сделано для общества российских железных дорог. Акции на это предприятие должны быть распределены только в России.

Компания обязалась устроить телеграф в кратчайший срок и окончить работы не позже 1860 г. Телеграф намечалось провести от Москвы или Нижнего Новгорода на Иркутск и Кяхту до Николаевска-на-Амуре, оттуда по реке Уссури до одного из портов в Японском море, а из Кяхты до Пекина, если китайское правительство изъявит на это согласие.

Свое письмо Муравьев заканчивает так: «Всякая бесполезная медлительность в исполнении этого важного предприятия, столь

* Амурский комитет. Протокол от 3 декабря 1858.

необходимого в политическом, а также в торговом отношении, была бы, по моему мнению, непростительна»*.

С содержанием писем, отправленных Горчакову и Ковалевскому, Муравьев знакомит атамана Забайкальского казачьего войска М.С. Корсакова, находившегося тогда в столице, и просит его переговорить с Ковалевским. «С этим делом надо спешить, всего хуже, когда это дело пойдет в Главное управление путей сообщения. Поэтому необходимо, – добавляет Муравьев, – чтобы Министерство иностранных дел потребовало бы быстрого решения, хотя бы через Сибирский комитет».

Действительно, проект был передан на рассмотрение Сибирского комитета и должен был обсуждаться 15 декабря 1858 г. Однако Амурской компании не суждено было приступить к осуществлению своего проекта. Вопрос о проведении телеграфа встретил такое же упорное сопротивление в правящих кругах, как и вопрос о железной дороге.

VIII.

В статьях столичной и местной печати, а также в «Воспоминаниях» и других материалах, относящихся к Амурской компании, обходится молчанием вопрос о деятельности ее руководящего органа – правления.

Архив правления не сохранился. Помещать же в прессе какие-либо сведения о деятельности компании не входило в интересы правления. Оно ограничивалось тем, что иногда доводило до сведения акционеров о движении зафрахтованных компанией судов, о том, кто шкипер на них, о времени прибытия таких судов на Амур и т. п.

Архив Главной иркутской конторы, куда с конца 1859 г. должны были поступать отчеты всех других сибирских контор и агентов компании, погиб во время ужасного пожара, истребившего в течение 22–24 июня 1879 г. 75 кварталов города с 3500 жилыми домами.

Небольшой материал о деятельности компании, в частности ее правления, сохранился в переписке доктора медицины Н.А. Белоголового с его отцом и братьями. Материал этот, представляющий большую историческую ценность, почти не использован исследователями прошлого Восточной Сибири.

Проживая в столице с 1858 г., Н.А. Белоголовый, как сибиряк, живо интересовался пробуждением новой жизни родного края. К судьбе же компании не мог безразлично относиться и по фамильным соображениям, поскольку отец и братья его с первых дней существования компании принимали видное участие в ее делах. Одно из писем к брату он начинает так: «Поговорим о материи очень близкой моему сердцу, об Амурской компании»**.

Члены правления, находившиеся за 10 тысяч верст от того края, в котором должны были насаждать промышленность, развивать торговлю, не имели, за исключением Невельского, достаточно ясного представления о Восточной Сибири, о нуждах ее населения.

* Барсуков И. Указ. соч. Т. II. С. 219.

** ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. 29. Л. 74 ([письмо]14.X–1858).

Н.Н. Муравьев-Амурский

Оценивая деятельность виднейших представителей компании: Бенардаки, Бранта, Невельского, Сементовского, нельзя согласиться с мнением Н.А. Белоголового, сообщавшего брату о том, что Бенардаки, «поглощенный своими обширными и разнородными делами, играл в правлении безгласную роль, ограничиваясь лишь подписыванием бумаг»*.

Виднейший представитель усилившегося российского капитализма, Бенердаки ни в одном из крупных дел, в которые были вложены его капиталы, не играл безгласной роли; он задавал тон в правлениях таких предприятий и руководил ими лично или через доверенных лиц. Такими лицами в Амурской компании были Рукавишников, ранее управлявший делами Бенардаки в Восточной Сибири, и К. Сементовский.

Все вопросы, имевшие большое принципиальное значение или связанные с крупными денежными операциями, правление не решало в отсутствие председателя. Когда, например, в ноябре 1858 г. Белоголовый внес предложение о выпуске новых акций, Сементовский выступил против, предлагая прибегнуть к займу, вопрос был отложен до возвращения в Петербург Бенардаки.

Брант считался крупнейшим капиталистом половины XIX века. Человек энергичный, предприимчивый, он развил многогранную деятельность на севере России. В Архангельском порту имел корабельную верфь, на которой строились неплохие суда, владелец канатной фабрики, паровой лесопилки, на которой распиливалось в течение года до 80 000 бревен, он строит шестиярусное фабричное здание и пускает в ход мукомольный и маслобойный цехи. В Архангельске у него были складочные магазины и помещения для служащих и рабочих.

М.С. Корсаков

На Белом море, Северном океане и на их берегах и островах Брант имел звериные и рыбные промыслы. Деловые связи Бранта были налажены с некоторыми торговыми домами Англии, Голландии.

Программа деятельности Амурской компании, предусмотренная ее уставом, совпадала с кругом деятельности самого Бранта, хлопотавшего с весны 1858 г. об организации на базе его предприятий акционерной Беломорской компании с основным капиталом в 3 млн рублей**. Как уч-

* Там же. Д. 21. Л. 6.

** ПСЗ-2. Отд. 2-е. Т. XXXVI. № 37343 (Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату товарищем министра финансов «Об ограничении основного капитала Беломорской компании и об изменении и дополнении некоторых статей Устава сей компании»).

редитель Беломорской компании он владел ее акциями на 600 000 рублей, акций же Амурской компании приобрел всего лишь 48 на 12 000 рублей.

Н.А. Белоголовый, сообщая об этом своему брату, находил странным тот факт, что Брант, сильно интересуясь Амурской компанией, приобрел такое сравнительно ничтожное количество ее акций. «Относительно участия Бранта в Амурской компании между директорами, – писал он, – существует мнение, что он собственно затем и имеет акции, чтобы через компанию ознакомиться с Амурским краем и потом открыть там свои собственные дела, тем более что заграничная торговля ему как нельзя более по плечу»*.

Подозрение как директоров, так и самого Н.А. Белоголового нельзя признать основательным. Не только Брант, но и другие акционеры Амурской компании, например князь В.А. Васильчиков, Е.Г. Гинцбург, имели акции Беломорской компании. В данном случае мы встречаемся с практикой российских капиталистов размещать свои капиталы в однородных по типу предприятиях независимо от того, действуют ли они на Амуре, на Северной Двине или на островах Белого моря.

Г.И. Невельской резко выделялся среди директоров правления знанием Амурского края и нужд его населения. «Первый посельщик Амура, обеспечивший за нашей Родиной владение краем, имеющим первостепенное значение в хозяйственной жизни и обороне страны», он и в Петербурге продолжал жить интересами Восточной Сибири, принимая меры к усилению мощи, к процветанию отдаленного Амурского края.

Понимая, что в каждом новом деле содействие краевой власти необходимо, Невельской в письме к Корсакову просит его, как друга, не забывать Амурской компании, «которая постарается всех снабдить не дрянью, вроде американской, а чем-либо получше»**.

Большую надежду возлагал он также на помощь Муравьева и Казакевича⁶².

Приобретая на свои скромные сбережения акции Амурской компании, Невельской настолько нуждался, что до известной степени был доволен тем месячным окладом в 125 рублей, который был положен ему, как кандидату в директора правления, «ибо без этого нечего было бы есть в Петербурге... Жаль мне женку, – сообщает он в том же письме Корсакову, – даже нет средств, чтобы держать хотя санки, приходится расхаживать пешком».

Не верить Невельскому нельзя. Ведь и от казны он, как адмирал, получал менее, чем другие лица, бывшие с ним в одном чине.

Будучи председателем ученого совета, Невельской находил время для занятий вопросами Сибири. Приезжавшие в Петербург с Амура считали для себя обязательным посетить адмирала, потолковать о сибирских делах, поделиться воспоминаниями, просить совета. Так, Д. Романов, будучи в 1859 г. в Петербурге, обратился к Невельскому с просьбой просмотреть составленную им статью «Присоединение Амура к России», исправить в ней ошибки и дополнить пропущенное. Невельской охотно выполнил его просьбу.

Все, что публиковалось в отечественной и заграничной печати об Амуре, Невельской просматривал и, как бывший начальник Амурской экспедиции, выступал в печати, опровергая ложные факты и неправильные выводы***.

* ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. 33. Л. 6.

** ЦИАМ. Ф. 864. Д. 20. Л.

*** Морской сборник. 1860. № 13; 1861. С. 279; 1864. № 2.

Решительный, прямолинейный, открыто высказывавший свои взгляды на значение Амура, он часто не выдерживал, «бушевал страшно», особенно в правлении компании, если кто-либо из директоров находил его предложения «дикими фантазиями»*.

В интересах дела он настаивал, например, на том, чтобы в число служащих компании привлекались морские офицеры, особенно те из них, кто бывал уже на Амуре, Сахалине, у берегов Тихого океана.

Вместе с Рукавишниковым Невельской посетил великого князя Константина Николаевича⁶³, добиваясь его поддержки в вопросе о предоставлении офицерам, служащим на пароходах компании, прав коренной службы, таких же, какие имел командный состав на судах Российско-Американской компании. Это ходатайство дало основание Н.А. Белоголовому считать, что «взгляд у Невельского на Амурское дело своеобразный, дворянский»**. На самом деле в данном вопросе Невельской руководился соображениями патриотического порядка. Компания делала ставку на иностранцев; механики, инженеры, монтеры, капитаны и т. п. были из их среды. Все русское и местное на эти должности почти не принималось, против чего в свое время восставал не только Невельской, но и другие, например Романов, Венюков, Струве⁶⁴.

Г.И. Невельской, как и А.В. Белоголовый, понимал, что основной капитал компании к концу первого года ее деятельности уменьшится настолько, что его не хватит для осуществления всех намеченных в уставе задач. Так как предложение Белоголового о дополнительном выпуске акций не было принято, то приходилось обратиться к займам или просить правительство о субсидии, которая давалась, например, Российско-Американской компании. Невельской обращается к великому князю с просьбой поддержать ходатайство компании о правительственной субсидии в размере 100 руб. за каждую силу ее пароходов, что в год составит сумму до 50 000 рублей. Назначение субсидий – усилить паровой флот Амура.

Невельской настаивал и на необходимости организовать на Амуре «механическое заведение», способное строить небольшие суда и ремонтировать поврежденные. С этой целью им делались даже кое-какие распоряжения. Однако Брант и А.В. Белоголовый выступили против этого предложения, так как «ждали от него много возни и хлопот»***.

Жажда кипучей деятельности не покидала Невельского. Ставя на первый план служение делу, он в конце 1858 г. соглашается отправиться в Бельгию, где по поручению компании заказывает катера для Амура.

Взгляды Невельского и других директоров, в частности Бранта, на деятельность компании настолько расходились и высказывались иногда в такой резкой форме, что дали основание Н.А. Белоголовому утверждать, будто «Брант и Невельской составили два враждебных лагеря и то и дело пускают друг в друга камуфлеты⁶⁵».

* ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. 217. Л. 1.

** Там же. Картон 3. Д. 21. Л. 6.

*** Там же. Картон 3. Д. 29. Л. 4.

Князь М.С. Волконский, сын декабриста, очевидно, был привлечен в компанию в целях придания правлению большего веса в глазах капиталистов и среди правительственных кругов, но большой роли в правлении, по недостаточному знакомству с торговым делом, не играл.

Управляющий делами правления Сементовский держался настолько независимо, что его величали за глаза «диктатором».

Отношения, установившиеся у него с Брантом и Невельским, нельзя было считать нормальными. В письме Н.А. Белоголового к брату читаем: «Брант, Невельской и Сементовский относятся друг к другу неприязненно и беспрестанно задирают один другого»*.

Человек молодой, энергичный, умеющий четко излагать свои мысли, сильный в полемике, Сементовский поддерживал связь с петербургским «высшим светом» и не прочь был завязать деловые отношения с американским посольством. Имеются сведения о пребывании его по делам компании за границей.

Таковы состав правления и отношения между его членами, что не могло до известной степени не отразиться на общем ходе дел компании.

IX.

Компания, по мысли ее организаторов, должна была в первую очередь служить интересам края и с имевшимся у нее капиталом могла бы, умело и расчетливо поступая, принести немалую пользу, но с первых же шагов руководство пошло по неправильному, а временами и по негодному пути.

Деятельность компании в Восточной Сибири началась с февраля 1858 г. Как торговая организация, не будучи пионером на Амуре, она встретила здесь спешущую группу иностранных торгашей и агентов крупных американских фирм, неналаженную торговлю сибирских, главным образом иркутских, купцов, а также купцов и предпринимателей из отдаленных углов северо-восточной Сибири. От руководства компании при таких условиях требовалось много такта, изобретательности, уменья честным ведением дела привлечь к ней симпатии и доверие населения Приамурья.

А.В. Белоголовый выступает с обещанием загрузить товарами Амур, сплавить скот, хлеб, масло. Все это вместе с рекламой правления о планах компании возымело определенное действие. Никто из иркутских купцов не рискнул в 1858 г. направиться с товарами на Амур. Сам же А.В. Белоголовый, получив от правления для открытия торговли первый денежный перевод, купил для компании из своего же магазина товаров на 15 286 рублей и у других иркутских купцов на 37 658 рублей. Одиннадцать барж, нагруженных этими товарами, пришли в Кизи почти пустыми, так как товары в пути были распроданы.

Таким образом, первые товары, отправленные на Амур под флагом компании, оказались, по существу, залежавшимися, закупленными в свое время на Ирбитской или Нижегородской ярмарках, т. е. ничем не лучше тех, какими снабжали население Приамурья Ланины, Курбатовы и другие

* Там же. Д. 33.

сибирские купцы. Уже это одно не могло создать доброй славы товарам компании, тем более что и цена их была слишком высока.

Затем компания занялась скупкой соболей у населения по 3–4 руб[ля] за штуку и продажей их на Ирбитской ярмарке по 20–25 рублей, получая, таким образом, 300–400 % прибыли*. Еще большую прибыль она получала в Благовещенске и в других строящихся городах, в лавках которых наценка на некоторые товары доходила до 900 %.

Вся организационная работа легла на плечи А.В. Белоголового. Надо отдать ему должное, он действительно проявил незаурядную, кипучую деятельность. Знакомясь с положением дел в новом краю, выбирая те места, где следовало бы открыть предприятия компании, А.В. Белоголовый одновременно подбирал необходимый штат работников, которые в Чите, Хабаровске, Николаевске, Мариинске и в других пунктах открывали магазины, возводили склады для товаров, строили пристани. «Начало на Амуре у меня сделано весьма порядочное, приказчики поставлены на местах хорошие», – сообщает он сыну**.

С оценкой, данной приказчикам, нельзя согласиться; большая часть их работала в откупной системе и не отказалась от навыков обирать народ.

Для такого капиталистического предприятия, как Амурская компания, а тем более при создавшихся на Амуре условиях, одной кипучей энергии А.В. Белоголового было недостаточно. От представителя компании требовалась творческая инициатива, производственный риск при организации и пуске необходимейших предприятий, умение вовремя находить выход при неудачах, неизбежных в каждом новом и крупном деле. Требовалось наличие таких данных, которыми старик Белоголовый не обладал. Ему, например, как выражались тогда экономисты, «не был известен весь механизм мирового торгового движения». Взвалив на свои плечи все дело компании, он понемногу терял авторитет не только среди крупных иркутских, но и кяхтинских капиталистов, которые в лице заправил Амурской компании, устранивших сибирское купечество от участия в деле, видели опасных конкурентов. Заметнее это стало сказываться после известного выступления Сементовского, заявившего о том, что «великороссийское купечество берет заботу об Амуре в свои руки».

Не на стороне Белоголового, как представителя Амурской компании, стояла и та часть иркутского купечества, которая оперировала незначительными средствами и нуждалась в кредите. В лице Амурской компании мелкое купечество усмотрело опаснейшего соперника, способного подорвать его материальное благополучие. С конца 50-х гг. прошлого века эта часть купечества тяготела к прогрессивным группировкам сибирского общества, разделяла их политические и экономические взгляды.

Амурская компания, согласно уставу, имела право получать по р. Амуру места для возведения на них необходимых построек. А.В. Белоголовый докладывает генерал-губернатору, что в мае 1858 г. он обратился с просьбой к атаману Забайкальского казачьего войска М.С. Корсакову отвести под

* Газета «Акцияер». 1862. № 12. По данным отчета Иркутской конторы.

** ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. 49 [письмо] 28.VII–1858).

постройку зданий в Благовещенске: внутри города 75 саж. в длину и 80 в ширину, где будут выстроены торговые заведения и помещения для служащих, на берегу Амура 75 саж. в длину по берегу и 50 саж. в ширину для постройки зданий конторы пароходства, складочных амбаров и пристани, а также 400 десятин для сенокоса. Военного губернатора Приморской области Белоголовый просил об отводе мест в Николаевске под постройку зданий компании, место для паровой пристани, а также для гавани, где бы могли зимовать суда и пароходы компании. Во вновь учрежденном городе Софийске под устройство зданий для конторы, складов, помещений для служащих, «а также для паровых потребностей» два квартала, под № 1 и 2, по плану, составленному для города Д.И. Романовым, сверх того, место на горе у церкви, «сколько будет потребно», по назначению комиссионера компании Паргачевского. И наконец, в Хабаровске, в резиденции штаба 13 батальона, места под постройку нужных для компании зданий.

Не довольствуясь этим, Белоголовый докладывает, что для компании необходимо иметь место в селении Митрофановом (Нерчинского уезда) для устройства складочных помещений и судовой верфи, а также в Стрелке, Албазине, Камаре, Усть-Бурее, против Усть-Сунгари на левом берегу Амура: для устройства торговых заведений, а для устройства гаваней, где бы могли зимовать пароходы и суда, отвести места у селения Неверы в устье Буреи и от устья ее вверх пустое место под утесом до Хабаровки. Но и этих мест оказалось недостаточно. Так как правление компании считало необходимым построить на Амуре эллинг и небольшое механическое заведение, то и для этих заведений Белоголовый просит отвести места в Сретенске и Благовещенске. На все отведенные для Амурской компании места были выданы соответствующие акты*.

Х.

Могло ли правление компании так же, как и Белоголовый, сказать, что и с его стороны начало на Амуре сделано «весьма порядочное»? Факты говорят иное.

Первые распоряжения правления оказались неудачными. Характерна в данном случае отправка на Амур четырнадцати рыбаков – засольщиков рыбы, завербованных в 1858 г. в Архангельске.

Рыбаки, по заключенному с ними договору, до отправки к месту назначения кругом света получают, будучи за границей, по пяти франков в день каждый. Отправленные в июле на судне Бранта, они почему-то до октября оставались в Голландии. Уполномоченный компании Шмальц⁶⁶ сообщает, что архангельцы «бунтуют», «ничего не делают». Правление распорядилось занять рыбаков чем-либо. Шмальц решил использовать их в качестве портовых грузчиков угля. Рыбаки категорически отказались от какой бы то ни было принудительной работы, сославшись на контракты, по которым они до прибытия к устью Амура пользуются на море, как и на стоянках, правилами пассажиров**.

* Иркутский областной государственный архив (далее: ГАИО). К сожалению, в рукописи отсутствуют данные дела, на которое ссылается Б. Кубалов. – А.Г.).

** ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3. Д. 29. Л. 4.

Неудача в этом начинании преследовала компанию и дальше. Прибывшие в Николаевск рыбаки-засольщики не нашли там ни неводов, ни необходимых снастей, ни материалов для засолки рыбы. Их вовремя не доставили. «Из Архангельска же выслали какие-то мудрые аппараты, и дело это не пошло»*.

Рыболовство оказалось не только неудачным, но и убыточным. Себестоимость пуда икры, вязиги⁶⁷ и клея, заготовленных на Амуре, обходилась компании в 810 рублей. Вместо ловли китов компания в надежде наладить производство жира занялась ловлей в Амурском лимане белух**.

В год добывалось до 3000 пудов жира (от 6 до 7 пудов с каждой белухи), тогда как в Белом море при той же величине зверя получалось 15–16 пудов. По неумению очищать жир на месте промысел этот, как убыточный, был оставлен.

Не более удачным оказалось и другое начинание правления, связанное с командировкой в Америку для выполнения поручений компании. Вот как об этом факте говорит сам М.А. Бестужев⁶⁸: «...приняв предложение Первой Амурской компании, я очертя голову бросился в коммерческое предприятие, удовлетворявшее моим пламенным желанием. <...> Моя обязанность состояла в том, что по сдаче в Николаевске-на-Амуре казенного груза, сплавлявшегося под моим личным надзором, я должен был отправиться в Америку для заказов постройки пароходов и прочих коммерческих операций и по окончании дел возвратиться через Нью-Йорк, Англию, Францию, Кронштадт, Петербург в Селенгинск. Этот маршрут достаточен, чтобы потрясти самую апатическую натуру. <...> К моему несчастью, а может быть – счастью, проект не осуществился. Прозимовав в Николаевске-на-Амуре, я возвратился в мою мирную хату и с тех пор – ни шагу из дома»***.

Несостоявшаяся командировка Бестужева в Америку и его вынужденное пребывание не у дел в Николаевске дали повод Завалишину бросить упрек компании в том, что люди, служащие у нее на большом жаловании, остаются без дела.

Идея организации китоловного промысла также не была осуществлена. Корабль с китобойными принадлежностями, приобретенный за границей, погиб в Де-Кастри, тогда же компания продает и два больших речных парохода, которые могли бы, несмотря на их слабые мореходные качества, поддерживать навигацию на Амуре. Погибший корабль и груз на нем были застрахованы, и компания получила страховую премию.

Сообщая об этом своему сыну, А.В. Белоголовый пишет: «Дела компании нашей поправляются к лучшему. Два больших речных парохода продали, да корабль с китобойными принадлежностями утонул, а он был застрахован... мы теперь будем действовать поблагоразумнее и скорее попадем на дорогу, по которой нам следует идти»****.

* Носков В. Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении // Библиотека для чтения. 1865. Т. II. № 5 (номер страницы в рукописи не указан. – А.Г.).

** Млекопитающее, относящееся к отряду китообразных. Вес до 1 тонны при длине тела от 3 до 6 м.

*** Воспоминания Бестужевых / ред., ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951. С. 437.

**** ОР РГБ. Ф. 22. Картон 3 (номер дела в рукописи отсутствует. – А.Г.). Л. 324 ([письмо] 8.I–1859).

Белоголового в данном случае несколько не беспокоило то обстоятельство, что китоловный промысел, предусмотренный уставом компании, не мог быть организован; для него, как торговца, важно одно – получить страховую премию, избежав тем самым убытки.

С такой точкой зрения на деятельность компании сибирская общественность не могла мириться, тем более что и в дальнейшем ни Белоголовый, ни правление компании «не попали на дорогу, по которой им следовало идти».

М.А. Бестужев

XI.

После первых неудач и отрицательных высказываний печати о деятельности Амурской компании правлению не оставалось ничего другого, как вызвать из Иркутска А.В. Белоголового и заслушать его отчет о состоянии дел компании.

Прибыв в столицу 19 окт[ября] 1858 г., Белоголовый пытался поместить в печати составленный им отчет, но опубликовать его не удалось главным образом потому, что «вышло запрещение печатать даже в газетах статьи, сколько-нибудь относящиеся до Амура, ибо до сведения правительства дошло, что в Англии составился такой комитет, который в видах неизвестно чего (но уж верно не чего-нибудь хорошего) собирает всевозможные сведения об Амуре, черпая их из русских источников»*. Так писал Н.А. Белоголовый брату.

Д.И. Завалишин

С первых дней пребывания в Петербурге А.В. Белоголовый внимательно присматривается к директорам правления, к стилю их работы и первое свое впечатление так формулирует: «вообще дело здесь обстоит сносно, не будь занозы Невельского». Но уже через месяц не только Невельской, но и другие директора пришлись не по душе А.В. Белоголовому.

В лице Бранта он видел деятеля, прекрасно разбиравшегося в вопросах торговли, и полагал, что если удастся «убедить Бранта в правильности высказанных ему видов относительно Амурской торговли, то главное будет достигнуто». Однако немногим позже он разочаровался и в нем, как и во всех директорах компании, и назвал Бранта негоциантом «Щукина двора», что по понятиям того времени считалось далеко не лестным сравнением.

«Сближение папашы с начальством идет успешно, хотя много есть такого, чем он недоволен, а главное, тем, что директоры компании то и

* Там же. Д. 22 ([письмо] 27.X–1858) (номер листов в рукописи отсутствует. – А.Г.).

дело пикируются»*, сообщает Н.А. Белоголовый брату. В другом письме он добавляет: «Знакомство отца с администраторами Амурской компании немало охладит его рвение к делу, если не будет укрощена пылкость рьяного сотрудника компании – Невельского»**.

Белоголовые – отец и сын – не могли оценить деятельности Г.И. Невельского, как одного из директоров (кандидатов), ставившего на первом плане государственные интересы, развитие местной промышленности, каботажного плавания, а не погоню за барышами.

В январе 1859 г. А.В. Белоголовый приходит уже к довольно пессимистическому заключению. Правление, по его мнению, настолько составляет различные элементы, что «навряд ли на дела выйдет что-либо годное». При такой оценке всего состава правления, а она в некоторых случаях выражалась им и в более резкой форме, А.В. Белоголовый едва ли мог работать под его руководством.

Перед грандиозностью программы и требований, предъявленных к А.В. Белоголовому, он как бы растерялся. «Признаюсь тебе, – пишет он сыну Николаю, – что я дошел до сознания, что, взявшись за дело компании, сделал большую глупость... Дело мне не под силу; одна только надежда, что я уеду в Сибирь и больше сюда ни ногой».

Однако назначенный ему правлением годовой оклад в сумме 19 000 рублей, а его сыновьям: Андрею⁶⁹ – 3000 руб., а Аполлону⁷⁰ 2000 руб. заставил А.В. Белоголового изменить свое намерение. Вот что он сообщает сыну: «Я поеду (на Амур), поведу дело по своему взгляду и расчету, и если будут мне препятствовать и не будут содействовать, то поклонюсь им, о чем я и объявил»***.

Из этих слов видно, что А.В. Белоголовый планам правления противопоставлял какие-то свои и выразил решимость осуществить их на Амуре. Уже это одно свидетельствует о наличии у А.В. Белоголового диктаторских замашек. Неспроста и Н.А. Белоголовый сообщает своему брату: «Папаша может только тогда служить компании, когда ему предоставят неограниченную свободу в действиях и не свяжут его таким золотушным диктатором, как Сементовский, который на каждом шагу будет тормозить».

Заседания правления компании происходили иногда весьма бурно. Одно из них было посвящено торговле с Камчаткой, на чем особенно настаивал А.В. Белоголовый, полагавший, что от Камчатки можно ожидать первое время хороших дивидендов. Брант считал дело на Камчатке мелочным, ничтожным, тем более что Амурской компании пришлось бы на этой земле соперничать с Российско-Американской.

«Конечно, от Камчатки, – заявил А.В. Белоголовый, – мы ничего не получим, если только будем принимать за тип для своей компании положение Российско-Американской и следовать тем же формам, тогда

* Там же. ([письмо] 26.XI–1858) (номер листов в рукописи отсутствует. – А.Г.).

** Там же. Картон 3. Д. 217. Л. 1.

*** Там же. Д. 233 ([письмо] 27.I–1839). Д. 44. Л. 2.

Амурская компания будет не что иное, как родная сестра американской, и тогда уж я не возьмусь управлять делами ее».

Как видим, упор делался на увеличение доходности компании, а не на подъем хозяйства Камчатки и на удовлетворение нужд ее населения.

«Невельской поругался с Брантом и хотел даже бежать из собрания». Надо думать, что его возмущала устремленность интересов на Камчатку в то время, когда основная деятельность компании должна сосредоточиться на Амуре и направляться на развитие в крае необходимых отраслей промышленности, каботажного плавания и т. п.

XII.

Находясь в столице, А.В. Белоголовый не только посещал заседания правления, но выполнял и отдельные его поручения; так, он побывал в Москве, где закупил для компании некоторые товары.

Деятельностью компании заинтересовались и руководители Сибирского комитета. Они не прочь были выслушать мнение старожилы Сибири не только по вопросам торговли, но и по такому большому вопросу, как переселенческий.

«Вчера папаша был у Буткова, – пишет Н.А. Белоголовый брату, – толковали о колонизации Амура. Папаша не видит необходимость отдачи земель в вечное владение переселенцам, Бутков под конец согласился с этим, но только говорит,

Николай Андреевич Белоголовый

что он ни за что не хочет, чтобы переселились немцы, что вообще иностранный элемент может слишком укорениться на свежей и новой почве и ослабит наше владычество на Амуре»*.

Выступление многих лиц в печати, подвергавших в основном справедливой критике деятельность компании, отсутствие у правления единого плана и ближайшей программы действия, наконец, борьба в самом правлении между директорами вызвали со стороны 20 акционеров компании требование созвать общее собрание владельцев акций.

Хотя не сохранилось ни протокола собрания акционеров, ни сведений об их выступлениях, мы вправе думать, что на собрании, кроме членов правления, присутствовал как акционер и А.В. Белоголовый. Доказывая не только нецелесообразность, но и невозможность с надеждой на успех руководить из Петербурга деятельностью компании в крае, находящемся от столицы на расстоянии до 10 000 верст, он, по-видимому, развивал высказанную ранее мысль о необходимости в интересах дела иметь в Восточной Сибири особое лицо с неограниченными полномочиями.

Очевидно, общее собрание акционеров согласилось с его доводами, так как в том же 1859 г. именным указом, данным Сенату, «О новом порядке

* Там же. Д. 31 ([письмо] 26.XI–1858) (номер листов в рукописи отсутствует. – А.Г.).

заведования делами на месте действия Амурской компании в Сибири»* был изменен § 27-й устава компании, по которому заведование всеми ее делами на месте возлагалось на управляющего Иркутской главной конторой.

В новой редакции § 27 был так формулирован.

«Вследствие ходатайства компании, согласно представлению генерал-губернатора Восточной Сибири и положению Сибирского комитета... непосредственное заведование всеми делами на месте действия компании... вверяется особо избираемому лицу, с присвоением ему звания управляющего делами компании в Сибири. Он получает от правления узаконенную на действия доверенность для руководства инструкцию». Иркутская главная контора, как отмечается в указе, «состоя в подчинении управляющего делами компании в Сибири, своевременно доносит правлению о ходе дел в сроки, им назначенные, представляет подлежащую отчетность и вырученные от оборотов компании суммы». В отчетности должны быть отражены все ее операции.

Управляющим делами компании в Восточной Сибири тогда же избирается А.В. Белоголовый. Заведующим иркутской главной конторой вместо себя он назначил своего сына Аполлона, младший сын, Владимир⁷¹, еще в 1858 г. был назначен приказчиком в Благовещенске, третий, Андрей, отправлен за границу для выполнения отдельных торговых поручений. Сам Белоголовый и его два сына получали в год 24 000 рублей жалованья. Пребывание каждого из них в командировке оплачивалось дополнительно. Немудрено, что недоброжелатели А.В. Белоголового ставили ему в вину, что он получает в год 30 000 рублей и своей работой не оправдывает такую плату.

На некоторые должности А.В. Белоголовый назначал преданных ему людей, например, Николаевской конторой заведовал один из его приказчиков – Паргачевский.

Аполлон Андреевич Белоголовый

Таким образом, в дело компании был внесен элемент семейственности. Если мы добавим к этому, что и иркутская контора компании помещалась в доме Белоголового, что лавки Амурской компании население не иначе называло, как лавками «Бенардаки и Белоголового», то можно с полным правом Амурскую компанию считать «Торговым домом А.В. Белоголовый и Сыновья».

Муравьев, занятый всецело в 1858 г. разрешением Амурского вопроса, все

*Андрей Андреевич
Белоголовый*

* ПСЗ-2. Т. XXXIV. № 35037.

же находил время следить не только за статьями, помещаемыми в периодической печати о компании, но и за деятельностью ее заправил, в частности, за деятельностью, и к тому ж далеко небезупречной, главы компании – Бенардаки.

Сибирское купечество не раз высказывало убеждение, что основание Амурской компании положено откупщиками не без задней мысли – «присоединить Амур к откупу Восточной Сибири». Действительно, приказчикам компании, получавшим в месяц десять рублей жалованья, разрешалось вести торговлю и «от себя». При таком порядке они развили тайную продажу крепких напитков, спаивали население, «денежные средства которого переходили в карманы этих кулаков-мироедов»*. К концу 1858 г. обнаружались и такие факты в откупной системе, которые бросали тень на самого откупщика. Державший с 1858 г. винный откуп в Восточной Сибири Бенардаки пытался, пользуясь аппаратом компании, распространить откуп на Амур.

Вина Бенардаки была не только в этом. Вот что Муравьев сообщает о его делах. «Бенардаки затеял столько непригодных дел по всем своим ведомствам, т. е. 1-е по откупу, 2-е золотопромышленности, 3-е Амурской компании, что я вынужден дать ему этот урок и, разумеется, ни к какой награде представлять его не могу»**.

В чем же заключался этот урок?

Торги на винный откуп производились в Министерстве финансов через каждое четырехлетие. Перед началом переторжки на четырехлетие с 1859 г. Бенардаки, по его словам, уверили в том, что откуп с этого года будет распространен и на Приамурский край. Однако при выдаче открытого листа на откуп в нем не было упомянуто о Приамурском крае. Получив из Сената такой лист, Бенардаки пишет Муравьеву: «Зная истинно государственные виды вашего сиятельства на устройство края, я, вопреки оных, не желаю ходатайствовать о сохранении мне права продажи там вина; но так как при торгах состязание за откуп в Восточной Сибири было сильно увеличено именно обещанным присоединением к нему Приамурского края, то я смею надеяться, что в случае, если это не состоится, ваше сиятельство изволите признать справедливым ходатайствовать у правительства, чтобы за лишение меня права винной продажи в этом крае сделан был со мною надлежащий расчет соответственным уменьшением объявленной на торгах суммы»**.

Муравьев был далек от того, чтобы действовать в интересах откупщика. А зная его попытки распространить откуп на Приамурье, предложил редактору «Иркутских губернских ведомостей» Н.А. Спешневу⁷² поместить в газете статью против откупа. Написанная Спешневым не без участия самого Муравьева статья как громом поразила Бенардаки.

Приводим основную часть статьи.

---

* *Кукель Б.К.* Из эпохи присоединения Приамурского края // Исторический вестник. 1896. Т. XV. С. 681.

** *ЦИАМ.* Ф. 864. Д. 22. Л. 182.

*** *ОР РГБ.* Ф. 137. Карт. 70. Д. 52 (письмо 21.I.–1859 г.) (номер листов в рукописи отсутствует. – *А.Г.*).

Н.В. Буссе

«Гнусная проказа, известная у нас под именем откупа, грозит распространиться и на Амурский край, едва только успевший войти в состав Русской империи. Когда же вводят систему откупа? Когда, обремененная со всех сторон проклятьями, она и у нас, как слышно, доживает с грехом пополам последнее четырехлетие – и в это-то время искусственно, насильственно, лишь в угоду одному какому-нибудь правдой и неправдой разбогатевшему ростовщику, а целому краю в ущерб, вводят откуп в стране, незараженной еще этой общественной язвой... Правительство наше остановит в самом начале это несправедливое

посягательство ненасытной алчности».

Урок, по-видимому, и заключался в статье об откупе.

В начале 1859 г. генерал Казимирский сообщает из Петербурга Корсакову: «Бенардаки не виноват в откупе в Приамурском крае, он приезжал ко мне, сильно встревоженный гневом графа, и просил меня объяснить графу, что никогда не решится идти против идей графа, разделяя по убеждению его мнение. Прошу уладить это дело»*. И дело было улажено.

Однако Амур не был освобожден от того зла, который нес с собою винный откуп. Водку, главным образом араки, вместо служащих Бенардаки продолжали продавать наезжие купцы. Некоторые из них, например купец Есипов⁷³, отправлялись даже в Гамбург и, закупив там главным образом спирт, везли его на Амур в надежде быстрого обогащения. Тогда Буссе обратился к Муравьеву с просьбой, чтобы тот разрешил считать продажу спирта и араки корчемством и не пускать на Амур купца Кандинского⁷⁴. «Наши казаки, – пишет он, – пропивают все, что у них есть, и завели торговлю вином с ороченами, которых совершенно сгубят этим»**.

XIII.

В марте 1859 г. А.В. Белоголовый возвратился в Сибирь, и, несмотря на то, что последние девять месяцев этого года он находился на Амуре, где действовал довольно энергично и властно, дела компании несколько не улучшались.

Второй статьей Айгунского договора позволялась «для взаимной дружбы подданных двух государств взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств»***.

* ЦИАМ. Ф. 864. Д. 22. Л. (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

** Там же. Д. 29. Л. 192.

*** Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). М., 1952 (номер страницы в рукописи отсутствует. – А.Г.).

Кое-какие данные о реке Уссури у компании имелись, о реке Сунгари, протекающей с юга на север через всю Маньчжурию, компания никаких сведений не имела. Лишь только Амур очистился от льда, как на Сунгари, правый приток Амура, отправился с товарами на лодке приказчик компании Чеботарев Евгений Ильич⁷⁵.

При первой же встрече с маньчжурским пикетом у устья реки Чеботареву было объявлено, что «китайцы не признают за русскими права плавания по Сунгари. Правительство их не только не обнародовало этой статьи договора, но и строжайше запретило местным властям пропускать русских внутрь страны без употребления, впрочем, насильственных мер»*. Несмотря на запрещение, Чеботарев все же поплыл вверх по реке. У города Илань-Хала, где он пытался открыть торг с маньчжурами, ему приказали возвратиться на лодку и плыть обратно, так как населению запрещено продавать что-либо русским.

При содействии одного из маньчжур Чеботареву удалось в течение трех ночей тайно произвести скупку соболей у некоторых лиц. В четвертую же ночь он был убит, а плывшие с ним задержаны.

Об этом факте маньчжуры поспешили донести в Пекин. Откуда ургинским амбаниям было приказано уведомить кяхтинского градоначальника Деспот-Зеновича о том, что Чебулов (так китайцы называли Чеботарева) убит за произведенное им насилие над женой одного из простолюдинов. Амбани в присланном письме требовали строго предписать всем без изъятия русским подданным впредь по своеволию не допускать подобных действий и чтоб всем повелено было поступать по трактату, заключенному между двумя империями**.

В начале июля на Сунгари отправляется в сопровождении четырех помощников другой приказчик компании – Варфоломеев⁷⁶. Одновременно с ним военный губернатор Амурской области Н.В. Буссе посылает туда же под видом купца, «состоящего для ученых путешествий при императорском ботаническом саду», К.И. Максимовича⁷⁷. В открытом листе, написанном на русском и маньчжурском языках, значилось, что Максимович едет на Сунгари для торговли с местным населением и для выяснения, какие товары и предметы они сами могут продавать русским купцам.

Начальник военного караула не хотел в лице Максимовича признать купца и заявил ему, что в случае самовольного отплытия к городу Илань-Хала его лодка будет обстреляна.

Максимович отчалил от берега, за ним последовала и лодка Варфоломеева, которому начальник караула «довольно ласково пожелал счастливого пути».

Население первых гольдских деревень весьма радушно принимало Варфоломеева и Максимовича, охотно продавало им соболя шкурки и советовало не ехать в Илань-Хала, так как маньчжурские чиновники запретили под страхом смертной казни продавать что-либо русским.

В первой от устья гольдской деревне Нельбу Максимович встретил маньчжурского купца, возвращавшегося в Айгун с верховьев Сунгари. Купец предупредил Максимовича, что если он вздумает достигнуть Илань-Хала, то с него снимут голову, как это сделали с Чеботаревым.

* ГИО. Ф. 4 бис (в настоящее время это фонд 24. – А.Г.). Оп. 1. Карг. 1645. Д. 89. Л. 69 (Доклад П. Пузино военному губернатору Амурской области. 20.VIII–1858 г.).

** Там же. Д. 89 (номер листов в деле не указан. – А.Г.).

Максимович не внял предупреждениям, поднялся вверх по реке, за ним последовал и Варфоломеев. Встретив на этом пути противодействие со стороны маньчжур, Максимович пришел к выводу, что собирание порученных ему коллекций при этих условиях становилось невозможным и основная цель поездки – разведка края – неосуществимой. Не доезжая 50 верст до Илань-Хала, он вынужден был возвратиться на Амур. Вся экспедиция Максимовича продолжалась две недели – с 13 по 28 июля.

В докладной записке Максимович сообщает, что Сунгари на всем протяжении до г. Илань-Хала судоходна. Течение ее в большую воду не более 3,5 версты в час, наполнена отмелями, при плавании следует держаться преимущественно левого берега; ширина реки, где нет островов, от 1 до 2 верст. Не доходя до Илань-Хала верст 50, берега Сунгари становятся все выше, островов меньше. Гольдские деревни сменяются маньчжуро-китайскими и до того частыми, что, поднимаясь вдоль незаселенного левого берега, на правом можно насчитать восемь деревень на расстоянии одна от другой не более 2 верст.

Варфоломеев не последовал примеру Максимовича и достиг Илань-Хала, но торговать ему не пришлось: вместе с сопровождавшими его людьми он был арестован и посажен в тюрьму.

Получив сведения о неудаче экспедиции Максимовича, о судьбе Чеботарева и Варфоломеева и о том, что маньчжуры не желают выполнять условий Айгунского трактата, Н.В. Буссе приказал майору П. Пузино⁷⁸ отправиться на пароходе к устью Сунгари с отрядом в 50 человек при двух пушках и потребовать от заведующего землями у реки Сунгари амбана Фунянга освобождения Варфоломеева и всех людей, сопровождавших его и Чеботарева, а также выдачи тела самого Чеботарева. Пузино должен был разъяснить, что «русское правительство намерено всегда энергетически и безотлагательно принимать меры к охранению прав своих подданных и требовать соблюдения заключенных с ним договоров»*.

Цель была достигнута. Вновь назначенный айгунский амбань Гуссайда Айжиндай нанес официальный визит Буссе, извинялся «в затруднениях, которые он делал по торговым нашим сношениям, и обещал их устранить». Сунгарийский амбань Фунянга был с визитом у Пузино и объявил, что Варфоломеев со всеми задержанными людьми и товарами будет немедленно отпущен, а тело Чеботарева – выдано.

Таким образом, попытки Амурской компании наладить торговые отношения с населением, обитавшим по реке Сунгари, и ознакомиться с условиями плавания по этой реке оказались далеко неутешительными и необещающими надежд в будущем.

Очевидно, неудача на Сунгари отбила охоту у компании попытаться организовать торговлю и на другой китайской реке – Уссури и заставила сосредоточить все внимание лишь на Амуре.

* Там же. Д. 89. Л. 46.

XIV.

Весь 1859 г. оказался весьма тяжелым для всего Приамурья, особенно в зимние месяцы, что не могло не отразиться на делах компании.

Безответственность, жажда наживы, обуявшая приказчиков и второстепенных агентов компании, увлечение скупкой пушнины, почти полное незнание водителей судов с режимом реки Амура наносили компании немалый ущерб. Благополучие ее подрывала и конкуренция иностранцев, особенно американцев, проявлявших в торговом деле большую изворотливость и заинтересованность, чем находившиеся на службе компании приказчики.

Кроме того, в 1859 г., как и в 1858 г., Амурскую компанию продолжали преследовать неудачи. «Огорчений, забот и всех возможных неприятностей, – пишет Белоголовый сыну, – полна моя жизнь». Действительно, во время пребывания Белоголового в Николаевске одна беда следовала за другой. Корабль «Иннокентий» погиб в Де-Кастри. О его гибели отмечалось в некоторых иностранных газетах, с большим интересом следивших за всем тем, что происходило на Амуре. Вслед за ним корабль «Орус» был затерт льдами лимана, корабль «Феодосий» хотя пришел благополучно, но зазимовал в Николаевске. Два речных парохода Амурской компании, два казенных погибли, грузы с 2 шхун почти все погибли; из барж, пльвших сверху, одна сгорела.

«Управляющий николаевской конторой оказался негодным, и я, – читаем в том же письме Белоголового, – должен был его сменить. Паргачевский отправился в Шанхай, но бриг в пятидесяти верстах от Николаевска замерз, и он едва через две недели возвратился. Просто всего пересказать невозможно»*.

«После неудач с нашими судами, после потери грузов и пароходов, – пишет Белоголовый сыну, – у нас остались на руках одни иностранцы: механики, инженеры, инженеры-монтеры... Претензии у них страшные, для одного нужна мебель, для другого мало постельного белья, третьим не нравится стол, четвертым давай к обеду и ужину бутылку виноградского вина... Народ чуть ли не всех наций: немцы, шведы, датчане, финляндцы, голландцы, бельгийцы, французы, англичане, американцы, петербургцы, архангельцы, сибиряки, такой винегрет, что и поумнее меня повар не справится с ним. Между собой от безделья интригуют, сгоряча первенства не признают».

Удивляться этому не приходится. То было время преклонения пред всем заграничным. Главные механики и машинисты на пароходах компании рекомендовались «Обществом Кокрилля» (Бельгия), где заказывались корабли для компании. Из русских лишь двое, окончивших в 1858 г. технологический институт, были командированы на полгода в Англию и Бельгию, после чего их могли назначить «машинистами» на суда компании с тем, чтобы они потом обучали своих**.

* ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 3. Д. 236 ([письмо] 30.XI-1859) (номер листов в деле не указан. – А.Г.). См. также у П.И. Кабанова: «Амурский вопрос». Благовещенск, 1959.

** С.-Петербургские ведомости. 1858. № 213. Статьи К. Сементовского.

В 1859 г. погибла или пострадала чуть ли не половина пришедших к устью Амура 13 купеческих судов, в том числе и иностранных, например американское «Елена», гамбургское «Теодор и Юлия».

Благополучно прибывшими в 1859 г. на Амур судами доставлен груз не только на имя компании, но и на имя сибирских купцов (Кузнецова⁷⁹), купцов из Гижиги (Брагина и Воробьева⁸⁰), а также на имя американцев Чеза, Пирса, Эше. Груз состоял из пушных, мануфактурных, колониальных товаров. Общая стоимость привезенного груза по покупным ценам определялась в 1 014 668 руб. За границу в 1859 г. через Амур было отправлено шерсти 2300 пудов, сала – 101 пуд, кож – 100 штук, солонины – 27 п[удов], соболей – 740, белок – 398 шт[ук], всего на 19 778 рублей.

По течению Амура сплавлено в Николаевск на речных судах шкурок соболей 2868 штук, лисиц 53 шт[уки], чай, табак, скот, одежда, посуда на 76 046 рублей. Из Николаевска вверх отправлено соболиных шкур 6481 штука, лисьих – 1070 шт[ук], сахару 166 пудов, сигар 794 200 шт[ук], табаку 11 пудов, вина 10 908 бутылок. Всего на 120 337 рублей. Таким образом, полный оборот по привозу и вывозу в навигацию 1859 г. на Амуре определялся в сумме 1 230 829 рублей*.

XI.

Не все служащие компании назначались А.В. Белоголовым. Находясь в Петербурге, он был уведомлен о том, что в число сотрудников компании зачислен М.А. Бакунин, которому предстояло дать соответствующее поручение. По возвращении в Иркутск Белоголовый познакомился с Бакуниным и предложил ему организовать близ Читы ферму. Действительно в 1859 г. мы видим Бакунина в Чите, занятого организацией порученного ему предприятия.

Автор статьи «Краткий обзор действия Амурской компании за семь лет ее существования» говорит, что в Чите намечалось организовать мыловаренный завод и колбасную фабрику. И то и другое не было создано**. Не эту ли фабрику и завод должна была снабжать сырьем бакунинская ферма?

«Непрактические мероприятия не осведомленного в хозяйственных вопросах организатора привели к тому, что затея была признана неудачной». Так отзывается о Бакунине знавший его начальник артиллерии Вост[очной] Сибири Кондратьев***⁸¹.

Серьезные поручения, надо думать, даны были Бакунину для выполнения и в Кяхте, в том пункте, где сосредоточивалась крупная торговля чаем.

Создавшаяся политическая обстановка в Китае, в особенности агрессия англичан и возможность ее усиления в связи с открытием новых для них портов дали бы окончательное преимущество морской торговле. Это учли

* Сведения взяты из статьи Д.И. Романова «Торговля при Николаевском порте» (Коммерческая газета. 1860. № 5).

** Восточное поморье. 1865. № 3–5. Комплект этой газеты, являющийся библиографической редкостью, имеется в Московской государственной исторической библиотеке.

*** Материалы для биографии М. Бакунина по архивным делам III отделения и Морского министерства. М.; Пг., 1922. Т. 1. С. 379.

Фрагмент фотографии Большой улицы в Иркутске в сторону р. Ушаковки. Стрелкой указан дом Андрея Васильевича Белоголового (не сохранился). Фото 2-й пол. 1860-х гг.

капиталисты Сибири, заинтересованные, прежде всего, в сохранении сухопутной торговли с Китаем, центром которой была Кяхта. Вот почему в Амурском деле большую заинтересованность наравне с иркутским проявляло и кяхтинское купечество.

Интерес к портам океана в связи с неправильной торговой политикой, проводимой Амурской компанией, значительно ослабевал, и его нужно было усилить. Бакунин в данном случае, как прекрасный агитатор, мог быть весьма полезен. В Кяхте он задерживается сравнительно на долгое время и старается снискать доверие градоначальника Деспот-Зеновича и видных представителей капитала.

Частый гость у купцов Сабашниковых⁸², Кандинских и других, он убеждает их организовать на Амуре торговые предприятия. Возможно, что в роли такого организатора не прочь был бы по поручению купечества выступить и лично.

За этой пропагандистской деятельностью скрывалось иное. В случае успеха представлялась возможность побывать в Николаевске и во вновь открытых для торговли портах Тихого океана, посещаемых американскими и другими иностранными судами.

Продолжительное пребывание Бакунина в Кяхте следует рассматривать и как первую рекогносцировку, имевшую целью установить, возможно ли при расположении к нему местной власти и при содействии некоторых представителей купеческого мира пробраться с торговым караваном в Пекин, где интересы России защищал Игнатъев⁸³, а оттуда – к берегам Темзы.

Полгода, проведенные Бакуниным в разных городах Забайкалья, вполне достаточный срок для того, чтобы ознакомиться и правильно оценить деятельность компании.

«При ложном и пагубном направлении, данном компании ее сибирским главнокомандующим, сообщает Бакунин Бенардаки, я не мог принести в ней ни малейшей пользы. Об этом я имел честь неоднократно доносить правлению компании в продолжении лета 1859 г., а вам писал лично через Ю.А. Волкова»*.

Странно после такого признания читать в том же письме: «В доказательство же, что проявление компании было довольно моими посильными стараниями, прилагаю благодарность от него (Волкова), полученную и подписанную Вашим собственным именем».

М.А. Бакунин

Благодарность, по-видимому, была вынесена не за выполнение тех или иных поручений торгово-промышленного характера, а за критический разбор всей деятельности компании.

Эта критика не оставалась тайной. Свое мнение о компании Бакунин открыто высказывал среди кяхтинского и читинского общества, что дало основание некоторым, в частности Завалишину, полагать, что Бакунин «подкапывался» под Белоголового, рассчитывая занять его место. Приписываемые Бакунину мечты стать во главе Амурской компании в Восточной

Сибири и «свалить» Белоголового – одна из тех выдумок, которые временами рождались в умах досужих сибиряков. Управляющий делами Амурской компании в Сибири назначался правлением из числа акционеров компании. Бакунин акционером ее не был.

Как знающий всю подноготную компании, он, конечно, не мог молчать или одобрить работу Белоголового, но все это далеко от того, чтобы вести агитацию с целью занять место руководителя компании, которая, по словам самого же Бакунина, «не приступив еще к делу, совершенно обанкротилась».

Таким образом, правление Амурской компании узнавало о ходе ее дел в Сибири не только из статей и заметок, помещавшихся на страницах газет и журналов, но и из писем разных лиц, в частности из писем Бакунина.

Подвергнув критике деятельность компании и убежденный в том, что ей грозит неминуемый крах, Бакунин приходит к твердому решению оставить службу в этом предприятии. Действительно, пробыв шесть месяцев на

* Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. М., [1935]. Т. IV. С. 374. Волков Ю. – управляющий делами Бенардаки в Сибири.

службе в Амурской компании и ничего не сделав для нее, он с первого декабря 1859 г. считал себя уже не связанным никакими обязательствами ни с Белоголовым, ни с компанией.

XVI.

Сибирская общественность в 1859 г. еще сильнее, чем в 1858 г., реагировала на все неудачи и распоряжения компании. С резкой оценкой деятельности компании выступил Д. Завалишин в статье «Новейшие известия о торговле на Амуре и замечания о действиях Амурской компании», он утверждал, что «Амурская компания существует только по названию, на деле же ее не видно. Мы в большом недоумении, что же это за компания? Кто ее составляет? Где она действует? Быть может, она и ведет где-нибудь свои дела, пишет Завалишин, но только никак не на реке Амуре. Право, иногда приходит на мысль, уж не шутка ли это какого-нибудь потешника, который провозглашает, что на Амуре существует какая-то компания? Служащие ведут торговлю и от себя; люди, служащие на большом жаловании, остаются без дела»*. Разрешение вести мелкую торговлю «от себя», вызванное невозможностью из-за отсутствия средств компании своевременно уплачивать жалованье ее работникам, открыло широкий путь разным злоупотреблениям и недозволенным торговым комбинациям.

Судебные органы Забайкалья и Амурской области были завалены делами по обвинению приказчиков и агентов компании в растрате и в других преступлениях. Растраты выражались в крупных по тому времени суммах. Приказчик в уезде, получая в год 3000 руб., растратил 20 000 руб. Таких примеров много.

К другим фактам, печально отражавшимся на деятельности компании, Д. Завалишин считал обман и грубость, прочно укоренившиеся в практике служащих компании, беспорядок и отсутствие всякой расчетливости в операциях по закупке товаров и найму сотрудников. Завалишин открыто заявлял, что принятие в число сотрудников компании Бакунина не что иное, как замаскированная синекура. К не менее важным фактам он относил и разнородность многих одновременно затеянных, но не осуществленных компанией предприятий.

В заключение автор статьи требовал от компании уменьшать сочетать разумным и законным путем свои частные выгоды с общественной пользой. Обращаясь к патриотизму директоров правления и к акционерам, Завалишин высказывал надежду, что они примут меры к прекращению прискорбных явлений и, помня, что прежде, чем быть акционерами, они были русскими (конечно, и остались ими) сумеют, не теряя своих выгод, заставить не терять из виду и той общепользующей для России цели, для которой они соединились».

Если Завалишин, не будучи лично на Амуре, пользовался сведениями, полученными от лиц, хорошо осведомленных в делах компании, то другие, помещавшие в газетах и журналах статьи о компании, сами были свидетелями ее деятельности.

* Вестник промышленности. 1859. № 12. С. 113–117.

С конца 1858 г. и всю первую половину 1859 г. находился на Амуре в служебной командировке Д. Фок⁸⁴. Знакомясь с колонизацией края, с насаждением в нем начал гражданственности, он обратил внимание и на деятельность компании, посвятив ей несколько страниц в небольшой, но ценной статье: «Замечания о Забайкалии и Приамурском крае»*. Подвергая критическому разбору действия компании и управляющего ее делами в Сибири, автор указывает и тот путь, по которому должна направляться ее деятельность, чтобы быть полезной населению и краю.

В Благовещенске Амурская компания, по словам Д. Фока, распродав купленный на Ирбитской ярмарке брак, доставила из Николаевска дрянной ром, варенье, консервы. Купив здесь же у маньчжур рис по 9 коп. фунт, продавала его по 40 коп, т. е. брала прибыли до 344 %. В 1859 г. в обмен на дабу⁸⁵ стоимостью 1 руб. 50 коп. получала у гольдов⁸⁶ 300 штук юколы (сушеная рыба), а продавала казакам эту рыбу по 5 коп. за штуку, получая, таким образом, уже 900 % прибыли.

В 1859 г. Фок приехал в Благовещенск в день раскупорки прибывших товаров. Здесь распорядился сын Белоголового, «а цены назначал сам отец, проехавший вниз».

Из Благовещенска Фок проехал вверх по Амуру, не пропустив ни одной станицы. «Я узнал, – сообщает он, – что сплав Амурской компании ни в одной из них не продавал товар, даже останавливаясь для ночлега, тогда как повсюду до подвоза казенного груза казаки нуждались в хлебе, в кирпичном чае».

Приводя существовавшие в 1859 г. в Забайкалье цены на муку, масло, чай кирпичный, товары и т.п., Фок сравнивал цены с теми, по которым компания продавала эти же товары в Албазине, и приходил к заключению, что на всем получилось прибыли от 88 до 240 %. «В этом почти заключалась благодетельная, по объявлению почти беспроцентная, торговля Амурской компании», – горько иронизирует автор статьи.

Возмущаясь подобной сверхприбылью, низким качеством товаров, он требует снижения стоимости их, ввоза «жизненных и сельских материалов», настаивает на необходимости организовать по Амуру каботажное плавание, для чего рекомендовал привлечь с Волги и Камы 200 строителей судов, освободив тем самым до 1000 забайкальских хлебопашцев от посторонних и несвойственных им судостроительных работ.

Фок требует от компании «уделить часть средств на устройство чугунно-железного и железоковательного завода, хотя бы недалеко от бывших Шилкинских заводов». Однако автор не был уверен в том, что его советы будут приняты. «К сожалению, – пишет он, – подобных распоряжений нельзя ожидать от настоящего представителя Амурской компании, судя по его действиям».

Еще более резкие отзывы о деятельности компании читаем в письмах М.А. Бестужева к его сестре, адресованные в Москву. Письма вскрывались агентами III отделения собственной канцелярии царя, и из них делались

* Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. М., 1860. Кн. 1. С. 1–20.

необходимые выписки. Некоторые выписки касаются взгляда М.А. Бестужева на Амурскую компанию. В письме от 18 ноября 1858 г. читаем: «Во всяком случае шансов в Амурской компании мало, как я вам и прежде писал; эта компания – пуф и больше ничего. Она рухнет; обычная русская купеческая замашка – драть, где можно драть. Неудавшееся надувательство – ввести откупную систему на Амуре, и потом, окончательное несчастье, когда корабль с машинами разбился, окончательно ее погубили».

В выписке из другого письма, отправленного туда же 27 декабря, Бестужев, предвидя конец компании, сообщает: «Амурская компания Бенардаки оказалась чистым надувательством. Она должна лопнуть. Дела ее были ведены так нечисто, что честному человеку должно благодарить Провидение, что оно избавило его от участия в них»*.

Население Восточной Сибири и Приамурья не только знало о неудачах компании в торговом деле, но и на себе испытывало всю тяжесть их. Жители Иркутска, например, в конце 1859 г. напрасно надеялись на то, что «компания доставит в Иркутск хотя что-нибудь из прошедших кругом света товаров», а в Благовещенске в декабре этого года население испытывало большую нужду, так как ничего нельзя было достать**. В тех же местах, где в лавках кое-что еще и продавалось, то цены на предметы первой необходимости были настолько вздуты, что население не имело возможности приобретать их. Спокойно к подобным фактам оно не могло относиться. Протест выражался в стихийном выступлении отдельных групп населения, громивших в ряде мест лавки и другие торговые предприятия Амурской компании.

Интерес к компании не был только местным, большое внимание уделялось ей и заграничной прессой, поскольку деятельность ее осуществлялась у границ Китая, по отношению к которому со стороны Англии, Франции проводилась агрессивная политика. В немецких, особенно в английских газетах за 1859 г. был помещен ряд статей, ставивших своей целью подорвать в общественном мнении их стран репутацию Амура и умалить значение его для России. В статьях отмечалась неорганизованность торговли на Амуре вообще и в частности безнадежное состояние Амурской компании.

Н.А. Белоголовый, проживавший в 1859 г. за границей, сообщает своему брату о том, что в заграничной прессе пишут: «Дела на Амуре плохи, в Китае – тоже и что посланник наш в Пекине задержан как пленник до очищения русскими Амура, что торговые дела на Амуре идут до крайности плохо, так что все сибирские купцы, в том числе и сам начальник (как сказано в газете) Амурской компании, возвращаются назад с обманутыми надеждами»***.

Не так смотрели на дело Амурской компании в столице. Акции ее на Петербургской бирже не снижались и в 1860 г. котировались по 265–275 руб.

---

* Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИИМ). Ф. 109. Оп. 3. Д. 1309 (В настоящее время это Государственный архив Российской Федерации, далее: *ГА РФ*. Дело – Выписки из писем Маркелова И., Хитрово, Бестужева и других к Маркелову И.И., Невоструеву К.И., Бестужевым Е.А. и М.А. и другим о состоянии Амурского края, злоупотреблениях в нем, о присоединении Амура к России и заключении пекинского договора. 1858–1861. Номер листа в рукописи Б.Г. Кубаловым не указан. – *А.Г.*)

** Восточное поморье. 1865. № 4.

*** *ОР РГБ*. Ф. 22. Карт. 3. Д. 193. Л. 10.

Хотя объявление порто-франко на Амуре и навело ужас на московских фабрикантов, заинтересованных в кяхтинской торговле, однако действие его продолжалось недолго. В некоторых столичных журналах появились и не лишённые юмора статьи, в которых если и не упоминалось об Амурской компании, то много места уделялось влиянию амурской торговли на рост и значение городов Восточной Сибири, в частности Иркутска.

В журнале «Отечественные записки» (1859 г. № 1. С. 17–20) читаем: «Теперь в гостином дворе будут продаваться амурские товары, и Иркутск должен сделаться образцом всякого фешена⁸⁷, потому что Иркутск первый получит модные французские и английские ткани. Нам теперь предстоит двойное подражание Парижу и Иркутску! Вот до чего мы дожили с нашей сибирской литературой и с нашими сибирскими корреспондентами! Прибавьте проекты новых железных дорог и телеграфической линии, и вы не будете знать, где вы живёте, в Петербурге или в Сибири, так скоро будут доходить до вас известия»⁸⁸.

XVII.

Неудачи, преследовавшие компанию, недовольство распоряжениями правления, нападки на А.В. Белоголового в печати и, наконец, болезнь его – все это, вместе взятое, отразилось на психике старика. Не находя путей к улучшению дел компании, просуществовавшей лишь два года, Белоголовый, предвидя неминуемый ее крах, приходит к печальному заключению, что все предприятие «полетит вверх ногами» по вине правления.

«Если бы оно способно было повести дело на коммерческих основаниях, то мы на будущий год показали бы, что торговля на Амуре и через Амур с Сибирью – дело блистательное, да с пирожниками сапогов не сошьёшь», – пишет он сыну.

В другом письме поясняет: «Если дела компании идут вяло, то решительно от действий питерских. Захвастались, нашумели да принялись шиловничать, денег не высылают, перевозов не оправдывают, распоряжений не поддерживают и принимают какие-то убийственные полумеры»*.

Сетование Белоголового – ничего не говорящие фразы, из них не узнать, какие же его распоряжения не поддерживаются и в чем сущность «убийственных полумер». В этом сетовании налицо лишь неудачная попытка оправдаться в своей беспомощности и свалить вину за неудачи на других. Единственным оправданием Белоголового может служить лишь серьёзная болезнь, заставившая его в 1859 г. отказаться от управления делами компании в Восточной Сибири. Он домогается лишь одного: остаться вместо сына Андрея управляющим иркутской конторой, но и то без разъездов. Просьбу Белоголового правление не удовлетворило, предложив ему остаться на ответственном посту еще на год.

Другим виновником неудач А.В. Белоголовый считал представителей местной власти, не идущих якобы навстречу его требованиям. «Начальство местное, – пишет он из Николаевска сыну, – действует против нашей

* Там же. Ф. 22. Карт. 3. Д. 228 ([письмо] 28.VII–1859) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

компания как-то странно, все обещают, а ничего положительно не делают. Неприятностей таки довольно, и я убедился, что мне не перенести, а потому помоги бог выбраться отсюда»*.

На самом деле власть в лице генерал-губернатора всегда оказывала поддержку законным требованиям компании.

Укажу хотя бы на такие факты, как ходатайство Муравьева о беспошлинной продаже провозимых по Амуру товаров компании, не только в Сибири, но и в Европейской России, или повышение по просьбе компании тарифа за перевозку на казенных пароходах груза частных владельцев с 30 коп. до 3 руб. с пуда. Этой мерой предполагалось создать такие условия, при которых большая часть грузов будет перевозиться на пароходах компании, где тариф на грузы был значительно ниже введенного для казенных пароходов. Местная же власть действительно не выполняла требований компаний, но лишь тех, которые могли нанести тот или иной ущерб населению или интересам края.

Так, например, когда приказчики компании, разъезжая по станицам Приамурья, объявляли, что казаки обязаны заготовить для нужд компании дрова, и устанавливали цену по 76–90 коп. за сажень, в то время как заготовка сажени дров обходилась не дешевле 2–3 руб., то краевая власть, учитывая протест казаков, не допустила подобной эксплуатации их труда.

Затем в 1859 г. компании было предложено взять на себя доставку в разные пункты Амура, а также в Охотск и Аян муки, крупы, мяса, гороху, смолы, строительных материалов и других товаров всего около 67 078 пудов, заготовительная стоимость которых по ценам 1858 г. не превышала 124 198 руб.

Сплав всего этого количества товаров обошелся бы компании в 50 331 руб. из расчета по 25 коп. с пуда до Благовещенска и по 50 коп. – до Николаевска. Таким образом, вся операция по снабжению населения предметами первой необходимости обошлась бы компании не больше 175 000 руб. и не могла быть убыточной.

А.В. Белоголовый потребовал ручательства правительства в сбыте компанией всего независимо от качества, т. е. поставил такие условия, которые администрация края принять не могла. Выполнение всей операции по обеспечению края предметами первой необходимости пришлось провести силами государственного аппарата.

Затем, когда в 1859 г. морское министерство предложило компании взять на себя поставку для портов Восточного океана ряда необходимейших товаров, она заломила цены вдвое, втрое дороже того, во что обходилось изготовление и доставка этих предметов хозяйственным департаментом, например: за предметы, которые обходились с доставкой 5 руб., компания запрашивала по 10–15 руб.**

Этих фактов вполне достаточно для того, чтобы в деятельности А.В. Белоголового, как доверенного компании в Восточной Сибири, признать ряд ошибок и промахов. Другой вопрос – можно ли обвинять его

* Там же. Д. 229 ([письмо] 20.V–1859).

** *ЦИАМ*. Ф. 864. Д. Л. (номер дела и листа в рукописи не указаны. – А.Г.).

в нерадивом ведении дела, в преследовании своекорыстных целей или в умышленном нанесении ущерба компании, как об этом не раз отмечалось в печати в 1861–[18]62 гг.*

XVIII.

Правление компании, встревоженное положением дел на Амуре, высказывалось за необходимость на месте выяснить причины, столь печально отразившиеся на ее деятельности, и по возможности направить дело по новому пути.

С таким заданием в январе 1860 г. на Амур отправился сам председатель правления Бенардаки. Проезжая Томск, он вместе с инженером Романовым посетил находившегося в это время там Бакунина. От него и от своего доверенного по делам в Восточной Сибири Ю.А. Волкова он многое узнал о деятельности компании за последний год, об отношении к ней сибирских капиталистов. Бакунин, сообщая Корсакову о визите к нему главы Амурской компании, добавляет: «Положение самого Бенардаки пошатывается, да и Волков сам не уверен в своем положении». Очевидно, дела не только компании, но и других предприятий, в которые были вложены капиталы Бенардаки, вызывали в 1860 г. опасение за их дальнейшую судьбу.

Бакунин, по его словам, все же готов был возвратиться «под знамя Амурской компании только тогда, когда, попав в лучшие руки, она чем-нибудь дельным докажет себе и всему миру пользу и возможность своего существования».

Какие меры принял Бенардаки, посетив Иркутск и Забайкалье, неизвестно. Надо полагать, что для него на первом месте стояли не интересы Амурской компании или края, а интересы личного порядка, связанные с прибылью, приносимой откупом и золотыми приисками, в которые были вложены его капиталы.

В связи с болезнью А.В. Белоголового он высказался за необходимость передать управление старшему сыну Белоголового Аполлону⁸⁹.

Доверенность, данная ему 11 мая 1860 г., является копией доверенности, полученной самим А.В. Белоголовым от правления 14 марта 1858 г., и представляет интерес, поскольку позволяет судить о той деятельности, которую правление намеревалось проводить в Сибири.

Прежде всего, управляющий делами Амурской компании должен был:

«1. Заведовать конторами и торговыми заведениями, открытыми в Сибири, на Амуре и Камчатке. 2. Устраивать, где польза К^о укажет, пристани, верфи, склады товаров, рыбные заводы, ломки каменного угля и другие промышленные и торговые заведения, для чего и вообще для хозяйственных надобностей К^о просить у г. генерал-губернатора Восточной

* Сын отчества. 1860; Биржевые ведомости. 1861. № 225. В газете «Акционер» (1862. № 12) помещена статья, реабилитирующая А.В. Белоголового. Статью составил А.А. Белоголовый, а Н.А. Белоголовый провел ее в редакцию. «Московские ведомости», куда первоначально была направлена эта статья, отказались ее печатать. Корш (редактор) не хотел даже ее прочитать, а прямо объявил, что статьи акционерные, а тем более полемические, он не принимает (*ОР РГБ*. Ф. 22. Карт. 3. Д. 88. ([письмо] 10.III–1862) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

Сибири отвода удобных земель, рыбных ловель и каменноугольных приисков. 3. Для всех потребностей и заведений К^о в Сибири при Амурском крае принимать в службу ее благонадежных и способных людей, заключая с ними контракты, как то: управляющих конторами и отдельными частями, приказчиков и разного рода служащих, где и как надобность укажет. 4. Назначать и выдавать этим людям по своему усмотрению жалованье и прочее содержание; проверять их действия и требовать отчеты в приходе, расходе и остатке денежных сумм, имуществе, припасах и т. п. 5. Вести от имени и за счет К^о заграничную чрез порты Восточного океана торговлю, а также и торговлю внутреннюю повсеместно, где польза и надобность К^о укажет, всякого рода товарами, для чего внутренние и иностранные товары покупать и продавать, – совершать о тех товарах сделки, по надобности фрахтовать суда. 6. Принимать за счет К^о и в точности исполнять казенные и частные подряды и поставки в Приамурском крае и вообще в Восточной Сибири, для чего вступать в торги и заключать, если потребуются, контракты. 7. Для снабжения компанейских факторий и заведений всем для них потребным, а также для исполнения подрядных контрактов с казною и частными лицами распоряжаться заготовлением всякого рода имущества, припасов и материалов как в Сибири, так и в России, где будет выгоднее, равномерно постройкою и сплавом судов и всем тем, чего польза К^о по свойству дела потребует. 8. Иметь в ведении парходные и разного рода суда; снабжать их опытным и верным экипажем, принадлежностями и запасами, получать от капитанов и приказчиков, заведывающих судами, своевременные отчеты в капиталах, товарах и имуществе. 9. Подавать от имени компании в присутственные места и к начальствующим лицам прошение, отзывы, объяснения и другие бумаги, какие окажутся нужными, подписывать на решения удовольствия и неудовольствия»*.

XIX.

Обвинения А.В. Белоголового в неумелом ведении дела и в целом ряде «грехов», помещавшиеся на страницах печати, усилились после смерти его.

Возвращаясь в декабре 1859 г. из Николаевска до Мариинска на лошадях по льду Амура, от Мариинска до Хабаровска – на собаках, оттуда до Благовещенска вновь на лошадях, он после 53-дневного пребывания в пути заболел и только 17 марта 1860 г. приехал в Иркутск. Оправиться после болезни ему уже не довелось, и 17 июня 1860 г. А.В. Белоголовый умер.

Правление Амурской компании в рапорте, подписанном Бенардаки и Брантом 15 августа 1860 г., доносит генерал-губернатору Муравьеву, что по случаю смерти управляющего делами Амурской компании А.В. Белоголового управление делами компании в качестве уполномоченного поручено иркутскому 1-й гильдии купеческому сыну Аполлону Андреевичу Белоголовому. В то же время за увольнением Андрея Андреевича Белоголового от управления иркутскою главною конторою компании обязанность эта возложена на купца первой гильдии Алексея Козьмича Веретенникова.

* ГАИО. Ф. Д. (Пометка в рукописи Кубалова: «Определить не могу». – А.Г.)

Дела компании и при новом уполномоченном не пошли лучше. Известны его жалобы на командира воинской части, расположенной в Амурской области, Помпея Пузино. Н.В. Буссе в частном письме к Корсакову сообщает: «А.А. Белоголовый подал уже три жалобы на Пузино. О двух доношу тебе, третью решу на месте. Пузино признался, что действовал запальчиво и неосторожно, и обещал укротить свой задорный нрав. Мне кажется, что необходимо тебе хоть частно сообщить Николаю Николаевичу обо всем, потому что правление компании будет ему жаловаться. Со своей стороны я объявил Пузино, что всякое своевольное распоряжение и нарушение прав частного человека будут преследоваться гражданским судом, а не административными взысканиями»*.

Дело в том, что Пузино, узнавая о привозе товаров на компанейских судах, самовольно отбирал из них нужное количество для своей команды, обещая расчет за взятый товар произвести в «последующее время». Подобные действия, конечно, вносили дезорганизацию в торговлю компании и причиняли ей немалый ущерб.

Насколько А.В. Белоголовый превыше всего ставил прибыль компании, а не интересы того края, которому в первую очередь она обязана была служить, иллюстрирует недопустимый факт оттяжки им выдачи разрешения на отпуск 3000 пудов муки для распределения ее среди населения тех станц, где люди питаются одним «бурдюком».

В «Современной летописи» 1866 г. № 13 опубликовано письмо П. Пузино на имя поверенного Амурской компании Перетолчина⁹⁰. В письме от 18.II–1860 г. он заявляет, что А.В. Белоголовый при личном свидании с ним дал согласие отпустить муку из Екатерино-Никольского склада, но до сих пор с разрешением на вывоз муки медлит. «Белоголовый не понимает, что такое голод, и не умеет разграничить прав купца с обязанностью человека... Я не считаю себя вправе, – пишет командир, – допустить людей пухнуть с голоду в ожидании разъяснения этого вопроса перепискою с Белоголовым, а потому ныне же в вашем присутствии приступаю к насильственной выгрузке муки из компанейского амбара в батальонный цейхгауз и что по сношению с военным губернатором Амурской области вся должная сумма будет уплачена наличностью».

В конце 1860 г. Н.В. Буссе получил рапорты, подписанные Бенардаки и Брантом, в которых они жаловались на своеволие отдельных должностных лиц, нарушавшее правильное течение дел Амурской компании. Рапорты были написаны, очевидно, в решительном тоне. «Ты, конечно, поймешь, сообщает Буссе Корсакову, что бумаги гг. Бенардаки и Бранта должны были взбесить меня, и я должен был указать этим господам, как следует быть приличными в официальных сношениях»**.

---

* ЦИАМ. Ф. 864. Д. (в рукописи номер дела не указан. – А.Г.) Л. 669. Помпей Пузино на службе в Восточной Сибири с самого образования Забайкальского казачьего войска. Отразил со своим отрядом нападение англичан в 1858 г. на Де-Кастри. Командовал позже 1-м казачьим батальоном на Амуре, «где за язык, не полая с Буссе, вышел вон оттуда и из Вост[очной] Сибири» в начале 1862 г. (ГА РФ. Ф. 730. Д. 3475. Л. 51).

** ЦИАМ. Ф. 864. Д. 23. Л. 681.

Будучи строгим с подчиненными, нарушавшими интересы компании, тот же Буссе, как сообщает Герцен, «заказав Амурской компании для Благовещенска фонари и пожарные трубы, потом отказался от них, так что компания, исполнив заказ, понесла на несколько тысяч убытки. Этого рода подвиги были, впрочем, обыкновенными на Амуре. Белоголовый не Ротшильд, заключает Герцен, с ним шутить было можно»*.

Точку зрения отца на правление компании и нежелание считаться с инструкциями последнего усвоил и проводил на практике его сын. Как управляющий главной конторой, уполномоченный компании, он должен был докладывать правлению о ходе дел, представлять отчетность и вырученные от оборотов компании суммы. Ни сам А.В. Белоголовый, ни его сын таких отчетов ни за 1860, ни за 1861 год не представляли. Н.А. Белоголовый пишет своему брату: «В Амурской К^о я не был потому, что там страшно злы на нашу фамилию за непредставление отчетов»**.

В другом письме он сообщает: «весьма неутешительные известия о собрании акционеров компании, бывшем 23 ноября 1862 г. На нем акционеры с яростью нападали на Бенардаки за непредставление отчетов. Бенардаки оправдывался, что он в этом несколько не виноват, и представил свою корреспонденцию с Иркутском, из которой открылось, что ты на последние просьбы его о высылке отчетов даже не отвечал. Акционеры намереваются требовать от тебя отчетов и объяснений при посредстве правительства».

Эти факты – лучшее доказательство того, что Белоголовые склонны были рассматривать Амурскую компанию как свое личное дело, тем более что А.В. Белоголовый ссудил компанию большой суммой, которая не была возвращена ему до марта 1862 г.

На одном из собраний акционеров против деятельности А.А. Белоголового особенно резко выступил К.А. Чеботарев⁹¹. А.А. Белоголового упрекали, во 1-х, за то, что он очень редко и мало пишет правлению, лишь вкратце знакомя его с ходом дела и все обещая только уведомить обо всем впоследствии, во 2-х, в том, что пароход компании «Феодосии» был что-то очень дешево зафрахтован в Шанхае купцом Немчиновым⁹², тогда как доставка товаров Амурской компании оттуда же на зафрахтованном судне обошлась чуть не вдвое дороже. Наконец, упрекали в том, что А.А. Белоголовый дал от себя рекомендацию в Гамбург купцу Деньгину⁹³.

«Конечно, – пишет Н.А. Белоголовый, – это только малая часть того, что дошло до меня разными проселочными дорогами. Странную роль тут играет Чеботарев. Перед вторым заседанием правления его вызвали снова в Питер; уж не хотят ли его послать в качестве ревизора в Сибирь»***.

Вопрос, надо думать, ставился не о ревизии, а о замене управляющего.

* Прибавочный лист к «Колоколу» 1867 г. 1 июля.

** ОР РГБ. Ф. 22. Карт. 3. Д. 52 ([письмо] 3.VI-1861 г.) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

*** Там же. Ф. 22. Карт. 3. Д. 97 (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

XX.

Дела компании не только не улучшались, но с конца 1859 г. становились безотраднее. Причину тому следует искать и в условиях мирового экономического кризиса, охватившего Россию и отразившегося на благосостоянии Восточной Сибири, издавна связанной крепкими торговыми узами с Нижним Новгородом и с Москвой – центром всероссийского рынка.

А.Ф. Яковлев в работе: «Экономические кризисы в России» (с. 14)⁹⁴ справедливо утверждает, что чем шире развивались со второй половины 50-х годов XIX ст[олетия] «хозяйственные связи России с государствами зрелого капитализма, тем сильнее отражались экономические кризисы в зарубежных странах на ее экономике. Основным каналом, по которому эти кризисные волны достигали русской промышленности, основным рычагом их воздействия на нее была внешняя торговля».

Банкротства и сжатие кредита в западных странах оказывали влияние на понижение вексельного курса, усиливая расстройство денежного обращения в России. Всеобщее безденежье, по словам В.П. Безобразова⁹⁵, составляло главный и почти исключительный предмет жалоб во всех классах русского общества и на всех концах России. «...Все фабрики уменьшили свое производство, многие вовсе закрылись, и везде произошли банкротства, в числе которых иные разрушили самые прочные и знатные коммерческие дела».

Пробивавшиеся ростки кризиса давали о себе знать в России уже в 1858 г.; из главных центров России доносились сетования о застое промышленных оборотов, а 1859 г. в истории русской акционерной деятельности отмечался уже как эпоха самых тяжелых испытаний в сфере финансовой, промышленной и торговой, год страданий, помрачивших едва ли не все проявления нашей экономической жизни. Денежный кризис с его пагубными последствиями, как то: исчезновение монеты, крайнее колебание и ослабление вексельного курса, быстрое падение кредитных ценностей, непомерное вздорожание предметов потребления, прекращение платежей, ликвидация могучих коммерческих фирм – все это прервало всякого рода хозяйственные соображения, расчеты, жестоко потрясло доверие и парализовало все обороты»*.

Кризис возрастал с отливом монеты в счет платежей по заказам в основном за пароходы, а также за рельсы, необходимые для строительства дорог, сооружаемых возникавшими одна за другой акционерными компаниями.

Экономист Е.И. Рагозин⁹⁶, оставивший Сибирь в 1860 г., приехал к своему брату в Нижний Новгород, откуда в письме к Корсакову сообщает: «В России вообще ужасное уныние – денег нет, операции государственного банка очень неудачны и только увеличили затруднения в денежных сношениях. Нижегородская ярмарка шла весьма дурно, купцы не выплачивали прошлогодних долгов и отказывались брать бумажные товары и полотняные, которых ценность внезапно теперь понизилась».

С теми последствиями экономического кризиса, которые давали себя чувствовать на территории Европейской России, мы встречаемся в Восточной Сибири и на Амуре. Кризис в 1860 г. сказался здесь в резком

* Журнал для акционеров. 1860. № 171.

снижении торговых оборотов. Сибирские капиталисты ставили этот факт в прямую связь с безденежьем, «какое ранее, по их словам, никогда там не бывало». Действительно, количество золотой и серебряной монеты, находившейся в обращении в Восточной Сибири, заметно уменьшалось, особенно после 1855 г., когда была разрешена свободная торговля в Кяхте и вывоз в Китай золота и серебра в уплату за купленный чай, который китайские купцы не соглашались менять на товары, требуя в уплату, главным образом, серебро»*.

В 1860 г., например, было вывезено из Китая 159 316 цибиков⁹⁷ листового чая и 43 658 – кирпичного на сумму до 8 000 000 руб. серебром. Отлив серебра не ограничивался только Китаем. Иностранцы, продававшие с 1857–1860 г. товары на Амуре, ежегодно переводили через Петербург в Гамбург от 300 000 до 400 000 руб. в валюте. В результате с 1856 по 1860 г. так «много серебряной монеты из Восточной Сибири было отправлено в Китай и другие страны, что в Сибири не осталось и пятак серебра»**.

Отлив золотой и серебряной монеты в Китай продолжался и в следующие годы. Только за два месяца 1862 г. туда было отправлено серебряной монеты на 371 230 рублей, пятифранковиков 314 945 штук, золотой русской монеты 5950 штук, талеров и долларов 17 800 шт. По подсчету корреспондента газеты «Голос» (1863, № 34), ежегодно пересылались в Китай до десяти миллионов рублей, «и в настоящее время, утверждает корреспондент, вы не увидите в Сибири и гривенника серебра».

В связи с кризисом, с уменьшением торговых оборотов, исчезновением из обращения серебра мелкие капиталисты Вост[очной] Сибири отказывались от торговой деятельности, пытались вкладывать капиталы в промышленные предприятия. Так, в 1860 г. в Иркутске насчитывалось купцов всех трех гильдий 247 с объявленным капиталом в 884 000, то в 1861 г. их зарегистрировано всего 169 с капиталом в 741 000 руб.*** Если на торгово-промышленные круги Москвы, Петербурга и других городов сильное впечатление производили следовавшие один за другим крахи крупнейших капиталистических предприятий, акционерных компаний, торговых и банкирских домов, как Алексеева, Штиглица и К^о, то не менее разочарований и огорчений для сибирского общества принесло известие о банкротстве крупнейшего капиталиста Баснина⁹⁸, предложившего своим кредиторам по 25 копеек за рубль, а также неожиданное сообщение о банкротстве торгового дома А.А. Белоголового.

Подводя после смерти отца баланс всего предприятия, его наследник, старший сын, А.А. Белоголовый объявил себя несостоятельным и искал службу в Китае.

* За пуд серебра, стоившего в те годы в среднем 1025 рублей, часто торговцы отпускали 28 цибиков байхового чая.

** Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / пер. с нем. П. Ольхина. М.; СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1868. С. 77.

*** Санкт-Петербургские биржевые ведомости. 1864. № 88 («Торговля в Восточной Сибири»).

Зимний обоз с чаем

Конец 1860 г. окрылил надеждами сибирских капиталистов. Дипломатический представитель России в Китае Н.П. Игнатьев заключил с Китаем 2 (14) ноября того же года Пекинский договор, открывавший для русской торговли обширный рынок.

Русскому купечеству предоставлялось право ездить в Китай во всякое время. Как русские в Китае, так и китайцы в России могли свободно заниматься торговлей, продавать и покупать разные товары оптом и в розницу, на деньги и путем мены, давать и брать товары в долг по взаимному доверию. Русские купцы получили право входить в непосредственные деловые отношения с владельцами чайных плантаций.

Этими правами прежде всех воспользовалось кяхтинское купечество. Действуя быстро и организованно, оно уже на третий день по опубликовании в Кяхте условий договора отправило в Пекин караван с товарами. Пекинский договор был радостно встречен и купечеством Западной Сибири. Одним из пунктов договора разрешалось в виде опыта торговлю в Кашгаре на тех же основаниях, как в Или и Тарбагатае. В Кашгаре утверждалось и русское консульство. Кашгар по своему географическому положению мог открыть русской торговле путь в Среднюю Азию.

Капиталисты Западной Сибири всю энергию решили направить не столько на китайский рынок, где соперничество морских европейских наций и Америки не сулило больших выгод, сколько на рынки Средней Азии. От имени капиталистов Западной Сибири выступил в печати Березин⁹⁹. Большой знаток Китая, правильно оценивший китайский народ как «чрезвычайно промышленный», он высказался на необходимость и своевременность организации «Азиатской компании».

По опыту Амурской компании и кяхтинской торговли он знал, что изолированная деятельность отдельных лиц не принесет тех выгод, которые могут получиться от операций компании. Пекинский договор – благоприятный случай для такой организации. «Этот трактат с огромной империей открывает новое поприще деятельности. Работы будет много, жатва будет обильная. Необходимо освободить торговлю из пут, в которых она так давно находится. Пора вознаградить себя за тысячетелнее передвижение ног на одном месте: ведь позорно – во столько лет не уметь выработать себе гарантий от произвола хотя бы земского ярыжки*! У нас, утверждает Березин, найдутся люди в Сибири и в других местах, которые при хорошей организации компании могут вести дело с успехом»**.

Деятельность, проваленная в конце 1860 и в начале 1861 г. капиталистами Кяхты, Нерчинска, купечеством Западной Сибири, свидетельствует о том, что, несмотря на тяжелые последствия кризиса, сибирский торговый капитал все же и в это время был настолько силен, что мог требовать для себя не только новых рынков, но и гарантий от произвола местной власти.

XXI.

Чем же была занята Амурская компания в 1861–1862 гг.? В 1861 г. она ввозит в Иркутск на 39 577 руб. мануфактуры европейского происхождения, 74 бочки виноградного вина на 28 495 руб. и за 11 месяцев, т. е. до 1862 г., продает его лишь на 6 000 руб. Очевидно, не только низкое качество товара не соответствовало вкусу потребителей, но и снизилась покупательная способность населения.

Несмотря на то что на складах Иркутска лежало без сбыта 78 300 шт. привезенных компанией сигар, она и в 1862 г. доставила туда же 800 000 таких же сигар. Из других товаров был доставлен лишь сахарный песок на 6 044 руб.

Таким образом, в 1861 и в 1862 гг. компания повторяла старые ошибки. Она ввозила, главным образом, предметы роскоши, от продажи которых можно было бы получить до 100 % прибыли, тогда как товары народного потребления в лучшем случае могли принести не более 10 %.

Строя свои расчеты на запросах буржуазии, а не на удовлетворении потребностей малоимущих слоев сельского населения и народностей, живших на берегах Амура, компания не следовала тому общепризнанному правилу, согласно которому «та торговля считается более прочной и самостоятельной, которая основывается на удовлетворении потребностей массы населения, а не городских обывателей, составляющих на всем земном шаре и в России значительное меньшинство»***.

В одной лишь Забайкальской области насчитывалось около 400 000 населения, из них горожан лишь 18 000, такое же соотношение наблюдалось и в Иркутской губернии. Эти данные свидетельствуют о том, что компания в своей работе делала ставку на горожан, составлявших всего лишь 5 % населения Восточной Сибири.

* Ярыга – название низшего полицейского служителя в Московской Руси.

** Вестник промышленности. 1861. Т. XII. № 5. С. 141–155.

*** Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 76 («Наша Амурская торговля»).

Начальник иркутской таможни Крит¹⁰⁰, хорошо знакомый с деятельностью компании и с состоянием торговли в Восточной Сибири, утверждает, что с 1862 г. компания ничего не покупала за границей, «но о ликвидации, по-видимому, не помышляла». Привоз же русских товаров в Восточную Сибирь в 1862 г. был незначителен, а в следующие годы уменьшился и по всему Амуру. Однако и то, что доставлялось компанией на Амур, зачастую не находило сбыта. Причиной тому старая болезнь: нежелание считаться с нуждами населения, с его требованиями, а также стремление некоторых акционеров выгодней сбыть залежавшийся у них товар. Еще в первые годы существования компании, отмечает «Журнал для акционеров» 1860 г. № 171, «на Амур было отправлено 850 бочек смолы, 12 000 рогож и 15 000 кирпича, т. е. такая продукция, которую можно получить на месте и за бесценок, в то время как необходимые и ценные для края товары оставлены в Англии за недостатком места на судах».

С 1861 г. в Приамурье была направлена большая партия лаптей, но сибиряки их не носили, а переселенцы, поставленные в новые условия, нуждались в валенках и сапогах. Косы-литовки, ввезенные Амурской компанией, не пользовались спросом ни в Николаевске, ни в Забайкальской области, ни в Иркутске, так как значительная часть хлебопашцев Восточной Сибири косила не литовками, а горбушами*.

То были не единичные факты засылки в Приамурье ненужных населению товаров. Иногда же привозился не только низкопробный, но и заведомо ненужный товар. Так, на корабле «Орус» были привезены иконы – творчество суздальских богомазов, – оказавшиеся настолько безобразными, что духовенство Николаевска обратилось к администрации с просьбой запретить их продажу. Пришлось весь этот «товар» передать на растопку котла одного из пароходов.

Тот же «Амурский житель», который сообщил об этом факте на страницах печати, добавляет, что «на аукционе с судна “Орус”, затертого льдом в лимане, только он один купил серег и супириков** серебряных на 400 рублей»***.

Жалобы на безденежье в Восточной Сибири и в следующие два-три года продолжались. Денег в обращении становилось все меньше, отчего и дисконт векселей на Нижегородскую ярмарку, питавшую торговлю Восточной Сибири, вместо прежних 5–7, был не ниже 10 %****.

Кризис усиливался с каждым годом, и торговля на Амуре и в Забайкалье в 60-х гг. поддерживалась в основном кредитными сделками. Продажа товаров на Иркутской и Верхнеудинской ярмарках производилась в этом году¹⁰¹ преимущественно в кредит, но и при таких условиях до трех четвертей товаров не могло быть реализовано, тогда как в предшествовавшие годы оборот одной лишь Верхнеудинской ярмарки достигал 1 500 000 рублей, а весь оборот внутренней торговли, с учетом доставлявшихся в Верхнеудинск крестьянами сельскохозяйственной продукции, доходил до 2 000 000 рублей.

* Горбуша – коса с деревянной рукояткой в полтора аршина длины. Горбушею косили, направляя ее движением руки сначала вправо, затем влево.

** Супирики – кольца с сапфирами и другими цветными уральскими камнями.

*** Отечественные записки. 1870. № 8 («С Амура»).

**** Иркутские губернские ведомости. 1863. № 3. С. 6.

Под влиянием усиливавшегося кризиса постепенно сокращала круг своей деятельности и Российско-Американская компания, на которую правительство и краевая власть возлагали большую надежду, особенно в деле поддержания судоходства и торговли на Амуре. Прежде всего, компания прекратила торговлю с обитавшими в Приамурье тунгусами, затем на Камчатке, там, где ранее она была монополистом. К половине 60-х годов XIX в., при свободной торговле, при развернувшейся борьбе великороссийского, иностранного и сибирского капиталов, Российско-Американская компания не могла выдержать соперничества не только каждого из этих конкурентов, «но даже конкуренцию мелких сибирских купцов в Аянском округе»* и в конце концов должна была прекратить на Амуре свою деятельность, закрыв в Николаевске единственную лавочку, в которой, кроме старого железа да брака, полученного из Аяна и колоний, ничего не было.

Несмотря на это Главное управление Российско-Американской компании в надежде на правительственную субсидию изъявило намерение «произвести изыскание по Амурскому краю с целью распространения там компанейской торговли, ежели по ближайшим соображениям на месте это окажется удобным и представляющим хотя незначительную, но достаточно определенную выгоду, обеспечивающую употребление того капитала, который для того должен быть составлен». Произвести это «изыскание» предполагалось поручить правителю Иркутской конторы – Костромитинову**.

В этом предложении нет ни слова об интересах края, об удовлетворении нужд населения, на первом плане только одно – забота о выгоде. Предложение не было принято, тем более что налицо оказались признаки недалекого краха самой компании.

С 1861 г., с началом военных действий между северными и южными штатами Америки, свернули операции на Амуре и такие сильные конкуренты Амурской компании, как иностранные капиталисты, особенно американские. Из иностранных кораблей только один американский купеческий корабль вошел в 1862 г. в воды Амура. Бывшие в Николаевске сибирские купцы, располагавшие небольшими средствами, могли приобрести лишь небольшую часть привезенных товаров. С непроданным товаром корабль был отправлен вверх по Амуру, но и там, при слабой покупательной способности населения, пришлось весь товар продавать с уценкой до 20 %***.

В 1862 г. по Амуру курсировало 19 пароходов, 13 из них принадлежало казне, 3 – частным лицам и 3 – Амурской компании. Таким образом, судоходство по Амуру в этом году фактически поддерживалось государством и удовлетворяло, главным образом, его нужды. Что же касается Амурской компании, то на ее пароходах перевозились грузы местных купцов, но и эти операции были весьма незначительны. Корреспондент газеты «Амур»

* *Окунь С.Б.* Российско-Американская компания. Л., 1939. С. 214.

** *ЦИАМ.* Ф. 864. Д. 24. Л. 22 ([письмо] 15.I-1861).

*** *Носков В.* Амурский край в коммерческом, промышленном и хозяйственном отношении // Библиотека для чтения. 1865. [CL]XXXII. Т. II. № 5.

(1862 г. № 30) утверждает, что вся внешняя торговля в 1862 г. через Амур не выдержала, как видно, испытания. Все предприятия в этом роде потерпели и терпят неотразимые затруднения. Действительно, все три парохода компании получили аварии и зазимовали в верховьях Амура. А находившиеся на них грузы пришлось вывозить в Забайкалье зимним путем, что возможно не для всякого товара и повышает цену его. На берегу Амура осталось и «механическое заведение, предназначенное для Сретенска».

В отчете военного губернатора Приморской области за 1862 г. отмечалось: «До настоящего времени торговля преимущественно ввозная, вся она находится в руках иностранцев; несмотря на увеличивающийся ввоз, товары в цене не падают»*.

Крит на основании имевшихся в его распоряжении данных заявляет, что, несмотря на порто-франко, действующее на Амуре, «до лета 1863 г. для 20 000 жителей Приамурского края и для населения Забайкальской области ничего не ввозилось или так мало, что об этом и говорить не стоит»**.

Вот почему в навигацию этого года ни в Читу, ни в Верхнеудинск, ни в Иркутск не было доставлено никаких товаров с Амура.

Под влиянием событий в Китае – восстание тайпинов – значительно сократилась и торговля в Благовещенске, видное участие в которой принимало китайское купечество. Так как древние законы страны запрещали пребывание китайским подданным за границей, то купцы 23 лавок Благовещенска нашли выход. Днем они торговали, а на ночь возвращались на китайскую землю, в г. Сахалин, расположенный против Благовещенска на правом берегу Амура.

При отсутствии на Амуре сильных конкурентов Амурская компания и при преемнике Белоголового не изменила ни своего плана, ни приемов работы и не могла наладить внутреннюю торговлю на Амуре и в Забайкалье. Слабостью ее воспользовалось в первую очередь, как более сплоченное и организованное, кяхтинское купечество. Имея уполномоченных в Тянь-Цзине, Ханькоу, Шанхае, Пекине, капиталисты Кяхты отправляли в Китай караваны с товарами, драгоценными металлами, с образцами шерсти и т. п. Товар в сопровождении приказчиков перевозили до Урги монголы. Купцы действовали небезуспешно. Сабашников в 1862 г. отправил товаров на 62 282 руб., Осокин¹⁰² – на 15 340 руб., Немчинов – на 50 170 руб.

Инспектор таможен в открытых для иностранной торговли портах Китая (англичанин Гарт) опубликовал в «Сибирском вестнике» (1864 г. № 5) отчет за 1863 г. о русской торговле в Тянь-Цзине, считавшемся в торговых кругах как бы портом Кяхты. Из общей суммы было привезено валютой, преимущественно серебром, 745 831 руб., товаров же, главным образом мизерицкого сукна, для Ханькоу на сумму около 200 000 руб. Вывезено за это время байхового чаю на 265 234 руб., кирпичного – на 250 305 руб., леденца¹⁰³, полового английского железа, шелковых тканей на 83 370 руб.

* Григорцевич С.С. Экспансия иностранного капитала на русском Дальнем Востоке во 2-й половине XIX в. // Ученые записки Томского госуд[арственного] пед[агогического] института. Томск, 1955. Т. XIII. С. 75.

** Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 76 («Наша Амурская торговля»).

Таких сравнительно успешных результатов кяхтинское купечество добилось отчасти потому, что Амурская компания в течение первых лет своей деятельности даже и не пыталась наладить торговые отношения не только с США, Японией, но даже и с ближайшим соседом России – Китаем.

В борьбу с засильем великороссийского капитала вслед за кяхтинским купечеством вступают нерчинские капиталисты. Установив в 1863 г. деловые связи с торговыми кругами Гамбурга, Гонконга, Шанхая, они явились счастливыми конкурентами умирающей Амурской компании. В Нерчинске уже с 1860 г. частыми гостями бывали китайские и бухарские купцы, а также американцы из Калифорнии. Предметами торговли служили чай, порох, свинец, меха*.

В «Сибирском вестнике» за 1865 г. № 20 М.А. Зензинов¹⁰⁴ пишет: «Нерчинск подал руку Японии и Калифорнии, наладив с ними торговлю. Закупленные за границей колониальные товары нерчинские купцы продавали в самом Нерчинске и его округе, а остатки везли в западные пункты Забайкалья. Не так поступали доверенные лица Амурской компании. Они были временными гостями у нас, проездом в Иркутск, и рассчитывали на сбыт в Иркутске и постоянно за это наказывались, платя вдобавок за проезд из Нерчинска в Иркутск по 1 руб. 50 коп. с пуда. Так, за гамбургский рафинад просили в Нерчинске 14 руб., в Иркутске же продавали за 11 руб. 25 коп. Сбросив 1 руб. 50 коп. за провоз, фактически продавали за 9 руб. 75 коп., а если бы в Нерчинске продали по 12 руб., то купили бы весь».

Амурская компания, обязанная по уставу удовлетворять нужды местного населения Приамурского края, не проявила никакой заботы о снабжении предметами первой необходимости обитавших у Яблоного хребта (Якутской области) тунгусов. Когда же Российско-Американская компания, снабжавшая их мануфактурой, сахаром, чаем, прекратила свою деятельность на Амуре, то мелкие торговцы из якутов в погоне за прибылью пустились к Амуру, надеясь приобрести там кое-какие товары для обмена их у тунгусов на соболь и меха. Большую энергию в этом направлении проявил один из якутов – Соловьев¹⁰⁵. В 1862 г. он доставил из Якутской области до 500 голов скота и, продав его в Николаевске, закупил на вырученную сумму товары для тунгусов Якутской области.

Некоторые капиталисты Западной Европы зорко следили за деятельностью Амурской компании и твердо были убеждены в том, что не далее как в 1862–1863 годах она закончит свое существование. Уверенность в этом дала основание, главным образом немецким купцам, попытаться открыть торговлю на Амуре. Уже летом 1862 г. прусский подданный Люддорф¹⁰⁶ приезжает в Благовещенск с твердым намерением открыть там магазин. В беседах с лицами, стоявшими во главе администрации города, нелестно отзываясь о русских купцах, он обещал продавать товары по такой цене, чтобы иметь прибыль в процентах, принятых за норму в

* Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей из путешествий Г. Радде, Р. Маака и др. / пер. с нем. П. Ольхина. М.; СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868. С. 183.

странах Европы. В действительности же вывезенные из Иркутска товары Людорф продавал дороже, чем сибирские купцы. Кроме того, пустившись на обман, искусственные, например, кораллы, продавал, выдавая их за настоящие. А купленная Буссе в его магазине золотая пряжка оказалась лишь позолоченной.

Тогда Н.В. Буссе, призвав Людорфа, дал понять этому негоцианту, что не допустит в дальнейшем обмана, практикуемого Людорфом. В ответ на это Людорф приказал своим приказчикам ничего не продавать военному губернатору области и грозил сообщить прусскому посланнику о притеснениях, якобы чинимых ему администрацией области. Чиновник, отправленный Буссе, объявил Людорфу, что он запечатает магазин, если тот не отменит своего распоряжения, данного приказчиком.

Буссе, оказавшийся в весьма неловком положении, жалуется генерал-губернатору на то, что «Людорф сделал ему незаконную дерзость перед всем обществом, запретив отпуск для него товаров», и просит довести об этом до сведения Н.П. Игнатьева, директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел, чтобы тот через прусского посланника постарался бы «обуздать» зарвавшегося купца*.

Летом того же 1862 г. на Амур прибыл из Гамбурга Дикман. Вот что об этом пишет Корсакову Б.К. Кукель: «Сегодня приехал в Сретенск Дикман, доверенный от дома Годфруа и К^о из Гамбурга, посланный ими на Амур для собирания сведений и данных для коммерческих и промышленных предприятий этого дома. Вы его застанете в Николаевске. Кажется, порядочный господин. Нельзя ли иметь его в виду при рассуждениях о способах перевозки славян. Думаю, Годфруа знакомо это дело. Он принимает большое участие в колонизации Австралии»**.

Летом 1863 г. Иркутск посетил Август Рейтц¹⁰⁷ с намерением также отправиться в Николаевск, где предполагал начать серьезное торговое дело. Явился он в Иркутск с рекомендательным письмом Е.И. Рагозина к генерал-губернатору.

«Ни одна торговля не нуждается так в справедливом внимании правительства, – пишет Рагозин, – как торговля на Амуре, и нигде она не дает таких благих результатов, а потому Рейтц может быть уверен в вашем участии к его делу. Прошу Вас взглянуть на Рейтца как на представителя хорошего торгового дома, понимающего торговлю как средство для благосостояния страны, а не грабежа... Амурская К^о, вероятно, уже разлетелась, мелкие купцы общипали все что могли и возбудили в жителях ненависть к имени купец, и вот вам новое средство поднять производительность и обороты страны. Кстати прибавлю, что кяхтинское дело должно кончиться с будущим годом и перейдет все в Кантон: на [18]64 год купцы не думают отправлять товаров для обмена; чай с западной границы так сбил цены, что убытки берут на ярмарке до 15 % на рубль»***.

* ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 73. Д. 23 ([письмо] 2.II–1868) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

** Там же. Карт. 74. Д. 32 (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

*** Там же. Карт. 116. Д. 1 ([письмо] 20.VIII–1863) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

Первые месяцы 1863 г. можно считать сравнительно благоприятным периодом для кяхтинских капиталистов, но разрешение ввоза в Россию китайского чая через западную ее границу уже к концу года «потрясло» кяхтинскую торговлю. Считавшийся крупным специалистом в вопросах экономики, торговли В. Персин¹⁰⁸ составляет в январе 1864 г. докладную записку, в которой по отношению кяхтинской торговли проводит ту же мысль, что и Рагозин.

«Капиталы иностранных купцов, – пишет он, – так огромны, торговые операции так стройны и настойчивы и при том в будущем у них так много данных вытеснить кяхтинский чай с российских рынков». Затем Персин доказывает, что прекращение кяхтинской торговли тягостно отразится на экономике Сибири. По его мнению, фабрики, снабжающие Кяхту товарами для обмена, сократят производство и рабочий класс этих заведений останется в самом безнадежном состоянии. Звериный промысел упадет, так как белка, лисица, мерлушка не будут предметом мены на чай и крестьяне, занимающиеся извозным промыслом (40 000 возчиков), должны будут уйти на заработки за несколько сот верст от своих сел на прииски. Затем автор докладной записки приходит к выводу, что прекращение кяхтинской торговли будет чревато и политическими последствиями – «оно разъединит Россию с Китаем, и Россия потеряет всякое значение на Востоке». Единственное средство избежать этих последствий Персин, представитель кяхтинского купечества, видит в увеличении тарифа на чай, привозимый из Кантона через западную границу России*.

В 1863 г. делаются попытки и со стороны английских капиталистов обосноваться не столько на Амуре, как на одном из прибрежных пунктов Приморья.

Один из чиновников, служивших в Восточной Сибири, Г.А. Тимрот¹⁰⁹, рекомендует генерал-губернатору Восточной Сибири англичанина Блэкстона, приехавшего из Лондона в Ригу, где тогда проживал Тимрот. «Блэкстон едет в Сибирь, – пишет он, – желая организовать пильную фабрику в одном из портов Восточного океана»**.

Так как Амурская компания не принимала никаких мер к развитию промышленности в Приамурье, то администрация края вынуждена была отыскивать таких капиталистов, которые могли бы поднять железодельную промышленность в крае, так как в связи с развитием золотопромышленности, горного дела увеличивался спрос на чугун, железо, который не могли удовлетворить три железодельных завода: Абаканский в Минусинском округе, Николаевский на Ангаре, вблизи Братского острога, и Петровский в Забайкалье. В 1863 г. Корсаков, надеясь на местных капиталистов, обращается к Н.П. Игнатьеву с просьбой убедить кого-либо из столичных промышленников приняться за разработку железорудных богатств Восточной Сибири.

Попытка оказалась неудачной. Игнатьев ответил, что желающих найти не удалось, «купцы деньги скрывают»***.

* *ГА РФ*. Ф. 109. Д. 302. Ч. IV. Вещественные доказательства. «Записка Персина».

** *ОР РГБ*. Ф. 137. Кар. 119. Д. 12 (номер листа в рукописи не указан. – *А.Г.*)

*** Там же. Кар. 91. Д. 9 (номер листа в рукописи не указан. – *А.Г.*)

XXIII.

Ни Бенардаки, ни правление компании, не анализируя причин создавшегося на Амуре положения, грозившего полным крахом всему предприятию, не увязывая его с экономическим кризисом, охватившим не только Россию, но и другие страны, полагали, что дело можно поправить, если во главе станет энергичная личность, крупный торго[во]-промышленный делец. Выбор остановился на К.А. Чеботареве, назначенном управляющим делами компании в Сибири, с годовым окладом в 18 000 рублей.

«Здесь все смотрят на согласие Чеботарева, – сообщает Н.А. Белоголовый брату, – или как на непонятное безумие, или как на тонкий расчет пустить в ход свои мошеннические способности на отдаленных берегах Восточного океана. Последнее, по-моему, вернее, и горе бедным акционерам»*.

В рапорте генерал-губернатору от 8 января 1862 г., подписанном Бенардаки и Невельским, правление Амурской компании уведомляет, что, «уволнив иркутского 1-й гильдии купеческого сына А.А. Белоголового от управления делами компании в Сибири и уничтожив узаконенным порядком находившуюся у него на сей предмет доверенность, оно назначило управляющим делами компании в Сибири фридрихсгамского первостатейного купца, потомственного почетного гражданина Константина Афанасьева Чеботарева, которому и выдало на отправление его обязанностей узаконенную доверенность».

Доводя об этом до сведения генерал-губернатора, правление просило «удостоить Чеботарева благосклонным вниманием и не оставить надлежащим распоряжением о признании его всеми, до кого то касаться может, в качестве управляющего делами компании в Сибири».

Сибирская общественность внимательно следила за каждым шагом нового управляющего, отправившегося в Сибирь через Париж, Суэц, Шанхай. «На полученные от правления сто тысяч рублей он не нашел ничего лучшего, как купить железа и рису, которые были проданы в Чите, – железо по 5 руб., а рис. по 3 руб. за пуд, тогда как лишь провоз этих товаров по Амуру до Сретенска обходился в 2 руб. 20 коп. с пуда. Затем, прибыв в Шанхай, Чеботарев взял для поездки на Камчатку паровой транспорт компании “Феодосий”, который, находясь в Шанхае, ежемесячно приносил доход компании от фрахта 5–6 тысяч долларов, между тем за эту сумму можно было купить порядочную парусную шхуну и на ней отправиться для обозрения Камчатки»**.

Из Камчатки Чеботарев выехал в Николаевск и «попал как в лес», зимою уехал в Благовещенск и только оттуда добрался до Иркутска. Таким образом, Чеботарев, по меткому выражению корреспондента «Восточного поморья», отправляясь на Амур не через Сибирь, а вокруг света, «начал дело с конца».

* ОР РГБ. Ф. 22. Папка 3. Д. 25 ([письмо] 29.XII–1861) (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

** Отечественные записки. 1870. № 8 («С Амура»). В 1862 г. за корабль «Феодосий» предлагали 70 000 руб. Чеботарев не продает его. А в следующем году корабль терпит аварию и продается за бесценок.

Какую деятельность Чеботарев развил в Иркутске, неизвестно. По сведениям, полученным Н.А. Белоголовым от иркутян, новый управляющий высказался за необходимость «заняться лесной, чайной торговлей и золотопромышленностью». В этих «диких фантазиях» Н.А. Белоголовый усмотрел «плоды многогрешных и широких взглядов Сементовского»*. Это не совсем так. Ни для кого не являлось секретом, что при наличии запрета вывоза сибирского леса даже оконные рамы и двери для дома нашего консульства в Хакодате были доставлены из Бостона, а не сделаны из досок на Амуре.

Вопрос о торговле сибирским лесом обсуждался в 60-х годах прошлого (XIX в. – А.Г.) века на страницах столичных газет и журналов. В одной из корреспонденций читаем: «Амур сам по себе в настоящий момент не может иметь самостоятельного торгова ничем, кроме леса, а лес не только не допущен к производству торговли, но даже воспрещен к отводу переселенцам»**. Нет ничего удивительного в том, что Чеботарев надеялся добиться разрешения на вывоз леса за границу и этим отчасти поправить дела компании. В 1863 г. была сделана первая попытка облегчить и урегулировать вывоз леса из Приморья за границу, но вследствие установления пошлины на экспортируемый лес торговля им закончилась неудачей.

Надежда Чеботарева поискать счастья для возглавляемой им компании, занявшись разработкой тех или иных золотых приисков в Приамурье, не «дикая фантазия», она имела под собою реальную основу. Чеботарев не мог не знать, что пайщиком нескольких компаний был Бенардаки и ряд богатейших сановников, стоявших у власти.

Вращавшийся в капиталистических кругах столицы, этот делец был уверен в том, что компания, приступив к разработке приисков на Амуре, не только поправит свои дела, но и принесет пользу краю. Но беда Чеботарева заключалась в том, что он не знал тех труднейших условий, в которых находилась золотопромышленность в девственной стране, не был знаком с краем и, как представитель великороссийского капитала, не мог рассчитывать на помощь и содействие сибирского купечества и местной власти, поддерживавшей тесную связь с верхушкой местных торгово-промышленных кругов.

Что же касается третьего пункта плана – наладить чаеоторговлю с Китаем и тем улучшить дела компании, то здесь новый управляющий ничего бы не добился. Вся торговля с Китаем находилась в руках кяхтинских капиталистов, транспортировка же чая морем при отсутствии у компании своих кораблей нисколько не улучшила бы ее положения.

По-видимому, Чеботарев поставил в известность правление о безнадежном положении дел на Амуре, иначе он не решился бы просить генерал-губернатора приобрести принадлежащий компании буксирный пароход. Получив отказ, правление прибегает к протекции Г.И. Невельского. Вот что он пишет Корсакову: «На днях я приехал из деревни и узнал, что старый сослуживец мой Михаил Семенович

* ОР РГБ. Ф. 22. Папка 3. Д. 93 (номер листа в рукописи не указан. – А.Г.).

** Биржевые ведомости. 1863. № 9. С. 34 («Из Иркутска»).

отказывается взять (неразборчиво. – *Б.К.*) пароход нашей бедствующей Амурской компании за 50 тысяч рублей. Позволь мне по дружбе убедительно просить тебя, Михаил Семенович, оказать в этом случае твое содействие и принять пароход в казну и тем пощадить нашу компанию и вместе твоего сослуживца, потерявшего в одной весьма и весьма многое. Я принимаю на себя смелость просить тебя об этом и потому, что, по совести говоря, казна здесь не потеряет, ибо машина и самый корпус парохода сделаны прочно и превосходно, за это можно поручиться, а равно и принадлежащие к оному баржи. Я смею думать, что казна вряд ли получит подобный пароход с баржами за эту цену, и думаю, что он вполне соответствует той цели, для которой надобно иметь буксирный пароход при войсках на Амуре. Пощадите же, Михаил Семенович, нашу компанию в крайнем и критическом ее положении»*.

Одновременно с такой же просьбой Бенардаки обращается к Буссе, который тогда же пишет Корсакову: «Прилагаю при сем письмо Бенардаки – касательно продажи парохода. Он все налегает на содействие К^о со стороны правительства, а между тем забывает, что К^о эта не умела извлечь никакой пользы ни для себя, ни для края из того содействия, которое ей доньше сказывали. Неужели же содействие К^о должно простираться до ущерба правительства?»**.

Каков был результат просьбы Невельского – неизвестно. Во всяком случае, продажа буксира не спасла бы компанию от краха.

Чеботарев к началу 1864 г. вполне убедился, что компания накануне ликвидации. Пред ним стояла трудная задача – свести до минимума убытки компании, особенно при ликвидации недвижимого имущества в разных городах и населенных пунктах по Амuru. Дело в том, что после утверждения устава компании был обнародован закон о бесплатном отводе земель по Амuru в собственность всем вообще желающим приобрести землю под разные хозяйственные заведения или для жилых и нежилых построек. С образованием в Николаевске городского управления разрешено взимать в пользу города при отводе земель одновременно и пошлину с квадратной сажени. Внесшие пошлину получали право собственности на землю. Если компания по-прежнему будет в данном вопросе подчинена правилам устава, то по ликвидации ее деятельности все свои хозяйственные заведения, не имея права продать их с землей, окажется вынужденной сломать или перевозить туда, где она может приобрести землю в собственность и, таким образом, вместо пользы получить весьма чувствительный убыток.

Вот почему Чеботарев 13 января 1865 г. обращается к генерал-губернатору с просьбой укрепить в собственность отведенные компании земли в Приморской и Амурской областях на общих для всех основаниях. А таких земельных участков, отведенных компании при ее основании как в Николаевске, так и в других местах по Амuru было немало***.

* *ОР РГБ*. Ф. 137. Карт. 113. Д. 15 (письмо 26.VII–1863) (номер листа в рукописи не указан. – *А.Г.*).

** Там же. Карт. 127. Д. 21 (письмо 28.VIII–1863) (номер листа в рукописи не указан. – *А.Г.*).

*** Перечень участкам, об отводе которых просила Амурская компания в 1865 г. по Приморской области. В Николаевске: места под постройки зданий компании, для пристани, для

Эту просьбу генерал-губернатор отправил на заключение военного губернатора Амурской области. Ответ его сводился к следующему. При открытии действий компании на Амуре по первому ее требованию отводились в пользование различные земли. «В самом городе Николаевске, в ущерб интересам города и в противность составленному проекту плана города, я позволил загородить улицу, ведущую к реке, которая имела естественно-удобный спуск, между тем город в настоящее время с огромными издержками должен устраивать себе другой спуск. Таким образом, Амурская компания занимает около 100 саж. по берегу реки и отрывает от воды большую часть города: жители этих кварталов должны ездить за водой чрезвычайно далеко. Все эти выгоды были предоставлены Амурской К^о в том предположении, что она разовьет торговлю, промыслы, речное судоходство, но ни одна из этих надежд не оправдалась, и в настоящее время неизвестно даже, какого рода торговую операцию производит компания.

Поэтому отдать, безусловно, в собственность компании землю, которая в настоящее время получает огромную цену для города и которая отведена была компании в надежде, что она своею деятельностью принесет пользу для края и города, было бы совершенно несправедливо. Этим давалась бы компании только возможность продать эту землю по высокой цене другим нуждающимся, тем более, сколько известно по слухам, компания кончает свои дела на Амуре.

По всем этим причинам я полагаю, что в случае прекращения компании и если она захочет раздробить занятый участок и продавать здания и дома, находящиеся на этом участке, отдельно, то ей отводится для каждого дома положенное количество земли, затем остальная часть, а также занятая улица, ведущая к пристани, поступает в распоряжение города. Делать в этом случае исключение для компании нет никакого основания»*.

Таким образом, мысль Чеботарева закрепить за компанией участки земли, чтобы потом продать их вместе с возведенными на них постройками, оказалась разгаданной и неосуществленной.

В конце концов, ознакомившись с положением дел на месте, Чеботарев пришел к выводу, что возглавляемая им компания доживает последние дни. Вот почему все, что еще оставалось в лавках компании, продавалось,

---

гавани, где бы могли зимовать суда и пароходы. В Сафийске: два квартала под устройство складов, помещений служащих, а также и для пароходных потребностей. Место на горе у церкви. В Хабаровске: место под постройки зданий, места для зимовки пароходов в устье р. Буреи и от устья ее все место под утесом до Хабаровки, место в протеке у г. Сафийска и в устье р. Джай. Места под эллинг и небольшое механическое заведение. Места для лова рыбы (предполагалось выделывать балыки, паюсную икру и клей). Около мыса Борби место для устройства рыболовного пункта, остров на правой стороне фарватера для скотоводства. На острове ниже р. Джай 100 десятин земли для устройства огорода и около деревни Хилан для рыболовства. Правый берег между деревнями Монголь и Койма удобный для ловли рыбы и противу лежащий остров Джаджа. Ниже Новошиханловского селения по берегам залива Макарова для рубки строевого леса. Около деревни Акча для рыболовства. Два острова между озером Акриру и протокою для сенокосения. Остров Куэр от острова Чихимусе до мыса Сабах и на противоположном берегу для рыболовного пункта и место между деревнями Каки и Альбо для вырубki строевого леса.

* *ГАИО* (выходные данные дела в рукописи отсутствуют. – *А.Г.*).

и вырученные средства уж не поступали в оборот, а расходовались на содержание служащих компании и самого управляющего, пребывание которого в Сибири стоило более 50 000 руб.

Мнение сибирских торговых кругов сложилось далеко не в пользу «присланного мнимо опытного, многотысячного столпа для поддержки компании». Она дышала на ладан, и Чеботарев «пропел ей только отходную».

Действительно, пробыв недолгое время в Иркутске, он с открывшейся навигацией на Амуре «выехал в Николаевск и исчез, как метеор, не оставив по себе никакого следа».

Общественность Восточной Сибири и в 60-х годах XIX ст[олетия] продолжала уделять большое внимание как внутренней, так и внешней торговле. Во многих журналах и газетах того времени помещались статьи и корреспонденции о торговле на Амуре, в Кяхте, Нерчинске, открывалась по этому вопросу даже полемика*. Однако среди богатого фактического материала не встречается упоминания о торговой или иной деятельности Амурской компании, ее, как это ни покажется странным, похоронили при жизни.

Если сподвижник Г.И. Невельского Е. Бурачек¹¹⁰ писал в «Современной летописи» (1864 г., № 21): «Амурская компания перешла в вечность, а существование ее – в историю, то местные капиталисты только в конце 1864 г. пришли к выводу, что дни компании сочтены и что настало время легко оттеснить великороссийский капитал, захватив в свои руки торговлю и промышленность не только на Амуре и в Забайкалье, но и во всей Сибири. Застрельщиком в этом деле выступил Н.Н. Пестерев, предложивший организовать «Торгово-промышленную компанию Сибири».

Пестерев был того мнения, что вся коммерческая и промышленная деятельность Восточной Сибири построена на ложных, рутинных основаниях и вследствие этого не только никому не приносит пользы, но действует положительно вредно на интересы края и его жителей**.

В объяснительной записке к проекту он дает убийственную оценку Амурской компании: «Деятели ее принялись за дело без всякой сообразительности и знания дела. Они накупили и построили пароходов тогда, когда возить было еще нечего, топили пароходы, а затонувшие вещи продавали американцам, которые составляли на этом состоянии. На пустош строили громадные дома, не приносявшие никакой пользы, привозили товары на Амур, совершенно негодные для потребителя и купленные из третьих и четвертых рук».

В своем проекте Н. Пестерев высказывается за необходимость приобрести от Амурской компании за весьма выгодную цену пароходы и помещения

---

* Иркутские губернские ведомости. 1863. № 39, 41, 47, 52; Журнал мануфактуры и торговли. 1864. Т. II. С. 1–10; Северная пчела. 1864. № 244; Биржевые ведомости. 1863. № 9; 1864. № 88; Санкт-Петербургские ведомости. 1864. № 14 и др.

** Пестерев Н.Н. Проект об учреждении торгово-промышленной компании в Сибири под фирмой: «Торгово-промышленная компания Сибири». СПб., 1865. Автор проекта был арестован по обвинению в сношении с лицами, составившими в 1865 г. общество независимости Сибири, в замысле освободить из каторги Чернышевского и по обвинению в связи с каракозовцами. В 1867 г., освобожденный из Петропавловской крепости, он высылается в Иркутск с учреждением за ним полицейского надзора с воспрещением выезда в столицу.

компании, дела которой в таком положении, что сама она вести их «в никаком случае не может, а сбыть пароходы и прочие свои принадлежности положительно некому».

Основные задачи предполагаемой Пестеревым компании заключались в необходимости устранить лишнее посредничество между производителем и потребителем, устранить неправильное и несвоевременное приобретение товаров, заменить привоз многих из них изготовленными на месте. Заслуживает внимания четко выраженная и обоснованная мысль о привлечении к торговле грамотных женщин, «каждая из них, говорит Пестерев, может вести контору ничем не хуже полуграмотного купеческого приказчика».

Пестерев ратует за экономическую самостоятельность женщины, за право ее жить своим трудом. Он готов предоставить женщине возможность проявить себя на работе в торговых предприятиях организуемого общества.

В данном случае в лице Пестерева выступает представитель прогрессивного сибирского общества, открыто разделявшего мысли Добролюбова, Чернышевского, Михайлова, Писарева по женскому вопросу, развитые ими в статьях, опубликованных в «Современнике», «Русском слове». Что касается ссыльных, то Пестерев надеялся принять все меры к тому, чтобы улучшить их материальное положение, предоставив, как и женщинам, работу в этом обществе.

Если Амурская компания закупала товары в Гамбурге, Англии, заказывала пароходы в Бельгии, то Пестерев в своем проекте базируется на Францию. Он предусматривает организацию семнадцати контор от Парижа до Кяхты и Якутска – в Москве, Казани, Перми, Тюмени, Тобольске, Томске и в других городах на широком торговом пути.

Учредители компании в числе восьми человек вносят по 25 000 руб. Акций выпускается на один миллион рублей в количестве 40 000 по 25 руб. каждая. Таким образом, делалась ставка на сравнительно мелко житочные слои населения.

Все дело, согласно уставу, в течение первых десяти лет организуют и ведут учредители. То был общий прием всех инициаторов акционерных компаний – заполучив средства доверчивых акционеров, создать такие условия, при которых держатели акций не могли бы иметь большого влияния на дела. Акционеры созывались раз в год для ознакомления с годовым отчетом о деятельности компании. Они могли принять участие в обсуждении дел компании лишь в том случае, если убыток ее превысит сумму, внесенную учредителями.

Компанию, по общему правилу, возглавляет ее инициатор, Н.Н. Пестерев. Если дела окажутся прибыльными, то акционеры не имеют права передать руководство компании другому лицу.

Задуманная Н.Н. Пестеревым «Торгово-промышленная компания Сибири» не была организована.

Помимо проекта Пестерева, предлагались и другие, ставившие своей целью поднятие благосостояния края. Среди них следует упомянуть о проекте ургинского консула Боборькина¹¹¹. Он предлагал открыть водный

путь от Усть-Кяхты до Тюмени. Для этого, по его мнению, надо сделать судоходной Ангару, устроить небольшой волок от Енисея до Кети, всего верст 70 по ровному месту, «путь этот удешевит перевозку чая до 3–4 руб. с места. Не говоря о том, что мы могли бы поспорить при этом с кантонскими чаями на наших рынках... Подобный путь был бы полезен во многих отношениях – он развил бы пароходство по системам сибирских рек, удешевил бы доставки из России, возвратил бы земледелию и другим промыслам людей, занимающихся извозом. Путь этот существовал встарь да и теперь существует». Кяхтинский купец Немчинов отправил в этом году кирпичный чай по этой дороге, добавляет Боборыкин и рекомендует теперь же отправить инженеров для улучшения этого пути*.

Другой план защищал Д.И. Романов, посвятивший себя делу развития в Сибири, как тогда говорили «сообщений пароходных, паровозных и телеграфных». Цель его плана – связать отдельные пункты Сибири с берегами Тихого океана.

XXII.

Прекрасно изучивший в течение трех лет экономику Восточной Сибири, Д.И. Романов отлично сознавал, что при создавшихся условиях, усугублявшихся кризисом, колониционной политикой правительства и другими мерами, деятельность Бенардаки, Рукавишникова, А.А. Белоголового окажется в конечном счете бесполезной для края. Он был того мнения, что колонизация Амура, правильно налаженная торговля в Восточной Сибири, развитие пароходства на сибирских реках могут дать благоприятные результаты лишь с привлечением иностранного капитала. Для государства, доказывал Романов, привлечение в Сибирь капитала из-за границы представит большую выгоду. Все наши компании и предприятия, выписывая все из других стран, переводят свои капиталы за границу и тем подрывают торговый баланс и понижают курс рубля**.

Вместе с Романовым этот план решил поддерживать и Волков.

Убедившись в недолговечности Амурской компании, а также кяхтинской торговли, они выдвинули широкий план организации Сибирского Селенгино-Ангаро-Енисейского пароходства.

Будучи в Гамбурге, Романов посетил сенатора Годфруа, одного из виднейших представителей администрации вольного города, и подарил ему карту Сибири. Годфруа говорил, что «если мы решаемся заводить дела в Сибири, то это не для того, чтобы иметь там два-три пароходика, на такие дела у нас недостает времени, а для того, чтобы образовать непрерывное

---

* ЦИАМ. Ф. 864. Д. 24. Л. 309. Издавна было известно, что даже в сухое время года между системами Оби и Енисея остается перешеек, не более как в одну версту шириной; при высокой же воде он покрывается ею. Из Енисейска извещают, что 14 июня 1873 г. прибыла этим путем лодка из села Маковского, лежащего на реке Кети, впадающей в Обь. Таким образом, вопрос о возможности непрерывного водного сообщения из Тюмени до Усть-Кяхты (на Селенге) разрешен практически (Московские ведомости. 1873. № 296. С. 3).

** ЦИАМ. Л. 595 (21.VI–1861) (выходные данные дела в рукописи отсутствуют, предполагаем, что это то же дело, что и в предшествующей сноске. – А.Г.)

и деятельное сообщение от Волги до Тихого океана, способное развернуть торговлю на этом пространстве и способствовать интересам колонизации»*.

Для осуществления этого плана необходимо исходатайствовать у правительства: 1) исключительное право пароходства по водяным путям Ангаро-Енисейской системы (кроме Байкала) на 25 лет; 2) свободу от привилегий, выданную Адамовскому на пароходство по рекам Кети и Чулыму, и 3) права беспошлинного ввоза через западную границу пароходов, барж и механизмов для собственного пользования, как это разрешено для тех же объектов, следующих через Амур.

Условия на первый взгляд могут показаться кабальными, но если правительство, развивая свою мысль Романов, расчистит пороги Ангары, устье Селенги, мели Кети, то, конечно, эти условия должны быть изменены. Если же ни правительство, ни Сибирь своими средствами не могут выполнить эти гидротехнические работы, то нужно частную компанию, принявшуюся за эту работу, вознаградить или пособием, или гарантией дохода или привилегией, тем более что сибирское пароходство не может рассчитывать на умирающую кяхтинскую торговлю, оно лишь подкрепит ее, но питаться ею не может.

Придавая большое значение развитию водяных (речных) сообщений, Романов видел в нем громадную будущность для края. Составленную по этому вопросу докладную записку Романов подал Муравьеву, который в главных основаниях одобрил ее.

Волков, действовавший по уполномочию Годфруа, находясь в 1861 г. в Берлине, получил официальный отказ в привилегиях. Узнав об этом, Годфруа, как пишет из Нью-Йорка Романов, выразил сожаление, что его предложение не было одобрено с точки зрения общей пользы для края, а было расценено как меркантильная спекуляция**.

Насколько хорошо были осведомлены сибирские капиталисты о деятельности правления Амурской компании, свидетельствует заключительная часть статьи о ней, помещенная в газете «Восточное поморье» от 3 июля 1865 г. Автор ее пишет: «Полагая, что компания уже совершенно окончила свое существование, мы в заключении статьи хотели вывести общий результат нашего обзора, как неожиданно узнали, что она вновь заявила о своем существовании посылкою в Читку и на Амур какого-то ревизора с полномочиями, а потому откладываем свое заключение до его приезда».

Назначался не ревизор, а четвертый со времени основания компании уполномоченный. То был петербургский второй гильдии купец Василий Ильич Акулов¹¹².

Сообщая об этом генерал-губернатору 29 июля 1865 г., правление просит «удостоить В.И. Акулова благосклонным вниманием и не оставить

* Годфруа – крупнейший капиталист, президент банка Северной Германии, директор компании Атлантического пароходства «Гамбург – Нью-Йорк». Торговый дом Годфруа – один из крупнейших торговых домов Европы, владел 33 пароходами, посещавшими Ост-Индию, Северную Америку, Чили, Австралию. Торговый дом заключил договоры с правительствами, принимая активное участие в колонизации разных стран.

** *МОГИА*. Ф. 864. Д. 24. Л. 976 (13.XII–1861).

надлежащим распоряжением о признании его всеми, до кого то касаться может, в качестве уполномоченного компании».

Конечно, Акулов был отправлен на Амур не для того, чтобы оживить деятельность компании, а с целью принятия мер к менее убыточной ликвидации ее. Неспроста же еще до приезда его на Амур правитель канцелярии губернатора Амурской области посылает 27 августа генерал-губернатору рапорт, в котором сообщает, что по сведениям, полученным от служащих Амурской компании, она приступила к ликвидации своих дел. Ввиду этого просит уведомить, «считать ли дела Амурской компании прекращенными и с которого времени, чтобы своевременно сделать некоторые распоряжения, необходимые по прекращении действия устава этой компании»*.

Ликвидацию компании Акулов проводил быстрым темпом. В газете «Сибирский вестник» (1865, № 54 от 30 октября) сообщалось: «В Иркутске прекратила торговлю Амурская компания, продав свои товары С.Г. Михееву¹³, говорят, чрезвычайно дешево». Дома и склады компании, находившиеся в разных пунктах Приамурья, также были распроданы. Некоторые из них приобретены казною. Например, дом компании в Благовещенске куплен для городской полиции.

Примечания

¹ *Бочаров Иван*, надворный советник, учредитель компании «Золотое руно» (Устав компании был утвержден императором 21 дек. 1854 г. – ПСЗ-2. Отд. 2-е. Т. XXIX. № 28850. С. 105–111).

² *Нессельроде Карл Васильевич* (1780–1862), член Государственного совета (1821), канцлер (1845), министр иностранных дел (1816–1856).

³ *Бенкендорф Александр Христофорович* (1782 (1781) – 1844), военачальник, ген. от кавалерии; шеф жандармов и одновременно Главный начальник III Отделения собственной е. и. в. канцелярии (1826–1844), сенатор (1826), член Государственного совета и Комитета министров (1831).

⁴ *Дубельт Леонтий Васильевич* (1792–1862), ген. от кавалерии (1856); начальник штаба Корпуса жандармов (1835–1856) и управляющий III Отделением собственной е. и. в. канцелярии (1839–1856). Участник войн 1807, 1812–1815 гг.

⁵ *Игнатьев Павел Николаевич* (1797–1879), граф, ген. от инфантерии (1859); директор Пажеского корпуса (1834–1846), дежурный ген. Главного штаба (1846–1852), петербургский ген.-губернатор (1854–1861), председатель Комитета министров (1872–1879), член Государственного совета (1852).

⁶ *Назимов Владимир Иванович* (1802–1874), ген. от инфантерии (1859), попечитель Московского учебного округа, виленский ген.-губернатор (1855–1863), член Государственного совета (1861).

⁷ Трудно сказать однозначно, о каком из светлейших князей Меншиковых идет речь. Им может быть *Александр Сергеевич Меншиков* (1787–1869), ген.-адъютант, адмирал, финляндский ген.-губернатор (1831–1853), главнокомандующий морскими и сухопутными силами в Крыму (1853–1855), член Государственного совета (1830); *Николай Сергеевич Меншиков* (1790–1863), брат Александра Сергеевича, флигель-адъютант, полковник гвардии, участник войны 1812 г. В 1815 г. предводитель дворянства Клинского уезда Московской губ.; *Владимир Александрович Меншиков* (1815–1893), сын Александра Сергеевича, ген.-адъютант, ген. от кавалерии. Более вероятна личность Александра Сергеевича.

* ГАИО (Выходные данные в рукописи не указаны. – А.Г.).

⁸ *Бенардаки Дмитрий Егорович* (1799–1870), крупный винный откупщик в Европейской России и Сибири, промышленник, владелец чугуноплавильных и железодельных заводов, судовладелец. Построил и спустил на байкальскую воду два парохода. Один из судов получил имя «Граф Муравьев-Амурский», а второй – «Дмитрий Бенардаки». В 1858 г. Д. Бенардаки и купец В. Рукавишников получают разрешение на создание Амурской компании. Бенардаки стал первым добывать в Амурской области золото, он стал организатором и владельцем Верхнеамурской компании, которая вскоре оказалась самой крупной золотодобывающей компанией в России и просуществовала полвека.

⁹ *Кузнецов Петр Иванович* (1818–1878), золотопромышленник, красноярский купец 1-й гильдии, городской голова Красноярска в 1853–1855, 1862–1864, 1871–1875 гг. Владел Митрофановским золотоносным прииском в Ачинском округе, приисками на р. Кызас в Минусинском округе, Троицким прииском на р. Ужун-Джунь Енисейской губ. Вместе с красноярским купцом С. Щеголевым составили компанию по добыче золота. На долю компании в 1840-е гг. приходилось более 10 процентов золота, добытого в Енисейской губ. На свои средства снарядил в 1854 г. первую Амурскую экспедицию и сам был ее участником. Благотворитель. Кавалер ордена св. Станислава 2-й ст. В 1855 г. на собственные средства построил часовню Параскевы Пятницы – ее изображение размещено на российской десятирублевой купюре образца 1997 г.

¹⁰ *Ланин Иван Васильевич* (1826 – после 1865), читинский купец, первоначально торговал на Амуре в К° с Курбатовым.

¹¹ *Курбатов Аполлон Митрофанович* (1799–1859), верхнеудинский купец 1-й гильдии, затем иркутский, владелец стекольной фабрики, торговал с Китаем. В первые годы на Амуре торговал в К° с И.В. Ланиным.

¹² *Веретенников Алексей Козьмич*, кяхтинский купец 1-й гильдии, распорядитель байкальского пароходства, жертвовател. Возможно, он давал деньги на похороны в ограде Знаменского монастыря в 1859 г. декабриста В.А. Бечасного. Управлял после смерти А.В. Белоголового иркутской главной конторой Амурской компании (1860–1862).

¹³ *Паргачевский Иван Евлампиевич* (ок. 1810–1885), выходец из семьи священника, окончил курс Иркутской семинарии, некоторое время работал учителем Онинского бурятского училища, затем был переведен на такую же должность открытого 6 сент. 1845 г. Селенгинского училища. Проработав несколько лет, занялся мелкой коммерцией, торговал в Иркутске. Прибыл на Амур ранее образования Амурской К° и действовал от К° Серебренникова и Зимина. После создания Амурской К° предложил свои услуги А.В. Белоголовому, как знаток края. Был назначен управляющим делами Николаевской конторой Амурской К°, прослужив в этой должности до 1861 г. Купец П. Пахолков считает, что управление Паргачевским делами К° «было образцом бестолковости, суетной беготни и тому подобных качеств» (*Пахолков П.И.* Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX век / сост., предисл., коммент. Н.П. Матхановой, публ. текстов Н.П. Матхановой, О.Т. Базалийской; отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2003. С. 205).

¹⁴ *Белоголовый Андрей Васильевич* (1806–1860), иркутский купец 1-й гильдии, почетный гражданин. Занимался торговлей с Китаем, был партнером крупного московского купца П.И. Куманина. Имел пивоваренный завод и лавку, позже – винный погреб и магазин. Известен близкими отношениями со ссыльными декабристами. В 1858–1860 гг. первый управляющий делами Амурской К° в Сибири.

¹⁵ *Зимин Тимофей Панфилович* (1816 – после 1865), иркутский купец 1-й гильдии, в компании с А.П. Серебренниковым одним из первых начал торговлю на Амуре.

¹⁶ Серебряков (ошиб.). д. б. *Серебренников Александр Петрович*, иркутский купец.

¹⁷ *Ковалевский Егор Петрович* (1809–1868), писатель, путешественник, директор азиатского департамента Министерства иностранных дел (1856–1861). Ковалевский с честью руководил русской восточной политикой. Участвовал в подготовке Айгунского трактата, что обеспечило его успешное заключение. В 1861 г. Ковалевский в чине ген.-лейтенанта был назначен сенатором и членом совета министра иностранных дел, член-корреспондент (1856) и почетный член Петербургской академии наук (1857), председатель общества для пособия нуждающимся ученым и литераторам. В 1856–1862 гг. Ковалевский был помощником председателя Императорского географического общества.

¹⁸ *Толстой Иван Матвеевич* (1806–1867), граф, многие годы состоял на придворной службе, обер-гофмейстер (1860), сенатор (1856), член Государственного совета (1861), товарищ министра иностранных дел (1856–1861), министр почт и телеграфов (1865–1867).

¹⁹ *Дж. Де Фриз*, американский предприниматель. Принял российское подданство и записался в купцы 2-й гильдии по г. Николаевску. Ему принадлежал первый частный пароход «Адмирал Казакевич», который в 1859 г. начал рейсы по Амуру.

²⁰ *Коллинс* (Коллинз) *Перри Макдоно* (1813–1900), энергичный предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско. Был отправлен по решению американского правительства в качестве официального представителя (коммерческого агента) на Амур. В янв. 1857 г. прибывает в Иркутск вместе с американцем Б. Пейтоном, где они встречались с иркутскими купцами и ген.-губернатором Н.Н. Муравьевым. Затем проследовал в Приамурский край. Добивался предоставления американским купцам торговых льгот. Во время пребывания в Восточной Сибири выдвинул ряд коммерческих проектов, в том числе по строительству железной дороги от Иркутска до Читы, который был отклонен российским правительством как преждевременный.

²¹ *Дейхман Оскар Александрович* (1818–1891), сын горного инженера, в горной службе были также его дед и прадед. После окончания Института Корпуса горных инженеров с чином поручика (1841) назначен на службу в Восточную Сибирь. В 1845–1847 гг. чиновник по особым поручениям при ген.-губернаторе, с 1847 г. управляющий Петровским железодельным заводом, в 1856–1865 гг. начальник Нерчинского горного округа. Отстранен от службы и отдан под суд за послабления, оказанные в содержании на заводах государственного преступника (М.Л. Михайлова). Вновь на службе в 1867 г. чиновником для особых поручений при Главном управлении Уральских заводов. Позднее назначен членом комиссии при Министерстве внутренних дел по устройству быта преступников, ссылаемых на Сахалин и в Нерчинские рудники. С мая 1869 по август 1870 г. участвовал в работах высочайше учрежденной комиссии для приведения в известность положения и потребностей Приамурского края и Сахалина и изыскания способов к развитию там угольной промышленности. Был членом СОИРГО, Общества горных инженеров. После выхода в 1881 г. в отставку служил консультантом по делам золотопромышленности.

²² *Корсаков* (Карсаков) *Михаил Семенович* (1826–1871), после окончания школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в 1845 г. служил прапорщиком и подпоручиком в л.-гв. Семеновском полку, перешел в Восточную Сибирь офицером для поручений при ген.-губернаторе Н.Н. Муравьеве-Амурском (1849). В 1852 г. подполковник, начальник казачьего отделения ГУВС, в 1854 г. полковник, участвовал в подготовке и организации первых экспедиций по Амуру, с 1855 г. наказной атаман Забайкальского казачьего войска и губернатор Забайкальской области, с 1856 г. ген.-майор. В 1861–1871 гг. ген.-губернатор Восточной Сибири, ген.-лейтенант (1864). Член Государственного совета (1871). В честь М.С. Корсакова был назван пост на о. Сахалин, впоследствии ставший городом.

²³ *Дубровин Николай Николаевич* (1825 (?) – после 1870), горный инженер, уроженец Московской губ., из штаб-офицерских детей, служил в Нерчинских заводах, помощник управляющего, а затем управляющий Петровским железодельным заводом. Был женат на дочери О.А. Дейхмана Екатерине.

²⁴ Бирмингем – крупный экономический центр Англии.

²⁵ *Казимирский Яков Дмитриевич* (1800–1860), штаб-офицер Корпуса жандармов, плац-майор в Чите и Петровском Заводе (1838), с 1853 г. ген.-майор Корпуса жандармов, начальник 8-го (Сибирского) округа.

²⁶ *Буссе Николай Васильевич* (Вильгельмович) (1828–1866), первый военный губернатор Амурской области (1859–1866). Окончив Пажеский корпус, поступил на военную службу в Семеновский полк, прапорщик л.-гв. (1845). В 1853 г. по совету и при протекции своего сослуживца по полку и друга М.С. Корсакова Буссе переводится в Иркутск, где произведен в майоры. В 1853–1854 гг., командир русского военного поста на Сахалине, в 1855 г. подполковник, офицер для особых поручений при ген.-губернаторе, начальник экспедиции по Амуру, в 1857–1858 гг. начальник штаба войск, в Восточной Сибири расположенных, полковник, военный губернатор Амурской области, ген.-майор (1859).

²⁷ *Романов Дмитрий Иванович* (1828–1873), военный инженер, публицист. В Восточной Сибири с 1847 г., в 1850-е штабс-капитан, затем полковник Амурского конно-пионерного батальона, автор проектов сибирской железной дороги и сибирского телеграфа, руководил проектированием и строительством на Амуре, автор ряда статей об освоении Приамурья. Покончил жизнь самоубийством во время хивинской экспедиции, которую совершал вместе с вел. кн. Николаем Константиновичем.

²⁸ *Путятин Ефим* (Евфимий) *Васильевич* (1804–1883), мореплаватель и дипломат, граф (1855), адмирал (1858), ген.-адъютант (1849). Окончил Морской кадетский корпус (1822). В 1822–1825 гг. совершил кругосветное плавание с заходом в Русскую Америку на фрегате «Крейсер» (под командованием М.П. Лазарева). Участвовал в Наваринском сражении (1827) и военных действиях против горцев на Кавказском побережье (1838–1839). В 1842 г. направлен в Иран с миссией, которая добилась отмены ограничений русской торговли и установления пароходного сообщения по Каспию. В 1852–1855 гг. на фрегате «Паллада» возглавлял дипломатическую миссию в Японию. Заключил русско-японский договор 1855 г. В 1855–1857 гг. военно-морской атташе в Лондоне и Париже. В 1857–1858 гг. возглавлял еще одну миссию на Дальнем Востоке, заключив 12 июля 1858 г. Тяньцзиньский трактат с Китаем, по которому, кроме определения границ, свободный доступ во внутренние регионы Китая получали русские миссионеры. В этом же году заключил и русско-японский договор, по которому Япония обязывалась открыть для русских судов вместо Симоды более удобный порт, упростить торговлю и разрешить открытие в Японии православной церкви. В 1858–1861 гг. военно-морской атташе в Лондоне. В июне – декабре 1861 г. министр просвещения; после студенческих волнений подал в отставку. Член Государственного совета (1861). В честь Путятина назван остров в заливе Петра Великого.

²⁹ *Завалишин Дмитрий Иригарович* (1804–1892), декабрист, лейтенант 8-го флотского экипажа, этнограф, публицист. Впервые побывал в Сибири, возвращаясь из Охотска в Петербург. После каторги с 1839 г. на поселении в Чите. Участвовал в разработке «Проекта областного города Читы Забайкальской обл.», исполнении топографических съемок («Проект» утвержден Александром II в 1862 г.), в делах по устройству вновь образовавшейся Забайкальской обл., в подготовке Амурских сплавов, занимался крестьянским хозяйством. В 1863 г. по представлению восточносибирских властей был выслан в Казань под надзор полиции. В том же году переведен в Москву и прожил там оставшиеся годы.

³⁰ *Беклемишев Федор Андреевич* (1829–1899), выпускник Лицея (1850), с 1851 г. на службе в Восточной Сибири, в 1854–1857 гг. верхнеудинский земский исправник, в 1858–1861 гг. член Совета Главного управления, управляющий IV отделением, за убийство на дуэли М.С. Неклюдова в 1859 г. отстранен от службы и арестован, затем прощен по ходатайству Н.Н. Муравьева-Амурского, в 1862 г. саратовский, в 1864–1869 гг. харьковский вице-губернатор.

³¹ *Бутков Владимир Петрович* (1813–1881), статс-секретарь, действ. тайн. сов., член Государственного совета (1867). В 1852 г. управляющий делами Сибирского комитета, а с 1 янв. 1853 г. государственный секретарь, с оставлением в прежних должностях управляющего делами Кавказского и Сибирского комитетов. 31 дек. 1864 г., с присоединением Сибирского комитета к Комитету министров становится заведующим делами и работами по устройству управления и судебной части во всей Сибири, оставаясь управляющим их делами. Участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., содействовал проведению судебной реформы 1864 г.

³² *Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883), князь, канцлер (1867), один из крупнейших дипломатов XIX в., министр иностранных дел в 1856–1882 гг.

³³ *Чевкин Константин Владимирович* (1802–1875), ген. от инфантерии, ген.-адъютант, начальник штаба Горного корпуса (1834–1845), сенатор (1845), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями (1856–1862, исполнял должность с 1855 г.), председатель Департамента экономики Государственного совета (1863–1871), председатель комитета по делам Царства Польского (с 1872).

³⁴ *Перовский Лев Алексеевич* (1792–1856), граф, участник войны 1812 г., министр внутренних дел (1841–1852), член Государственного совета (1840), министр уделов и управляющий Кабинетом е. и. в. и Академией художеств, всеми археологическими в России изысканиями,

а также председателем Комиссии по построению Исаакиевского собора (1852–1856), действ. тайн. сов.

³⁵ Речь идет об *Иване Евграфовиче Разгильдееве*. И.Е. Разгильдеев (1810–?), сын забайкальского казака, родился в Цурухайтуе. В 1827–1831 гг. обучался в Горном кадетском корпусе в Петербурге. После окончания корпуса служил на Нерчинских заводах, занимался геологоразведкой, открыл Алтанганское золотороссыпное месторождение в Цаган-Олуйской долине. Переведен на Урал, где был смотрителем Березовских золотых промыслов (1834), смотрителем (с 1835 по 1838) и управляющим (с 1843 по 1845) Екатеринбургского монетного двора. Возвращен в Сибирь чиновником особых поручений при Горном отделении Главного управления Восточной Сибири, затем в Нерчинских заводах на должности управляющего казенными золотыми промыслами, с 1852 до 1856 г. – горный начальник Нерчинских заводов.

³⁶ О Зиновьеве сведений выявить не удалось. Лопатин Александр Николаевич – красноярский золотопромышленник.

³⁷ Б.Г. Кубалов ошибочно называет Муравьева министром юстиции, речь может идти о *Михаиле Николаевиче Муравьеве* (1796–1866), графе, ген. от инфантерии. В 1857–1861 гг. занимал пост министра государственных имуществ. В 1863–1865 гг. был назначен ген.-губернатором Северо-Западного края, где подавлял польский мятеж и проводил реформы местного управления. Член Государственного совета (1850), вице-председатель РГО (1850).

³⁸ *Княжевич Александр Максимович* (1792–1872), действ. тайн. сов. (1859), член Государственного совета (1858). Окончил Казанский университет (1809). С 1811 г. служил в Министерстве финансов. С 1821 г. начальник отделения, в 1831 г. вице-директор Департамента государственного казначейства, в 1831–1844 гг. директор Общей канцелярии Министерства финансов. Один из ближайших сотрудников министра финансов Е.Ф. Канкрин. С 1844 г. директор Департамента государственного казначейства. С 1854 г. сенатор и управляющий Петербургской сохранной казны. Министр финансов и член Комитета финансов (1858–1862).

³⁹ *Бакунин Михаил Александрович* (1814–1876), русский мыслитель, революционер, один из идеологов анархизма. С 1840 г. жил за границей. В 1848 г. принял активное участие в Пражском народном восстании, в мае 1849 г. стал одним из руководителей восстания в Дрездене. Был арестован и в 1851 г. был выдан австрийским правительством царскому правительству России. Отбывал заключение в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости и в Шлиссельбургской крепости (1851–1857). В 1857 г. переведен на вечное поселение в Сибирь – сначала в Томск, а затем в Иркутск, откуда осенью 1861 г. совершил побег через Японию и Америку в Англию. Жил в Европе, продолжая вести революционную деятельность. Бакунин был родственником ген.-губернатора Н.Н. Муравьева и по его ходатайству переведен в Иркутск. Считаю, что Бенардаки не играл в этом никакой роли.

⁴⁰ *Рукавишников Василий Никитич* (1811–1883), купец, почетный гражданин, золотопромышленник, владелец горных заводов в Пермской губ. Один из учредителей Амурской компании и ее директоров.

⁴¹ *Утин Исаак Осипович* (Иосифович) (1812–1876), коммерции советник, купец 1-й гильдии, миллионер, банкир.

⁴² Затруднительно определить, кто именно из купцов братьев Коншиных, *Иван* (1828–1898), *Николай* (1831–1918) или *Максим* (1838–?), участвовал в приобретении акций. Иван Николаевич имел свое промышленное дело, братья же его основали Торговый дом под фирмой «Николая Коншина сыновья», который владел Серпуховской ситценабивной фабрикой.

⁴³ *Мамонтов Иван Федорович* (1796–1869), купец первой гильдии (с 1843), с конца 1830-х гг. занимался винным откупным промыслом на Сибирском тракте, в Ялуторовске Тобольской губ. В 1849 г. переехал в Москву. Был основателем акционерного железнодорожного общества, проложившего Московско-Ярославскую дорогу, участвовал в разработке первых нефтяных промыслов в Баку.

⁴⁴ *Николай Гаврилович Рюмин* (1793–1870), тайн. сов., миллионер, крупный благотворитель.

⁴⁵ Вероятно, речь идет о представителе семьи Брандтов (Брантов), владельцев немецкой фирмы Брандтов, *Карле Вильгельмовиче*. Ее основал в Архангельске в 1802 г. сын маклера из Гамбурга Вильгельм Брандт. После его смерти в 1832 г. торговый дом «В. Брандт и с-я» возглавили сыновья Вильгельм, Эдуард, Эдмунд и Карл, развернувшие обширные операции

в Петербургском порту. К 1860 г. фирма «В. Брандт и К^о», помимо вывоза хлеба, прочно занимала в Петербургском порту пятое место среди экспортеров поташа (ежегодная отправка этого товара составляла почти 800 бочек), шестое – пеньки (113 364 пуда), восьмое – сала (5933 бочки). В 1874 г. созданный ею торговый дом был на четвертом месте по количеству судов (114), отправленных из Петербурга за границу. Учредитель Беломорской компании.

⁴⁶ *Гинцбург Евзель Гаврилович* (Иосиф-Евзель, 1812–1878), финансист и общественный деятель. Один из учредителей первого частного банка в России – Частного коммерческого банка в Киеве. За этим последовало учреждение Учетного банка в Одессе, а позже – Учетно-ссудного банка в Петербурге (1859), одного из крупнейших в стране банков (закрылся в 1892 г. в связи с кризисом и прекращением правительственных кредитов). Через банкирский дом Гинцбурга устанавливались прочные связи между финансовыми учреждениями Западной Европы и России. Внес значительный вклад в развитие кредитного финансирования в империи. Субсидировал строительство железных дорог, добычу золота на Урале, Алтае и в Забайкалье. В 1872 г. вслед за своим сыном Горацем получил от великого герцога Гессен-Дармштадтского баронский титул; в 1874 г. Александр II узаконил этот титул как потомственный. Доходы с больших имений на юге России Гинцбург завещал на основании еврейских сельскохозяйственных поселений на своих землях и на благотворительные дела.

⁴⁷ Ниже в тексте Кубалов указывает инициалы Якунчикова – М.Н. Но Якунчикова с такими инициалами обнаружить не удалось, возможно, автор ошибается и речь идет о *Василии Ивановиче Якунчикове* (1826–1907), московском 1-й гильдии купце, почетном гражданине, коммерции советнике, владельце бумагопрядильной и ткацкой фабрики «Товарищество Воскресенской мануфактуры», кирпичных заводов в Одинцове и Черемушках. Он был членом комитета для оказания вспомоществования семействам убитых, умерших от ран и изувеченных воинов во время Русско-турецкой войны с 1877 по 1886 г., агентом учреждений св. Марии Магдалины при Попечительстве о бедных в Москве. Или это может быть *Михаил Иванович Якунчиков* (1816–1869), пятигорский купец 1-й гильдии (с 1847), потомственный почетный гражданин (1857). Занимался винными откупами, один из строителей водопровода в Пятигорске, один из учредителей АО С.-Петербургских водопроводов (1858).

⁴⁸ Трудно определить, о каком князе А.В. Васильчикове идет речь, возможно, автором допущена ошибка в инициалах.

⁴⁹ *Волконский Михаил Сергеевич* (1832–1909), князь, сын декабриста С.Г. Волконского. Сделал успешную карьеру: в 1866 г. произведен в камергеры, в 1867-м – в действ. ст. сов. В янв. 1876 г. тайн. сов., егермейстер Двора е. и. в. определен состоять при Государственной канцелярии. В 1880 г. уволен с этой должности по собственному прошению и назначен почетным опекуном по ведомству императрицы Марии и членом Совета министра народного просвещения. С сентября 1882 г. товарищ министра народного просвещения, с марта 1885 г. сенатор. В янв. 1890 г. обер-гофмейстер Двора е. и. в. С мая 1896 г. член Государственного совета.

⁵⁰ *Гулькевич Николай Васильевич* (1814–1876), тайн. сов., в конце 1850-х гг. помощник управляющего делами Сибирского и Кавказского комитетов (канцелярия Сибирского и Кавказского комитетов была единой и состояла в ведении одного управляющего делами обоих).

⁵¹ *Сементовский Константин Максимович* (1823–1902), действ. ст. сов., производитель дел Комиссии прошений в канцелярии статс-секретаря Его Величества (1868), писатель, историк, краевед, этнограф, фольклорист, литературный псевдоним Константин Калайденский. Управлял делами правления Амурской компании в С.-Петербурге с момента образования и до половины 1861 г. При учреждении в 1875 г. по высочайшему повелению опекунского управления над имуществом и делами наследников Д.Е. Бенардаки в составе трех опекунов вошел в состав этого управления. С 1875 по 1902 г. он частным образом занимался вопросами наследства Д.Е. Бенардаки (с 1895 г. – управляющий делами по наследству Бенардаки).

⁵² *Белоголовый Николай Андреевич* (1834–1895), сын купца А.В. Белоголового, доктор медицины, известный общественный деятель России второй половины XIX в.

⁵³ *Сельский Илларион Сергеевич* (1809–1861), чиновник, писатель, деятель Сибирского отдела ИРГО. По окончании Московского университета в 1834 г. – чиновник особых поручений соляного отделения Иркутской казенной палаты, в том же году комиссар по развозу соли Забайкальского края, с 1839 г. член Совета ГУВС от Министерства финансов, с 1841 г. член совета Девичьего института, с 1858 г. действ. ст. сов., с 1853 г. правитель дел СОИРГО, действ.

член Вольного экономического общества, Общества сельского хозяйства, Российского общества любителей садоводства.

⁵⁴ *Де-ля-Брюньер*, французский католический миссионер, был коадьютором Ляодунского викария, помимо миссионерской деятельности занимался сбором сведений по географии, этнографии и статистике Приамурского края. В 1845 г. по поручению китайского императора Кханси предпринял путешествие на Амур. Убит гиляками в начале июля 1846 г.

⁵⁵ *Венюков Михаил Иванович* (1832–1901), известный путешественник, географ, ген.-майор, публицист. Окончил кадетский корпус. Через два года был назначен репетитором физики в Петербургский кадетский корпус. Одновременно он вольнослушателем посещал университет, а через год поступил в Академию Генерального штаба и в 1856 г. закончил ее в чине поручика. Назначен в Иркутск старшим адъютантом в штаб войск Восточной Сибири. Принимал участие в сплавах по Амуру в 1857 и 1858 гг., а затем в экспедиции по Уссурийскому краю. В мае 1858 г. ему довелось присутствовать при подписании Айгунского трактата и участвовать в закладке поста Хабаровка. В начале 1859 г. покинул Сибирь. Впоследствии служил в Средней Азии, на Кавказе и в Польше, совершил путешествие по Японии и Китаю, преподавал в Академии Генерального штаба, был секретарем ИРГО. После отставки в 1877 г. выехал в Париж, как оказалось – навсегда. Много путешествовал. Его научные труды издавала Французская академия наук.

⁵⁶ *Петрашевский* (Буташевич-Петрашевский) *Михаил Васильевич* (1821–1866), руководитель тайного кружка социалистов-утопистов. Окончил Царскосельский лицей (1839), затем юридический факультет Петербургского университета (1841). Служил переводчиком в Министерстве иностранных дел. Выступал за демократизацию политического строя России и освобождение крестьян с земель. Был арестован, с 1850 г. – на каторге, с 1856-го – на поселении в Восточной Сибири, в 1856–1864 гг. жил в Иркутске, сотрудничал в местных газетах. В 1864 г. выслан в Енисейскую губ.

⁵⁷ Непонятно, почему Б.Г. Кубалов считает, что материал, присланный в редакцию «Иркутских губернских ведомостей», был использован в статье М. Петрашевского. Статья подписана: «от Забайкальских купцов И.В.Л. и А.К. и иных из торговой братии, на Амуре промышленяющей», подписи или инициалов Петрашевского нет. Если Кубалов владел информацией о причастности Петрашевского к написанию этой статьи, то по каким-то причинам он на ее источник не ссылается, и это придает данной части повествования определенную недосказанность. Зато можно предположить, что под инициалами забайкальских купцов скрыты: И.В.Л. – Иван Васильевич Ланин (см. сн. 10) и А.К. – Аполлон Курбатов (см. сн. 11).

⁵⁸ *Хитрово*, есаул, адъютант графа Н.Н. Муравьева-Амурского.

⁵⁹ *Неклюдов Михаил Сергеевич* (1830–1859), коллежский ассessor, чиновник канцелярии ГУВС. Окончил школу гвардейских прапорщиков, служил по гражданской части на Кавказе и в Финляндии. Убит в Иркутске на дуэли с Ф.А. Беклемишевым.

⁶⁰ Тяньцзиньский трактат заключен между Россией и Китаем в г. Тяньцзине 1 июня 1858 г. после Айгунского трактата, во время военных действий против Китая со стороны Франции и Англии; подписан графом Е. Путягиным; ратифицирован императором Александром II в авг. 1858 г. Он распространил на Россию все торговые права европейских держав; для русской морской торговли открыл доступ в главные китайские порты (Шанхай, Нин-бо, Гуандун, Фучжоу-фу и др.); предполагалось приступить к разграничению русских и китайских владений, и было постановлено, чтобы дипломатические сношения производились между Министерством иностранных дел и старшим членом китайского верховного совета или с главным министром, а не через ли-фань-юнь (трибунал внешних сношений) и сенат (по Кяхтинскому трактату). Были расширены права русской духовной миссии и установлено почтовое сообщение между Пекином и Кяхтой.

⁶¹ *Деспот-Зенович Александр Иванович* (1829–1895), выпускник Московского университета, юрист. В 1849 г. за неблагонадежность выслан в Пермь, в 1850 г. переведен в Восточную Сибирь, с 1851-го чиновник по особым поручениям ГУВС, с 1852-го кяхтинский пограничный комиссар, в 1859–1861 гг. кяхтинский градоначальник, в 1862–1867 гг. тобольский губернатор, позже член совета Министерства внутренних дел.

⁶² *Казакевич Петр Васильевич* (1816–1887), адмирал, географ, историк Тихоокеанского флота. Закончил Морской кадетский корпус. В Сибири с 1849 г., участвовал в экспедиции

Г.И. Невельского, в 1851 г. капитан 2-го ранга, офицер для особых поручений при ген.-губернаторе Восточной Сибири, в 1854 г. капитан 1-го ранга, в 1854-м командовал первым амурским сплавом; в 1856-м контр-адмирал, назначен первым военным губернатором Приморской области Восточной Сибири и командиром Сибирской флотилии и портов Восточного (Тихого) океана. В 1871 г. вице-адмирал, Главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта. С 1883 г. член Адмиралтейского совета. Закончил службу в звании адмирала.

⁶³ Великий князь *Константин Николаевич* (1827–1892), сын императора Николая I Павловича и императрицы Александры Феодоровны, ген.-адмирал (1831). С 1834 г. прошел весь путь морского воинского служения, начиная с чина мичмана. Председатель Императорского Русского географического общества (1845). Ген.-адъютант (1852). В 1853 г. вступил во временное управление Морским министерством. Вице-адмирал (1853). Председатель Адмиралтейств-совета (1860). Активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. и других реформ эпохи Александра II. Руководя Морским ведомством, внес значительный вклад в модернизацию российского флота. Наместник Царства Польского (1862) и главнокомандующий его войсками (1863). Председатель Государственного совета (1865). Первый председатель ИРГО (1845–1892), председатель Императорского Археологического общества (1852). Почетный член Императорской Академии наук и ряда других российских и иностранных академий, университетов и обществ. Придерживался либеральных взглядов.

⁶⁴ *Струве Бернгард Васильевич* (1827–1889), действ. ст. сов. Окончив Царскосельский лицей, в 1847 г. поступил на государственную службу в канцелярию статс-секретаря, где прослужил около семи месяцев. В дек. 1847 г. по своему желанию был зачислен в штат ГУВС и направлен в распоряжение ген.-губернатора Н.Н. Муравьева. Состоял в должностях чиновника по особым поручениям, старшего советника областного иркутского правления, в 1848–1849 гг. заведовал провиантским делом. В дек. 1851 г. ген.-губернатор в Якутскую область для открытия там новых областных учреждений, а несколько раньше ему было поручено составление проекта положения о прекращении обязательных отношений крестьян к помещичьим заводам вблизи Иркутска. В 1853–1855 гг. председатель Иркутского губернского правления. В 1855 г. вышел в отставку. В 1856 г. назначен вице-губернатором Астраханской губ., в 1859–1861 гг. – астраханский губернатор. Пермский губернатор в 1865–1870 гг.

⁶⁵ Камуфлет – взрыв под землей, обычно без образования воронки, в переносном смысле – неожиданная неприятность, подвох, неудача.

⁶⁶ Сведений выявить не удалось.

⁶⁷ Вязига (визига), очищенная спинная струна, или хорда, извлеченная из хрящевого позвоночника различных осетровых рыб (белуги, севрюги, осетра, стерляди), которая у них сохраняется на всю жизнь в виде непрерывного шнура из довольно плотной пузырчато-клеточной ткани. Она традиционно (по крайней мере, с XV–XVI вв.) использовалась в русской национальной кухне для приготовления начинки в кулебяки и расстегаи.

⁶⁸ *Бестужев Михаил Александрович* (1800–1871), штабс-капитан л.-гв. Московского полка, декабрист, член Северного общества (1824), активный участник восстания на Сенатской площади. По окончании срока каторги в 1839 г. обращен на поселение в г. Селенгинск Иркутской губернии. После амнистии остался в Сибири. После смерти жены выехал из Селенгинска в июне 1867 г. и переехал в Москву, где и умер.

⁶⁹ *Белоголовый Андрей Андреевич* (1832–1893), иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, старший сын А.В. Белоголового, занимался торговыми операциями, владел пивоваренным заводом. После смерти отца нашел его дела в крайне расстроеном положении и принял на себя ликвидацию этих дел. Занимался общественной деятельностью: был попечителем Сиропитательного дома им. Е. Медведниковой, членом губернского статистического комитета, один из инициаторов и издателей первой частной газеты в Сибири «Амур», автор статей в сибирских и центральных газетах. Впоследствии был комиссионером по транспортировке чая через Монголию. С 1867 г. жил в Китае, в Тяньцзине, управлял делами ряда русских фирм. Поддерживал контакты с русскими путешественниками, в частности с Г.Н. Потаниным.

⁷⁰ *Белоголовый Аполлон Андреевич* (1836–1885), иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин; в 1860 г. кратковременно управлял Амурской компанией в Сибири

после смерти отца, А.В. Белоголового. По характеристике П.И. Пахолкова: «...человек видный, представительный, в то время еще молодой человек 25 лет, по моему мнению, унаследовал от отца все достоинства и недостатки, в нем не было того красноречия, как у отца, но в разговорах он умный, рассудительный господин (как и отец), хорошо знакомый с конторскою частию». В то же время Пахолков отмечает, что «он делал более ошибок, чем отец; словом сказать, управление его делами К^о представляет собою целый ряд самых оплошных и непростительных ошибок... Но касательно его честности <...>, как его, так и отца личная честность в управлении этим делом осталась безукоризненна в полном смысле этого слова» (*Пахолков П.И. Записки об Амуре, за первые годы со времени занятия его Россией в 1854 году // Мемуары сибиряков. XIX век / сост., предисл., коммент. Н.П. Матхановой, publ. текстов Н.П. Матхановой, О.Т. Базалийской; отв. ред. акад. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2003. С. 204*).

⁷¹ *Белоголовый Владимир Андреевич* (1840–?), иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, сын купца А.В. Белоголового, владелец Тельминской фабрики, занимался производством вина и пива.

⁷² *Спешнев Николай Александрович* (1821–1882), участник кружка петрашевцев, после амнистии 1856 г. жил в Иркутске, в 1857–1858 гг. редактировал неофициальную часть «Иркутских губернских ведомостей». В 1859 г. был назначен управляющим путевой канцелярией ген.-губернатора во время его поездки в Китай и Японию. В 1860 г. ему возвращены права потомственного дворянства.

⁷³ *Есинов Дмитрий (?–?)*, начинал свою деятельность как доверенный верхнеудинского купца А. Курбатова, постепенно стал вести самостоятельную торговлю. Первый николаевский купец-первогильдиец.

⁷⁴ *Кандинский* (Кондинский) *Хрисанф Петрович* (1774–1860-е), нерчинский купец 1-й гильдии, коммерции советник (1839). В руках главы клана Кандинских и шестерых его сыновей была сосредоточена вся торговля на Нерчинских заводах и скупка пушнины в Забайкалье. Занимался поставкой леса казне – так, весь Читинский острог был сложен из крупных бревен с клеймом «К». В начале 1850-х гг. ген.-губернатор Н. Муравьев объявил все кабальные сделки Кандинских незаконными, в результате чего значительная часть их имущества в селе Бянкино Нерчинского района пошла с молотка. Прадед художника Василия Кандинского.

⁷⁵ Сведений выявить не удалось.

⁷⁶ Сведений выявить не удалось.

⁷⁷ *Максимович Карл Иванович* (1827–1891), ботаник-систематик, путешественник, член Академии наук. В 1853 г. совершил путешествие вокруг света, в 1854–1857, 1859 гг. находился в экспедиции в Приамурье и Уссурийском крае. Он был первым русским путешественником, поднявшимся в 1855 г. вверх по Уссури на 130 км (до устья р. Хора). Позднее поднимался вверх по Сунгари, но вынужден был вернуться, не дойдя даже до Сань-сина (ныне г. Цзямусы). В 1860 г. он снова командирован Ботаническим садом в Уссурийский край. На этот раз он поднялся по Уссури до реки Фудзи, а затем перевалил через хребет, вышел к заливу Владимира, откуда на пароходе отправился в Посьет.

⁷⁸ *Пузино Помпей Поликарпович* (ок. 1825–1889), в 1840 г. окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус, в 1855-м есаул Забайкальского казачьего войска. Участник 2-го амурского сплава (1855). Участвовал в отражении английского десанта в бухте Де-Кастри. В 1858 г. войсковой старшина, командир 6-го батальона. Занимался устройством переселенцев на Амур. В конце 1850-х майор. В 1862 г. покинул Сибирь. В 1865 г. прикомандирован к Оренбургскому казачьему войску, в 1865-м подполковник, мировой посредник в Оренбургской губ. Полковник (1872), военный судья Киевского военно-окружного. суда. Ген.-майор в отставке. Именем П.П. Пузино названы села Пузино, Помпеевка, Поликарповка, а также Помпеевский хребет, гора Пузиновка, реки Помпеевка, Поликарповка, Пузиновские острова Октябрьского района Еврейской автономной области.

⁷⁹ Вероятно, речь идет о купце П.И. Кузнецове (см. сн. 9).

⁸⁰ Возможно, речь идет о гижигинских купцах *В. Воробьеве* и *Илье Брагине* (купец 2-й гильдии).

⁸¹ *Кондратьев Василий Петрович* (1810–1873), участник Русско-турецкой войны 1827–1829 гг., подавления польского мятежа 1831 г., во время Крымской кампании 1853–1856 гг.

командовал батареями. В 1857 г. назначен начальником артиллерии Восточной Сибири и произведен в полковники; 17 апр. 1860 г. произведен в ген.-майоры, в 1865 г. назначен начальником артиллерии Оренбургского округа, в 1870 г. переведен помощником начальника артиллерии в Варшаву, а в 1872-м уже в чине ген.-лейтенанта назначен начальником артиллерии Киевского округа.

⁸² *Сабашников Василий Никитич* (1720–1879), кяхтинский купец и общественный деятель. Разбогател на импорте чая, караваны с которым от китайских поставщиков шли через всю страну на Нижегородскую ярмарку, затем переключился на золотодобычу, что также принесло ему значительную прибыль. Был в дружественных отношениях с декабристами Н.А. и М.А. Бестужевыми, И.И. Горбачевским. Одной из самых долголетних крупных компаний Забайкалья была «Ононская К^о бр. Сабашниковых», основанная в 1860-х гг. и добывавшая золото до 1917 г. Вместе с Василием Никитичем компания была создана на паях его братьями Иннокентием, кяхтинским купцом 1-й гильдии, и Михаилом (1824–?), но основным пайщиком и главным финансистом нового дела был Василий, даже после того, как Сабашниковы перебрались в Москву. Сыновья Михаил и Сергей в 1891 г. создали издательскую фирму «М. и С. Сабашниковы», литература которой получила широкое распространение в России.

⁸³ *Игнатъев Николай Павлович* (1832–1908), дипломат, ген. от инфантерии (1878), граф (1877), ген.-адъютант. Занимал различные должности, с 1856 г. военный агент в Лондоне. Успешно выполнил дипломатические поручения в Бухаре, установив с ней в 1858 г. договор о торговых и дипломатических отношениях. В 1859–1861 гг. был направлен с особым дипломатическим поручением в Китай с целью добиться ратификации Айгунского договора 1858 г. Смог расположить к себе китайского богдыхана и добился подписания чрезвычайно выгодного для России Пекинского договора 1860 г. В 1861–1864 гг. директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Выступал за активную внешнюю политику России на Востоке. В 1867–1877 гг. посол в Константинополе. В 1881–1882 гг. министр внутренних дел; с 1884-го президент Общества для содействия русской промышленности и торговли; с 1888 г. председатель Славянского благотворительного общества.

⁸⁴ Б.Г. Кубалов ошибочно указывает у Фока инициал Д., так как в публикации «Из путевых заметок о Забайкальской области и Приамурском крае» у Фока инициалы не указаны. По нашему мнению, речь идет о *фон Фоке Александре Максимовиче*, ст. сов.; в середине 1830-х секретаре миссии в Константинополе, в начале 1840-х старшем секретаре миссии в Греции, в 1845–1853 гг. генеральном консуле в Египте, затем до 1868 г. чиновнике Азиатского департамента МИД.

⁸⁵ Даба (*кит.*) – китайская бумажная ткань синего, красного и белого цветов, похожая на кумач; употреблялась преимущественно в Сибири вместо холста.

⁸⁶ Гольды – народ тунгусского племени, живущий по р. Амур, преимущественно по правой его стороне, начиная от впадения в него р. Сунгари и до устья р. Горина (приблизительно под 51° с. ш.), а также по южным притокам Амура – по р. Сунгари в нижнем ее течении и по р. Усури до самых ее верховьев, а также и вокруг оз. Ханка. Название «гольды» стало известным только после занятия края русскими в 1850-х гг. (Д. Анучин).

⁸⁷ Фешен (*fashion*) – мода, стиль.

⁸⁸ В указанном издании приведенная цитата отсутствует.

⁸⁹ Старшим сыном был Андрей (см. сн. 69), он выполнял поручения отца за границей, вторым – Николай, но он не участвовал в коммерческой деятельности компании, следующим – Аполлон, он-то и помогал отцу на Амуре. Андрей Андреевич некоторое время управлял иркутской главной конторой компании, замещая отца во время его болезни.

⁹⁰ Трудно сказать, о каком Перетолчине идет речь. В сибирской истории были и предприниматели Перетолчины, и чиновник при ген.-губернаторе Восточной Сибири для дипломатической переписки.

⁹¹ *Чеботарев Константин Афанасьевич* (1802–1879), фридрихгамский, затем московский купец, третий управляющий Амурской компанией в Сибири после Аполлона Белоголового.

⁹² В данном контексте это может быть *Немчинов Яков Андреевич* (1813–1894), тарский, верхнеудинский и кяхтинский купец 1-й гильдии, коммерции советник, потомственный почетный гражданин, один из самых богатых и удачливых сибирских купцов, владел золотыми приисками, вел обширную торговлю в разных районах Сибири, имел пароходство

на Байкале, Ангаре, Селенге; или *Немчинов Михаил Федорович* (1826–1879), троюродный брат Я.А. Немчинова, начинал коммерческую деятельность под руководством брата, стал самостоятельным кяхтинским купцом 1-й гильдии, занимался торговлей чаем и другими товарами с Китаем, Монголией.

⁹³ Возможно, речь идет о вологодском купце 2-й гильдии *Деньгине Михаиле Ивановиче*, в 1860-е гг. состоящем вологодским городовым старостой и членом городского сиротского суда.

⁹⁴ *Яковлев А.Ф.* Экономические кризисы в России. М., 1955.

⁹⁵ *Безобразов Владимир Павлович* (1828–1889), экономист, академик (1867), тайный советник, сенатор.

⁹⁶ *Рагозин Евгений Иванович* (1835–1906), экономист, публицист.

⁹⁷ Цибик – короб, ящик для перевозки чая. Чай упаковывали в короба по 50–80 фунтов (в среднем 20–30 кг), а поскольку мочить чай было категорически нельзя, короба обшивали еще и кожей.

⁹⁸ Речь идет о *Василии Николаевиче Баснине* (1799–1876), иркутском купце 1-й гильдии, меценате, собирателе книг и гравюр, садоводе, друге многих декабристов; в начале 1840-х возглавившем торговую фирму Басниных; в 1850–1852 гг. состоявшем городским головой Иркутска. Упадок кяхтинской чайной торговли привел в расстройство его дела. В 1858 г. переехал в Европейскую Россию.

⁹⁹ *Березин Илья Николаевич* (1818–1896), профессор Казанского, а затем Петербургского университетов, востоковед, тайн. сов. Был создателем и редактором «Русского энциклопедического словаря» (СПб., 1873–1882, 16 томов), который пользовался широкой популярностью в России в 1870–1890-е гг., пока не был сменен энциклопедическим словарем Брокгауза.

¹⁰⁰ *Крит Николай Карлович, фон* (1824–?), действ. ст. сов., управляющий Иркутской таможенной.

¹⁰¹ Опечатка автора, должно быть: в эти годы.

¹⁰² Вероятно, речь идет об *Осокине Михаиле Онуфриевиче* (1834–1899), кяхтинском купце 1-й гильдии, зяте купца Я.А. Немчинова, крупном торговце чаем, участнике «Кяхтинского пароходного товарищества», занимался добычей золота.

¹⁰³ Леденец – сахар, посредством варения приведенный в вид хрусталя (Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 248).

¹⁰⁴ *Зензинов Михаил Андреевич* (1805–1873), купец, почетный гражданин Нерчинска, краевед. Создал рукописный «Нерчинский журнал». В круг научных интересов входили проблемы истории края, ботаники, этнографии, медицины, экономики, а также народного творчества и литературы. Устроил в Нерчинске «ботаническое заведение», проводил агрономические опыты, собирал образцы даурской флоры, насекомых, минералов, вел переписку со многими виднейшими естествоиспытателями, чл.-кор. многих научных обществ и учреждений (РГО, Баварского о-ва садоводства и др.). Член ГО, корреспондент ряда российских научных изданий. Был знаком с рядом декабристов.

¹⁰⁵ Вероятно, речь идет о якутском купце *Николае Феофановиче Соловьеве*.

¹⁰⁶ *Людорф Фридрих Август* (1834–1891), прусский подданный, предприниматель, купец 1-й гильдии, дипломат, гамбургский консул в Приморской области; годовой оборот его торговли на Амуре в 1860-е гг. составлял около 800 тыс. рублей. Был избран директором Приморского областного попечительного о тюрьмах комитета, членом попечительного совета Николаевского женского училища. За годы работы в этом совете он пожертвовал на нужды учебного заведения 8 тыс. рублей.

¹⁰⁷ *Рейтц Август Николай* (1837–1873), купец 2-й гильдии, брат известного доктора медицины Владимира Николаевича Рейтца, одного из основоположников российской школы врачей-педиатров.

¹⁰⁸ Возможно, Б. Кубалов ошибается в написании инициала Персина и речь идет об *Иване Сергеевиче Персине* (1804 – после 1869), враче в Кяхте, Петровском Заводе и Иркутске, впоследствии золотопромышленнике. И.С. Персин занимался вопросами торговли, им написана «Записка о последствиях упадка кяхтинской чайной торговли для Сибири» (ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 548.).

¹⁰⁹ *Тимрот Готгард Александрович* (1827–1880), на момент описываемых событий штабс-капитан Генерального штаба, с 1859 г. служил в Восточной Сибири, офицер для особых поручений при ген.-губернаторе Н.Н. Муравьеве, а затем адъютант по особым поручениям у М.С. Корсакова.

¹¹⁰ *Бурачек (Бурачѣк) Евгений Степанович* (1836–1911), начинал службу на Балтийском флоте (1853–1859), в 1859–1860 гг. на клипере «Разбойник» перешел на Тихий океан. В 1861–1863 гг. был командиром порта и команды поста Владивосток, явившись фактически его первым строителем. После назначения на должность активно принялся за работу, развивая строительство военного поста. При нем была закончена пристань, также были проведены работы по углублению дна и построены военные склады и сухарня, завершено строительство церкви и начаты постройки гражданских сооружений. В последующие годы опять служил на Балтийском флоте. В 1888 г. произведен в контр-адмиралы.

¹¹¹ *Боборыкин Константин Николаевич* (1829–1904), ген.-лейтенант (с 1879), воспитывался в Михайловском артиллерийском училище, в 1849 г. определен на службу прапорщиком в конно-артиллерийскую батарею, принимал участие в Крымской войне. В 1857 г. прикомандирован к штабу императора с назначением на должность адъютанта начальника штаба и в 1859 г. произведен в капитаны. В 1861 г. назначен первым российским консулом в Урге с произведением в подполковники. В Урге долго болел, потом уехал в Пекин, а затем и совсем покинул страну, тем самым в Урге он пробыл в общей сложности не более десяти месяцев. С 1864 г. причислен к Министерству иностранных дел.

¹¹² *Акулов (Окулов) Василий Ильич*, петербургский купец, четвертый (последний) управляющий Амурской компанией в Сибири.

¹¹³ Сведений выявить не удалось.

Публикация и примечания А.Н. Гаращенко

Н.В. Гончаренко

Мария Сукачѣва – художница из семьи декабриста Александра Поджио

В 1908 г. в Санкт-Петербурге в зале Пассажа на Невском проспекте состоялась персональная посмертная выставка работ члена Первого дамского художественного кружка Марии Владимировны Сукачѣвой. Каталог, изданный к выставке, включал 185 картин и этюдов, большая часть которых была выставлена на продажу. В каталоге сообщалось, что вырученная сумма «поступит на образование капитала имени Марии Владимировны Сукачѣвой при Обществе содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам. Проценты с капитала М.В. Сукачѣвой будут выдаваться по определениям Распорядительного комитета Общества сибирским уроженцам, получающим художественное образование в Петербургских учебных заведениях»¹.

Между тем в настоящее время имя художницы Марии Сукачѣвой практически неизвестно широкому кругу любителей искусства. Данная статья имеет целью восполнить этот пробел и рассмотреть ее биографию и творчество на основе имеющихся в распоряжении автора источников.

Мария Сукачѣва (в девичестве Высоцкая) родилась во Флоренции 11 августа 1874 г.² Ее мать, Варвара Александровна, была единственной дочерью декабриста Александра Поджио, родившейся от брака с Ларисой Андреевной Смирновой, бывшей классной дамой Иркутского института

благородных девиц. Отец Марии, Владимир Степанович Высоцкий (1849 – после 1917), служил в Гродненском гусарском полку, затем, уйдя с военной службы, принял должность начальника таможи на пограничном пункте в Вержболове³. У Высоцких было три дочери – Мария, которую близкие называли Мэри, Ольга и Елена (Нелли). Вскоре после рождения младшей из них Владимир Степанович оставил семью, и Варвара Александровна осталась одна с тремя несовершеннолетними детьми. Источником дохода для нее стали пансионы для русских, которые она открыла в Риме, Флоренции и Марина-ди-Пиза. О своем знакомстве с семьей Высоцких оставил воспоминания известный русский театральный деятель, внук декабриста С. Г. Волконского Сергей Михайлович Волконский: «Варенька была прекрасная музыкантша, ученица Бюлова <...>. В доме Поджио – Высоцких жили художественные интересы. Дочери Вареньки занимались живописью, в то время как мать давала уроки музыки. Артисты всех профессий были им друзьями»⁴.

*Пансион Варвары Высоцкой в Марина-ди-Пиза. Нач. XX в.
Частное собрание*

Близким другом семьи Высоцких была писательница и художница Софья Ивановна Лаврентьева, часто гостившая у них во Флоренции. В автобиографической повести «Пережитое» она так описывает эту семью: «Варвара Александровна Высоцкая, несмотря на многое тяжелое ею уже пережитое и многое множество личных трудов, на средства которых воспитала троих дочерей, была еще совсем, по-видимому, молодой, хорошенькой, с живыми, ярко блестящими черными глазами, живой речью и чрезвычайно пленительной, доброй улыбкой <...>. Все три ее дочери, каждая в своем роде, были прелестны! И жиденькая, как тростинка, Мери, с умными темными глазами и улыбкой Ундины; и белокурая Ольга, хорошенькая, как один из херувимов Сикстинской Мадонны, юная мать крошки Дуди, которой нет еще двух лет; и 18-летняя Нелли, меньшая, совсем красавица-блондинка, с ореолом золотистых кудрей, ослепительным цветом лица и голосом сирены»⁵.

*Слева направо: Ольга Высоцкая (Беллиуре) с дочерью Каролой (Дуди), Владимир Платонович Сукачёв, Мария Высоцкая (Сукачёва), Варвара Александровна Высоцкая, Любовь Ивановна Челюскина (Альбини), Елена Высоцкая (Грилли); сидят Володя и Анна Сукачёвы. 1890-е
Музей истории Тартуского университета*

Детство Марии Высоцкой прошло в Италии. Творческая атмосфера, в которой она росла, знакомство с лучшими произведениями изобразительного искусства, представленными в музейных собраниях Рима, Флоренции и других итальянских городов, утонченная натура самой девушки предопределили ее увлечение художественным творчеством. Она брала уроки у известного итальянского художника Джузеппе Чиаранфи⁶, руководившего кафедрой живописи в Академии изящных искусств Флоренции. Мастер придерживался академического стиля, в его работах присутствуют классические библейские сюжеты и исторические персонажи. Чиаранфи подготовил целую плеяду художников, среди которых Чезаре Чани, Альфредо Мюллер, Витторио Маттео Коркос, Чезаре Лауренти, Аугусто Бастианини, Антон Митов и другие. Своих учеников он учил, прежде всего, тщательно прорабатывать рисунок и много писать с натуры.

В частном собрании сохранилась одна из ранних работ Марии Высоцкой «Мальчик, читающий книгу». Это полотно размером 78 × 88 см; с обратной стороны холста имеется подпись: «Mary Wissotzky 1894». Картина представляет собой старательную ученическую работу, но уже демонстрирует стремление автора передать внутренний мир героя – то, что позже проявится в творчестве Марии Высоцкой более явственно.

Мария серьезно относилась к своим занятиям живописью, рассматривая их как каждодневный неустанный труд и достаточно критически оценивая свои успехи. В архиве Музея истории Тартуского университета (Эстония) хранится большая коллекция ее писем – порядка 200 документов общим числом около одной тысячи листов. Письма написаны на французском языке

и хронологически охватывают период с 1896 по 1903 г. В них художница часто размышляет об искусстве и своем творчестве. В июне 1896 г. Мария пишет: «Я провожу свои дни за рисованием и чтением. Временами на меня находит тоска, когда все выходит из рук вон плохо, но и она сменяется внезапным приливом сил – в такие моменты становится ясно, что подобного рода взлеты и падения помогают нам не опускать руки в отчаянии. К тому же живопись – истинная чародейка, манящая, пленяющая, способная открыть перед нами чарующие горизонты, равно как и заставить потерпеть внезапное поражение – однако оттого мы ею очарованы ничуть не меньше»⁷.

Спустя почти полгода она сообщает: «Я много занимаюсь, все так сложно, что приходится работать со всей внимательностью. Я переписала портрет мальчиков, добавив на фоне беседку и лестницу <...>. Сейчас я прорабатываю в цвете самих мальчиков, и так как позы у них очень выразительные, подвижные, работать ужасно сложно не только мне, но и натурщикам. Более двух минут подряд позировать невозможно, а мне еще приходится писать, все время бросая на натурщиков беглые взгляды <...>. Заходила к профессору Чиаранфи, моему старому учителю, с которым я повздорила три года назад из-за сущего пустяка. Я очень уважаю его как преподавателя, и сейчас, когда былые обиды уже забыты, я обратилась к нему за советом. Он отметил, что цветовая гамма подобрана у меня хорошо, и дал несколько советов относительно изображения мальчиков, правда, советы эти еще больше усложнили мою задачу. Так как он очень строг, я осталась довольна его замечаниями и с большим рвением приступила к работе. Однако работа моя трудна, и мне хотелось бы во что бы то ни стало преодолеть эти трудности»⁸.

Помимо ежедневных занятий живописью, Мария усердно занималась самообразованием – много читала, интересовалась историей, психологией, философией, естественными науками. В сферу ее интересов входило посещение музеев и театров, занятия фотографией и путешествия. Кроме того, девушка принимала участие в благотворительности – вместе с матерью и знакомыми дамами помогала сиротам и старухам из богадельни, а также ходила в так называемое убежище для исправляющихся преступников, где находили приют освободившиеся из тюрем подростки, которым Мария раз в неделю читала книги и рассказывала разные истории.

Софья Лаврентьева в своей книге с особой нежностью отзывается о Марии: «Я <...> еще более сошлась с милой Мери, этой чудной душой, каким-то совсем неземным существом, напоминавшим мне маленького эльфа, питающегося ароматом цветов. Моя комната была рядом с мастерской Мери, и мы часто сходились с ней на почве искусства, делиась и нашими

Мария Высоцкая (Сукачѣва)
Нач. XX в. Частное собрание

впечатлениями, и рисовальным материалом <...>. У Мери положительно талант и вдохновение чистой, возвышенной души»⁹.

В 1898 г. Мария вышла замуж за старшего сына иркутского городского головы Владимира Платоновича Сукачёва, Бориса, бывшего на тот момент сотрудником Зоотомического кабинета Санкт-Петербургского университета и одновременно являвшегося студентом Гейдельбергского университета, где он учился у известного немецкого зоолога Отто Бючли.

Незадолго до свадьбы Мария писала Борису: «Ты часто говоришь, да мне и самой так кажется, что у меня будто прибавилось сил и энергии, это потому, что я так счастлива, исполнена радости и надежды. Такое чувство, будто что-то внутри меня поет, но так тонко и едва различимо, где-то в самой глубине души, так, что никому никогда не услышать, кроме тебя, должно быть. Как же хорошо быть вдвоем, делить все на двоих!»¹⁰

Борис и Мария обвенчались 25 мая 1898 г. в посольской русской церкви во Флоренции¹¹. Несмотря на их духовную и интеллектуальную близость, этот брак продолжался недолго, всего семь лет. В 1905 г. Борис и Мария развелись. Тем не менее время супружества оказалось для них особенно насыщенным и плодотворным.

Приехав с мужем в Петербург, Мария активно включилась в художественную жизнь России. Она вступила в Первый дамский художественный кружок, участвовала в нескольких академических выставках. В 1899 г. Владимир Платонович Сукачёв в письмах к Борису сообщал: «Ты писал маме о желании Мэри выставить картины в Академии наук у Кондратенко. Я охотно приму на себя все хлопоты как по переговорам с администрацией выставки, так и по заказу рамок и т. д. <...>. Владимир Степанович показывал Мэрины картины, которые в моем кабинете, Тренти¹², и тот сказал, что подобную работу он охотно взял бы в свой магазин на продажу»¹³; «Я нахожу, что у Мэри далеко недюжинный талант»¹⁴.

Несомненным успехом творчества Марии Сукачёвой в этот период стала картина «Швея». На ней изображена молодая женщина, сидящая в тесной каморке с каменными стенами. Из расположенного высоко под потолком маленького окна льется свет. Женщина устало склонилась над белой тканью, из которой она шьет нарядное платье. Эта картина была представлена на Весенней выставке 1903 г. в залах Академии художеств и привлекла особое внимание публики. В том же 1903 г. репродукция картины была помещена в «Журнале для всех»¹⁵ как иллюстрация к стихотворению поэта Леонида Андрусона, несомненно написанному под впечатлением от знакомства с этим произведением:

*Борис Сукачёв. Нач. XX в.
Архив Гейдельбергского университета*

Картина Марии Сукачёвой «Швея»
Иллюстрация из «Журнала для всех».
1903

За окном синеет небо,
За окном весна.
Целый день в каморке тесной
Грустно шьет она.
Целый день, до поздней ночи
С места не встает:
Шьет, спины не разгибая,
Торопливо шьет...¹⁶

Картину «Швея» приобрел для своей картинной галереи Владимир Платонович Сукачѐв. Однако в настоящее время ее местонахождение неизвестно. Запросы, отправленные в художественные музеи России и антикварные салоны, пока не принесли результата.

В 1901–1902 гг. Мария Владимировна написала портрет известного ученого и общественного деятеля Григория Николаевича Потанина. Эта работа, несомненно, отражает зрелый талант художницы. Г.Н. Потанин изображен сидящим в кресле. Его руки покоятся на коленях, глаза за стеклами очков смотрят внимательно и устало. Исполненный без прикрас, портрет раскрывает внутренний мир ученого – мудрого, сильного, изрядно потрудившегося и немало испытавшего на своем веку человека. Известно, что свои замечания относительно портрета Г.Н. Потанина высказал автору художник Егорнов¹⁷. В мае 1901 г. В.П. Сукачѐв писал Григорию Николаевичу: «Ваш портрет, исполненный Мэри, видел Егорнов и указал некоторые неточности. Мы не согласны с его мнением, но для разрешения спора необходимо сопоставить портрет с оригиналом. Мэри и Борис уезжают в воскресенье утром, следовательно, времени немного. Егорнов готов приехать к ним завтра в пятницу в тот час, когда и Вы согласитесь туда приехать»¹⁸. Сейчас трудно сказать, были ли учтены замечания Егорнова Марией Сукачѐвой при окончательной доработке портрета. Но именно эта работа и упоминавшаяся ранее картина «Швея» были отобраны художницей для экспонирования на Первой сибирской передвижной выставке, инициатором которой она выступила совместно с М.И. Педашенко-Третьяковой¹⁹. Идею организации передвижной художественной выставки для Сибири поддержал и Г.Н. Потанин, который помогал художницам в решении организационных вопросов.

В 1903 г. выставка с успехом прошла в трех сибирских городах – Красноярске (7–13 апреля), Томске (14 сентября – 1 октября) и Иркутске (2–22 ноября). Выставка носила благотворительный характер – двадцать процентов дохода, полученного от выставки, предполагалось пожертвовать на организацию летнего отдыха детей из бедных семей. Вот что писала красноярская пресса об этом событии: «Публика посещала выставку охотно, в особенности же учащаяся молодежь. Перебывало на выставке

1200 человек <...>. Преобладают пейзажи <...>. Среди портретов выдается портрет Г.Н. Потанина раб[оты] Сукачёвой»²⁰.

В Томске выставку анонсировала газета «Сибирская жизнь», которая также не обошла вниманием картины, представленные Марией Сукачёвой: «В отделе портретов <...> г[оспо]жой М.В. Сукачёвой выставлен портрет Г.Н. Потанина, написанный с большим сходством и жизненностью; ей же принадлежит картина «Швея», на которой свет, падающий сверху в окно подвала, освещает затылок и плечи склоненной над шитьем фигуры; картина написана с чувством и останавливает зрителя;

*Портрет Г.Н. Потанина
ИОХМ*

отрывок из другого мира, полного яркого света и тепла, дает принадлежащий той же художнице «Неаполитанский рыбак»»²¹.

Иркутские художественные критики дали развернутый обзор выставки, который в целом носил доброжелательный характер. «Восточное обозрение» писало: «Образцом жанра, дающего серьезную пищу уму и сердцу, является картина Столица «В степях Новороссии», которую можно назвать и пейзажем, затем известная картина Сукачёвой «Швея» <...>, уже репродуцированная во многих иллюстрированных журналах, наконец, картина Степанова «Проза жизни». Эти три картины заслуживают того, чтобы сказать несколько слов о каждой из них в отдельности <...>. «Швея» и «Проза жизни» весьма красноречиво говорят о трудовой жизни женщины. В техническом отношении обе картины безукоризненны»²².

Тот факт, что имя Марии Сукачёвой упоминалось рядом с именами известных живописцев, таких как академик Императорской Академии художеств Евгений Столица и передвижник Алексей Степанов, говорит о многом. Она, несомненно, обладала талантом и значительным творческим потенциалом, который мог получить развитие в дальнейшем. К сожалению, ей была суждена недолгая жизнь. В 1907 г. в возрасте 33 лет она умерла.

Остается открытым вопрос, где в настоящее время находятся работы Марии Сукачёвой. Она много писала: только за период с 1898 по 1907 г. ею было написано не менее 60 картин и более ста этюдов. Между тем известно местонахождение всего нескольких ее работ. В двух частных собраниях находится семь ее произведений – «Мальчик, читающий книгу» (1894), «Два сапожника» (1903), «Портрет Джорджио Беллиуре» (1904), «Портрет Каролы Беллиуре» (1906), «Виноград» (1903) и два этюда с пейзажем. Четыре работы Марии Сукачёвой хранятся в Иркутском областном художественном музее. Это «Портрет Потанина Г.Н.» (1902), «Озеро Академической дачи» (1902), «Этюд дерева» (1900?) и «Осенний пейзаж» (1904). Еще одна картина – «Сосна» (1901) – была обнаружена в качестве проданного лота на одном из российских интернет-аукционов. Судьба остальных работ Марии Сукачёвой пока остается неустановленной.

Примечания

¹ Выставка Первого дамского художественного кружка 1908 г. в зале Пассажа: посмертная выставка картин и этюдов члена Первого дамского художественного кружка Марии Владимировны Сукачёвой. СПб., 1908. С. 1.

² Крещена 27 авг. 1874 г. в Христорожественской церкви русского посольства во Флоренции (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 30. Л. 103 об.–104).

³ Вержболово – сейчас город Вирбалис (Литва). Во второй половине XIX – начале XX в. железнодорожная станция на границе Российской империи с Пруссией.

⁴ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 1. Лавры. Странствия. М., 1992. С. 215.

⁵ Лаврентьева С.И. Пережитое (Из воспоминаний). СПб., 1914. С. 208.

⁶ Чиаранфи Джузеппе (1838–1902), итальянский живописец, ученик Энрико Полластрини (1817–1876), известного итальянского художника, бывшего директором Академии изящных искусств во Флоренции.

⁷ Архивная коллекция Музея истории Тартуского университета. Письмо М.В. Высоцкой Б.В. Сукачёву от 14 июня 1896 г.

⁸ Там же. Письмо М.В. Высоцкой Б.В. Сукачёву от 29 нояб. 1896 г.

⁹ Лаврентьева С.И. Пережитое (Из воспоминаний). С. 217, 210.

¹⁰ Архивная коллекция Музея истории Тартуского университета. Письмо М.В. Высоцкой Б.В. Сукачёву от 31 окт. 1897 г.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 126. Д. 1555. Л. 104 об.–105.

¹² Тренти Альфонс Иванович, владелец магазина художественных принадлежностей в Санкт-Петербурге.

¹³ Архивная коллекция Музея истории Тартуского университета. Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 3/15 дек. 1899 г.

¹⁴ Там же. Письмо В.П. Сукачёва Б.В. Сукачёву от 26 мая / 7 июня 1899 г.

¹⁵ Журнал для всех. 1903. № 7 (июль). С. 817–818.

¹⁶ Андрусон Л.И. Сказка любви : Стихотворения. СПб., 1908. С. 65.

¹⁷ Скорее всего, это Сергей Семенович Егорнов, который, в отличие от своего старшего брата Александра, бывшего преимущественно пейзажистом, писал также и портреты.

¹⁸ КККМ. ОФ 7928/1022. Д 1315/1022.

¹⁹ Педашенко-Третьякова Мария Ивановна (1867 – после 1926), русский живописец и график. Дочь губернатора Иркутской и Енисейской губ. И.К. Педашенко, жена художника А. Третьякова. Училась в Академии художеств, удостоена звания художника в 1896 г.

²⁰ Иркутские губернские ведомости. 1903. 3 мая. С. 1.

²¹ Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». 1903. № 195. С. 3.

²² Восточное обозрение. 1903. № 256 (8 нояб.). С. 2.

Н.П. Матханова

«Обращаюсь к Вам с просьбой...»

Прошение о пенсии дочери декабриста В.А. Высоцкой (Поджио)

Имя Варвары Поджио упоминается во многих письмах ее отца и матери, а также других декабристов и членов их семей, в воспоминаниях Н.А. Белоголового, ученика и друга Александра Викторовича. Она родилась 22 октября 1854 г. в Иркутске, вместе с родителями выехала сначала в Европейскую Россию, а затем за границу. Ее будущность крайне тревожила отца. Средств, полученных от племянника, А.О. Поджио, вывезенных из Сибири и завещанных Н.А. Кочубеем, зятем С.Г. Волконского, было недостаточно для безбедной жизни, но должно было хватить на образование. «Женщине

пришлось учиться <...> и я не хочу, чтобы Варя отстала в этом отношении», – писал он¹. В.А. Поджио училась музыке у знаменитого пианиста Г. Бюлова и делала большие успехи, в 1871 г. успешно окончила женевское учебное заведение², после чего семья уехала во Флоренцию. Капиталом распорядился М.С. Волконский, размещал его и высылал ей проценты³. Его же Александр Викторович просил опекать Варю после своей смерти. Он прочил дочери вполне определенную сферу деятельности: «Судьба <...> обрекла ее на учебный труд <...>. Содействуй, способствуй поддержке такого назначения, и да не будет она тунеядкой, а трудовым и полезным орудием, насколько ее силы и способности позволяют!»⁴. Уже шестнадцатилетней девочкой Варя давала уроки музыки и французского языка двум ученицам⁵.

В.А. Высоцкая (Поджио)

В.А. Поджио 15 августа 1873 г. вышла замуж за гвардейского офицера Владимира Степановича Высоцкого. Мать Вареньки Лариса Андреевна

в первые годы отзывалась о нем благосклонно и сообщала Е.И. Якушкину: «Дети мои помогали мне усердно»⁶ – речь шла о переписывании «Записок» А.В. Поджио. Однако через несколько лет она уже жаловалась М.С. Волконскому: Варя «работает как вол, я ей помогаю в хозяйстве, занимаюсь с детьми и имею тоже кое-какие уроки. Он же ест, спит и хандрит»⁷. В 1883 г. он собирался взять в России «имение в аренду», тем временем жил во Флоренции с семьей. Через три года Л.А. Поджио писала М.С. Волконскому: «Варя <...> занята по горло. Два раза в неделю она работает от 8 1/2 часов утра до 7 ч[асов] вечера <...>. Дети растут, расходы прибавляются, а доходы убавляются.

Л.А. Поджио (Смирнова)

¹ Поджио А.В. Записки, письма / изд. подгот. Н.П. Матхановой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1989. С. 412. Письмо М.С. Волконскому от 2 января 1870 г.

² Там же. С. 442. Письмо М.С. Волконскому от 21 мая 1871 г.

³ См.: Счет по капиталу Высоцкой 1886 г. – ОР РГБ. Ф. 56. Оп. 1. Карт. 1. Д. 61.

⁴ Поджио А.В. Записки, письма. С. 427. Письмо М.С. Волконскому от 22 октября 1870 г.

⁵ Там же.

⁶ ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Д. 620. Л. 54 об. 20 (8) мая 1876 г.

⁷ ОР РГБ. Ф. 56. Оп. 1. Карт. 12. Д. 34. Л. 38. 5 (17) декабря 1883 г.

Высоцкий Владимир Степанович

Зять мой, взяв аренду, затратил все бывшие у него деньги»⁸. В семье росли три дочери, фотографии которых были отправлены М.С. Волконскому («Mary с распущенными волосами и с бровями своего дедушки; Ольга с косой – толстушка, <...> Неллюска миленькая гримасница»)⁹. Пришлось, помимо уроков музыки, а затем и вместо них устроить пансион, где поселялись преимущественно русские туристы. Среди них была и Екатерина Степановна Некрасова, известная деятельница общественного движения, основательница комнаты «Людей 40-х годов». Именно ей и отправила В.А. Высоцкая копию «Записок» А.В. Поджио¹⁰. Вдова Н.А. Белоголового Софья Петровна писала Некрасовой 12 мая 1898 г., что пакет с рукописью ей прислала

потерявшая адрес Некрасовой «Варенька Высоцкая через Сукачёвых»¹¹.

Ниже публикуется (к сожалению, по копии) документ, содержащий сведения о последних месяцах жизни Варвары Александровны. Документ прислан несколько десятилетий назад историком и краеведом из Николаева Евой Семеновной Авербух, в течение многих лет занимавшейся историей декабристов.

Машинописная копия, первый экземпляр. Машинописные пометы: в верхнем правом углу – «Копия с копии»; на нижнем поле – Музей Революции СССР № 15404 фд 3-15; верно: Авербух» (подпись – автограф).

Представительство РСФСР в Италии № 874 28 сентября 1921 г.	Marina di Pisa Piazza Sardegna 1 Signora Wissotzky
---	--

Милостивый государь, господин Воровский!¹

Я узнала, что Русская Республика дала пансион Зинаиде Сергеевне Свербеевой² во имя ее отца декабриста Сергея Петровича Трубецкого.

Обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы мне дали ту же привилегию, так как я – дочь декабриста Александра Викторовича Поджио. Я думаю, что, кроме З.С. Свербеевой и меня, нет больше детей декабристов в живых. У меня, как

⁸ Там же. Л. 16–16 об.

⁹ Там же. Л. 8. 8 июля / 26 июня 1888 г. О судьбе дочерей Высоцкой, внучек А.В. Поджио, написал один из потомков Ольги Высоцкой (<http://decemb.hobby.ru/index.shtml?article/martino>; дата обращения: 15.10.2020).

¹⁰ Там же. Ф. 218. Оп. 1. Карт. 59. Д. 6. Именно по этой копии публиковались «Записки» А.В. Поджио до 1989 г., когда было осуществлено издание по автографу.

¹¹ Там же. Ф. 196. Оп. 1. Карт. 10. Д. 31. Л. 3.

доказательство, кто я есть, имеется старый русский паспорт и теперешний лист от полиции во Флоренции, где я живу.

Если Вам нужно лично меня видеть, я приеду в Рим, но мне это трудно, потому что я стара и больна и путешествие дорого.

Мой муж Владимир Иванович Высоцкий служил в таможне в Вержболове³, когда взошли немцы, то все его имущество было ими взято, он попал служить в Петроград, а потом в Ейск, где и умер два года тому назад. Я узнала о его смерти, но не получила ничего, что он оставил деньгами.

Я живу трудом моей дочери, которая держит летом пансион в Marina di Pisa, и обстоятельства мои нелегкие, потому прибегаю к Вам с просьбой. 10 октября я буду во Флоренции Via Benedetto Varchi 25.

Может быть, кто-нибудь из ваших уполномоченных может меня видеть и переговорить.

Готовая к услугам

Варвара Александровна Высоцкая,
урожденная Поджио, дочь декабриста
Александра Викторовича Поджио.

Примечания

¹ Воровский Вацлав Вацлавович (1871–1923), профессиональный революционер, с 1921 г. – полномочный и торговый представитель РСФСР в Италии.

² Свербеева (урожд. Трубецкая) Зинаида Сергеевна (1837–1924). Постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 21 января 1921 г. ей, как дочери декабриста, была назначена персональная пенсия на основании Декрета СНК РСФСР от 16 июля 1920 г. «О пенсиях лицам, имеющим особые заслуги перед рабоче-крестьянской революцией» (<http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12857-21-yanvaryu-postanovlenie-snk-o-naznachenii-usilennoy-pensii-docheri-dekabrista-s-p-trubetskogo-3-s-sverbeevoy>; дата обращения 16.10.2020). О практике применения Декрета см.: Капустина О.В. К вопросу о становлении института персонального пенсионного обеспечения в СССР // Вестник РУДН. Серия История. 2015. № 2. С. 77–85.

³ Автор письма допустила неточность в написании отчества Высоцкого, должно быть Высоцкий Владимир Степанович, в 1914 г. действ. ст. сов., управляющий Вержболовской таможней (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 765). В 1916 г. он формально числился на этой должности (Там же. Стб. 761), хотя территория была уже оккупирована.

Музейное дело

А.В. Сакович

Вещный мир декабристов в Сибири

Для современного гуманитарного знания культура повседневности является актуальной научной проблемой. В последнее время в научном сообществе возникла потребность в осмыслении обыденной сферы человеческой деятельности, которая включает в себя все то, из чего складывается жизнь человека. Это питание, одежда, жилище, духовная и социальная сфера, географические и экологические условия жизни. Все, что мы называем повседневностью, связано с понятием культуры и является частью ее базовых составляющих. Следовательно, изучение повседневной жизни людей является изучением культуры в целом. Пристальное внимание «социальных историков» к теме повседневности делает особенно важным изучение мира вещей, окружающих человека. Вещь как результат рукотворной деятельности человека является его постоянным спутником, и повседневная жизнь человека протекает среди вещей.

Быт, как часть повседневности, «это мир вещей прежде всего»¹. Пространство повседневности не может существовать без наполнения его соответствующими атрибутами.

«Какой-нибудь жилет XVIII века, перламутровый веер, старинная гравиюра, автограф, нечто невесомое и невнятное больше скажут о людях прошлого, чем всем известное, изжеванное историками событие», – утверждали братья Гонкуры².

Изучение повседневности как «пространственно-временного континуума, наполненного вещами и событиями», связано с методами различных научных дисциплин антропологического круга, включая исторические, филологические, медицинские науки, а также искусствоведение, социологию, психологию, эстетику и семиотику. Все большее число исследователей привлекают вопросы изучения материальной культуры, реалий повседневного быта русского человека XIX в.³

В последние годы интерес к повседневной жизни декабристов значительно вырос. Это вполне объяснимо.

История не исчерпывается войнами и революциями, существует еще и то, что Л.Н. Толстой называл «роевой жизнью», – жизнь в семье, в малых общественных группах.

Начиная с работ Ю.М. Лотмана и других представителей московско-тартуской школы, актуальными становятся темы изучения образа жизни дворянства и декабристов как ярких его представителей. Современных истори-

ков и культурологов интересуется, как декабристы воспринимали природный и социальный мир, в какие отношения с ним вступали, какие психологические привычки находили свое выражение в быту.

Еще совсем недавно в декабристоведении быт рассматривался как второстепенный источник информации. Считалось, в частности, что письма родственников к Е.И. Трубецкой с середины 30-х гг. XIX в., наполненные семейными бытовыми деталями, потеряли значение ценного источника⁴. Сегодня широкому кругу исследователей открылись новые документальные страницы, связанные с декабристами.

«Невнимание к этим материалам, – отмечает декабристолог О.В. Эдельман, – отнюдь не было обусловлено тем, что эти документы рисуют какой-то иной образ декабристов, отличный от желаемого и преобладавшего в советской историографии. <...> Причина в том, что историческая наука лишь недавно, под влиянием французской антропологической школы и работ культурологов последних десятилетий приобрела вкус к такому источнику, как описи и списки вещей, и разработала инструментарий для их изучения. В настоящее время этот тип источников стал весьма актуальным»⁵.

Французский историк Жан Бодрийяр, анализируя каталог Сент-Этьенской оружейной мануфактуры, пришел к выводу, что номенклатура вещей обладает мощной культурной значимостью и «вещи доступны лишь через посредство каталога»⁶.

Следовательно, каталогизация вещной среды составляет существенную часть анализа быта.

Первыми «текстами вещей» декабристов являются списки, перечислявшие разного рода имущество, которое было изъято у них при аресте. Эти описи составлялись на Главной гауптвахте. Все вещи поступали на хранение к чиновнику военного комиссариата Н.Д. Равичу-Шасткевичу, который был прикомандирован для этого к Следственному комитету.

Сведения из архива Следственного комитета по делу декабристов наглядно демонстрируют, насколько набор бытовых предметов, находившихся в багаже каждого из арестованных по делу 14 декабря, свидетельствовал об уровне их достатка. Как любой документ, описи вещей могут представлять только часть «объективной» информации о конкретной исторической личности. Если судить по списку предметов, изъятых при аресте у С.П. Трубецкого, то можно ошибочно заключить, что он принадлежал к мелкопоместному дворянству, поскольку из вещей у него числилась лишь «шинель на енотовом меху, вся сопревшая, съеденная молью и изгнившая»⁷.

В целом же можно говорить о том, что описи дают достаточно полную картину состояния представителей дворянского сословия в среде декабристов – от крупной аристократии до провинциального дворянства.

Составитель материалов об имущественном положении декабристов, опубликованных в XXIII томе документальной серии «Восстание декабристов», О.В. Эдельман приводит следующие сведения: «Плац-майор Подушкин отвечал за вещи, оказавшиеся в крепости, то есть выданные арестантам для пользования в заключении. Через него проходили все сношения арестан-

стантов с внешним миром, не исключая и Равича-Шасткевича. Так, в делах сохранилась расписка А.А. Крюкова <...>, который в апреле 1826 г. получил разрешение взять кое-что из вещей, находившихся в чемодане <...>. Крюков открыл чемодан, отобрал вещи, которые ему позволили взять себе в камеру, а на остальное составил опись и передал чемодан обратно Равичу-Шасткевичу»⁸.

В ряде случаев некоторым декабристам разрешалось взять с собой в камеру необходимые для повседневного пользования вещи или купить их на деньги родственников.

Так, М.К. Кюхельбекеру разрешено было купить себе белье, сапоги, табак, а Ф.Б. Вольфу – взять с собой в тюремную камеру постельные принадлежности, белье и домашнюю одежду. И.Ф. Фохту также оказывались послабления в виде выдачи белья и личных вещей.

По окончании следствия оправданные узники получали вещи, подписывая заготовленные Равичем-Шасткевичем расписки с перечислением всех предметов. Родственники декабристов, приговоренных к сибирской каторге и ссылке, могли получить вещи осужденных по соответствующей описи. О.В. Эдельман обратила внимание на «отсутствие в перечнях некоторых предметов, которые, очевидно, должны были наличествовать в багаже. Прежде всего, это элементарные гигиенические принадлежности – зубные щетки, мыльницы, расчески и головные щетки. Они встречаются в описях лишь изредка, хотя трудно себе представить, чтобы у декабристов их вовсе не было. Представляется, что они входили в число вещей, которые у арестантов изначально не отнимали и давали для пользования в тюремной камере, поэтому они и не заносились в описи»⁹.

Сопоставляя перечни вещей, можно установить, какими вещами узники пользовались в камере и какие получили с собой при отправлении в Сибирь. Как известно, декабристам, отправляемых из крепостей на каторгу, разрешалось брать с собою только личные вещи в виде постельных принадлежностей, белья, теплой домашней одежды.

«Опись вещам <...> отставного подполковника А.В. Поджио» содержит 36 наименований личных вещей декабриста. Из них, судя по отметкам, сделанным при сверке наличия, заключенному разрешено было взять с собой в камеру фрак черного сукна, сюртук черного сукна, брюки черные, жилет черной материи, голубую полушал, шубку на меху, три простыни, бритвенницу полуженную, пару полусапожек, кожаную подушку, белый персидский платок, пару теплых сапог, пару спальных сапог, шкатулку красного дерева, медный чайник, медвежью шубу»¹⁰.

В деле имеется вторая опись – вещей, возвращенных родственникам декабриста. В ней фигурируют вещи, которые были переданы матери – М.О. Поджио. Это «жилет черного сукна, теплая фуфайка, теплое одеяло, рубах четырнадцать, полотенцев семь, чулков 10 пар, простынь три, наволочек пять, платков носовых восемь, подушек пуховых две, кожаная одна с тюфяком, жилет шелковый, спальные сапоги одна пара»¹¹. В итоге из вещей у А.В. Поджио остались трубка с кисетом, фрак, сюртук с брюками, голубая полушал, шубка на меху, два шелковых платка, серебряные стакан и

чарка, бритвенница, пара полусапожек, халат, платок, по паре теплых чулок и сапог, пара спальных сапог, шкатулка красного дерева, медный чайник и медвежья шуба. С ними он и отправился на каторгу.

Иногда «назначенным к ссылке в Сибирь» по их просьбе разрешалось взять с собой все свои вещи. Так, И.Ф. Фохт попросил доставить ему перед отъездом собственные его вещи и деньги: ассигнациями двести семьдесят рублей, серебром три рубля тридцать копеек и два золотых польских, часы серебряные, орден Св. Анны 4-й степени, сюртук, мундир с эполетами, рейтузы и брюки, кусок сукна из 2 ½ аршина, куртка, полусапожек две пары, жилеток две, рубах десять, простыню, перчаток пару, подштанников двое, наволочку, салфеток шесть, офицерский знак серебряный, португую, платок цветной, ковер, кожаную подушку, халат, теплые сапоги, теплую шапку¹². Все вещи были ему выданы, даже деньги.

Описи не дают нам полной картины «странствий» вещей декабристов. В «Деле о деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», имеются информационные лакуны.

Так, 21 июля 1826 г. Е.П. Нарышкина обратилась к А.И. Татищеву с просьбой принять при отъезде мужа «несколько денег и чемодан с бельем, в дороге необходимым»¹³. Сведений о том, была ли выполнена эта просьба, в документах не имеется. Имея в виду особую неприязнь Николая I к М.М. Нарышкину, можно предположить, что разрешения на просьбу не последовало.

В «Деле» имеется лишь одна запись об имущественном положении Е.П. Оболенского на момент ареста. Указано, что у него было изъято денег на сумму 2475 рублей ассигнациями. Сведения о вещах декабриста отсутствуют.

В воспоминаниях Е.П. Оболенского так описывается отправление из Петропавловской крепости: «21 июля 1826 г. вечером мне принесли в мой номер Кронверкской куртины серую куртку и такие же панталоны из самого грубого солдатского сукна и возвестили, что мы должны готовиться к отправлению в путь. Накануне этого дня я имел свидание с младшими братьями – пажами и, простившись с ними, просил их прислать мне необходимое платье и белье. Они исполнили мое желание <...>. Вскоре после полуночи меня повели в Комендантский дом: взойдя в комнату, вижу А.И. Якубовича в таком же наряде, как и я»¹⁴. По просьбе декабриста ему были возвращены золотые часы, которые он затем продал по дороге на каторгу ввиду полного отсутствия денег.

18 июля 1826 г. княгиня С.Г. Волконская обратилась с письмом на имя А.И. Татищева с просьбой вернуть ей вещи, деньги и бумаги, принадлежавшие ее брату С.Г. Волконскому.

19 июля А.И. Татищев распорядился выдать деньги, бумаги и некоторые вещи, которые хранились в его ведомстве, а также деньги, бумаги и некоторые вещи, находившиеся в Следственной комиссии.

В тот же день полковник Жуковский сдал княгине С.Г. Волконской «тысячу семьсот рублей ассигнациями, шкатулку в кожаном чехле, в которой между прочими вещами золотые часы с литерами на задней доске SV и портрет, связку с разными бумагами»¹⁵.

23 июля 1826 г. С.Г. Волконский вместе со второй партией заключенных отправился в Сибирь. Сведения о вещах, дозволенных взять декабристу с собой, отсутствуют. Вероятно, ему была выдана та же амуниция, что и другим заключенным, – серая куртка грубого сукна и панталоны. Однако сохранились сведения, что, «когда провозили через Кострому Волконского, Трубецкого и еще двух братьев <...>, Трубецкой <...> одет был в нанкинный тулуп; Волконский – в плисовую куртку и шаровары»¹⁶.

На каторжном этапе формирование вещной среды зависело во многом от наличия у декабристов состоятельных и влиятельных родственников, способных оказывать финансовую и материальную помощь, а также от отношений с сибирской администрацией, купцами, местным населением.

В конце октября, когда партия заключенных находилась на Нижне-Зерентуевской станции, в 30 верстах от Нерчинских заводов, в Иркутск пришла посылка с вещами, которую отправила для брата С.Г. Волконская. Возможно, состав посылки формировался по просьбе самого декабриста, переданной родственникам через тайных курьеров. По перечню можно судить о том, какой виделась дальнейшая жизнь «в стране иркутской» осужденному на двадцать лет каторги и какие вещи были ему необходимы. (приложение 1).

Количество вещей, отправленных Волконскому его родственниками, не ограничилось указанным списком.

После прибытия восьмерых декабристов на Благодатский рудник начальник Нерчинских заводов Т.С. Бурнашев отправил Нерчинской горной конторе распоряжение: «деньги и вещи отобрать у преступников и выдавать под расписку, проверив, действительно ли нужны, вещи сохранить, чтоб не попортились, что оставлено им, должны сохранить, ни продавать, ни менять без сведения пристава Благодатского рудника, иначе будет взыскано с них и с купивших <...>. Отобраным вещам сделать опись»¹⁷.

13 ноября 1826 г. горный офицер М. Рик сообщил Бурнашеву об исполнении распоряжения (приложение 2).

В 1827 г. в «добровольное изгнание» отправилась Е.П. Нарышкина.

«Опись вещам полковницы Нарышкиной», выезжавшей в Сибирь, занимает три листа большого формата: «в длинном клеенчатом ящике», «в малиньком клеенчатом ящике», в двух «важах» и в «висючем чемодане под козлами» поместились 22 чепчика и соломенная шляпа, 30 пар женских перчаток, 22 вуаля», до 30 ночных рубашек, десятки пар чулок – бумажных, шелковых, шерстяных, «1 картончик с буклями», медный самовар и многое другое»¹⁸.

Разумеется, рассуждения по поводу багажа Е.П. Нарышкиной могут быть разные. Но поскольку каждый человек по-своему осмысливает поступающую к нему информацию, то полное совпадение с мнениями других людей вряд ли возможно. Иначе говоря, цель исследователя не в том, чтобы интерпретировать действия какого-либо исторического персонажа, а в том, чтобы наиболее полно описать тот или иной исторический факт, сознавая, что речь идет о людях, живших почти два века назад.

Принимая во внимание данное обстоятельство, можно сказать, что к одной и той же картине из жизни декабристов возможны довольно разные подписи.

Выскажем предположение, что для Е.П. Нарышкиной было важно предстать перед местными властями и тюремной администрацией дамой высшего дворянского круга, а не просто «женой государственного преступника». В этом ей должны были помочь вещи, которые подчеркивали бы ее социальный статус. Возможно, объяснение может быть самым простым: ко времени отъезда в Сибирь Е.П. Нарышкина уже знала, что всех этих вещей для своего гардероба на месте большею частью нельзя будет найти.

С древних времен вещь была вплетена в сложную систему разнообразных символических связей. Одежда, аксессуары приобрели соответствующую семантику и стали символом социального положения человека. Отчасти такого рода маркеры общественной значимости личности сохранили свое значение и в XIX в.

25 октября 1835 г. Н.Д. Фонвизина получила от родственников мантилью из горностаевого меха. В письме от 9 ноября 1835 г. коменданту Нерчинских рудников С.Р. Лепарскому генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский дал по этому поводу следующие разъяснения: «Чтобы при употреблении [на том] меху черных горностаев ушков или мушек не было по известным вам причинам; ибо это приличествует <...> Священному и Высокому назначению»¹⁹.

Четырехместная карета, которая была доставлена в Петровский Завод для дочери Н.М. Муравьева, практически не использовалась по назначению. Из российской истории известно, что карета, как основное средство передвижения, вплоть до середины XIX в. являлась показателем общественного положения. Это подтверждается многочисленными свидетельствами.

«Самое высшее наслаждение иркутских уроженцев как чиновников <...> – поездка за город. Прогуливаться пешком было <...>, особенно для дам, предосудительным. Малейшее расстояние требовало дрожки и лошади <...>. Кареты имели только архиерей, губернатор и комендант»²⁰.

В середине XIX в. французский писатель Теофиль Готье в заметках о России отмечал: «Считается, что людям определенного уровня ходить пешком не к лицу, не пристало. Русский без кареты – что араб без лошади. Подумают еще, что он не благородного происхождения, что он мещанин или крепостной»²¹.

Братья Завалишины, получив волчьи шубы²², возможно сами того не ведая, невольно оказывались на одной иерархической ступени с адъютантами императора. Вспомним, что и бобровый воротник полагался только генералам. Не исключено, что на рисунке с утраченного акварельного портрета работы Н.А. Бестужева С.Г. Волконский изображен в шубе с меховым воротником, которую он носил до ареста, находясь в генеральском звании. Очевидно, что на эту деталь одежды власти не обратили внимания, и никаких «разъяснений» декабристу по этому поводу не последовало.

История пребывания узников в условиях благодатской каторги известна из документальных источников, «Записок» М.Н. Волконской, писем С.П. Трубецкого, С.Г. Волконского, Е.П. Оболенского.

«Чтобы дать понятие об этих условиях, – писал внук декабриста С.М. Волконский, – вот несколько подробностей экономического характера. Не было в той местности, где жила Мария Николаевна, ниток <...>. Аптек не было, <...>, медикаменты из Петербурга или выписывались в предвидении будущего, или приходили по миновании надобности»²³.

С.П. Трубецкой сообщал жене из Благодатского рудника 5 ноября 1826 г.: «Тебе <...> должно ко многому приготовиться, вообрази, что та бедная хата, в которой мы жили в Николаевском заводе, была бы дворцом в здешнем месте, <...> многих из самых простых даже потребностей в жизни не достанешь здесь ни за какие деньги <...>»²⁴.

Надо полагать, когда посылка Софьи Григорьевны Волконской дошла до адресата, то часть вещей была поделена между узниками. Некоторые исследователи справедливо считают, что первая артель была организована именно в Благодатске²⁵.

В 1828 г. декабристам было разрешено получать посылки от родственников. В Читинский острог стали поступать газеты и журналы.

При переводе декабристов из Читы в Петровский Завод М.С. Лунин имел багаж в 44 пуда.

«Что еще, кроме книг, – спрашивал писатель В.А. Чивилихин, – могло так солидно весить в имуществе декабриста?»²⁶ Даже у тех декабристов, которые не имели родственников с богатыми библиотеками, в личных собраниях находилось по несколько десятков книг и небольшое количество периодики. При выходе на поселение у И. Якушкина среди вещей значилось «книг разных – 98 шт., у А. Крюкова – 20 шт., у Н. Крюкова – 140 шт., И. Киреева – 25 шт.»²⁷.

Потребность в духовном развитии не заслоняла множества проблем житейского свойства, с которыми столкнулись декабристы на каторге. Быт заключенных во время пребывания в Читинском остроге описан в воспоминаниях А.Е. Розена, Н.В. Басаргина, Н.И. Лорера, А.П. Беляева, Е.П. Оболенского, Д.И. Завалишина, И.Д. Якушкина.

Из мемуаров известно, что значительные трудности декабристы испытывали с нехваткой самых необходимых вещей – белья, одежды, предметов быта, хозяйственной утвари. Чаще всего в письмах узников из Читинского острога фигурируют просьбы о присылке белья. «В течение 10 лет мы не переменили белья», – сообщал Юшневский брату Семену в 1840 году»²⁸.

«Что касается до белья, платья и пр., то здесь все разойдется очень скоро, и будь уверен, что всякая присылка сюда есть истинное доброе дело, – писал Е.П. Оболенский А.В. Протасьеву»²⁹.

«Одежду и белье носили мы все собственное; имущие покупали и делились с неимущими», – вспоминал А.Е. Розен³⁰.

С каждым прибытием большого обоза состав вещей становился разнообразнее. У некоторых узников появилась возможность получить токарное и слесарное оборудование, материалы для занятий живописью, музыкальные инструменты.

В Чите во дворе острога было разрешено выстроить два домика, в одном из них оборудовали мастерскую с токарным, столярным и переплетным

станками. В письме к В.А. Муравьевой А.Г. Муравьева просит для кузена «разных напильников и часовых пилок, столовые тисочки, ручные тисочки, три щипчиков разных <...>»³¹.

Вещный мир создавался также и руками самих заключенных. Закройщиками и портными были А.Е. Розен, К.П. Торсон, П.С. Бобрищев-Пушкин, Е.П. Оболенский, П.Д. Мозган, А.П. Арбузов, М.А. и Н.А. Бестужевы. Братья Бестужевы, а также П.И. Фаленберг оказались умельцами по шитью фуражек и башмаков.

«Кто не знал до тех пор никакого мастерства, тот учился или у других, или самостоятельно по лучшим сочинениям, – писал Д.И. Завалишин. – Выписаны были все лучшие руководства на всех главных европейских языках, чертежи и отличные инструменты»³².

М.А. Бестужев упоминал А.Е. Розена, К.П. Торсона, П.Ф. Громницкого как мастеровых по части изготовления походной мебели. М.Н. Волконская сообщала В.М. Шаховской из Читы в январе 1829 г.: «Эти господа из острога делают часы, браслеты, папки, медали, люстры – все это из старых обломков дорожных сундуков, ламп»³³.

«Главою и двигателем всего этого был, бесспорно, Николай Бестужев. У него были золотые руки, и все, к чему он их ни прикладывал, ему удавалось», – вспоминал Н.И. Лорер³⁴. Следует добавить, что и по части живописи Николаю Бестужеву среди декабристов не было равных. Друзья старались обеспечить его материалами для занятий. 5 августа 1837 г. М.Н. Волконская снабдила художника самыми необходимыми предметами: «двумя толстыми стертými стеклами, прибором для растирания красок, дюжиною черных карандашей в дереве, коробочкою с порошками соды, ше[л]ковым кошельком и небольшим бумажным ящичком красок»³⁵. Многие декабристы обзаводились личными вещами, исходя из своих финансовых возможностей, собственных нужд и творческих интересов.

Среди заключенных было немало людей, которые умели рисовать. К их числу принадлежал А.М. Муравьев. Обеспечить себя и друзей необходимыми материалами для рисования стало для него одной из важных задач. В письме к матери, Е.Ф. Муравьевой, он просит «5-ть дюжин черных карандашей с глянцем и без глянца, белых карандашей, красных карандашей, 10 листов цветной бумаги <...>, карандашей англ[ийских] 11»³⁶.

У П.Н. Свистунова, Ф.Ф. Вадковского, В.П. Ивашева, братьев Крюковых, А.П. Юшневского были музыкальные инструменты. «Почти у всех дам есть фортепьяно. <...> С особенным удовольствием я слушаю пение госпожи Нарышкиной», – сообщал П.Н. Свистунов в письме своему брату³⁷.

Для Ф.Б. Вольфа и А.З. Муравьева выписывалась медицинская литература, хирургические инструменты.

Нередко декабристы отправляли вещи, подарки и памятные сувениры своим родным в Европейскую Россию. Особую категорию составляли портреты.

«Еще находясь в заключении в Петропавловской крепости, а затем в Читинском остроге, декабристы жаждали получить портреты родных, а родные мечтали получить портреты сосланных в Сибирь сыновей, мужей, братьев»³⁸.

А.Е. Розен вспоминал, с каким «величайшим нетерпением» М.А. Фонвизин ожидал приезда жены, беспрестанно любуясь ее портретом.

«В архиве Волконских сохранился «журнал», куда Мария Николаевна вписывала краткое содержание тех писем, которые она писала на протяжении 1829 года по просьбе заключенных и отправляла в Россию. Достаточно просмотреть эти записи, чтобы убедиться, какой поток просьб о присылке портретов шел из Читы <...>»³⁹. «Один лишь А.И. Вегелин за время пребывания на каторге – с 1827 по 1832 г. – получил от родных восемь портретов»⁴⁰.

Обмен портретами и подарками продолжился в «петровский» период.

Так, в мае и декабре 1835 г. И.А. Фонвизину, «живущему в Москве на Сретенском бульваре», от супругов Фонвизиных были отправлены «ящик в коже с коробкою карельской березы, оклеенной разными фигурами под лаком, с внутренним замком»⁴¹ и «тюк в коже с шестью мехами из недопесков»⁴².

29 ноября 1837 г. С.Г. Волконский отправил в Петербург два портрета Вере Андреевне Жиле, жившей в С.-Петербурге на Мойке близ Конюшенного моста в доме княгини Волконской⁴³.

Некоторые из декабристов, в частности братья Бестужевы, через кяхтинских купцов заказывали для себя и своих родственников различные китайские товары и «безделки».

«М.А. Бестужев писал родственникам 26 ноября 1837 г.: «Мы к вам <...> пришлем несколько китайских безделушек и еще три шарфа, которые мы еще не получили из Кяхты <...>, но их очень хвалят». 7 марта 1838 г. Н.А. Бестужев сообщал брату Павлу: «Между посылками для сестер есть китайские чашки, из коих можешь выбрать себе, если хочешь; мы для тебя заказали китайскую ганзу, т. е. маленькую трубочку с мешочком для табаку и огнивом»⁴⁴.

Многие из узников тяжело переживали разлуку с родителями, женами, детьми. Существовала целая категория вещей, которые заключали в себе свидетельство, память, ностальгию.

Для А.З. Муравьева особенно дороги были предметы, которые передала ему жена при прощании 22 июля 1826 г. «на первой станции от Петербурга»: перстень с волосами жены и детей, образок, шнурок, сплетенный руками В.А. Муравьевой. Все это были предметы, «драгоценные для его сердца». Особое место в сердцах узников занимали мемориальные вещи. После смерти двух сыновей А.З. Муравьев неоднократно обращается к жене с просьбой «прислать ему какие-нибудь вещи, принадлежавшие Никите и Левушке».

М.К. Юшневская сообщала В.А. Муравьевой: «Он получил наконец одежду своих милых детей, с которой до сих пор не сводит глаз и которую не может видеть без чувства страшной скорби. И тем не менее он горячо желает получить их бюсты <...>»⁴⁵. В 1834 г. бюсты сыновей пришли в Петровский Завод. А.З. Муравьев писал жене: «Я никогда не смогу достойно отблагодарить тебя за мысль заказать эти бюсты и послать их мне. Я уже не покинут Богом – я вновь увидел изображения обожаемых моих детей»⁴⁶.

М.Н. Волконской вещи ее первенца Николеньки переслали в Читинский острог родственники.

С переводом декабристов на поселение менялась их социальная роль, их повседневность и вещное окружение.

Поселенческий период для многих декабристов стал самым тяжелым. Они столкнулись с серьезными финансовыми и материальными трудностями.

Трудно не согласиться с И.С. Зильберштейном, который утверждал, что «для тех декабристов, которые были плохо обеспечены материально, именно на поселении начиналась настоящая каторга»⁴⁷.

В конце 1832 г. восемнадцать узников отправились на поселение. Места для большинства из них назначались самые отдаленные – Вилуйск, Верхоянск, Березов, Сургут, Пелым, Якутск, Туруханск, Нарым. Некоторым удавалось сводить концы с концами, другим оставалось владеть нищенское существование.

Круг вещей малоимущих декабристов был крайне ограничен. К тому же посылки, которые малоимущим поселенцам отправляли родственники, редко доходили до них в нетронутым виде. П.Ф. Выгодский, Н.О. Мозгалевский, А.П. Арбузов, В.А. Бечаснов, К.Г. Игельстром, П.Д. Мозган, П.И. Фаленберг, И.Ф. Шимков были в числе самых бедных.

Для семей Волконских, Трубецких, Муравьевых, Давыдовых жизнь на поселении была наполнена разными событиями – радостными и печальными.

Обустройство на новом месте требовало значительных финансовых затрат, физических и моральных усилий.

В списке вещей, отправленных Волконским в Урик, можно обнаружить предметы, которые приобрести или взять в аренду у местных жителей (сельскохозяйственный инвентарь, плотницкие инструменты) было практически невозможно. У сибирского крестьянина необходимый в хозяйстве инструмент был особо оберегаем, в чужие руки не отдавался, чаще всего находился в единственном числе и мог быть востребован в любое время года. Еще в Чите М.Н. Волконская столкнулась с невозможностью взять в долг у местных жителей «самой ничтожной вещи».

По последнему санному пути в марте 1838 г. в Урик на имя Марии Николаевны была отправлена посылка с необходимыми вещами и продуктами, которую можно рассматривать как номенклатурный справочник или гастрономическое меню (приложение 3).

В другом реестре из той же посылки содержится более подробное описание вещей, указано их точное количество и цена.

«Ящик, в нем леек больших <...>, терка овальная для кухни 60 коп. круглая, маленькая в футляре 30 коп., машинка для жжения кофе – 2 руб., вафельная доска 2 руб. 20 коп., ножей и вилок 14 руб., нож с вилок кухонные 3 р. 75 к., машина для точки ножей – 2 р.

Ящик, в нем: графин и стакан с живописью – 45 руб., стаканов с алмазным набором 24, 42 р., к ним рюмок 24, 33 р. 60 к., бокалов 12 на 18 р., графинов 6 на 27 р., судок для сахара 1. Горчицы 1 и прочих 4 на 15 р., водочный прибор 6 штук, 10 р. 50 к. Всего же 191 руб. В укупорке 2 пуда 23 фунта.

Ящик, в нем 4 оголовка, 4 шлеи, 4 уздечки, 3 вожжей, 2 седелки, 2 чересседельника, 4 подбрюшника, 2 дуги плоских. Рабочие: 2 оголовка, 2 шлеи, 2 узды, 2 седелки, 2 чересседельника, 2 вожжей, 2 дуги рабочие с кольцами. Казацкие: 1 седло, 1 подушка, 1 потник, 1 уздечка, 1 чумбур, 1 [неразб.], 1 чепрак, 1 стремянка, 1 путилище, 1 подпруга на 400 р. Стремья разных на 25 фунт. Всего 425 руб. В укупорке 20 пуд. 12 фунтов.

Ящик, в нем: самовар в ведро в 25 $\frac{1}{4}$ фун. 52 р. 75 к. полуведерный 18 $\frac{1}{4}$ на 38 р. 32 к.

Ящик, в нем: инструмент столярный – 4 пилы 6 р. 50 к.; 2 подпилка 1 р. 84 к., 1 фуганок двойной 2 р. 20 к., 1 рубанок двойной 1 р. 80 к., 1 фуганок одинокий, 2 рубанка одиноких 2 р. 50 к., 1 цинубель 1 р. 30 к., 5 стамесок 4 р. 40 к., 3 стамески долбежных 2 р. 60 к., 6 долот круглых 4 р. 60 к., 2 цинубеля 1 р. 6 коп., отборок 3 р., 2 подпилка для дерева 2 р. 20 к., 1 рашпиль 1 р., 1 цикля 1 р., 1 циркуль 50 к., 1 ножовка 80 к., 8 штук [неразб.] и перки 4 р., 2 буравчика 84 к. [неразб.], 1 клещи 1 р. 20 к., 3 шпунта 1 р. 40 к.»⁴⁸.

Из данного прејскуранта видно, как расширялся предметный мир Волконских на поселении, насколько важным для них было иметь необходимый набор инструментов для строительства будущего дома.

Особое место в посылках занимали детские вещи, игрушки, книжки. Мария Николаевна часто обращалась к родным с просьбой прислать детскую одежду, обувь. В письме к А.М. Раевской от 25 ноября 1840 г. она сообщает: «Миша хочет широко воспользоваться вашим предложением обращаться прямо к вам с своими просьбами. Вот что он желает иметь: хороший ящик с красками, кисти, картинки для раскрашивания, французские и английские книги для самого младшего возраста. <...> Он просит у вас, сверх того, еще русских книг, более серьезных, чем указанные выше; путешествия были бы всего лучше <...>»⁴⁹.

Посылки становились для детей настоящим праздником. М.Н. Волконская делилась радостью с братом Н.Н. Раевским по поводу очередной посылки родственника: «Я получила феноскоп, который всех нас позабавил, больших и малых, а теперь он стал собственностью Миши <...>»⁵⁰.

Польский ссыльный Ю. Сабиньский засвидетельствовал процесс получения одной из оказий: «<...> пришла для Волконских большая посылка с товарами одного из иркутских купцов, отправленная из Москвы, занимающая две или три подводы, нагруженные множеством разнообразных вещей: книгами, одеждой, штуками материала и полотна, предметами женского гардероба, старинными безделушками и т. д. Распаковывание и просмотр всего этого были занятием для всего дома. Миша был особенно рад присланному ему дядей Раевским из Москвы красивому французскому ружью с охотничьим снаряжением и некоторым другим подаркам, предназначенным для него»⁵¹. Большие посылки стоимостью от шести до семи тысяч рублей Волконские получали два-три раза в год.

Вещный мир декабристов в Сибири формировался в течение почти тридцати лет. На тюремном этапе вещи арестованных можно разделить на несколько категорий: ценные вещи (золотые и серебряные кольца, часы, цепочки, ордена, образки), одежда гражданская (сюртуки, брюки, жилетки, ту-

лупы, шубы, шапки), военная форма (шинели, мундиры и принадлежности военной формы), обувь (сапоги), белье постельное (простыни, наволочки, одеяла), белье нательное (рубашки, подштанники, рейтузы), гигиенические принадлежности (зубные щетки, головные щетки, бритвы, салфетки, мыло, одеколон), бытовые предметы (чайники, кофейники, стаканы, трубки курительные).

К каторжному периоду добавляются несколько групп предметов: средства передвижения (карета, дрожки), музыкальные инструменты (фортепиано, клавесин, рояль, скрипки, виолончель, флейты), медицинские инструменты (банки, ланцет, шнипер), одежда и аксессуары к ней (халаты, куртки, пижамы, шляпы, шапки, перчатки, галстуки, подгалстучники, подтяжки, носовые платки), обувь (сапоги, галоши), белье и постельные принадлежности (кровати, матрасы, тюфяки, подушки), письменные принадлежности и предметы для рисования и живописи (краски, бумага для живописных работ, писем, цветная, «бристольский» и простой картон, перья, кисти, чернильницы), бытовые предметы (часы, гребенки, щетки, свечи, подсвечники, зонтики, ковры), столовые приборы (ложки, вилки, ножи, посуда), религиозно-сакральные предметы (иконы с образами Спасителя, Божьей Матери, нательные кресты), женская одежда (чулки, чепцы), книги и периодические издания, детские вещи, игрушки, сувениры, мебель (столы, стулья, кресла, книжные шкафы, бюро, диваны), мемориальные предметы.

На поселенческом этапе круг предметов значительно расширился. У декабристов появляются метеорологические приборы (термометр, барометр, микроскоп), орудия труда (плуги, бороны, косы, лопаты), средства передвижения (телеги, брички, «сидейка»), охотничьи принадлежности и рыболовные снасти (ружья, силки для дичи, удочки), предметы мебели (стулья, кресла, канапе, шкафы), курительные принадлежности (китайские трубки «ганза», мешочки для табака, табакерки), детские предметы и игрушки (черкесский костюм, персидская чернильница, татарский кнут, феноскоп, татарское серебряное кольцо, архалук), экзотические предметы (татарские туфли, китайские чашки), различные ткани, ценные вещи (браслеты, кольца, серьги).

Приведенный список призван дать общее представление о вещном мире декабристов и не является исчерпывающим. Многие вещи забыты, а значение некоторых утрачено навсегда. На данный момент описать предметный ряд в полном объеме не представляется возможным, поскольку всегда обнаруживается «новая» вещь, о которой не упоминалось ранее. «За кадрами» исторической хроники все еще остается огромный корпус неисследованных материалов и неопубликованных документальных источников, которые позволят в будущем значительно расширить границы предметного мира и наши представления о повседневной жизни декабристов в Сибири.

Приложение 1

**Регистр имуществу, доставленному в Иркутск к преступнику
Волконскому Октября дня 1826 г.⁵²**

Сундучок со столовым прибором	1
в нем:	
ножей столовых	6
вилочек	6
Ложек английской композиции:	
столовых	6
чайных	6
Чайников жестяных	2
Сахарница	1
Чайных чашек с блюдцами	6
Стаканов маленьких шлифованных	6
Таковых же столовых шлифованных	2
Миса с крышкою	1
Тарелок: маленьких	6
глубоких	6
Жестяная чашка	1
Маленьких тарелок для сахара	2
Молочниц	2
Баночек жестяных	3
Полуштофов с напитком	3
и пустой	1
Чемодан белой кожи	1
в нем:	
Чайник оловянный	1
Футляр с двумя хрустальными стаканами	1
Карельской березы банка	1
Клистирная спринцовка жестяная в деревянном футляре	1
Градусник сломанный в футляре	1
Шоколаду 11 кусков	
Шоколадник изломанный медный	1
Масленица карельской березы	1
Проволока для чистки чубуков	15 концов
Английской горчицы	одна глиняная банка
Восковых свеч	72
Шандал медный с зонтиком	1
Шандалов медных складных	4
Колокольчик медный	1
Съемы железные*	1
Два футляра с перовыми [неразб.]	—
Футляр с очиненными перьями	1
Бумажных коробочек с лекарствами	2
Бутылочек с лекарствами	2

* Щипцы для снятия свечного нагара.

Мундштуков	2
Щипцов для стрижения ногтей	3
Карандашей	2
Солонок:	
серебряная	1
фарфоровая	1
Градусников	2
В футляре	
Серебряная ложка столовая	1
чайная	1
Нож с вилкою	–
Умывальных чашек в футляре	3
Рукомойница жестяная	1
Кожаная наволока на подушку	1
Палочка тройная с медной цепочкой*	1
Кровать складная с прибором	1
Складные ширмы с прибором	1
Самовар в простом деревянном ящике	1
Зонтик коленкоровый	1
Плевательница	1
Миса, в ней три кастрюльки с ложкой и ручкой	
Две пары старых сапог ичиг**	1
К кровати и ширмам маленские чемоданы	
Чемодан небольшой порожний	1
Большой чемодан	1
В нем:	
Холщевая простыня	1
Платков носовых белых	9
Бумажных получулков	15 пар
Чулков бумажных пестрых	3 пары
Фуфаск две с одними панталонами шерстяные	
Шинель темно-серого сукна с подкладкой зеленой	
Сюртук серый на домотканом подкладе	1
Сюртук черный суконный	1
Жилет бархатный черный	1
Два жилета суконных черных	
Двое суконных черных панталон	
Старые [неразб.] новые панталоны	
Черные суконные	
Жилет шелковый полосатый на подкладе	1
Одеяло белое тканевое	1
Парусинные панталоны	1
Полотенце одно	
Перчаток пять пар лайковых	
Подгалстучник саржевый один	
Одна пара подтяжек	

* Назначение данного предмета неизвестно.

** меховая зимняя обувь, широко распространенная в Сибири среди инородцев.

Одна пара сапог новые башмаков	
Щетка головная	1
Пуговиц одно портище*	
Две гребенки головных	
Две щетки	
Зубных щеток	3
Кусок резины	1
Ковер персидский	1
Ящик с книгами по приложенному каталогу	

Приложение 2

Опись вещей, оставленных в Горной конторе, «с оценкой хозяев» Сергея Волконского⁵³

Часы серебряные английские с серебряной цепочкой и при них топазовой без резьбы печатью	60 р.
Трубка курительная пеньковая в серебряной оправе	80 р.
Янтарный мундштук в сафьяновом футляре	100 р.
Стеклянная фляга, обмазанная составом из теста <...> кромкою	1.50 [р.]
Серебряная фляга с позолоченным внутри стаканом и в ней малая часть столовой водки	105 [р.]
Портфель, обложенный красным сафьяном, в нем: чернильница стеклянная в серебряной оправе печать стальная с вензелем Е.В. линейка слоновой кости припускная бумага, переплетенная в тетрадь с сафьяновым переплетом сургуча красного палочек – 3 коробочка оплаток	275 р.
Шинель тонкого сукна, подбитая ватой с бобровым воротником	500 р.
Денег государственными ассигнациями 50-рублевыми медною монетой	200 [р.] 6 коп.

Образов шейных

Небольшой в серебряной оправе

Серебряный, позолоченный в золотом ободочке – 1

Распятие чугунное – 1

Волосной браслет с золотым фермуаром – 1

Колец золотых – 3

Шейная золотая цепочка с тремя ключиками – 1

Бумажник сафьяновый с портретом жены его – 1

Сафьяновых футляров с накладными платиновыми зубами и четырьмя золотыми пружинами – 2

Трубка курительная глиняная – 1

Чубуков плетеных волосяных с небольшими янтарными мундштуками – 2

Табаку картузов – 6

* Комплект пуговиц (дюжина).

- Особо в сафьяновом мешке до 5 ф.
Замок висячий с ключом – 1
<...> почтовой бумаги [неразб.] – 8 <...>
Конвертов белых с бумагой, изготовленных для писем – 12
Лоскут клеенки – 1
Письма и бумаги, полученные со времени ареста его в Санкт-Петербурге и в Иркутске, полученные по объявлению его через правительство конвертов – 9
Чемоданов юфтовых – 2
Платья:
Куртка – 1
Шаровары серого сукна – 1
Жилетка – 1
Сюртук черного тонкого сукна – 1
Шаровары – 1
Жилетка такого же сукна – 1
Суконный воротник на клеенчатом подкладе – 1
Тулупчик на белой мерлушке – 1
Шинель суконная летняя – 1
Шуба волчья, крыта сукном – 1
Бурка – 1
Летних брюк холщовых – 2
Шлафрок шелковый – 1
Перчаток замшевых пар – 2
Платков: шейных бумажных – 3
          черных тафтяных – 2
          желтых шелковых – 2
          теплых пуховых – 2
Картуз сафьяновый – 1
Шапка мерлушковая – 1
Фуражка суконная – 1
<...> теплая котиковая – 1
          Кушаков гарусных – 3
Сапог: выросковых пар – 4
          сафьяновых – 1
Белья:
Рубашек полотняных – 18
Подштанников таковых же – 11
          теплых вязаных – 2
Чулок шерстяных пар – 4
Получулочьев нитяных пар же – 4
Простынь полотняных – 4
Наволочек – 2
Фуфаек теплых английских – 5
Таковых же фланелевых нагрудников – 5
Одеял фланелевых – 2
Платков носовых белых – 5
          красных – 6

Скатерть камчатая – 1
 Салфеток – 6
 Полотенец полотняных – 3
 Мешок из ковра – 1
 Ковер гарусный – 1
 Книг:
 календарь на 1826 год – 1
 белая памятная, оболоченная сафьяном – 1

Приложение 3

Накладная и весовая фактура клади, отправленной в Иркутскую губернию к княгине Марье Николаевне Волконской, урожденной Раевской, с купцом Алексеем Алексеевым Пенезяниновым⁵⁴

	Цена		Вес	
	руб.	коп.	пуды	фунт.
1. Ящик, в нем: кофе, клей, миндаль, разные крупы, синька и крахмал	190	60	7	20
2. Бочка с сахаром	615	50	14	35
3. Короб с сахаром Иосифа Поджио	319	7	7	17
4. Ящик, в нем: кофе и срачинское пшено*	186	—	4	30
5. Ящик, в нем: изюм, коринка**, сыр, винные ягоды, чернослив и железные лопаты	119	85	8	30
6. Ящик, в нем: табак дюбек***	72	—	1	23
7. Ящик, в нем: макароны и вермишель	21	—	2	10
8. Ящик, в нем: лейки, терки, машинка кофейная, вафельная, доска, ножи и вилки, машинка для точения ножей	44	66	8	—
9. Ящик с хрусталем	191	10	2	23
10. Бочонок с прованским маслом	80	—	1	30
11. Ящик, в нем: кильки в банках	19	20	2	12
12. Ящик, в нем: варенье, клубника, малина, вишни, абрикосы	76	37	2	10
13. Два бочонка с сельдями	25	—	1	15
14. Ящик, в нем: хомуты, дуги и разная упряжная сбруя, казацкое седло, принадлежащие к нему вещи и семена	425	—	20	12
15. Ящик, в нем: кожаный матрас с сафьянною подушкою	110	—	4	10
16. Ящик, в нем: самовары и тазы	123	32	3	10
17. Ящик с ромом	125	—	5	27
18. Ящик, в нем: соя грибная и одеколон	60	—	2	—
19. Ящик, в нем: горох, чечевица, фасоль, бобы и зеленый сыр	76	—	4	38
20. Ящик, в нем: столярный и слесарный инструмент и замки	139	23	20	5
А всего клади двадцать мест на сумму три тысячи восемнадцать рублей девяносто копеек, весом сто семь пудов тридцать семь фунтов	3018	90	107	37

* Правильно: сорочинское пшено (рис).

** Сушеный мелкий черный виноград без косточек.

*** Сорг турецкого табака.

Примечания

- ¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб., 1994. С. 10.
- ² Цит. по: Реузов Б.Г. Французский роман XIX века. М., 1977. С. 212.
- ³ См.: Лямина Е.А., Самовер Н.В. «Бедный Жозеф»: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. М., 1999. С. 341–345.
- ⁴ Вайнштейн А.Л., Павлова В.П. Декабристы и салон Лаваль // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 193.
- ⁵ ВД. Т. 23. С. 14.
- ⁶ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999. С. 8.
- ⁷ ВД. Т. 23. С. 58.
- ⁸ Там же. С. 15.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С. 107–108.
- ¹¹ Там же. С. 118.
- ¹² Там же. С. 130–131.
- ¹³ Там же. С. 94.
- ¹⁴ Оболенский Е.П. Мое изгнание в Сибирь // В ссылке и заключении: Воспоминания декабристов. М., 1908. С. 8–9.
- ¹⁵ ВД. Т. 23. С. 340–341.
- ¹⁶ Цит. по: Караи Н.Ф. Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. Иркутск, 2006. С. 184.
- ¹⁷ ИМД-397/19 Док-458. С. 20.
- ¹⁸ Цит. по: Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. М., 1980. С. 27.
- ¹⁹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 9. Карт. 21. Л. 104–104 об.
- ²⁰ Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 284.
- ²¹ Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988. С. 49.
- ²² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 28. Карт. 27. Л. 74, 76.
- ²³ Волконский С.М. Воспоминания. О декабристах: по семейным воспоминаниям. Разговоры. М., 1994. С. 43.
- ²⁴ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987. С. 78.
- ²⁵ Любарская Т.Г. Декабрист Артамон Захарович Муравьев // Муравьев А.З. Письма / изд. подгот. Т.Г. Любарской / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2010. С. 77.
- ²⁶ Чивилихин В. Память. Фрунзе, 1987. С. 238.
- ²⁷ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 11. Карт. 22. Л. 360.
- ²⁸ Цит. по: Киянская О. Пестель. М., 2005. С. 321.
- ²⁹ Головинский М.В. Декабрист князь Е.П. Оболенский // Ист. вестник. СПб., 1890. Т. 39. С. 128.
- ³⁰ Розен А.Е. Записки декабриста / изд. подгот. Г.А. Невелевым / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1984. С. 232.
- ³¹ Муравьев А.З. Письма. С. 219.
- ³² Завалишин Д. Воспоминания. М., 2003. С. 347.
- ³³ Муханов П.А. Сочинения, письма / изд. подгот. Г.В. Чагиным / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1991. С. 217.
- ³⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста / изд. подгот. М.В. Нечкиной / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1984. С. 147.
- ³⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 28. Карт. 27. Л. 159–159 об.
- ³⁶ Муравьев А.М. Записки и письма / изд. подгот. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1999. С. 118.
- ³⁷ Свистунов П.Н. Сочинения и письма / изд. подгот. В.А. Федоровым / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2002. Т. 1. С. 221.
- ³⁸ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 107.
- ³⁹ Там же. С. 110.

- ⁴⁰ Там же. С. 593.
- ⁴¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 5. Карт. 29. Л. 28 об.
- ⁴² Там же. Д. 2. Карт. 29. Л. 29 об.
- ⁴³ Там же. Д. 26 а. Карт. 26. Л. 268.
- ⁴⁴ Цит. по: *Даревская Е.М.* Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007. С. 43.
- ⁴⁵ *Муравьев А.З.* Письма. С. 335.
- ⁴⁶ Там же. С. 352.
- ⁴⁷ *Зильберштейн И.С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. С. 346–347.
- ⁴⁸ Там же. Л. 61–64 об.
- ⁴⁹ *Неизданные письма М.Н. Волконской* // Тр. Гос. ист. музея. М., 1926. Вып. 2. С. 77.
- ⁵⁰ Там же. С. 35.
- ⁵¹ *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник: В 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 146.
- ⁵² ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 17. Карт. 1. Л. 38–40.
- ⁵³ ИМД-397/19 Док-458. С. 20–21.
- ⁵⁴ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 36. Карт. 27. Л. 65–66.

К.В. Харабадзе

Каталогизация декабристского наследия Из опыта работы

За 195 лет, прошедшие со дня восстания декабристов на Сенатской площади, во многих регионах страны историки и декабристоведы создали обширный корпус исследований, посвященных теме декабристских реликвий. Список декабристских мест России весьма велик: места ссылки были разбросаны по всей Сибири: от Березова – до Охотского моря, от границы с Китаем и Монголией – до Якутска и Нижнеколымска, ссылку отбывали и на Кавказе, куда государственные преступники были отправлены на службу простыми солдатами. Памятные места, связанные с декабристами, есть и в европейской части России: места, где они родились и жили до событий 14 декабря, и те места, где жили по возвращении из сибирской ссылки.

Однако именно Сибири принадлежит ведущее место в России по увековечению памяти об участниках восстания. Ссылные декабристы оставили большой след в истории, культуре, науке, образовании и общественно-политической жизни региона. Стремление сибиряков сохранить добрую память о декабристах проявилось в создании музеев, которые в настоящее время являются основными центрами по сохранению, изучению и популяризации декабристского наследия.

Формирование мемориальных коллекций декабристов началось еще при их жизни в Сибири и было связано с деятельностью музеев при отделах Императорского Русского географического общества, куда многие декабристы передавали свои вещи незадолго до отъезда после амнистии или оставляли своим друзьям и знакомым, потомки которых позже передавали их в музеи¹.

После Октябрьской революции 1917 г. в России произошли перемены, которые содействовали появлению музеев декабристов, первоначально

функционировавших в качестве отделов при музеях революции, а позже при краеведческих музеях. Начиная с середины XX в. во многих регионах Сибири, в частности там, где декабристы непосредственно были на каторге или поселении, были созданы музеи, им посвященные.

В настоящее время в Сибири действуют восемь музеев декабристов:

1. Историко-мемориальный музей Ялуторовского музейного комплекса (г. Ялуторовск, Тюменская область). В комплекс Историко-мемориального музея входят дома декабристов М.И. Муравьева-Апостола и И.Д. Якушкина. В 1935 г. при ремонте печи в доме М.И. Муравьева-Апостола была обнаружена бутылка с письмом – посланием декабриста потомкам от 8 августа 1849 г., которое послужило основанием для открытия в 1927 г. первого в Советском Союзе Музея памяти декабристов при краеведческом музее. В 1950-е гг. была открыта экспозиция в доме И.Д. Якушкина, посвященная жизни декабриста.

2. Иркутский музей декабристов (г. Иркутск, Иркутская область). В комплекс музея входят усадьбы декабристов С.Г. Волконского и С.П. Трубецкого. Первоначально музей был открыт в доме, по легенде принадлежавшем С.П. Трубецкому, в 1970 г. как филиал Иркутского областного краеведческого музея (бывшего музея Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества), в 1985 г. был открыт Дом-музей Волконских. А в 2000 г. музей получил статус самостоятельного государственного учреждения культуры.

3. Усадьба декабриста М.М. Нарышкина и Дом-музей В.К. Кюхельбекера (г. Курган, Курганская область). Музей в усадьбе декабриста М.М. Нарышкина открыт 10 декабря 1975 г. в составе Курганского областного краеведческого музея. 13 декабря 2005 г. состоялось открытие Дома-музея В.К. Кюхельбекера также в составе краеведческого музея.

4. Дом Д.Д. Старцева – музей декабристов (п. Новоселенгинск, Республика Бурятия). Музей посвящен жизни декабристов братьев Н.А. и М.А. Бестужевых и К.П. Торсона. Открыт 24 декабря 1975 г. в доме купца Д.Д. Старцева в составе филиала Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В.А. Обручева. Позже музей был филиалом Бурятского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея, после упразднения которого в 1990 г. стал муниципальным музеем. В 2014 г. вошел в состав Национального музея Республики Бурятия.

5. Дом-музей декабристов (г. Петровск-Забайкальский, Забайкальский край). Открыт 10 октября 1980 г. В комплекс музея входят дома Е.И. Трубецкой и декабриста И.И. Горбачевского.

6. Музей декабристов (г. Чита, Забайкальский край). Открыт в 1985 г. в здании бывшей Михайло-Архангельской церкви.

7. Дом-музей декабристов (г. Туринск, Свердловская область). Открыт в 1993 г. в доме декабриста В.П. Ивашева.

8. Музей декабристов (г. Минусинск, Красноярский край). Открыт 13 августа 1997 г. в доме декабристов А.А. и Н.А. Крюковых в составе Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова.

Основная часть декабристского наследия хранится в этих музеях. Однако известно, что некоторые предметы встречаются также в архивах и библиотеках сибирского региона. Помимо этого, уникальные вещи, представляющие историю ссылки, находятся в регионах, где история декабристов не так ярко выделяется на фоне других исторических событий, что формирует совершенно иное отношение к декабристам по сравнению с Сибирью. Если у нас на базе мемориальных домов и усадеб создавали целые музейные комплексы, то в западных регионах страны, которые в первую очередь связаны с жизнью декабристов до восстания, декабристам посвящалась в лучшем случае лишь небольшая часть экспозиции того или иного музея. Исключение могут составить лишь Санкт-Петербург и Москва, где изучение и сохранение наследия декабристов началось еще в начале XX в. Благодаря тому, что в столичных архивах, музеях и библиотеках декабристское наследие активно изучалось и систематизировалось, стала появляться научная литература, а также биографические справочники и своего рода путеводители по декабристским местам.

С появлением интернета у многих музеев, архивов и других учреждений культуры появилась возможность представлять декабристское наследие в электронном виде: эпистолярное наследие на сайтах архивов, мемориальные вещи в электронных каталогах крупных музеев. Также многие независимые интернет-ресурсы в виде туристических путеводителей по Москве и Санкт-Петербургу содержат информацию о местах пребывания декабристов. Например, на сайте «Энциклопедия Санкт-Петербурга»² есть раздел «Декабристы в Петербурге», где можно посмотреть информацию как по персоналиям, так и по адресам. То же самое и на архивном сайте «Памятные места декабристов в Санкт-Петербурге 1825–2000»³. На архитектурном сайте Санкт-Петербурга Citywalls⁴ представлены подробные исторические справки по адресам пребывания декабристов.

Что касается подлинных вещей декабристов, то в основном они также представлены в крупнейших музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Благодаря стремительному развитию технологий, привычные формы организации в музее экспозиционного пространства превратились в новые виды представления публике музейных предметов, позволяющие любому человеку из любой точки мира познакомиться и с музеем, и с отдельным предметом из той или иной коллекции. Примером этого служат появившиеся в интернете виртуальные музеи и экскурсии, электронные каталоги и т. д.

Однако на сегодня не существует портала или издания, содержащего в себе актуальную информацию обо всех местах поселения декабристов, о мемориях, которые сохранились до наших дней.

В связи с этим Иркутский музей декабристов начал заниматься созданием такого пространства в виде электронного каталога реликвий и памятных мест, связанных с декабристами.

Идея создания каталога появилась еще в 2016 г. во время работы с Кяхтинским краеведческим музеем им. акад. В.А. Обручева над выставкой «Улан Наран сибирского изгнания», посвященной 225-летию декабриста Н.А. Бестужева. Для реализации этого выставочного проекта нам необходимо

было найти музеи, где представлено творчество Н.А. Бестужева, и обратиться к ним с предложением о сотрудничестве. Это был первый шаг, который способствовал началу крупной аналитической работы.

По замыслу музея, такой каталог будет полезен не только представителям музейного сообщества, но и вообще всем интересующимся. Он позволит получить более детальное представление о быте и жизни декабристов, а также использовать полученные знания при разработке новых материалов как по декабристской тематике, так и по истории в целом.

Форма каталога, особенности его структуры вытекают из специфических свойств источников. Поэтому, прежде чем выбрать форму каталога и приступить к его составлению, необходимо было изучить состав, назначение и характер публикуемых материалов.

Характер группировки и расположения материала зачастую рассматривают в двух аспектах – логическом и алфавитном. В каталогах логической структуры сведения группируются применительно к исследовательским проблемам, темам или историческим периодам. Для каталогов алфавитной структуры характерно описание по отдельным конкретным объектам – предметам, вопросам, географическим названиям, фамилиям. По алфавитному принципу строятся предметные (именной и географический) каталоги⁵.

На основе изученной нами информации о принципах составления каталогов⁶ были определены следующие этапы работы:

1. Обзор истории жизни декабристов на предмет определения мест их пребывания как на территории Сибири, так и в регионах Европейской России.
2. Выявление музеев на местах, так или иначе связанных с декабристами.
3. Установка контакта с музеями, получение сведений и их проверка.
4. Систематизация полученных сведений.
5. Распределение предметов / памятников / мест по категориям в каталоге.

Было принято решение, что на данном этапе каталог будет состоять из двух разделов: «Мемории и предметы, принадлежавшие декабристам и их потомкам» и «Памятные места, связанные с декабристами» (дома, усадьбы, памятники, некрополи, объекты топонимики и др.). Наименования должны включать в себя информацию об объекте, его назначении, происхождении, истории бытования и принадлежности тому или иному декабристу или его семье. Каждый объект должен быть снабжен не только подробной справочной информацией, но и фотографиями, позволяющими изучить предмет более подробно.

Благодаря биографическому справочнику «Декабристы»⁷, «Погостному списку» декабристов с указанием дат и мест их смерти и захоронения, составленному декабристом М.И. Муравьевым-Апостолом в 1886 г.⁸, и другим краеведческим источникам, был составлен первоначальный перечень из 149 населенных пунктов, из которых 122 расположены на территории современной России и 27 на территории СНГ и Европы.

В дальнейшем было установлено более точное количество населенных пунктов: 125 в 34 регионах Российской Федерации. Был проведен поиск

в каждом регионе, составлен список музеев и отправлены обращения с просьбой о сотрудничестве и содействии в получении интересующей нас информации. В процессе поиска мы столкнулись с проблемой отсутствия в виртуальном пространстве контактов муниципальных музеев, в связи с этим поиск расширился до районных управлений культуры, которые могли предоставить необходимые данные.

Начало исследованию было положено в Дальневосточном (Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Забайкальский край), позже в Сибирском федеральном округе (Красноярский край, Томская и Омская области). Далее рамки были расширены: Уральский (Тюменская, Курганская, Свердловская области, Ханты-Мансийский автономный округ), Центральный (Владимирская, Калужская, Ивановская, Орловская области) и Приволжский (Нижегородская область) федеральные округа.

Всего отправлено 43 запроса в музеи различного типа: мемориальные, краеведческие, комплексные. На 26 мы получили ответы (17 музеев предоставили информацию, четыре сообщили, что ничего не сохранилось, пять музеев только пообещали сотрудничество в будущем), 17 запросов остались без ответа.

Интересные и подробные сведения прислали нам музеи, которые встретили нашу просьбу о сотрудничестве в совместном создании каталога мемориальных предметов с энтузиазмом:

1. Музей декабристов (филиал ГУК Забайкальский краевой краеведческий музей им. А.К. Кузнецова, Забайкальский край, г. Чита).

2. Нерчинский краеведческий музей (Забайкальский край, г. Нерчинск).

3. Кяхтинский краеведческий музей им. акад. В.А. Обручева (Республика Бурятия, г. Кяхта).

4. Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (Республика Саха (Якутия), г. Якутск).

5. Музей Дружбы народов им. К.Д. Уткина (Республика Саха (Якутия), п. Нюрба).

6. Енисейский краеведческий музей им. А.И. Кытманова (Красноярский край, г. Енисейск).

7. Музейно-выставочный центр г. Назарово (Красноярский край, г. Назарово).

8. Томский областной краеведческий музей имени М.Б. Шатилова (Томская область, г. Томск).

9. Музей истории Томска (Томская область, г. Томск).

10. Тарский историко-краеведческий музей (Омская область, г. Тара).

11. Историко-мемориальный музей Ялуторовского музейного комплекса (Тюменская область, г. Ялуторовск).

12. Ишимский краеведческий музей (Тюменская область, г. Ишим).

13. Дом-музей декабристов (Свердловская область, г. Туринск).

14. Курганский областной краеведческий музей (Курганская область, г. Курган).

15. Сургутский краеведческий музей (Ханты-Мансийский АО, г. Сургут).

16. Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Владимирская область, г. Владимир).

17. Орловский краеведческий музей (Орловская область, г. Орел).

В результате мы получили сведения о 182 наименованиях (110 предметов и 72 объекта – памятники, мемориальные доски, географические названия улиц / площадей / скверов и т. д.).

Информация о мемориальных предметах была обработана и внесена в таблицу со следующими метаданными: «Наименование», «Информация / легенда (отношение к декабристам)», «Фото», «Место хранения». Сами предметы были распределены по категориям:

1. Документы.
2. Редкие книги.
3. Фотоматериалы.
4. Живопись / графика.
5. Предметы прикладного искусства, быта и этнографии.
6. Предметы мебели.
7. Фарфор, керамика, стекло.
8. Вышивка / текстиль.
9. Похоронный комплекс.
10. Оружие.
11. Предметы нумизматики.

Информация о памятных местах была обработана и внесена в таблицу с метаданными: «Регион», «Населенный пункт», «Памятные места», «Описание» и «Фото» и распределены по географическому принципу.

На большую часть запросов ответов мы не получили, и этим затруднялось полноценное формирование будущего каталога. Возникла необходимость самостоятельного поиска информации о местах пребывания декабристов и изучения фондов музеев, связанных с декабристской историей.

Основной базой данных, содержащей информацию о музейных коллекциях, является Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. Именно он, а также сайты музеев стали основными источниками информации о мемориальных предметах.

Из коллекций 20 музеев, которые мы предполагали изучить на сайте Государственного каталога, было обследовано 18. В итоге список коллекций пополнился на 127 предметов. Были добавлены предметы из Красноярского краевого краеведческого музея, Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Национального музея Республики Татарстан, Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Пензенского государственного краеведческого музея, Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова, Государственного литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха», Ярославского художественного музея, нескольких столичных музеев, в том числе Государственного Эрмитажа, Государственного музея А.С. Пушкина и др.

При работе с Государственным каталогом мы столкнулись с несколькими проблемами: графа каталога «Информация / легенда (отношение к декаб-

ристам)» у многих меморий на момент публикации была заполнена только частично. Это связано с тем, что обозначение принадлежности предметов декабристам или их потомкам встречается только в наименовании самих единиц хранения, так как формат Государственного каталога не подразумевает наличия подробных объяснений или легенд о принадлежности вещей определенным личностям. Также одной из проблем пополнения стало отсутствие некоторых предметов в Государственном каталоге, хотя их наличие в фондах того или иного музея – общеизвестный факт.

Для пополнения каталога памятных мест в первую очередь мы обратились к Единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации⁹, в котором зафиксированы 143 объекта на территории страны, связанных с именами декабристов. За уточняющими сведениями мы обращались к региональным реестрам объектов культурного наследия, а также к Постановлению Совмина РСФСР от 7 сентября 1976 г. № 495 (Список мест, связанных с пребыванием декабристов) и Постановлению Совмина РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 (ред. от 10.07.2001) «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (часть 1).

Также была изучена специализированная литература по усадебным комплексам и некрополям декабристов и проведена работа с сайтами региональных музеев, независимыми интернет-ресурсами, посвященными культурному наследию России: «Музеи России»¹⁰, «Памятники архитектуры Москвы и области»¹¹, «Исторические усадьбы России. Музеи-усадьбы России»¹², «Могилы знаменитостей»¹³ и другими.

Благодаря проведенным нами исследованиям, список декабристских мест в каталоге пополнился на 291 пункт, их число на момент публикации составило 363 объекта.

Помимо этого, был сделан подсчет топонимических наименований. В России декабристская топонимика достаточно равномерно распределена по европейской части, Уралу и Сибири. Согласно данным сайта «Большая телефонная книга», в честь декабристов названы площади, проспекты, улицы, переулки в 429 населенных пунктах Российской Федерации¹⁴. Большая часть «декабристских» названий встречается в Красноярском и Забайкальском краях, Иркутской, Тюменской, Московской, Ленинградской областях. Примерное количество названий улиц, переулков и т. д. в честь декабристов: 833. Мы взяли за основу поиска улицу Декабристов и 28 наиболее известных среди декабристов фамилий.

	Улица	Переулок	Проезд
Декабристов	410	35	6
Рылеева	101	24	1
Пестеля	47	5	1
Бестужева	38	12	
Муравьева	32	5	
Лунина	16	2	
Каховского	13	4	
Пущина	8		

Трубецкого	6	1	
Басаргина	5		
Волконского	5	3	
Одоевского	5	3	1
Якушкина	4		2
Ивашева	3		
Муравьева-Апостола	3		

Из представленного нами фрагмента сравнительной таблицы мы видим, что самой популярной в топонимике является улица Декабристов, а среди названий улиц по фамилиям декабристов – Рылеева, Пестеля, Бестужева, Муравьева, Лунина, Каховского. Создание таких электронных справочников, как каталог декабристских меморий и памятных мест, – процесс очень кропотливый и трудоемкий. Результат, который мы имеем сейчас, – это итог трехлетней работы. Первые два года в основном велась работа с музеями, находящимися на территории Сибири и частично в центральной части России. Благодаря тем, кто откликнулся на наше предложение, будущий каталог пополнился на 182 наименования (меморий: 110 / мест: 72). Большая часть предоставленной информации соответствует запланированной структуре каталога, почти все объекты имеют и описание (легенду), и фотографии. Однако несколько музеев, согласившись на сотрудничество, до сих пор, к сожалению, не прислали нужных нам сведений. Поэтому мы были вынуждены начать самостоятельный поиск информации, значительно расширив территориальные рамки исследования. На этом этапе также встречается много подводных камней: не всегда есть возможность получить сведения о мемориальных предметах на официальных музейных сайтах, а также убедиться в достоверности полученных данных. Несмотря на это, нам удалось получить информацию о большинстве мест на территории Сибири и центральных регионов России, связанных с именами декабристов. В будущий каталог было добавлено 418 наименований (меморий: 127 / мест: 291). Общее число объектов в двух разделах составило: 528 (меморий: 237 / мест: 363).

В дальнейшем планируется работа с фондами столичных музеев, где хранится обширный корпус мемориальных предметов, а также поиск новых контактов с музеями для подтверждения уже имеющихся сведений и получения новых. На фоне многочисленной и порой непроверенной информации в интернете создание справочника с выверенными и подтвержденными данными является нашей задачей.

Подобный единый ресурс позволит сохранить информацию в цифровом виде, а также поможет музейным специалистам, преподавателям, научным работникам, студентам, ученикам и всем, кто интересуется этой темой, получать и передавать научные знания о предметах и местах, связанных с декабристами, более оперативно, чем если бы эти предметы продолжали быть доступными только по месту их нахождения.

Иркутский музей декабристов выражает искреннюю благодарность музеям, которые приняли участие в реализации такого масштабного проекта, как создание каталога декабристского наследия.

Источники и литература

¹ Сакович А.В. Коллекция редких книг в собрании Иркутского музея декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 36.

² Энциклопедия Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Сайт историко-культурного интернет-портала «Энциклопедия Санкт-Петербурга». – Режим доступа: <http://www.ensspb.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

³ Памятные места декабристов в Санкт-Петербурге 1825–2000 [Электронный ресурс] // Сайт интерактивной информационной базы памятных мест декабристов в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20090708080410/http://www.orbis.spb.ru/decabrist/lic/index.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

⁴ Архитектурный сайт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Сайт интерактивной информационной базы, посвященной архитектуре Санкт-Петербурга. – Режим доступа: <https://www.citywalls.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 1.05.20.

⁵ Щурина Е.Г. Каталогизация музейного собрания. Система музейных каталогов. Подготовка к изданию каталогов музейных собраний [Электронный ресурс] / Вестник Кирилло-Белозерского музея, 2011. № 21. Июнь // Сайт Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. – Режим доступа: <http://www.kirmuseum.ru/issue/guide/detail.php?ID=48699>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 1.05.20.

⁶ Там же.

⁷ Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М., 1988.

⁸ Декабристы: Материалы для характеристики / под ред. П.М. Головачева. М., 1907. С. 172–176.

⁹ Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт Министерства культуры. – Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 1.05.20.

¹⁰ Музеи России [Электронный ресурс] // Сайт информационного портала о культурном наследии России. – Режим доступа: <http://www.museum.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

¹¹ Памятники архитектуры Москвы и области [Электронный ресурс] // Сайт интерактивной информационной базы памятников. – Режим доступа: <http://www.mosculture.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

¹² Исторические усадьбы России. Музеи-усадьбы России [Электронный ресурс] // Сайт интерактивной информационной базы усадеб России. – Режим доступа: <http://hist-usadba.narod.ru/index.html/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

¹³ Могилы знаменитостей [Электронный ресурс] // Сайт интерактивной информационной базы могил знаменитостей. – Режим доступа: <http://m-necropol.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

¹⁴ Почтовые индексы городов России [Электронный ресурс] // Сайт справочника «Большая телефонная книга (желтые страницы)». М., 2008. – Режим доступа: <http://www.btk-online.ru/postindex/>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 01.05.20.

Люди и судьбы

А.О. Афанасьева

Эпизод из жизни чиновника (по дневниковым записям и письмам М.С. Волконского)

Михаил Сергеевич Волконский – исторический деятель, о становлении личности которого известно до настоящего времени совсем немного. Сын государственного преступника, рожденный в Петровском Заводе, сумел построить блестящую карьеру на гражданской службе, став товарищем министра народного просвещения и членом Государственного совета. Воспитанный в кругу декабристов, он не разделял их политических взглядов и с первых лет службы подчеркивал свою непричастность к «этому кругу»¹. Однако именно Михаил Сергеевич активно помогал друзьям отца, вернувшимся из ссылки, а также увековечил память о декабристах, опубликовав записки своих родителей.

До сих пор не написана полная биография сына декабриста, хотя его имя неоднократно встречается в воспоминаниях, дневниках, документах, личной и деловой переписке многих современников Михаила Волконского, кроме того, существование огромного семейного архива Волконских открывает обширное поле для работы в этом направлении.

В 1891 г. И.П. Барсуков, член Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, опубликовал биографию генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского². Михаил Волконский активно помогал автору в сборе и обработке архивных данных для ее создания. В опубликованных И.П. Барсуковым материалах содержатся ценные, хотя и отрывочные сведения о деятельности М.С. Волконского на службе при генерал-губернаторе Восточной Сибири.

Интерес к личности М.С. Волконского исследователи проявляли уже в начале XX в. Первым, кто работал с архивом Волконских, был библиограф, редактор, историк русской литературы, один из создателей Пушкинского Дома Б.Л. Модзалевский. В 1918 г. совместно с Сергеем Михайловичем, внуком декабриста, он выпустил первый том «Архива декабриста С.Г. Волконского»³. Это издание должно было состоять из четырех частей: «До Сибири», «Заточение», «Поселение», «Возвращение». В первый том вошла переписка декабриста и членов его семьи с 1803 до 1816 г. Работа над вторым томом была прервана в 1919 г.⁴ «Самый же архив, в подлиннике и копии, – писал С.М. Волконский, – был мной заблаговременно переслан в Академию наук, а оттуда, заботами Б.Л. Модзалевского, был переправлен в Румянцевский же музей»⁵. Впоследствии семейный архив Волконских был разделен на не-

сколько частей⁶. Для научного комментария при работе с архивом Модзалевский использовал немногочисленные вырезки и выписки из собственной картотеки, касающиеся общественной жизни Михаила Волконского.

В 1920–1930-е гг. в связи с публикацией писем М.Н. Волконской биографией Михаила Волконского заинтересовалась О.И. Попова, литературовед, писатель, специалист по зарубежным рукописям и автографам. Она работала в Отделе письменных источников Государственного исторического музея и в статье, посвященной княгине Волконской, привела несколько писем Михаила Сергеевича и дала небольшую характеристику его личности⁷.

В 1970-х гг. сотрудник Отдела рукописей Государственной библиотеки имени Ленина (ныне Российской государственной библиотеки, далее: РГБ) Н.В. Зейфман опубликовала статью, в которой описала часть архива М.С. Волконского, хранящуюся в Отделе рукописей. Даны краткая биография Михаила, подробная характеристика служебных документов, личной и официальной переписки, а также обзор изобразительных материалов⁸.

В 1988 г. в сборнике «Сибирь и декабристы» была опубликована статья кандидата исторических наук Е.И. Матхановой, освещающая в основном деятельность Михаила Волконского по изданию мемуаров родителей⁹.

В 1998 г. Н.П. Матханова, доктор исторических наук, известный историк-исследователь, впервые опубликовала небольшой фрагмент дневника М.С. Волконского, молодого чиновника по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве¹⁰. Ее фундаментальные исследования, посвященные Н.Н. Муравьеву-Амурскому и его служебному окружению, содержат ценные сведения о Михаиле Волконском¹¹.

В 2006 г. вышла в свет монография кандидата исторических наук, публикатора «Записок С.Г. Волконского» в серии «Полярная звезда» Н.Ф. Караш, посвященная С.Г. Волконскому¹². «Автор поставила перед собой задачу на основе широкого круга источников изложить по возможности полную научную биографию С.Г. Волконского», – писала Наталья Федоровна в предисловии¹³. История семьи, являвшейся для декабриста главной ценностью его бытия, судьбы детей Сергея и Марии Волконских не могли не найти отражения в биографии декабриста. Многочисленные сведения о сыне, его развитии, образовании, успехах по службе, цитаты из писем Михаила, а также фрагменты его Дневника встречаются на страницах книги.

В 2014 г. была опубликована статья научного сотрудника Музея декабристов Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова (г. Чита) Л.В. Храмовой. Автор кратко освещает весь жизненный путь М.С. Волконского, обобщая ранее опубликованные данные¹⁴.

В этом же году консультант по формированию архива администрации Ольхонского районного муниципального образования А.В. Маланова опубликовала статью о вкладе чиновников Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в процесс развития дипломатических отношений и разграничения с Китаем¹⁵. Среди чиновников Главного управления Восточной Сибири упомянут и М.С. Волконский и перечислены его служебные командировки в Забайкальскую и Якутскую области, Минусинский край, поездка с дипломатическими целями в Ургу.

Несмотря на всю важность сведений о начальном этапе службы молодого Волконского в Сибири, почерпнутых из перечисленных выше публикаций, нам бы хотелось обратиться к детству Михаила, проведенному в семье декабриста и в среде его товарищей.

М.С. Волконский родился в 1832 г. в Петровском Заводе. После смерти первенца Волконских Николеньки и дочери Софьи рождение Миши было большой радостью для родителей. «Я была твоей кормилицей, твоей нянькой и, частью, твоей учительницей», – вспоминала Мария Николаевна¹⁶. Через два года родилась Нелли. Дети росли в любви и постоянной, неусыпной заботе. С момента их рождения строки писем сначала только княгини Волконской, а потом и самого Волконского наполнены радостями роста и развития маленьких сына и дочери, горестями и переживаниями о легких и тяжелых болезнях.

Развитию и обучению детей в семье Волконских всегда уделялось большое внимание. В письмах к родственникам звучали просьбы о присылке книг, гравюр, альбомов. Первыми учителями мальчика стали декабристы, образованнейшие люди своего времени. Многие из них имели педагогический дар. 25 мая 1841 г. Сергей Григорьевич писал И.И. Пущину об аресте давнего и близкого друга М.С. Лунина: «Тем более сожалею о том, что его нет между нами, что он с необычайным успехом занимался с Мишею; он учил его английскому языку, ребенок быстро подавался вперед с охотой к занятию – а учитель пристрастил[ся] к нему; системы хороши в книгах, а для дела – навык, он учил шутя, забавляя ребенка, а успехи были очевидны <...>. Мишенька грустит, грустит о Лунине, как о родном; хвала ребенку, хвала и учителю»¹⁷. Еще в 1839 г. М.С. Лунин составил для Миши Волконского «План начальных занятий, разделенный на три этапа с 8-летнего возраста до 14 лет», целью которого было «приготовить 14-летнего ученика к поступлению в общественную школу или к продолжению занятий самостоятельно по источникам»¹⁸. Несмотря на то что Лунин только начал воплощать разработанный им план, ему удалось многого достичь в воспитании и образовании его любимца Миши.

Учеба сына – неперемнная тема в письмах Волконского Пущину: «Крестник ваш хорошо учится, – писал Сергей Григорьевич 28 ноября 1843 г., – Поджио, Мушка отчетливо, совестно им занимаются, ходит и из гимназии учитель, но все-таки нужно бы было истинного педагога. Мишеньке ведь нет в помощь ни заслуг отцовских, ни прав рождения. Открыть себе дорогу только и может Миша образованностью, посредством экзамена и университетским дипломом, твержу ему об этом, и не худо бы и вам ему, и матери то же делать»¹⁹.

Подробности о том, кто и какой предмет преподавал Мише из его декабристских учителей, узнаем из «Сибирского дневника» ссыльного поляка Ю.-Г. Сабиньского, блестящего лингвиста, энциклопедически образованного человека, получившего разрешение губернских властей жить в Урике в доме Волконских домашним учителем. В 1844 г. он писал, что Миша учился вместе с сыном смотрителя Александровского винокуренного завода Петра Матвеевича Зверева Пашей, жившим у Волконских. Преподавателями у

мальчиков были «<...> Поджио Александр – всеобщая история и география; Поджио Иосиф – уроки игры на фортепиано <...>; Муханов Петр – математика и русская история; господин Филадельфин Алексей, учитель из иркутской гимназии, – латинский и русский языки. Княгиня Мария обоим своим детям дает уроки английского языка»²⁰. С.Г. Волконский преподавал сыну арифметику²¹. Михаил Лунин, излагая в «Плане» принципы обучения, заметил, что от учителя и ученика нужно «больше всего прилежания – к языкам, ибо они – ключ к знаниям»²². В связи с этим нужно сказать, что Мише Волконскому вообще повезло с учителями, но особенно с Сабиньским, учившим детей французскому и немецкому языкам, латыни и французской литературе.

В 1846 г. Михаил Волконский поступил в Иркутскую мужскую классическую гимназию. Об этом событии Ю. Сабиньский 20 сентября сделал запись в дневнике: «Сын Волконских сдал уже экзамены по всем предметам и по каждому получил положительные оценки, позволяющие ему поступить в пятый класс <...>. Оба родителя невыразимо рады, что с момента поступления в публичную школу он уже будет иметь перед собой открытое поле для получения общественных прав и привилегий, которых судьба отца его лишила»²³. Известно, что курс классической гимназии включал в себя семь классов обучения, из которых три первых были общими и четыре последующих – специальными. Миша был принят сразу в пятый класс, следовательно, сдал экзамены экстерном за четыре класса обучения.

В 1849 г. Михаил Волконский окончил гимназию с отличием. «Был у меня сын Волконских, – писал в дневнике 31 июля Ю. Сабиньский, – чтобы попрощаться. Недавно закончив учебу в гимназии, он хочет воспользоваться свободой, чтобы съездить за Байкал в разные места. Там он пробудет с месяц, а после возвращения его примут в канцелярию Муравьева»²⁴. Мечта С.Г. Волконского о поступлении сына в университет не осуществилась, и вряд ли это было связано с нежеланием княгини Волконской выпустить его из-под своего крыла. Только благодаря вступившему в должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву и влиятельным родственникам из России «Миша получил разрешение вступить на службу при генерал-губернаторе»²⁵. По свидетельству Б.В. Струве²⁶, тогдашний шеф жандармов и главноуправляющий 3-м Отделением собственной Его Величества канцелярии граф А.Ф. Орлов, двоюродный дядя Михаила по материнской линии, просил Н.Н. Муравьева «обратить особое внимание на этого молодого человека, чтобы занять его деятельною службою под ближайшим надзором»²⁷. Юноша был «произведен в коллежские регистраторы»²⁸ в ноябре 1849 г. Таким образом, получив первый чин, Михаил Волконский перестал именоваться в официальных бумагах сыном государственного преступника. Что касается отношения самого молодого Волконского к университетскому образованию, то следует, на наш взгляд, привести цитату из его письма родителям из Петербурга от 2 марта 1856 г.: «Вчера князь Меншиков²⁹ выразил желание увидеть меня. <...> Утром я пошел к нему. Он принял меня в своем кабинете, предложил мне сесть и задержал меня на полчаса, попросив рассказать о Сибири. Он встретил меня словами: «Я хотел с вами познакомиться, потому что я был другом и товарищем по службе вашего отца, я очень

рад вас видеть, не имея возможности увидеть его самого». <...> Он спросил меня, где я воспитывался, и был очень удивлен, что я получил образование в Иркутской гимназии и дома, на что он мне сказал, что не поверил бы, если бы не знал вас, Мама и Папа, что вы сами со мной занимались. Этот вопрос мне часто задают многие люди, и результатом моего ответа всегда является удивление, что очень льстит мне. Но это меня совершенно не утешает, и сейчас, более чем когда-либо, я ощущаю, что мне много не хватает в моем образовании нескольких лет обучения в университете»³⁰.

Вступив в гражданскую службу, Михаил следовал правилу, которое было определено данным ему воспитанием: служить с усердием на благо Отечества. Крестный отец Михаила, декабрист И.И. Пущин в одном из писем напутствовал его: «Поздравляю тебя чиновником, желаю тебе в этом звании быть по возможности полезным. Надобно непременно, чтоб ты нашел такое занятие, которое бы и тебя занимало, иначе это будет машинальная работа и нисколько не подвинет тебя в этом деле. Я думаю, лучше всего было бы служить по судебному отделению. Тут есть пища и уму и сердцу, будешь привыкать к порядку судопроизводства»³¹. Михаил Сергеевич с первых дней службы стремился зарекомендовать себя деятельным, ответственным, политически благонадежным чиновником, чтобы оправдать доверие и расположение, оказанные ему Н.Н. Муравьевым. Среди этих устремлений не было места рассуждениям об усовершенствовании мира, чего так боялся в молодом племяннике А.Н. Раевский и в письмах к дяде Михаил спешил его заверить: «У меня такое отвращение от всего этого, в особенности же от политики, что я никаких политических книг никогда и в руки не беру <...>»³².

Боязнь княгини Волконской, что ее сын может воспринять хоть малую толику убеждений отца и его друзей, привела к тому, что взрослевший Миша был практически огражден от «этого круга». Об этом очень эмоционально и с горечью писала Нелли жене брата Елизавете Волконской в 1875 г.: «<...> мама, как только папа, бывало, касался серьезных вопросов с своими товарищами, заставляла их молчать при Мише, находя, что все это ему рано слушать и проч. А я именно считаю это как пробел в воспитании брата, ибо дурного он ничего бы не получил, а, напротив, от серьезных разговоров приобрел бы, вдумываясь в вопросы жизни, много хорошего, и где бы ему лучшего было не послушать, как тогда! <...> Но маму я не виню, она слишком была несчастна и поставлена обстоятельствами так, что всего боялась, даже мысли!»³³.

Мария Николаевна очень любила своих детей и имела на них огромное влияние: все ее стремления по устройству их жизни были восприняты безоговорочно и воплощены в жизнь. Известно, что в начале 1850 г. в семье Волконских назрел конфликт из-за намерения Марии Николаевны выдать замуж дочь Елену за чиновника Д.В. Молчанова, приближенного к Н.Н. Муравьеву. Сергей Григорьевич был категорически против этого брака, однако среди прочих аргументов Марии Николаевны было и выгодное для службы Михаила сближение с его непосредственным начальником Д.В. Молчановым. В разыгравшемся семейном конфликте Михаил, конечно, принял сторону матери. Сохранились его письма Софье Николаевне и Александру Николае-

вичу Раевским, где молодой человек описывает «страдания матушки» из-за того, что «папа – против»³⁴. В одном из этих писем (1850 г.) Михаил подчеркивает возможность получать корреспонденцию через обычную почту: «Дорогая тетя, пришлите мне ваш адрес – я имею право писать вам через обычную почту, потому что я на службе. Благодаря Богу, я вне этого круга, меня не любят за это. Но я обожаю матушку больше всего на свете: я рожден для жизни спокойной и трудолюбивой – я хочу окружить дни ее старости тишиной и счастьем»³⁵. Скорее всего, это нарочитое стремление продемонстрировать свою независимость объяснялось молодостью Михаила (ему было 18 лет) и желанием успокоить прежде всего родственников Марии Николаевны. Никто из семьи Волконских не мог тогда даже предположить, каким страданием будут наполнены пять из семи лет замужества любимой всеми Неллиньки и каким тяжким грузом чувство вины ляжет на плечи Марии Николаевны. В том же письме к Лизе Волконской сорокалетняя Нелли, многое пережившая, перестрадавшая, безмерно любившая мать, опровергая мнение брата, что в юном возрасте необходимо слепо верить старшим, писала: «Вот и мое первое замужество – не вера ли на слово? Не химера ли родителей с их страстною любовью к детям уметь оградить с своею опытностью и с своим умом счастье дочери??»³⁶.

Время вступления Михаила Волконского в службу совпало с особыми обстоятельствами и изменениями в структуре Главного управления Восточной Сибири. Примерно в одно время Н.Н. Муравьевым были приняты на службу молодые, деятельные люди: Н.Д. Свербеев, В.И. Якушкин, А.И. Бибиков, Д.В. Молчанов, Б.К. Кукель и др. Из всех этих лиц «Муравьев составил ту школу служебных деятелей, в которой воспитывал для себя будущих сотрудников. По свидетельству современников, этот новый состав служащих внес в сибирскую жизнь какое-то особенное веяние, до тех пор сибирякам неизвестное»³⁷.

Старания и трудолюбие Михаила были не напрасны: 1 июня 1850 г. он назначен на должность помощника столоначальника V Отделения ГУВСа, а в конце этого же года «за усердное исполнение обязанностей по службе» удостоен особой благодарности от генерал-губернатора Восточной Сибири³⁸.

Большая часть 1851 г. прошла для М.С. Волконского в русле спокойной, размеренной службы: генерал-губернатор находился в это время в Петербурге. Судя по письмам Михаила к сестре Елене, датированным весной 1851 г., он вел образ жизни, подобающий молодому чиновнику: текущие служебные дела, общение с чиновниками своего круга, посещение Благородного собрания, театра, гуляний, свадеб³⁹.

Известно, что летом 1851 г. Михаил Сергеевич сопровождал Марию Николаевну в поездке в Красноярск для встречи Елены и Дмитрия Молчановых, возвращавшихся из России. Они останавливались в семье А.И. и В.Л. Давыдовых, о чем Василий Львович писал дочерям⁴⁰.

С возвращением генерал-губернатора в Иркутск в службе М.С. Волконского происходят заметные перемены. 3 сентября 1851 г. Н.Н. Муравьев, взяв с собой Михаила для занятий путевой канцелярией, выезжает в Забайкальский край для обозрения станиц, планируемых войти в Забайкальское

казачье войско. «Целью Муравьева было лично убедиться в деятельности Забайкальского областного управления, только что учрежденного, в осмотре вновь сформированных казачьих войск, в проверке действий местной администрации на золотых промыслах, Каре и Шахтаме, а главным образом он желал на месте сообразить средства для задуманной экспедиции на Амуре. Во время этого объезда бывшим горнозаводским крестьянам объявили освобождение их от тяжелого крепостного положения»⁴¹. Таким образом, М.С. Волконский впервые увидел край и познакомился с устройством дел на местах, где ему предстояло трудиться в ближайшие годы. Эта командировка продлилась месяц, и уже 1 октября Волконский вернулся в Иркутск.

21 декабря Михаил «по распоряжению кяхтинского градоначальника и с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири был командирован за китайскую границу к ургинским правителям с листом, посланным из Министерства иностранных дел в Пекинский трибунал внешних сношений»⁴². Чтобы понять важность и ответственность возложенной на молодого чиновника задачи, достаточно обратиться к «Заметкам на пути из Кяхты в Ургу», написанным В.В. Гауптом в 1850 г.⁴³ Будучи чиновником по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, в августе 1850 г. он выполнял такое же поручение, как и М.С. Волконский. По возвращении Василий Васильевич составил секретную записку для Н.Н. Муравьева по поводу общественно-политической ситуации в Монголии⁴⁴. Очевидно, что и перед Волконским стояла подобная секретная задача. Необходимо учитывать сложную политическую обстановку в самом Китае, где постепенно разгоралось тайпинское восстание⁴⁵, и доносящиеся до Николая I слухи о потере китайским императором престола. Так как противники проводимой Н.Н. Муравьевым политики в отношении русско-китайской границы использовали эти слухи в своих целях, для генерал-губернатора крайне необходимы были достоверные сведения от доверенных лиц из самого Китая, которые он мог бы сообщать императору. Михаил провел на территории Китайской империи две недели и возвратился в Иркутск 15 января 1852 г.

30 января на М.С. Волконского, помимо исполнения должности помощника столоначальника, возлагается делопроизводство Попечительства детских приютов. Все документы о попечении детей-сирот проходят отныне через его руки.

Молодой Михаил Волконский завоевывает доверие Н.Н. Муравьева деловыми качествами, несмотря на совсем юный возраст. Об этом свидетельствует и послужной список: 6 февраля того же 1852 г. ему «объявлена благодарность за ревностную службу и точное исполнение поручений, возлагающихся на него в 1851 г.». А 1 апреля за отличие по службе он получил чин губернского секретаря⁴⁶.

Судя по активной переписке Михаила Волконского с родителями и сестрой, он был в это время нечастым гостем в родительском доме. Из иркутской жизни Михаила Сергеевича известно, что в апреле 1852 г. он был шафером невесты на свадьбе Анны Михайловны Кюхельбекер и Викентия Карловича Миштовта в Иркутске⁴⁷. О том же свидетельствует и метрическая книга Спасо-Преображенской церкви⁴⁸.

Летом 1852 г. Н.Н. Муравьев отправился в Забайкальскую область для ее обозрения, и вновь его сопровождал М.С. Волконский⁴⁹. О предстоящей поездке Михаила Сергеевича «с Николаем Николаевичем за Байкал на все лето» мы узнаем из письма И.И. Пущина. Иван Иванович радуется успехам крестника по службе: «Желаю тебе полного успеха в твоих занятиях и, главное, чтобы не изменяло тебе твое здоровье»⁵⁰. Генерал-губернатор на обратном пути оставил молодого чиновника в Большом Нерчинском заводе. Как предполагает Н.Ф. Караш, Волконский был оставлен в Заводе именно из-за болезни, хоть и под предлогом участия в следственной комиссии над Нерчинским горным правлением. На наш взгляд, это не более чем стечение обстоятельств – перво-степенной для Н.Н. Муравьева всегда была служба, и Михаил был оставлен в Заводе для выполнения поручения генерал-губернатора.

Ревизия Нерчинского горного округа проходила с конца 1840-х гг., а комиссия, членом которой был назначен Михаил Волконский, работала с 1850 по 1854 г. Были вскрыты беспорядки и казнокрадство. В работе комиссии принял участие чиновник ГУВСа Б.В. Струве, так охарактеризовавший ситуацию в округе в своих воспоминаниях: «Трудно даже представить, какое там было царство злоупотреблений и лжи»⁵¹. Лицами, причастными к злоупотреблениям, считались около шестидесяти человек: от высших чиновников горного ведомства до писцов. Их повышение в чинах было приостановлено в связи с пребыванием под следствием.

Ревизией было установлено завышение цен на поставки провианта. Годовая потребность Нерчинских заводов в провианте составляла порядка 250 тыс. пудов, в самом округе могли заготовить до 195 тыс. пудов хлеба, остальное количество покупали в Верхнеудинске. Горный начальник Родственный был отправлен в отставку еще в январе 1850 г. «с мундиром и пенсией»⁵². Находясь под следствием, он самовольно уехал в Иркутск, чем избавил себя от преследований. Управление заводами полковника И.Н. Ковригина, исполнявшего должность горного начальника в 1850 г., было кратковременно, он тоже оказался замешан в злоупотреблениях. В июле вместо него исполнять должность горного начальника Нерчинских заводов стал подполковник И.Е. Разгильдеев⁵³.

Михаил Волконский был назначен членом комиссии 17 июня 1852 г. и поступил в распоряжение полковника П.А. Соллогуба⁵⁴. Его пребывание в комиссии было недолгим – уже 2 августа П.А. Соллогуб сообщает военному губернатору Забайкальской области П.И. Запольскому об отсутствии «надобности в губернском секретаре Волконском» и его увольнении из членов комиссии⁵⁵. 6 сентября он был отчислен⁵⁶. Но покинуть Завод ему удалось не раньше 10 сентября.

Зачем же генерал-губернатору Восточной Сибири понадобилось вообще назначать Волконского в члены этой комиссии? Возможно, для того, чтобы иметь в ней своего доверенного человека, а возможно, и для того, чтобы молодой чиновник набрался опыта. В самом же формулярном списке мы встречаем определенную формулировку: «для усиления состава ее»⁵⁷, что в полной мере определяет место Волконского среди чиновников Главного управления Восточной Сибири.

В данной публикации приводятся дневник М.С. Волконского и шесть его писем к матери, написанных на французском языке из Большого Нерчинского завода. Мария Николаевна в этот период отдыхала вместе с сестрой С.Н. Раевской на водах в Дарасуне в Забайкалье. Софья Николаевна приехала в Сибирь навестить Волконских в августе 1851 г. вместе с возвращавшимися из Петербурга Молчановыми. Прожив год в Сибири и сопроводив Марию Николаевну в поездке на воды, Софья Раевская покинула Иркутск в августе 1852 г., о чем мы узнаем из писем Михаила. Он не успел вернуться из служебной поездки, чтобы лично попрощаться с тетей.

Дневник, или, как точнее выразился сам автор, «Начало дневника» имеет небольшие хронологические рамки: 23 июня – 16 июля 1852 г. Он хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук в фонде № 57. Вместе с автографом Михаила Сергеевича хранится и рукописная копия, сделанная, скорее всего, в процессе работы над архивом Волконских Б.Л. Модзалевским. Дневник небольшой (18 листов), обрывающийся практически на полуслове. В нем приведено несколько эпизодов, связанных с работой комиссии, ревизовавшей завод, даны характеристики местных и иркутских чиновников.

Строки дневника представляют читателю молодого чиновника Михаила Волконского с небольшим, но ценным личным опытом ведения дел. Обязанности члена ревизионной комиссии предполагали если не враждебное, то очень настороженное отношение к нему местного чиновничества. В такой ситуации совершенно понятным становится появление этого дневника – друга, которому можно высказать все переживания прошедшего дня. Ко всем внешним неблагоприятным факторам примешивается еще и физическое недомогание, с констатации которого и начинается дневник: «Да! Я болен, и болен серьезно!..» Всеми этими обстоятельствами, на наш взгляд, обусловлен эмоциональный тон первых записей дневника: обилие эпитетов, восклицательных знаков, цитат. С первых страниц мы узнаем о безграничном уважении, преданности и любви Михаила Волконского к своему начальнику Н.Н. Муравьеву, о сыновней привязанности и любви к матери.

Страницам дневника поверяет Михаил мысли о письме к нему отца, о том, что оно помогло ему успокоиться и трезво оценить свое состояние и дальнейшие действия. С благодарностью и теплотой отзывается сын на заботы, советы, новости, анекдоты в письме отца: «Добрый, уважаемый! <...> Ты заботишься даже о том, чтоб мне было весело!»⁵⁸. Примечательно в этом контексте письмо Сергея Григорьевича к Марии Николаевне от 7 июля того же 1852 г.⁵⁹ В нем Волконский рассказывает о доверительной частой переписке с сыном, советует жене, «если позволит здоровье», направиться к «Большому заводу», имея в виду место пребывания Михаила, чтобы порадовать его визитом обожаемой матери. Однако же сведений об этой поездке нет. Отцовская забота, любовь и гордость за сына видны в следующих строках: «Я плохо сумею рассказать тебе о Мишеле, так как я целиком и полностью им очарован: его заботой о тебе, его суждениями, его привязанностью к тете, его доверием, искренностью, непринужденностью по отношению ко мне, теплотой души, преданностью генералу»⁶⁰.

Михаил же в дневнике пишет: «Забота отца о взрослом сыне гораздо реже встречается, чем советы, и я тем более ценю их».

Несмотря на молодость автора, уже первые записи в дневнике говорят о высоком уровне его образованности и начитанности: Михаил легко вплетает в записи личного характера цитаты, латинские выражения, проводит аналогии между переживаниями литературных героев и своим душевным состоянием, очевиден и его литературный вкус. Заметим, что и для переписки Михаила характерны незаурядный эпистолярный стиль, отличный, живой язык, точность и выразительность, непринужденность и искренность. Рассказанные Михаилом в письмах к сестре истории вызывали ее бурный восторг, радостный смех или слезы умиления. Сергей Григорьевич сдержанно и в то же время с гордостью хвалил сына: «Твое письмо к Нелли от 3-го ген[варя] с описанием нерчинского бала рассмешит их, как это было с нами, просто статья уморительная в журнал. Славно владеешь и рассказом, и пером»⁶¹.

Не менее интересны пронизательность и наблюдательность М.С. Волконского, которые он демонстрирует в описании чиновников горного ведомства, коллег по комиссии, польских ссыльных.

Последняя запись в дневнике датирована 16 июля. Автор и сам не может объяснить, чем обусловлен более чем двухнедельный перерыв в ведении дневника. Вспоминая «что само на ум придет», он приводит на его страницах содержание своего письма к Н.Н. Муравьеву. Речь в нем шла о некоем рабочем Сташевском и о продаже им золота, которое оказалось медью. Обстоятельства и ход упомянутого дела стали нам известны благодаря документам из хранящегося в нашем музее архива его внука М.П. Волконского. Интерес к истории семьи, декабристам и подготовка к публикации писем прадеда, Сергея Волконского, свели Михаила Петровича со многими известными сибирскими историками, краеведами и потомками декабристов. В его архиве сохранились письма Ф.А. Кудрявцева, С.Ф. Коваля, Е.Д. Петряева и В.Г. Изгачева. Виктор Григорьевич Изгачев, кандидат исторических наук, педагог, краевед, возглавлял Читинский областной краеведческий музей в 1938–1940 гг., преподавал в Читинском педагогическом институте. Одна из главных тем его исследований – история Нерчинских сереброплавильных заводов и горнозаводских крестьян. Именно поэтому за информацией о событиях, местом действия которых являлись Забайкалье и горные заводы, М.П. Волконский обратился именно к Изгачеву. Очевидно, что сведения, предоставленные историком, не были использованы Волконским в публикации писем декабриста, но для нас они стали ценным источником знания о служебной биографии его деда, Михаила Сергеевича. В.Г. Изгачев прислал М.П. Волконскому переписанные от руки листы дела Нерчинского горного правления о продаже служителем Дмитрием Прокопьевым золота каторжному Сташевскому, начатого 4 октября 1852 г. и оконченного 21 мая 1854 г. (ГАЧО (ныне ГАЗК). Ф. 31. Кн. 2525–224. Л. 994–1092). Эти материалы использованы для примечаний и комментария дневника.

Михаил Волконский часто обращается к дневнику только в первые дни пребывания в Большом Нерчинском заводе, позже интерес автора к дневниковым записям теряется. Очевидно, что, занятый делами комиссии, он не

имеет времени на переписку с родными. Сведениями о делах, встречах, размышлениями, описаниями, характеристиками наполнены уже не страницы дневника, а письма Михаила к матери. Сопоставление содержания этих источников дает нам наиболее полную картину его пребывания в Заводе, хотя и не лишенную субъективности.

Дневник изобилует авторской правкой, причем касающейся в основном словесных конструкций, описаний событий, характеристик персонажей. Похоже, что автор старался как можно точнее выразить мысль и вел записи в дневнике не только для себя, но и надеялся на будущего читателя. Дневник публикуется в последней авторской редакции в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, но с сохранением некоторых особенностей написания. Пропущенные или недописанные автором слова, как и даты, восстановлены и заключены в квадратные скобки.

Письма переведены научными сотрудниками Иркутского музея декабристов Л.Г. Потаповой и О.А. Акулич. Курсивом выделены слова, написанные на русском языке, сохранено авторское подчеркивание.

Все листы писем имеют в правом верхнем углу плохо читаемое тиснение, увенчанное короной. Вероятнее всего, это оттиск личной печати С.Н. Раевской, о чем мы узнаем из содержания одного из писем. Раевская была фрейлиной императрицы Александры Федоровны и могла иметь подобную печать.

Письма публикуются в хронологическом порядке.

Литература и источники

¹ *Попова О.И.* История жизни М.Н. Волконской // Звенья: сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Кн. 3–4. Л., 1934. С. 112.

² *Барсуков И.П.* Граф Н.Н. Муравьев-Амурский: материалы для биографии. М., 1891. Кн. 1–2.

³ Архив декабриста С.Г. Волконского / под ред. кн. С.М. Волконского и Б.Л. Модзалевского. Т. 1. До Сибири. Пг., 1918.

⁴ *Волконский С.М.* О декабристах (По семейным воспоминаниям). Пб., 1922. С. 11.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Подробнее об архиве Волконских см.: *Зейфман Н.В.* Источники по истории государственной политики в области образования в 1880-х годах и материалы по истории декабризма (Архив М.С. Волконского) // Записки ОР ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 9.

⁷ *Попова О.И.* История жизни М.Н. Волконской. С. 21–128.

⁸ *Зейфман Н.В.* Источники по истории государственной политики в области образования... С. 5–36.

⁹ *Матханова Е.И.* М.С. Волконский – публикатор семейного архива // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1988. Вып. 5. С. 73–88.

¹⁰ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников / авт.-сост. Н.П. Матханова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1998. (История Сибири. Первоисточники; вып. 8). С. 83.

¹¹ *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; *Она же.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

¹² *Караи Н.Ф.* Князь Сергей Волконский: История жизни декабриста. Иркутск, 2006.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Храмова Л.В. Адьютант графа Амурского // «И честь, и память на века»: Сборник материалов научно-практических конференций «Дум высокое стремление» – 2005 и «Наследие декабристов: современный взгляд» – 2010. Чита, 2014. С. 105–112.

¹⁵ Маланова А.В. Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения амурского вопроса (1848–1861 гг.) // Вестник ИрГТУ. Иркутск, 2014. № 4 (87). С. 269–274.

¹⁶ Записки княгини М.Н. Волконской / вступ. ст. и прим. Б.Г. Кокошко. Красноярск, 1975. С. 100.

¹⁷ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Вып. 24. С. 370.

¹⁸ Лукин М.С. Сочинения, письма, документы / изд. подгот. И.А. Желваковой, Н.Я. Эйдельманом / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988. С. 182–183.

¹⁹ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 377.

²⁰ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник: В 2 т. Иркутск, 2015. Т. 2. С. 127.

²¹ Волконский М.П. Письма декабриста С.Г. Волконского. С. 372.

²² Лукин М.С. Сочинения, письма, документы. С. 181.

²³ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Т. 2. С. 416.

²⁴ Там же. С. 663.

²⁵ Пуцун И.И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1. Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. М., 1999. С. 408.

²⁶ Струве Бернгард Васильевич (1827–1889), после окончания Царскосельского лицея в 1847 г. отправился на службу в Восточную Сибирь, где прослужил восемь лет в разных должностях: чиновника по особым поручениям при ген.-губернаторе Н.Н. Муравьеве, председателя Якутского областного и Иркутского губернского правления.

²⁷ Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. С. 60.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 2 об.

²⁹ Менишиков Александр Сергеевич (1787–1869), ген.-адьютант, адмирал, морской министр Российской империи в 1836–1855 гг.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 182. Л. 70–71.

³¹ Пуцун И.И. Сочинения и письма: В 2 т. Т. 2. Письма 1850–1859 гг. М., 2001. С. 24.

³² Попова О.И. История жизни М.Н. Волконской. С. 115.

³³ ГА РФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1061. Л. 25 об.–26.

³⁴ Попова О.И. История жизни М.Н. Волконской. С. 98.

³⁵ Там же. С. 112.

³⁶ ГА РФ. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 1061. Л. 26.

³⁷ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... Кн. 1. С. 239.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 2 об.–3 об.

³⁹ Там же. Оп. 9. № 26. Л. 1–8 об.

⁴⁰ Давыдов В.Л. Сочинения, письма / изд. подгот. Т.С. Комаровой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2004. С. 379.

⁴¹ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... Кн. 1. С. 290.

⁴² ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 4 об.

⁴³ Гаупт В.В. Заметки на пути из Кяхты в Ургу в 1850 г. // Записки Сибирского отдела ИРГО. СПб., 1858. Кн. 5. С. 1–100.

⁴⁴ Маланова А.В. Окружение Н.Н. Муравьева в годы решения амурского вопроса (1848–1861 гг.). С. 273.

⁴⁵ Восстание тайпинов (1850–1864) – крестьянская война в Китае против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов, явившаяся крупнейшим вооруженным конфликтом XIX столетия.

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 6 об.

⁴⁷ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2. Письма. Дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987. С. 207.

⁴⁸ ГАИО. Ф. 266. Оп. 1. Д. 7. Л. 172 об.–173.

⁴⁹ Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский... Кн. 1. С. 310.

⁵⁰ Пуцун И.И. Сочинения и письма. Т. 2. С. 46.

⁵¹Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века... С. 151.

⁵²ГАЗК. Ф. 210. Оп. 3. Д. 473. Формулярный список А.Ф. Родственного.

⁵³Ведерников В.В. К вопросу о характере производственных взаимоотношений между Кольвано-Воскресенскими (Алтайскими) и Нерчинскими заводами в 1746–1850 гг. // Изв. Алтайского гос. ун-та. Барнаул, 2009. № 4/4 (64). С. 40–48.

⁵⁴ГАЗК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2297. Л. 107.

⁵⁵Там же. Л. 150.

⁵⁶ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 3. № 16. Л. 7 об.

⁵⁷Там же.

⁵⁸Караи Н.Ф. Князь Сергей Волконский. С. 273–274.

⁵⁹Добрынина Е.А. Письма декабриста С.Г. Волконского // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2011. Вып. 1. С. 151–153.

⁶⁰Там же. С. 152.

⁶¹ИРЛИ. Ф. 57. Оп. 1. № 29. Л. 96.

Начало дневника моего в 1852 году

№ 1

Нерчинский Большой Завод¹
23-го июня 1852 г.

Да! Я болен, и болен серьезно! Долго я в этом сомневался, долго наблюдал за собой и долго не хотел верить, когда мне о том объяснили. Но теперь я поневоле убедился – мне хуже. Я остаюсь здесь. Надолго ли? Не знаю: вся надежда на Бога!

Вчера вечером расстался с моим Генералом². Как тяжка для меня эта разлука, как грустно мне было с ним прощаться, и в такую минуту, когда я мог быть ему полезным; до сих пор я так мало имел к тому случаев! Что мудреного в том, что я так к нему привязался? Кто его сколько-нибудь знает, кто даже хоть раз его видел и слышал, тот не может не уважать, не чтить его. У него есть враги (да у кого нет их, тем более у него – поборника правды и справедливости), но и те внутренне сознают всю доброту, все величие этой чистой, прекрасной души; разве тот только будет думать противное, у кого совесть давно молчит, давно замерла под грубой корой тяжких проступков, которую не в состоянии пробить даже его благодеяния! Как не уважать такого человека, не благоговеть пред ним! Невольно вспомнишь слова того, с кем судьба сталкивала его в горах Кавказа.

«Его не любить невозможно!»³.

Жаль только, что не к нему отнес поэт слова эти.

Тем более тяготит меня эта разлука, что с ней соединяются его милость, его снисходительность ко мне, ничем еще [не] заслуженные, кроме моей преданности. Но преданность к такому человеку – долг, а не заслуга; да и что ему в ней, если я не могу доказать ее, не могу быть ему полезным? Будем уповать на будущее. Авось оплатим ему за все! «Не грустите, – сказал он мне, садясь в экипаж и протягивая мне руку. – Я не забуду вас». Не из плаксивых я, а, признаюсь, едва удержал две крупные слезы, готовые уже

брызнуть из глаз моих. Я сделал над собой усилие и проглотил их. Когда лошади тронулись, я вернулся в свою квартиру; мне было душно, я отворил окно и видел при свете луны, как два экипажа, спустившись в долину, медленно поднимались по ней на гору. Постепенно умолкая, колокольчик своим бряцанием волновал воздух, и его мерные, редкие звуки доходили до меня, отдаваясь в моем сердце грустью и холодом; мне стало тяжело, тяжело; мне казалось, что также слабы и редки будут для меня здесь радости, как его заунывные звуки. Я невольно задумался: я оставался один, один совершенно, без родных, без друзей, с небольшим числом знакомых, из которых каждый льстит мне наружно, а в то же время внутренне готовы живого проглотить меня! Потом мысль моя перенеслась туда, где я всегда так счастлив, так покоен, где осталось все милое, все дорогое мне; мне казалось, что я с ними, что я снова с моей Маменькой, вижу своего батюшку, окружен семьей, друзьями... Все их образы носились предо мной, то вместе, то один за другим, то отдаваясь, то приближаясь; порой они жалели меня, порой успокаивали, тужили со мной; наконец, начали делаться все более и более неясными, удаляясь и друг за другом постепенно исчезая; последний исчез образ Матери, она перекрестила меня, улыбнулась мне... и я более ничего не мог различить; все было так несвязно и, казалось, так далеко, далеко от меня... я забылся...

Долго ли я был в забвении – не знаю; только я вдруг услышал новый звук колокольчика и почувствовал, как меня обдало холодом. Я вскочил и осмотрелся: окно было открыто по-прежнему, а легкий утренний ветерок прошел чрез него в мою комнату; яркое солнце, едва поднявшееся с горизонта и бросая длинную тень от предметов, заменило месяц, столь неприятный для меня в ту ночь; картина изменилась, тарантасов уже не было; павшая ночью роса смочила слегка дорогу, загладила даже следы их колеи и весело отражала и переливала из цвета в цвет алые лучи солнца. По той же дороге, но с противной стороны во весь дух мчалась тройка, быстро приближалась к моей квартире; в маленькой тележке стоя ехал рослый казак, собираясь еще на скаку из нее выскочить, – то был курьер. Я оживился; с мыслью о Маменьке я забылся, с нею же и очнулся; я бросился в дверь и ухватился за пакеты, надеясь твердо получить о ней вести. Но я был лишен и этой отрады, и этого наслаждения: писем от нее не было! Пересев на другую тележку, курьер ускакал. А я печальный вернулся в мою лачужку. Счастливый! Я ему завидую... Невольно открыл не разрезанный еще № Современника⁴, только что привезенный мне, невольно глаза мои упали на эти строки: «Вы не знаете, что такое моя мать; вы не знаете, до чего она меня любит, до чего доходит ее привязанность ко мне! Она живет и дышит не для себя*. Ее нежность, ее внимание, ее заботливость, ее беспокойство обо мне нельзя передать... нет таких слов, какими бы это выразить. Она отдала мне всю жизнь свою, она живет во мне, мною, для нее другой жизни нет»⁵.

Аналогия этих слов Кати⁶ с тем, что я внутренне говорил тогда, это настроение ее духа, согласное с настроением моих мыслей, ее дочерних чувств с моими – сыновними... сильно потрясли меня; я не помнил себя, я готов был

* На полях слева написано: «Панаев. «Львы в провинции»».

плакать, рыдать... Но воля свое взяла, я поспешно закрыл книгу и заставил себя думать о другом, взглянуть наконец на самого себя и на свое новое положение, взглянуть хладнокровно, серьезно и, как говорят французы, *sege-signer*⁷. Давно бы пора! Как я еще молод, однако, и как худо умею владеть собой.

Целый день перебирался на новую квартиру по совету доктора, который говорит, что в прежней сыро. Я доволен, по крайней мере буду один; никто не будет меня тревожить, не будет мешать моим занятиям. Ведь я буду занят, и даже очень! Трудна же будет для меня сначала новая работа⁸; надо приглядеться да пообдумать дело, а потом уже заняться как следует. Чтобы не сесть сразу на мель; ну, прежде чем загляну в них – дела до завтра! Посмотрю вокруг себя: я в своей новой комнате; она довольно просторна, без всяких украшений, выбелена; вдоль стен диванчик, несколько стульев, выкрашенных красной краской; между окнами стоит мой письменный столик, на котором я сижу и пишу. В одном углу шкаф времен Мономаховых (ибо похож на его шапку) с чужой посудой, в другом – моя походная железная кровать, над которой повешено двуствольное ружье работы Лёпажа⁹, торба и кинжал; возле кровати разостлана медвежья шкура – воспоминанье ургинской поездки¹⁰; на окне – неоткупоренный картуз Жукова табаку¹¹, купленный *dosamicos*¹² на всякий случай, – вот и все. Но все это чисто и в порядке, а потому я доволен окружающим меня. Пока мне больше ничего не надо.

Домашние хлопоты меня развлекли так, что к вечеру я стал покойнее; много тому помогло письмо батюшки. Добрый, уважаемый! Ты не забываешь меня, ты не только даешь мне издали благие, здравые советы, но даже хочешь развлечь меня, рассказываешь городские анекдоты, происшествия. Благодарю тебя! Ты заботишься даже о том, чтоб мне было весело! Заботы отца о взрослом уже сыне гораздо реже встречаются, чем советы, и я тем более ценю их.

24 июня

Все еще не могу привыкнуть к своему положению, все что-то странно, дико, куда ни взглянешь! Не могу еще взяться за работу.

Лечение началось.

Писал письма к Маменьке и к Папеньке.

Мне скучно. Я в каком-то апатичном состоянии – не могу даже говорить с самим собой, перо из рук валится! Пора спать, а спать не хочется. Попробую читать, но развлекусь ли?..

25 июня

Не всегда хорошо в такие минуты и чтение. Большею частью это зависит от статьи, на которую нападешь. Если на хорошо написанный роман или дельное историческое произведение, то оно может занять тебя своим интересом, живостью изложения; заставит тебя со вниманием вникать во

все подробности, прилежно следить за ходом происшествий, наблюдать, как постепенно одно событие порождает другое, другое – третье, как таким образом развивается целый ряд событий, и ты нетерпеливо ждешь конца, который должен соединить их в одно целое, объяснить тебе многое, чего ты бы не разгадал без него, – и ты увлечен. Если это дельная критика или философское сочинение, ты следишь за мыслью автора, за постепенным ее развитием, различными ее фазисами, или соглашаешься с ним, или, напротив, внутренне оспариваешь ее, сравниваешь со своим собственным взглядом, и ты увлечен снова. Увлекаешься еще более математическими, астрономическими, химическими и другими выводами, если они представляют что-нибудь интересное, старое или какое-нибудь новое открытие и, главное, понятно выражены. Здесь, сосредоточив раз свое внимание, ты не можешь уже ни на минуту оторвать его от предмета, иначе погибли все твои вычисления, перемешались все доказательства. Да во всех отраслях как наука, так и искусство, если только они обличены в ясные и изящные формы, могут разве только в самые тяжелые минуты для человека не занять, не развлечь его.

Но что если в минуту тоски он откроет книгу и, как я, например, вчера, набредет на повесть какого-нибудь Петрова или Михайлова, который будет нещадно тянуть его за душу длиннотой и вялостью своих рассказов! Или, еще хуже, на скверный перевод дурного романа Сю¹³, например, хоть «Мисс Мери» и тому подоб[ное], или, перевернув далее две страницы, на сельское счетоводство Перепреображенского¹⁴, где ничего нет, кроме навозу, или вслед за тем на какое-нибудь описание и истолкование подводного телеграфа, которое утянет его, бедного, за собой на дно морское да и оставит отыскивать нить телеграфа там, где не поможет и самая нить Ариадны!

Нет, уже избавь меня, отечественная литература, от подобных обращиков! Я взялся за тебя, как за целебное средство, а ты вздумала отравлять меня, когда мне и без того невмочь пришлось!

Поневоле бросил я книгу в сторону и снова погрузился в мечты, которые едва дали мне несколько минут беспокойного сна в продолжение всей ночи. И оттого я сегодня устал и не мог заниматься; однако же попробовал вникнуть в сущность дел самой Комиссии. Боже мой! Что это за хаос, и когда он примет ожидаемые формы. Вот еще средство плутовать: запутать дела так, чтобы и концов с концами свести нельзя было! Хитро, но *finis coronat opus*¹⁵, любезные горные!

Сегодня день именин нашего президента Комиссии, Проспера С.¹⁶; я угощал его в новом своем хозяйстве. Не понимаю, как могли обидеть такого человека, который, на мои глаза, не в силах задеть и мухи?

26 июня

Великий день для заводских жителей, по крайней мере, в настоящем году! С неделю тому назад прибыли на границу китайцы или, вернее, монголы, числом около ста человек и раскинулись шалашами и юртами на пра-

вом берегу живописной Аргуни¹⁷, против станицы Алача¹⁸. Они приезжают ежедневно для менового торга с русскими казаками, почти единственными пограничными жителями, и нерчинско-заводскими купцами. Обыкновенно местное казачье начальство избирает день для угощения их. По необыкновенному движению на улицах, по множеству дорожных экипажей, беспрестанно ездивших мимо моей квартиры, я узнал, что день этот сегодня. И на самом деле, когда в 10 часов утра я вышел и направился к Комиссии, то увидел, что Завод опустел совершенно; что Завод! опустел, даже и Комиссия, так что я должен был просидеть в ней целый день, исправляя при делах должность Цербера при вратах мифологического ада. Перебирал дела и старался ознакомиться с ними, но успел сойтись с одними лишь заголовками – так их много.

Говорил с писарем Комиссии: умная бестия, как говорит Вася Перушкин¹⁹, должен быть художник, как здесь выражаются.

«Странно! За что меня наказали, – сказал мне когда-то один ссыльнокаторжный, – художества за мной никакого нет, морали также не имеется. Дивлюсь!» Дивлюсь и я, мой любезный, да не тому, что тебя наказали, а тому, что так дико выражается.

Вечером я зашел к моему доктору Бопре²⁰ – славному во всем Забайкальском крае. Не могу судить о нем как о враче, но не могу не бросить на него беглого взгляда как на человека. Довольно и этого взгляда, чтобы судить о нем, чтобы видеть, сколько души, сколько воли, сколько ума в этом человеке! Все это отражается в черных как смоль, спокойных, как море в тихую погоду, глазах. Когда он смотрит на вас и о вас думает, вы видите, как он любит человека, как старается находить в нем одно лишь хорошее. Заговорит ли он о науке? Вам ясно, как глубоко он постиг ее, постиг не одной начитанностью, а собственными наблюдениями, приложением ее к жизни действительной, как много участвовал в том его ум – зрелый, самобытный. Придется ли вам выслушать историю его бедствий, страданий, ссылки? – вы с благоговением будете внимать ему, так возвысится он в глазах ваших над этими ничтожными земными терзаниями! И как он горд, как велик в своем изгнании, как он понял свое призвание, постиг настоящее положение!

Резкий контраст представляет он в том с товарищем своим Эренбергом²¹, братьями Валецкими²², Вендой²³ и еще с двумя или тремя ссыльными, имена которых мне неизвестны и которых я у него застал.

Я с ними почти вовсе не знаком; встретив их у него во второй или в третий раз, и судить о них не могу. Но мне странным показалось, что они так грустны, так подавлены горем, хотя давно пьют наполненную им чашу и могли бы с ней свыкнуться. Чуждались ли они меня как новоприбывшего, не зная, как держать тебя со мной? Как с сыном ли изгнанника, которому судьба доставляла уже случай несколько сродниться стой участью, на которую их обрекли? Или как на чиновника, холодно взирающего на них со стороны закона? Не знаю, но в том и другом случае им недостает сознания своего положения, недостает того, что так хорошо выражается словом dignite!²⁴ Я видел, что мое присутствие их тяготит, и потому скоро ушел.

27 июня

Был у меня Зверев²⁵ и просидел целый день. Я очень приятно провел время: люблю говорить с умным человеком, а Зверев очень не глуп, начитан и в холостой беседе приятен, несмотря на все односторонности взглядов, чересчур резкие суждения и слишком быстрые приговоры, всего чаще падающие на ближних, ни на угловатость форм, в которые он облакает свои мысли и с которыми соединяется такая же угловатость манер и обращения, крепко напоминающих внешность Собакевича²⁶, «не ладно скроенного, да крепко сшитого». Несмотря на все эти недостатки или, вернее, странности, доказывающие односторонность образования в духовных заведениях и отчуждение от общества, он производит на вас приятное впечатление постоянным стремлением своим к идее добра и справедливости, которую он, конечно, развил на свой лад. Много мы толковали с ним, переходя от одного предмета на другой без всякой системы; но главным сюжетом разговора была администрация Сибири, особенно Забайкалья. Вот несколько фактов, оставшихся у меня в памяти, некоторые из них услышал я от него тут же, другие знал ранее и сообщил ему.

До водворения Ковригина²⁷ Нерчинский край управлялся триумvirатом, состоявшим из Родственного²⁸, Флюхрата²⁹ и Стяжкова. Во всех трех есть одна общая черта, тесно соединившая и заставившая действовать совокупно, – есть плутовство, но плутовство утонченное, более скрытое от глаз правосудия, зато и более вредное для народа.

О Стяжкове, бывшем бухгалтере Горного правления, я знаю только, что он мошенник, что и видно из дел Комиссии, по которым мы его вытребуем из Барнаула. С остальными же знаком лично, оба одинаково умны, но Родственный хитрее; оба любят ползать, но Родственный ползает ниже и больше, ползает даже пред равными, а иногда и пред низшими, которым «мягко стелет, да жестко спат»», как говорит пословица; он заискивает, старается влезть вам в душу, заползти в сердце да ужалить вас хорошенько и продать за два гроша. Флюхрат же только заботится о том, как бы заслужить ваше расположение, он на каждом шагу кадит вам, льстит до приторности, начнет с вашей внешности, расхвалит и перышки, и голосок, а у самого и рот открыт, чтобы поймать вместо кусочка сыру ваше расположение и под прикрытием его пойти отнимать у других сыр, на этот раз в действительности. Конечно, из всех трех виноватее Родственный, как потому, что, бывши начальником, имел более возможности плутовать и вредить народу, так и потому, что лучше их умел это делать. И какие средства не употреблял он на то, да, например, хоть бы это расположение: разослал по всем подведомственным ему местам и лицам циркулярные предписания исполнять только письменные его приказы, а за исполнение словесных угрожая строго взыскивать!!! Да кто же посмеет не слушаться слов своего начальника? И чего не делали триумвиры с бедной землей и бедными простолюдинами!

Но были и исключения в обращении Алексея Федоровича, случалось, что он изменял обычную свою мягкость на постоянно грубый тон и повелитель-

ность, не терпящих возражений. Так, например, назначен был ему в помощники подполковник Ковригин, пользовавшийся репутацией человека умного и весьма сведущего по своей части. Они были в постоянной между собой вражде. Ковригин долго упорствовал, но наконец покорился Родственному и стал без возражений ему повиноваться. Вот анекдот, который служит тому доказательством.

Однажды Родственному доложили в общем присутствии членов Правления, что количество хлеба, заготовленного для арестантов, значительно уменьшается, почему он и обратился к Ковригину с приказанием отпускать в команду вместо 2 пудов хлеба по пуду муки и по пуду овса, на что тот, видимо недовольный, возразил: «уж не лучше ли будет, Алексей Федорович, отпускать в таком случае по пуду овса и по пуду сена?», за что и был постыдно выгнан из присутствия, а овес все-таки стал отпускаться!

Для меня непостижимо, как такой человек, как Ковригин, мог слепо повиноваться ему и выносить подобное обращение; известно, что он ни разу не жаловался официально на своего начальника, хотя имел в руках обвинительные факты. Но не один начальник, а весь триумвират висел над ним грозной тучей и ворочал его во все стороны. Но, зная, хорошо было ему под этим покровом, он не жаловался гласно, а продолжал себе наполнять карманчики, слагая всю вину управления на них и машинально подписывая их постановления, а когда триумвират исчез и пришлось ему самому прибрать управление к рукам, то он ни на волос не изменил прежнего порядка. А совершенно стал действовать в их же духе, по той же программе, но уж один, без сообщников.

Нельзя себе представить, как он был запуган! Это доказывается его теперешним положением. Его пугнули, и он снова, как прежде, потерял все способности мышления, он повинуется приказаниям, но не хочет оправдываться, а сдаться и не думает. Сидит себе с своей медвежьей физиономией в берлоге, заупрямился, ни шагу вперед и только пугает прохожих глазами и голосом. Вовсе он не понимает своего положения.

И что за земские управители были при Родственном: Макаров! Аринкин! Головенкин!³⁰

Есть здесь еще два лица, обращающие на себя внимание только густыми эполетами, – это помощник начальника Габриель³¹ и управляющий Заводской конторой Фитингоф³². Оба подполковники и оба глупы до замечательности. Габриель не имеет собственного мнения, оно переменяется, как флюгер с ветром, а Фитингоф и не хочет его иметь – ему все равно, чтобы вокруг него и даже всей конторы ни делалось, лишь бы его не тревожили. Оба они сами по себе, большого вреда не делали бы, но при всем их окружающем увлеклись общим примером, но Фитингоф менее, за него воруют его подчиненные, он это видит и по беспечности спускает им все; дела же не знает вовсе. Габриель отличается необыкновенной учтивостью и даже унижением пред всем, что его выше или кто может быть ему полезен, а следовательно, и вредным. Он всегда согласен с вашим мнением, никогда не решится возражать вам, старается говорить всем одно лишь приятное, и все это с такой уч-

тивостью, с таким раболепием! Когда он говорит с вами, приторная улыбка не сходит с его уст, ни одного слова не сорвется с его языка без прибавления слога *с*; а если *б* последнее и случилось, то он готов в том тотчас же пред вами извиниться. Этот человек родился и живет без собственного характера и без собственного мнения. Вот пустое обстоятельство, подтверждающее мои слова.

В проезд Генерала чрез Завод пришел к нему с жалобой один из отставных здешних чиновников Перебоев³³. Я просил его объяснить мне, в чем дело; оно заключалось в том, что будто бы горный начальник теснит его сына, державшего дважды экзамен на первый классный чин, и не представляет его: «Вот и господину подполковнику хорошо известно это обстоятельство», – присовокупил Перебоев, указывая на стоявшего возле Габриеля. Я обратился к нему. Тот сначала несколько сконфузился этим неожиданным воззванием, но вспомнил, что начальник не в милости, приятно улыбнулся, пришаркнул ногой и начал: «Действительно-с, Иван Никифорович³⁴, не правы-с; этот молодой человек-с вполне-с»... Он не мог кончить – Генерал позвал его в кабинет. Я потребовал к себе дело и, рассмотрев его, увидел, что Перебоев дважды держал экзамен и не получил надлежащих баллов, почему и объявил в просьбе отца его по приказанию Генерала отказ. Габриель тотчас же узнал об отказе и, встретившись со мной в тот же день, первый заговорил о нем. «Я услышал-с, – сладко пел он над моим ухом, – что Перебоеву-с отказик-с. Совершенно справедливо-с. Я еще давеча-с вам докладывал-с: он мальчик препустой-с; представьте себе, в тамошнем году был переэкзаменован-с и еще хуже отвечал-с, чем в прошлом-с». – А мне помнится, что вы вовсе не то говорили сегодня утром, – возразил я. – Он немного замялся, но вскоре отвечал: «Сами согласитесь-с, как же отзываться так-с при отце об его сыне-с, ведь родительскому сердцу-с будет больно-с!» Не мое дело было отвечать ему, и я смолчал. Какое же может быть с такими людьми правосудие, и как можно положиться на их слова?

Еще один аргумент на то, как он осторожно отзывается о всем, что касается людей, к которым он чувствует невольное уважение. Однажды я застал его с бумагой в руке; оказалось, что она была писана Успенским³⁵. Вещь известная, что едва ли можно где-нибудь найти почерк неправильнее, уродливее и нечетче почерка Успенского; он даже сам весьма редко разбирал свою руку. Когда я вошел, то заметил, что Габриель смотрит на бумагу с недовольным видом, насупив брови; увидев меня, он тотчас разгладил свои морщины, раздвинул губы, что придало его физиономии весьма приятное выражение; он так их и оставил до конца разговора. «Странное дело-с, – говорил он, – какой красивый, прекрасный почерк-с у Петра Николаевича, а читать трудно-с; оно и очень красиво писано-с, можно сказать, каллиграфически-с, а не совсем четко-с. Но я нарочно упражняюсь в чтении его бумаг: так они хорошо и умно писаны-с», – и затем начал проводить параллель между чудным почерком Петра Николаевича и его необыкновенным умом, способностями и проч.

Говорят, что он ревнив, но я уверен, что не всегда; жена у него прехорошенькая, и, если б вздумалось кому-нибудь из его гонителей за ней прихлопнуться, мне что-то говорит, что он тогда бы отправил свою ревность далеко-далеко. Не могу удержаться от сарказма, но что же делать, если, на мои глаза, это почти возможно: если кому-нибудь удалось, как говорит Зверев, познать его жену в библейском смысле и при нем же, то едва ли он не стал бы приговаривать, обращаясь к своему гонителю: «Ах, как вы мило это делаете-с!»

Что же еще сказать о бедном Фитингофе? Кажется, больше нечего, как только то, что он подчас любит горькою усладить жизнь свою.

Интересную вещь я узнал сегодня: на почту запрещается принимать от здешних жителей прошения. Мера неглупая. Надо будет взяться за это серьезно.

Хорошие вещи дельвались и в Иркутске. Сейчас мне рассказывали анекдот: заседатель Скрябин³⁶, узнав, что в одной деревне его участка производится незаконная продажа вина, запретил ее и вошел с рапортом к генерал-губернатору Руперту³⁷, который, призвав его к себе лично, возвратил ему рапорт и велел снять запрещение; а от Недошивина³⁸, управлявшего тогда откупом, он в тот же день услышал следующие слова: «Если, сударь, вы осмелитесь еще раз выкинуть такую штуку, то не найдете себе места в Восточной Сибири: за это я отвечаю».

28 июня...

29 июня. Воскресенье.

Общее оживление: мимо меня ходят, ездят, гуляют. А я сижу себе в комнате и скучаю: погода немного сыра после дождя, который шел ночью, и мне запрещено выходить.

Интересная происходит в эту минуту пред моими глазами сцена: мои окна выходят прямо против крыльца моего vis-à-vis пономаря. Дело в том, что он недавно справил вечерню, а теперь сидит на ступеньках крыльца и против всякого желания отдает земле только что выпитое вино; славная картина в фламандском вкусе! Что ж продолжай, любезный, ведь до обедни еще далеко.

Жаль, что тебя здесь нет, Федя³⁹, а то ты, верно бы, затянул:

Настоичка травная,
Настоичка тройная,
На зелене налитая,
Упоительная, упоительная.

.....

Нет, брат, все это омерзительно!

12 часов ночи. Сейчас кончил помещенную в № V Совр[еменника] статью Густава Планша о Гизо⁴⁰ и вполне остался ею доволен, несмотря на автора-оратора, и теперь смотрю его глазами.

16 июля

Как давно я не принимался за перо! И отчего это?.. Не по болезни и не из-за множества занятий и даже не из-за развлечений? Нет. Да почему же? И сам не знаю. Так себе, по какому-то странному состоянию духа, которое не сумею и объяснить, что называется, душа была не на месте; не доставало мне того спокойствия, которое так необходимо человеку в уединении; наконец, я чувствовал, что был эти дни очень желчен и не хотел передавать бумаге свои мысли при этом настроении, боясь впоследствии не узнать их и от них отказаться.

Однако ж пробежим вкратце двухнедельное прошедшее. Соблюсти хронологический в нем порядок мне трудно, а потому вспомню, что само на ум придет. Вот, например, письмо, которое я писал доброму своему Начальнику 8-го июля:

Ваше Высокопревосходительство,
Мил[остивый] государь Николай Никол[аевич]

Уезжая из Большого Нерчинского Завода, Ваше В[ысокопревосходительст]во были столь милостивы, что позволили мне в случае надобности писать к вам. До сих пор я не решался воспользоваться снисхождением Вашим, но ныне долг службы заставляет меня почтительнейше изложить пред Вами дело, которое выходит из круга занятий, мне здесь назначенных, но в котором я принужден был совершенно случайно принять участие.

Сущность этого дела та, что мне предъявлено б[ыло] золото, оказавшееся впоследствии медью, и, таким образом, из дела важного вышло самое пустое. Случилось же это следующим образом.

В конце минувшего месяца пришел ко мне однажды уволенный от работы ссыльнокаторжный Сташевский⁴¹, предлагая купить у него несколько камней. Зная, что В[аше] В[ысокопревосходительст]во не преследует простолоудинов за продажу камней, ими добываемых, и желая приобрести несколько кусков для печатей, я воспользовался этим случаем и поручил Ст[ашевскому] принести мне что он найдет⁴².

Примечания

¹ Большой Нерчинский Завод, ныне Нерчинский Завод, село, административный центр Нерчинско-Заводского района (с 1926 г.), расположено в 658 км к юго-востоку от Читы. Завод был закрыт в 1853 г.

² Муравьев (Амурский) Николай Николаевич (1809–1881), граф, ген.-губернатор Восточной Сибири в 1847–1861 гг. В Сибири Муравьева называли генералом.

³ Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «К портрету». Н.Н. Муравьев служил на Кавказе в одно время с М.Ю. Лермонтовым.

⁴ «Современник», российский журнал, выходивший в 1836–1866 гг. Речь идет о 33-м (5-м) томе, присланном М.С. Волконскому отцом.

⁵ «Львы в провинции», роман И.И. Панаева, вышедший отдельной книгой в 1852 г. В пятом номере «Современника», упоминаемом в тексте, были опубликованы окончание второй части и третья часть этого романа.

⁶ Катерина Павловна, главная героиня романа И.И. Панаева «Львы в провинции».

⁷ смириться (франц.).

⁸ Речь идет об участии в Комиссии горного округа.

⁹ Охотничье ружье фабрики Хуберта Лепаж (Lepage), г. Льеж (Бельгия). Русские охотники ценили лепажки за изящество, красивую, порой роскошную гравировку и хороший бой. В конце XIX в. эти ружья были широко распространены в России.

¹⁰ Урга, поселение на территории Китайской империи, современное название Улан-Батор (столица Монголии). Поездку М.С. Волконский совершил в качестве курьера 21 дек. 1851–15 янв. 1852 г.

¹¹ Одним из самых известных фабрикантов табака в России первой трети XIX в. был Василий Жуков. Именно табак Жукова упоминали в мемуарах. Крепкий трубочный табак низкого сорта.

¹² для друзей (*лат.*).

¹³ М.С. Волконский имеет в виду роман французского писателя Эжена Сю «Мисс Мери, Или Гувернантка», опубликованный в 1852 г. три раза в переводах.

¹⁴ Речь идет о сочинении известного агронома П.М. Преображенского, вышедшем в Москве в 1852 г.

¹⁵ конец венчает дело (*лат.*).

¹⁶ *Проспер Антонович Соллогуб*, полковник, командир 1-й пешей бригады Забайкальского казачьего войска.

¹⁷ Аргунь, пограничная река между Российской и Китайской империями.

¹⁸ Станица Олочинская, расположенная на правом берегу р. Аргуни, в 22 км от Нерчинского Завода.

¹⁹ Неустановленное лицо.

²⁰ *Бопре Юзеф Антони* (1800–1872), польский политический ссыльный, в февр. 1839 г. приговорен к смертной казни, после церемонии «гражданской смерти» наказание заменено на 20 лет каторги. Отбывал наказание в Большом Нерчинском Заводе. Практикующий врач.

²¹ *Эренберг Густав* (1818–1895), польский политический ссыльный, в 1838 г. был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Отбывал наказание в Нерчинских заводах, с 1845 г. неофициально находился в Нерчинском Заводе, где занимался литературной деятельностью, преподавал детям местных чиновников.

²² *Братья Валецкие: Антоний Базиллий* (1815–1897), польский политический ссыльный, приговорен в 1839 г. к пяти годам каторги на рудниках, а затем на поселение в Сибири; *Винценты Зигмунт* (1818–1887), польский политический ссыльный, в 1848 г. приговорен к службе в Сибирском корпусе; *Юзеф* (?), польский политический ссыльный.

²³ *Венда Алоизы* (1809–1891), польский политический ссыльный, в 1848 г. приговорен к 18 годам каторги. Наказание отбывал в Петровском Заводе, а затем в Нерчинских заводах и Дучаре.

²⁴ достоинство (*франц.*).

²⁵ *Зверев Иван Павлович*, коллежский секретарь, чиновник по особым поручениям при военном губернаторе Забайкальской области.

²⁶ Персонаж Н.В. Гоголя из романа «Мертвые души».

²⁷ *Ковригин Иван Никифорович* (1800–?), горный начальник Нерчинских заводов. Начал службу маркшейдерским учеником в Нерчинских заводах, учился, осваивал дело и со временем стал управляющим Кутомарским и Екатерининским заводами в Нерчинском округе.

²⁸ *Родственный Алексей Федорович* (1796–?), по окончании Горного кадетского корпуса определен в Колывано-Воскресенские горные заводы на Салаирский рудник. С 1833 г. управляющий Сузунским заводом и Монетным двором, в 1840–1850 гг. горный начальник Нерчинских заводов. С 1850 г. числился в отставке по болезни, в 1853–1857 гг. горный ревизор частных золотых промыслов Иркутской губернии.

²⁹ *Флюграт Фридрих Вильгельмович* (?–?), в 1850 г. коллежский асессор, младший бухгалтер Счетного отделения Департамента горных и соляных дел.

³⁰ *Макаров Семен Михайлович* (1792–?), в 1820–1840 гг. служил земским управителем при управлении приписными к Нерчинским заводам крестьянами, гиттенфервалтер (горный чин) 10-го класса, в 1850 г. – исполняющий должность советника Нерчинского горного правления. *Аринкин Петр Григорьевич*, коллежский секретарь, заседатель Нерчинского земского суда. *Головенкин* – неустановленное лицо.

³¹ *Габриель Александр Иванович* (1806–?), окончил Горный институт в Петербурге в 1824 г. Служил на Алтае. В 1848 г. переведен на Нерчинские заводы, управляющий Шилкинским заводом (1850), подполковник, помощник горного начальника Нерчинских заводов. С 1865 г. – горный ревизор Семипалатинской области, с 1868 г. снова на алтайских заводах.

³² *Фитингоф Николай Христианович* (1806–?), в 1827 г. окончил горный институт в Петербурге. В 1835 г. – поручик Корпуса горных инженеров, в 1840 г. – управляющий Нерчинской горной конторой, подполковник, управляющий казенными золотыми промыслами.

³³ *Перебоев Платон Леонтьевич*, в 1835–1840 гг. – управляющий полицией в Нерчинском Заводе, губернский секретарь.

³⁴ И.Н. Ковригин.

³⁵ *Успенский Петр Николаевич* (1810–?), действ. ст. сов., председатель Иркутского губернского правления, советник и начальник третьего отделения ГУВС, управляющий питейно-акцизным сбором Восточной Сибири, управляющий первым отделением ГУВС.

³⁶ *Скрябин Александр Николаевич*, заседатель Иркутского земского суда.

³⁷ *Руперт Вильгельм Яковлевич* (1787–1849), в 1837–1847 гг. – ген.-губернатор Восточной Сибири.

³⁸ Неустановленное лицо.

³⁹ Беклемишев Федор Андреевич (1829–1899), выпускник Лицея (1850), с 1851 по 1861 г. на службе в Восточной Сибири, в 1862 г. – саратовский, в 1864–1869 гг. – харьковский вице-губернатор.

⁴⁰ *Жан Батист Гюстав Плани* (1808–1857), французский литературный и художественный критик. *Гизо Франсуа Пьер Гийом* (1787–1874), французский историк, критик, политический и государственный деятель. Речь идет о статье в журнале «Современник» (1852, № 5. С. 57–86).

⁴¹ *Сташевский Александр Федорович* (1775–?), польский мещанин, поручик Каргопольского драгунского полка. В 1827 г. осужден в Варшаве «военной комиссией за составление подложных документов на разные знаки отличия и ношение оных и другие преступления и по утвержденной императором сентенции лишен чинов и приобретенного с оным дворянского достоинства и приговорен к ссылке в каторжную работу. В Нерчинские заводы прибыл в 1828 г. Уволен от работ в 1848. Веры римско-католической. Женат, но детей не имел. Жил в Нерчинском Заводе в собственном доме. «Пропитывался» своими трудами» (Фонды ИОИММД. Архив М.П. Волконского. № 397/36. Л. 18).

⁴² В ГАЗК находится «Дело Нерчинского горного правления о продаже служителем Дмитрием Прокопьевым золота каторжному Сташевскому». 1852–1854. Первый протокол от 30 июня 1852 г. был составлен губернским секретарем М.С. Волконским. В протоколе было записано, что «отставной ссыльнокаторжный Александр Сташевский объявил губернскому секретарю Волконскому, что он знает человека, у которого есть похищенное золото в количестве и что это золото он хотел бы продать надежному человеку.

Сташевский явился в первый раз к чиновнику Волконскому в (Нерчинском) Заводе в проезд чрез оный г. генерал-губернатора Восточной Сибири и принес с собою небольшой тяжеловес, за которой ему дано было 2 рубля серебром. Впоследствии Сташевский неоднократно являлся к <...> Волконскому, предлагая камни, которые, впрочем, не приносил, а обещал только найти. <...> Волконский, имея надобность в двух камнях для печати, поручал Сташевскому найти два раухтопазовые или шерловые (шерл – разновидность турмалина) или другой какой-либо породы камни, для чего давал ему, Сташевскому, деньги, которые последний всегда возвращал. Наконец, 30-го сего июня явился он, Сташевский, с объявлением о продаже каким-то человеком золота; при этом он принес три зеленых шерла и два халцедона¹ (Прим. 1. Камни, принесенные Сташевским 30-го июня, обозначены особыми номерами; камень же, принесенный им 14-го, употреблен уже на печать губернским секретарем Волконским и при надобности может быть представлен), за которые ему было заплачено 3 р. серебра. Но имени человека, который хочет продать золото, Сташевский не объявил.

<...> Волконский поручил Сташевскому привести этого человека к себе, который продает золото, имея в виду, что этот случай может повести к важным открытиям и что на похищение

золота из заводов обращено со стороны начальства строгое внимание. Если же человек, объявивший Сташевскому о золоте, не согласится прийти с ним к <...> Волконскому, то <...> Волконский просил Сташевского употребить все меры к тому, чтобы взять хотя часть этого золота и принести оно к нему. Затем, принимая в соображение, что в случае действительного открытия Сташевским и представления золота нужно будет начать действие на основании следственного порядка тотчас, к какому действию <...> Волконский не считает себя вправе приступить, и имея в виду, что по делу о похищении металла находится в Нерчинском заводе особый чиновник, именно коллежский секретарь Зверев, <...> Волконский полагает обо всем <...> сообщить г. Звереву с тем, что если он находит себя вправе приступить к настоящему предмету к исследованию, то принял бы это на себя; в противном же случае донести о всем <...> г. генерал-губернатору Восточной Сибири).

30 июня 1852 г. Зверев, приглашенный Михаилом Волконским в его квартиру, имел с ним совещание. Решено «склонять и убеждать всячески Сташевского к тому, чтобы он постарался представить знакомого им человека, о котором говорил, и ведение следствия предоставил Волконскому, чтобы вмешательство «третьего лица» не могло возбудить подозрений Сташевского и повредить делу. Но обо всех дальнейших открытиях по этому делу Волконский должен сообщать Звереву, чтобы он в любое время мог его продолжить. Зверев объявил, [что] в случае надобности берет на себя дальнейшее производство следствия (Фонды ИОИММД. Архив М.П. Волконского. № 397/36. Л. 13–14).

Губернский секретарь Волконский положил представленные ему Сташевским 30-го числа камни обозначить №№ следующим образом: № 1-й зеленый шерл; № 2-й тоже, № 3-й тоже, № 4-й халцедон, № 5-й тоже халцедон. 30-го июня 1852 года.

Утром 1-го июля Сташевский снова явился к Волконскому, не захотел назвать человека, о котором он говорил, и потребовал денег вперед за золото, т. к. без денег тот человек не отдает золото и не соглашается прийти к Волконскому для переговоров. Волконский возразил, что всех денег ему отдать нельзя, он может обмануть, а задаток дать можно, пусть он сначала даст хотя четверть фунта золота. С тем Сташевский и ушел, обещал переговорить с своим знакомым и прийти на следующий день с ответом. Из-за недоверия Сташевскому было решено дать ему только часть денег, например 10 или 12 р. сер. Деньги эти предварительно перенумеровать и заметить. Относительно поимки Сташевского и его соучастника поступать следующим образом: когда явится Сташевский в квартиру Волконского, тот незаметно пошлет своего человека за Зверевым.

2-го июля 1852 г. в 11 ч. утра Сташевский опять явился к Волконскому и, не назвав своего соучастника, потребовал денег, после чего он принесет золото. Притом Сташевский сказал, что для отклонения от себя подозрений он готов, с своей стороны, дать в состав задатка 10 рублей сер. с тем, если эти деньги будут ему после возвращены. Цену за золото Сташевский назначил по 2 руб. сер. за золотник. Волконский дал ему 10 рублей и сказал, что этих 10 рублей с десятью рублями Сташевского будет достаточно для задатка на четверть фунта золота. Волконским было отдано один 5-рублевый и пять 1-рублевых билета, их номера предварительно записаны (№№ указаны в протоколе). Сташевский ушел, обещав прийти на другой день рано утром.

3-го июля 1852 г. в 7 ч. утра Сташевский принес Волконскому золото в слитках, всего 8 кусков. Волконскому еще было представлено Сташевским малых два куса и один побольше третий, который он, Волконский, сам расколол, чтобы убедиться в «неподложности золота». При описании слитков в квартире Волконского присутствовали Зверев и инженер-подпоручик Лебедин, который был приглашен затем, чтобы с Волконским взвесить принесенное Сташевским золото и сделать из него высечки для пробы. Вслед за тем в квартиру Волконского был приглашен нерчинский заводской полицмейстер Резанов, с которым и отправился коллежский секретарь Зверев для производства обыска и спросов по указанию Сташевского.

В тот же день в Нерчинской главной лаборатории по приказанию инженера-подпоручика Лебедина в присутствии его и Волконского было взвешено золото, полученное от Сташевского, и оказалось 19 золотников 32 доли; из слитков было взято для пробы 56 долей. Остальное золото было отдано Волконскому, в чем он и расписался.

Камни, означенные в протоколе 3-го июля 1852 г., Волконский передал Звереву, а именно: три шерла и два халцедона.

Произведенный в тот же день обыск в квартире заводского служителя Дмитрия Васильевича Прокопьева не дал ничего, чтобы могло послужить к улике Прокопьевых согласно показаниям Сташевского, найденные у него деньги один 5-рублевый и три 1-рублевых билета имели не те номера, которые были означены в записи Волконского перед выдачей их Сташевскому.

Было предположено освободить из-под ареста Прокопьева и арестовать Сташевского. Но нерчинская горная полиция 5-го июля дала справку: «Александр Сташевский в последнее пред сим время вел себя хорошо».

Золото, данное Волконскому, оказалось фальшивым. Денег, которые дал он Сташевскому никто ему не возвратил. По делу было допрошено множество лиц. И наконец, в мае 1854 года дело по горному ведомству прекращено и сдано в архив. Вернуть деньги Волконскому оказалось невозможным потому, что у Сташевского наличных денег не было, также не было никакого имущества, кроме полуразвалившегося дома, который был назначен к продаже с торгов, но никто из покупателей на торги не явился, и не мог Сташевский заработать на частных приисках ввиду своей дряхлости (Фонды ИОИММД. Архив М.П. Волконского. № 397/36. Л. 14–15).

Дело, начинавшееся как перспективное расследование о краже золота с приисков Нерчинского горного округа, превратилось в дело о банальном мошенничестве. Возможно, именно это обстоятельство так расстроило М.С. Волконского, что он перестал вести дневник.

Н.А. Кирсанов

Декабрист Николай Панов

Николай Алексеевич Панов и его брат-близнец Дмитрий Алексеевич родились 19 ноября 1803 г. в Москве в семье секунд-майора Алексея Николаевича Панова. В Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) хранится копия свидетельства об их рождении: «<...> родились они здесь в Москве в приходе церкви Ржевской Пресвятой Богородицы, что в Пречистенском сороке, 1803 года ноября 19 дня<...>»¹.

Пановы получили традиционное для того времени домашнее образование. Их наставники – иностранцы Вельцин, Шрёк и Фабер – обучали братьев французскому, итальянскому и немецкому языкам; преподавали географию, историю, математику и французскую литературу. Николай, в отличие от Дмитрия, «старался наиболее усовершенствоваться» в истории и военных науках. «Для дополнения моих познаний, – показывал Н.А. Панов на следствии, – я брал уроки в истории и географии у г. Добровольского,

Н.А. Панов

математике и военным наукам у гг. Волкова и Карлгофа, французской литературе у г. Нотлера и, наконец, итальянского языка у г. Галли; во всех вышеозначенных науках я руководствовался по большей части рукописными тетрадами»².

После смерти отца в 1818 г. близнецы вступили в наследство. Мать, Елизавета Борисовна (урожд. Кошелева), скончалась ранее – 13 мая 1816 г., похоронена рядом с мужем в Успенской церкви села Никололужецкого Боровского уезда Калужской губернии. Второго октября 1826 г. боровский уездный предводитель дворянства на запрос об имущественном состоянии Пановых докладывал калужскому губернатору: «В Боровском уезде живет <...> отставной поручик Дмитрий Алексеевич Панов, служивший прежде в лейб-гвардии Подольском кирасирском полку. Положение его со стороны имения можно почесть довольно достаточно, ибо имеет оставшихся в общем владении с братом в губерниях Пензенской 324, Владимирской 367 и Калужской 170 душ. Всегдашнее жительство имеет в Москве и временно приезжает в боровское имение, где у него деревянный дом с хорошим господским заведением, прислуга порядочная из собственных людей, крестьяне состоят на пашне, хозяйственным образом обрабатываемой, и при таком распоряжении за собственным продовольствием поступает иногда некоторое количество хлеба в продажу»³.

Практически одновременно в 1820 г. братья поступили подпрапорщиками на военную службу: Дмитрий – в лейб-гвардии Подольский кирасирский полк, а Николай – в лейб-гвардии Гренадерский. Служба продвигалась успешно. 17 ноября 1821 г. Николай Панов был произведен в прапорщики; 18 февраля 1823 г. назначен батальонным адъютантом; 5 апреля 1823 г. произведен в подпоручики; 27 сентября 1824 г. – в поручики, а 15 августа 1825 г. переведен во фронт⁴.

В ноябре 1825 г. Н.А. Панов был принят П.Г. Каховским в Северное тайное общество. Из материалов следствия по делу декабристов известны вопросы, заданные Панову, и его письменные ответы:

«– С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей <...> ?

– Время начала свободным мыслям я не могу наверно назначить; основание же им я получил от чтения книг о революциях; <...> когда я узнал о существовании общества и сделавшись членом оною, тогда свободный образ мыслей во мне усилился.

– Когда и где именно приняты вы в тайное общество <...> ?

– Я был принят в тайное общество в моей квартире, состоящей в лейб-гренадерских казармах, господином Каховским около месяца до 14 декабря <...>.

– Что именно побудило вас вступить в оною?

– Не что иное, как желание принадлежать к оному, так как оно было <...> для блага общего»⁵.

В то время, как Николай Панов увлекся идеями свободомыслия, его брат Дмитрий, также имевший чин поручика, вышел в отставку, сочетался законным браком с девицей Софьей Александровной Савиной и благополучно

поселился с ней в калужском имении. Николаю же, имевшему в Москве невесту, было, судя по всему, не до женитьбы.

О настроениях Панова и его товарищей лейб-гренадеров накануне 14 декабря писал великому князю Михаилу Павловичу из Петропавловской крепости полковник А.М. Булатов: «6 декабря в день тезоименитства благоверного государя императора Николая Павловича лейб-гвардии Гренадерского полка офицер Панов приехал к нам накануне и просил брата и меня 6-го числа приехать к нему отобедать. Мы отправились, сели за стол, отобедали; после стола начались довольно вольные разговоры; я унимаю молодых людей и говорю им, что все то, что они говорят, – пустое; воображая, что они шалят, сказав им, что было время для исполнения их предприятий, но оно упущено – время семеновской истории. <...> В продолжение времени между некоторыми молодыми людьми разговоры были довольно вольные, как водится здесь между всею почти молодежью: не для чего более, как для выказки своего ума и мнений вольнодумства или свободы.

Я вызвал Панова на галерею и просил его, чтобы он унял своих товарищей, сказав ему, что разговор слишком волен и что здесь, может быть, есть такие люди, при которых совершенно ничего говорить нельзя, а молодежь врет вздор: так легко могут думать, что мы принадлежим к какой-нибудь партии, и можно пострадать совершенно даром, никак не думая, чтобы Панов был в заговоре, тем более что он имеет в Москве невесту и обручен с нею, которую, казалось, любил он очень <...>»⁶.

Весь ход событий в Петербурге 14 декабря 1825 г. расписан историками практически поминутно. Но об одном эпизоде я все-таки напомним. Николай Панов, которому удалось вывести лейб-гренадеров из казарм, повел их не на Сенатскую площадь, а по Миллионной улице к Зимнему дворцу. И не только подошел к дворцу, но и прорвался через караул в дворцовый двор. Он был на волосок от захвата дворца – последствия этого легко представить. Но там он столкнулся с саперами и не решился на схватку с ними. Лейб-гренадеры снова вышли на Дворцовую площадь, где их увидел подъезжавший в этот момент Николай I. Он так вспоминал об этом драматическом моменте: «Подъехав к ним, ничего не подозревая, я хотел остановить людей и выстроить, но на мое «Стой!» – отвечали мне: «Мы – за Константина!». Я указал им на Сенатскую площадь и сказал: «Когда так, то вот вам дорога». И вся сия толпа прошла мимо меня, сквозь все войска и присоединилась без препятствия к своим одинако заблужденным товарищам. К счастью, что сие было так, ибо иначе началось бы кровопролитие под окнами дворца, и участь бы наша была более чем сомнительна»⁷.

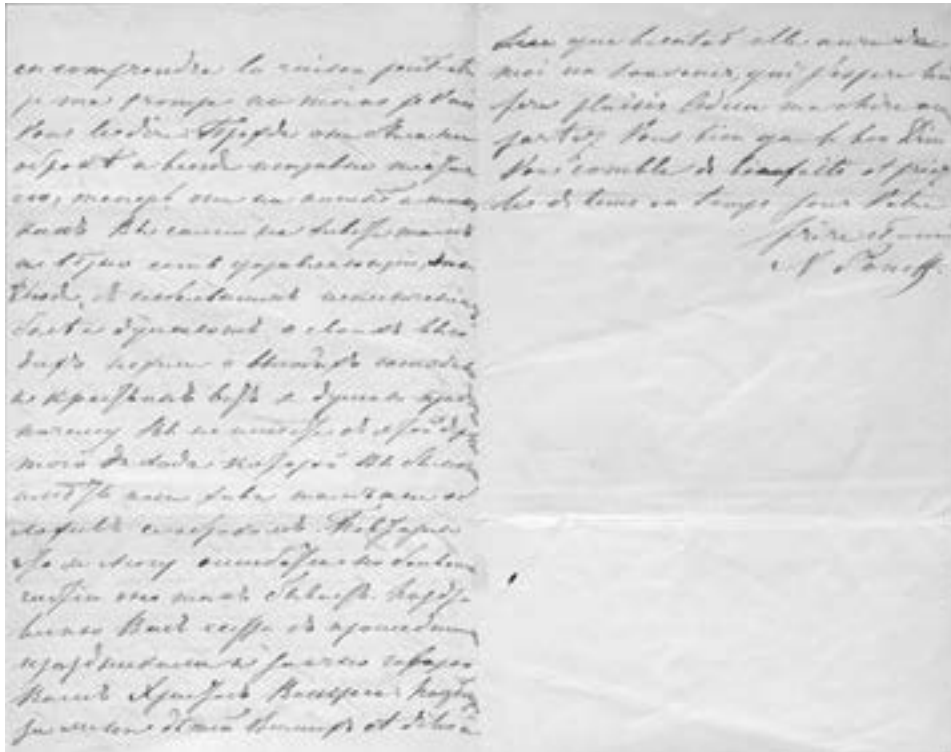
Захват Зимнего дворца и арест императорской фамилии принципиально изменили бы ситуацию в столице: это могло повлиять на настроения колеблющихся солдат и офицеров, захват «августейших» заложников сделал бы невозможным обстрел картечью восставших полков на Сенатской площади, сделал бы неизбежными конструктивные переговоры власти с мятежниками, дал бы возможность восставшим продержаться до темноты и т. д. Впоследствии Панова часто упрекали и современники, и позднейшие исследователи, что он, уже будучи во дворе дворца, не овладел им и не арестовал

императорскую фамилию. Однако, как считает историк Я.А. Гордин, «гвардейские саперы, тысяча солдат с высокой боевой выучкой, лично преданные Николаю, готовые насмерть сражаться за него, невыгодная для боя позиция лейб-гренадеров, в тыл которых готов был ударить караул дворца, заставили Н.А. Панова принять единственно верное в конкретной ситуации решение – покинуть дворцовый двор и присоединиться к своим сторонникам на Сенатской площади»⁸.

Когда восстание было подавлено, Панов поехал к двоюродному брату, тоже поручику, в дом полковника Булавина в Эртелев переулок (ныне ул. Чехова, 4). Переночевав там и узнав, что уже арестовано много солдат и офицеров, он явился в Петропавловскую крепость и «объявил себя арестантом»⁹.

На первом допросе у В.В. Левашова 15 декабря Панов держался твердо, на вопросы отвечал сдержанно, никого из товарищей не назвал, после чего был возвращен в крепость с предписанием: «присланного Панова как самого упрямого посадить тоже в Алексеевский рavelин и содержать наистрожайше»¹⁰.

Линию поведения Панов не изменил и в дальнейшем: на вопросы, кто из членов общества наиболее действовал в исполнении замыслов, кто и когда предполагал начать открытые действия, кто, где и когда имел совещания о возмущении 14 декабря, Панов выказал полную неосведомленность.

Автограф Н.А. Панова

Верховным уголовным судом Н.А. Панов был отнесен к I разряду и приговорен по конфирмации 10 июля 1826 г. в каторжную работу вечно, 22 августа того же года срок каторги сокращен до 20 лет. После перевода в начале августа 1826 г. в крепость Свартгольм находился там до самой отправки в Сибирь.

21 июня 1827 г. вместе с группой других осужденных Панов был отправлен в Читинский острог. В Западной Сибири в это время находился присланный из Петербурга с ревизией сенатор Б.А. Куракин¹¹, в его задачу входило также и наблюдение за поведением, нравственным состоянием и настроениями следующих к местам заключения «государственных преступников», о чем он и доносил регулярно шефу жандармов графу А.Х. Бенкендорфу. 9 июля 1827 г. в донесении, посланном из Тобольска, Куракин сообщал: «Что касается Панова, то что скажу я Вам о нем? Что мое удивление при виде сего молодого человека столь мало чувствительным к своей участи было велико? – Это правда. Но что слышать его говорящим то, что он говорил, превзошло меру разума, который даровала мне природа, – и это тоже правда! Дело шло о той цели, которую он и его сотоварищи поставили себе, т. е. просить у императора «конституцию с оружием в руках, чтобы положить», как он говорил, «границы власти монарха»; это он находит весьма простым и очень естественным; когда же подумаешь, что такие вещи проявляются после полutorых лет тюрьмы и перед перспективой каторжных работ, – я думаю, что можно без колебания сказать, что этот молодой человек еще не исправился и не раскаялся»¹².

О пребывании Н.А. Панова в Чите (25.08.1827 – сент. 1830) и Петровском Заводе (сент. 1830 – июль 1839) практически не сохранилось никаких сведений. Дочь декабриста И.А. Анненкова Ольга вспоминала: «Панов постоянно рассказывал мне басни и даже выписал для меня первое издание басен Крылова, которое теперь составляет библиографическую редкость. От него же я узнала первые сказки: Красную Шапочку, Спящую царевну и др.»¹³.

Жена декабриста А.П. Юшневского Мария Казимировна писала брату мужа 18 декабря 1836 г.: «У нас есть некто Николай Алексеевич Панов, который тебя в Москве видывал, и однажды ты у него был: не помню, куда-то вы с ним вместе ездили. Он небольшого роста, белокурый. Может, ты его вспомнишь. Ему только 36 лет теперь, а весь седой. Так странно видеть человека молодого лицом, а голова как у 75-летнего старика. Впрочем, у нас нет ни одного человека без седых волос. Как только увидел Панов сделанный карандашом портрет в моем альбоме, он сказал тотчас: “Это Семен Петрович Юш[невский], которого я в Москве видывал и знаю его, и как обрадовался, что ты наш брат”. Он очень любит и уважает твоего брата. Всегда тебе велит от него поклониться и спрашивает о твоём семействе каждый раз, когда знает, что мы имеем письмо от тебя»¹⁴.

Через некоторое время в письме от 12 июня 1837 г. М.К. Юшневская сообщала: «Панов был весьма доволен твоим письмом. Он так живо перенесся мысленно в давние времена, когда вам так было весело обоим в Москве <...>. Николай Алексеевич тебе кланяется и благодарит тебя за милые

строки, которые ты написал, а еще того более, что ты так хорошо вспомнил его»¹⁵.

В 1839 г. перед выходом Панова на поселение Николай Бестужев написал два его портрета, и он попросил для подарка брату Дмитрию тот, что искусствоведами сейчас признан лучшим¹⁶. Долгое время он хранился у потомков Дмитрия Алексеевича в Воронеже, но в настоящее время утрачен. Сохранилась только литография художника А.Т. Скино, сделанная в 1857 г. по просьбе Е.И. Якушкина, собиравшего материалы о товарищах по несчастью своего отца.

8 ноября 1832 г. срок каторги для осужденных по I разряду был сокращен до 15 лет, а указом от 14 декабря 1839 г. – до 13. Указом от 10 июля 1839 г. Н.А. Панов был отправлен на поселение в село Михалёво Жилкинской волости Иркутского округа. Рядом были поселены его друзья: бывший однополчанин А.Н. Сутгоф – в селе Введенщина, А.М. Муравьев и Ф.Б. Вольф – в Урике, семейство Трубецких – в Оёке. Попытки Панова заняться хозяйством были не очень удачными, и вскоре он, по-видимому, перестал уделять этому внимание.

Добродушный, снисходительный к окружающим, он везде был желанным гостем и нередко навещал друзей, порой подолгу задерживаясь у них. Сохранились воспоминания сибиряка Н.А. Белоголового о декабристах. О Панове мемуарист писал: «<...> я был очень застенчив и легко терялся с мало знакомыми мне людьми, а потому всякий наезд гостей, когда в зале накрывали к обеду большой стол, обращался для меня в немалую пытку. Особенно боялся я декабриста Панова, который довольно часто приезжал к обеду и любил потешаться надо мной. Это был небольшого роста плотный

Памятник на могиле Н.А. Панова

блондин, с большими выпуклыми глазами, с румянцем на щеках и с большими светло-русыми усами; за обедом он начинал стрелять в меня шариками хлеба и, должно быть любуясь моим конфузом, приставал ко мне с вопросами обыкновенно все в одном и том же роде: «А зачем у тебя мои зубы? когда ты у меня их стащил? давай же мне их тотчас же назад!» Следующие разы повторялись те же вопросы по поводу носа, глаза; я краснел до ушей, готов был провалиться под стул и был чрезвычайно рад, когда по окончании обеда мог удалиться в свою комнату»¹⁷.

Будучи в курсе дел иркутской колонии декабристов, Панов постоянно переписывался с братьями Бестужевыми, а после отъезда в Западную Сибирь А.М. Муравьева и Вольфа – и с ними, сообщая новости, но не опускаясь до сплетен, а с искренним участием и благожелательностью. Весной 1841 г., узнав об аресте М.С. Лунина, Панов присоединился к М.Н. Волконской, организовавшей проводы при отправке его в Акатуй.

Из всей переписки, которую вел на поселении Н.А. Панов, до нас дошло только одиннадцать писем, которые хранятся сейчас в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве. Одно письмо адресовано брату Дмитрию Алексеевичу и его жене Софье Александровне, остальные – Софье Александровне. Общий тон писем очень сдержанный; интересуясь жизнью родных, здоровьем маленьких племянников, подробностями домашних дел, Панов очень скупо рассказывает о себе, своих занятиях, ничего не сообщает о товарищах по поселению, не называет ничьих имен. Единственное исключение составляет письмо, где упоминается, и притом в весьма любопытном контексте, жена декабриста М.М. Нарышкина.

«Елизавета Петровна Нарышкина очень страдала расстройством нерв, и путешествие, которое она должна была сделать, почти совсем ее излечило», – не без горькой иронии писал Панов. В этом «путешествии», которое совершили жены декабристов от блестящих светских салонов до «мрачных пропастей земли», не оставалось, очевидно, места для «расстройства нерв».

28 июля 1843 г. Панов узнал о смерти брата – единственного близкого ему человека и единственной его поддержки. Дмитрий Алексеевич умер скоропостижно в своем московском доме 29 мая 1843 г. и похоронен на кладбище Спасо-Андроникова монастыря. Письмо Николая Панова, обращенное к невестке, более чем горестно: «Это известие меня поразило, как громом; в первую минуту я не чувствовал ни горя, ни тоски <...>, я не верил своим глазам, читал и не понимал, что читаю. Я все искал, нельзя ли перетолковать, не худо ли я понял; но, когда я прочел другой раз, тут только я постиг весь ужас моей потери, и горе, как камень, легло на сердце».

Софья Александровна, сообщая Панову о смерти мужа, заверила его в том, что она не прекратит оказывать ему помощь, на что в ответном письме Николай Алексеевич искренне благодарил невестку, не надеясь, однако, жить долго. Слово свое Софья Александровна сдержала и до конца поддерживала Панова, посылая ему деньги и вещи.

С лета 1843 г. в письмах Панова встречаются жалобы на сильные головные боли, общее недомогание. 25 мая 1844 г. ему было разрешено поехать на лечебные Туркинские воды; по возвращении он пишет невестке: «<...> воды,

как кажется, мне помогли, но не столько, сколько я ожидал от них; <...> в оправдание вод должно прибавить, что они моральных болезней, болезней души излечить не могут, а у меня, сколько я понимаю, это была главная причина. Вы ошибаетесь, думая, что болезнь меня сломала, нет, дорогой друг, я обладаю еще достаточной долей мужества для того, чтобы страдать <...>». Мужества ему понадобилось много: приступы принимали все более тяжелый характер и повторялись все чаще.

В одном из писем 1844 г., полученном Николаем Пановым от Софьи Александровны, он узнает об установленном ею размере помощи, которую она будет впредь ему оказывать. Ответ на это письмо (к сожалению, с утраченным окончанием) содержит выразительную характеристику того бесправного и безвыходного положения, в котором оказались поселенцы, особенно те, кто не получал никакой материальной поддержки: «<...> я, со своей стороны, считаю обязанностью, святою обязанностью, сказать Вам от души: спасибо, сестра, что не оставила брата мужа твоего. Я откровенно скажу Вам, что в том стесненном положении, в котором мы находимся, я не знаю, чем бы я стал жить: трудиться, чтобы добывать себе хлеб, нам невозможно. Мы поселенцы, платим подати и не пользуемся никакими правами поселенца. Всякий поселенец имеет право взять билет и идти по всей губернии для заработка, даже в другую губернию. Пусть бы нам дали подобное позволение, и я уверен найти себе место, где бы я мог получать 4 или 5 тыс. жалованья».

15 июля 1845 г. Панову было разрешено переселиться в село Урик Кудинской волости Иркутского округа. Он купил дом Ф.Б. Вольфа, переведенного в Тобольск. Здесь он принимал приехавшего в Иркутск в мае 1849 г. для лечения И.И. Пущина. Сам Панов часто и подолгу гостил у Трубецких, вначале в Оёке, а затем в Иркутске. В их семье встречался с иркутскими жителями, сочувственно относившимися к ссыльным. Иногда он прибегал к их услугам.

«Вы получите это письмо, моя добрая сестра София Александровна, а также небольшую посылку через г-на Коленко Захара Васильевича¹⁸, классного инспектора Иркутского института, которого я Вам рекомендую как прекрасного молодого человека, пользующегося здесь большим уважением. Он согласился взять письмо, а также посылку и оказал мне этим большую услугу <...>», – писал Панов и, тревожась, чтобы о его незаконном послании не стало известно властям, просил невестку: «Для того чтобы показать мне, что Вы получили письмо и посылку, вставьте в Ваше первое письмо слова: «Человек предполагает, а Бог располагает» и подчеркните их».

Последнее письмо Н.А. Панова из дошедших до нас датируется августом 1849 г. В нем – ни слова о себе; все оно наполнено беспокойством о семье брата, устройством его детей и т. п.

Встречать новый, 1850 г. Н.А. Панов приехал к Трубецким в Иркутск. О болезни, последних днях и смерти Николая Алексеевича С.А. Пановой 13 февраля 1850 г. сообщил С.П. Трубецкой¹⁹.

16 февраля 1850 г. Н.А. Бестужев писал С.Г. Волконскому: «Итак, наш добрый Панов умер! Царствие ему небесное. Несмотря на маленькие его не-

достатки, право, он был один из добрейших людей в мире, и я очень любил его. Жаль! Очень жаль!»²⁰.

Николай Алексеевич Панов умер 14 января 1850 г., похоронен в ограде Знаменского монастыря в Иркутске.

Послесловие

Софья Александровна Панова после смерти мужа продала дом в Ржевском переулке и переселилась в особняк на Собачьей площадке (снесена в 1950-х гг. в связи с расширением Нового Арбата), где и прожила до самой кончины, последовавшей 13 декабря 1881 г. Она была похоронена на кладбище Новодевичьего монастыря (могила не сохранилась).

У Пановых было четверо детей: Елизавета, Надежда, Алексей и Николай.

Николай Дмитриевич был страстным поклонником творчества драматурга А.Н. Островского. В середине 1850-х гг., проживая в доме матери на Собачьей площадке, он устраивал представления, в качестве режиссеров приглашая друзей Островского по «Москвитянину» Николая Шеповалова и скульптора Рамазанова, который, кстати, изваял в мраморе бюст Панова. В дивертисментах участвовали графиня Ростопчина, композитор Дюбюк и актер Пров Садовский. Николай Дмитриевич первым начал собирать черновые рукописи Островского, составившие потом основу собрания Н.И. Шеповалова, а ныне бережно хранящиеся в Отделе рукописей РГБ. Примечательно еще и то, что лучшие фотопортреты драматурга Островского были выполнены в салоне родственника Николая Дмитриевича – Михаила Михайловича Панова.

***

В настоящем сборнике публикуются 11 писем Н.А. Панова брату Д.А. Панову и его жене Софье Александровне, переданные в собрание Государственного музея А.С. Пушкина вдовой писателя С.Н. Голубова. Письма публикуются по автографам, даты воспроизводятся по оригиналам, но во всех случаях помещены перед текстом каждого письма. В недатированных письмах предполагаемая дата заключена в квадратные скобки. Расшифровка неясных в оригинале слов, а также недописанные части слов заключены в квадратные скобки. Авторское подчеркивание передано курсивом. Тексты писем приведены к нормам современной орфографии и пунктуации.

Публикуемые письма написаны по-русски и по-французски. Полностью на французском языке – письмо № 4, остальные письма – на русском языке со вставками на французском. Перевод с французского и комментарии Н.А. Кирсанова.

Примечания

¹ ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 1485. Л. 19.

² ВД. Т. 2. С. 106.

³ Имущественное положение декабристов // Красный архив / предисл. С.Н. Чернова. 1926. № 2(15). С. 189.

⁴ ВД. Т. 2. С. 102.

⁵ Там же. С. 105–108.

⁶ Там же. Т. 18. С. 288–289.

⁷ Записки Николая I о вступлении его на престол // Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи / подгот. Б.Е. Сыроечковским. М.; Л., 1926. С. 25.

⁸ Гордин Я.А. Мятёж реформаторов: Когда решалась судьба России. СПб., 2015. С. 29.

⁹ ВД. Т. 2. С. 104–105.

¹⁰ Декабристы. Биографический справочник / изд. подгот. С.В. Мироненко. М., 1988. С. 138.

¹¹ Куракин Борис Алексеевич (1784–1850), русский дипломат и чиновник (камергер, сенатор).

¹² Модзалевский Б.Л. Декабристы на пути в Сибирь. Донесения сенатора князя Б.А. Куракина. 1827 г. // Декабристы. Неизданные материалы и статьи / под ред. Б.Л. Модзалевского и Ю.Г. Оксмана. М., 1925. С. 120.

¹³ Воспоминания Ольги Ивановны Ивановой // Воспоминания Полины Анненковой. С приложением воспоминаний ее дочери О.И. Ивановой и материалов из архива Анненковых. Красноярск, 1977. С. 202.

¹⁴ НИОР РГБ. Ф. 370.1.41. Л. 16 об.

¹⁵ Письма декабриста Алексея Петровича Юшневского и его жены Марии Казимировны из Сибири / сообщ. профессором П.В. Голубовским. Киев, 1908. С. 118.

¹⁶ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 341.

¹⁷ Знаменский М.С. Исчезнувшие люди. Белоголовый Н.А. Воспоминания сибиряка / сост., примеч., послесл. Н.Н. Александровой и Н.П. Матхановой. Иркутск, 1988. С. 246.

¹⁸ З.В. Коленко, выпускник Киевского университета, с 1842 г. учитель истории Иркутской гимназии, в 1845–1849 гг. учитель истории в Девичьем институте Восточной Сибири.

¹⁹ См. приложение.

²⁰ Бестужев Н.А. Сочинения и письма / изд. подгот. С.Ф. Ковалем / серия «Полярная звезда». Иркутск, 2003. С. 593.

1. С.А. Пановой¹

18 марта 1842

Благодарю Вас, любезная сестрица София Александровна, что Вы наконец сжалились и написали мне, а то я просто не знал, что и подумать. Что меня несколько утешало – это то, что хорошие вести доходят тихо, а дурные летят на крыльях и что ежели бы мои опасения были справедливы, то, верно, нашелся бы добрый человек, о котором, может быть, никогда и не слыхал, уведомить меня. Но, слава Богу, ежели мои опасения не совершенные, то, по крайней мере, болезнь брата² уже не опасна. Но все я не буду покоен, пока не получу известия о его совершенном выздоровлении. Да, милый друг, Всевышний не совершенно на нас прогневался и не захочет лишить наше семейство единственной его опоры.

Поздравляю Вас с новой радостью и новой заботой³, молю Бога, чтобы эта новая гостья на пиру жизни была счастлива и доставила бы Вам и утешение, и удовольствие.

Что касается до болезни брата, лихорадка меня не пугает, хинин ее уничтожит, но я боюсь за ревматизм, эта болезнь редко оставляет совершенно и при малейшей простуде возобновляется. Не пришлось бы брату ехать на воды; впрочем, теперь в одном шаге из Москвы можно пользоваться всеми возможными водами; я говорю про искусственные, не знаю, так ли они действительны, как природные.

При этом письме Вы получите, любезная сестра, прередкую китайскую вещицу, прямо со стола китайской дамы. В нее насыпали сухих духов, и так как их духи – мускус и крышка прорезанная, то запах мог расходиться по комнате. Обратите внимание на цепочки. Они сделаны из одного куса камня, и колечко на крышке выделено из одного куса с нею. Эта вещь должна висеть на деревянной подставке в виде ворот, к сожалению, эта подставка изломалась во время дороги из Пекина, но я Вам пришло рисунок, и Вы прикажете сделать. Без хвастовства могу сказать, что Вы подобной вещи ни за какие деньги не достали бы, и мне она досталась по случаю. Забыл сказать, что крышку надобно снимать и надевать, когда эта вещь в висячем положении. От души желаю, чтобы она вам понравилась и послужила бы украшением Вашему уборному столику.

Прощайте, любезная сестра, будьте здоровы, перецелуйте малюток и не забывайте Вашего брата.

Н. Панов

ГМП. КП 11800-251. Л. 1–2 об.

Примечания

¹ Панова Софья Александровна (урожд. Савина, 1806–1881), жена Дмитрия Алексеевича Панова.

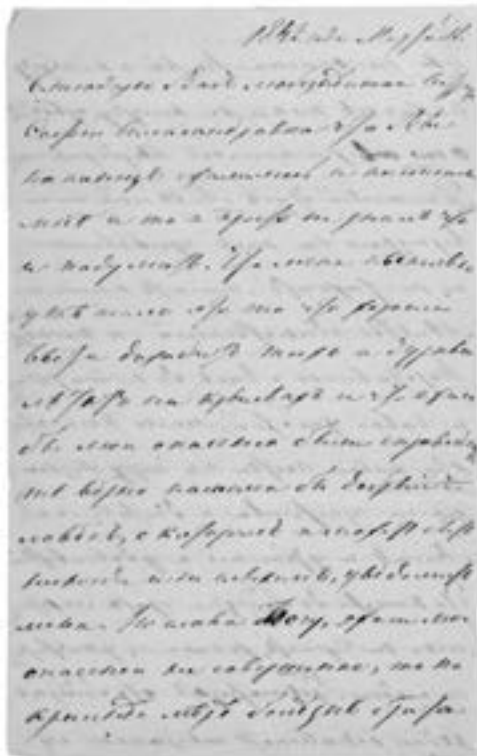
² Панов Дмитрий Алексеевич (1803–1843), поручик в отставке, брат декабриста.

³ Речь идет о рождении у Д.А. и С.А. Пановых дочери Надежды.

2. Д.А. и С.А. Пановым

15 июля 1842 года

Ты себе представить не можешь, бесценный друг мой Дмитрий Алексеевич, как меня огорчило твое письмо от 15 мая, не потому, что ты не в состоянии исполнить моей просьбы; нет, мой друг, с одной стороны, я рад, что ты не можешь, но меня огорчает твоя болезнь; мне кажется, что тебе непременно надобно ехать на воды, расстройство нерв ничем не вылечишь как

Автограф Н.А. Панова

путешествием, развлечением и водами. Ты это испытал на себе, небольшой переезд в деревню тебе был полезен; большее путешествие тебе еще более поможет. Я знаю еще пример: Елизавета Петровна Нарышкина очень страдала расстройством нерв, и путешествие, которое она должна была сделать, почти совсем [ее] излечило.

Я с тобой совершенно во всем согласен, и ежели тебе писал, то думал, что тебе будет легче, зная, что твои дела не очень хороши. Если же ты не так полагаешь, то я нисколько не настаиваю. Прибавки мне не нужно; об одном прошу: присылай аккуратно и всегда лучше неделей или двумя ранее срока; ты себе представить не можешь, какую разницу делает замедление в присылке.

Теперь я более на твое письмо отвечать не буду; отложу до другого раза. Скоро надеюсь узнать о скачках. Дай Бог, чтобы они были для тебя удачны, а то при твоём расстроенном здоровье неудача еще более подействует на твои нервы. Прощай, мой друг, будь здоров и не забывай твоего брата и друга.

Н. Панов

[Далее по-французски:]

Уже очень давно, моя дорогая сестра София Александровна, вы мне ничего о себе не сообщаете. Раньше Вы всегда приписывали хотя бы несколько слов к письму моего брата, а теперь Вы меня совсем забываете. Я не прошу, чтобы Вы писали мне большие письма, нет, но несколько строк, написанных Вашей рукой, несколько деталей о Вас или Ваших детях – вот все, что мне нужно. Ради Бога, сестра, не отказывайте мне в этом, а также в другой просьбе, а именно: Вы увлекаетесь вышиванием, следовательно, у вас есть много рисунков для канвы; пошлите мне те, которые Вы уже вышили; я верну их Вам через некоторое время в полной сохранности, тщательно наклеив их на полотно; Вы этого, наверно, никогда не делаете, а это сохраняет рисунки.

Вы прекрасно понимаете, что я прошу об этом не для себя, а для некоторых моих знакомых, которые любят заниматься вышиванием и у которых нет возможности получить рисунки; что же касается тех, которые можно найти здесь, то они чрезвычайно дороги и дурного вкуса. Прощайте, мой добрый друг, будьте здоровы, пожалуйста, исполните мои две просьбы и не забывайте Вашего друга и брата

Н. Панова.

Миллион раз целую Ваших детей.

ГМП. КП 11800-252. Л. 5–6 об.

3. С.А. Пановой

28 июля [1843 г.]

Чем мы с Вами согрешили, любезная сестра София Александровна, что Бог так жестоко нас наказал; я сужу по себе, как должно Вам быть тяжело лишиться такого друга; я знаю, как он Вас любил, знаю его ангельский характер. Я не в состоянии ничего сказать Вам в утешение, я бы мог с Вами плакать, но можно ли утешать после такой потери¹.

Это известие меня поразило как громом; в первую минуту я не чувствовал ни горя, ни тоски, на меня нашла какая-то бесчувственность; я не верил своим

глазам, читал и не понимал, что читаю; я все искал: нельзя ли перетолковать, не худо ли я понял; но, когда я прочел другой раз, тут только я постиг весь ужас моей потери, и горе, как камень, легло на сердце.

Много я на своем веку испытал горя, но никогда я не страдал так душевно, как теперь. Я не мог ни думать, ни плакать, даже молиться; я роптал на Провидение: почему не меня, никому не нужного, а его оно выбрало жертвой; его, отца семейства, полезного члена общества.

Мне казалось, что, если бы я мог заплакать, мне было бы легче, но чем более я думал о брате, тем более меня томила тоска, и только уже вечером, когда, ложась в постель, я стал, по обыкновению, молиться за него и всех вас, тут только я заплакал; я рыдал, как ребенок, и молился, чтобы Бог даровал Вам силы и твердость, и да сохранит Он Вас для священных залогов, которые Он Вам оставил.

С тех пор, по крайней мере, я мог думать, я мог себе отдать отчет в своих чувствах; тут только я представил себе весь ужас Вашего положения, мой милый друг, одной, с обузой сирот на руках. Никогда, милая сестра, я не сомневался в Ваших чувствах, я знал всегда, что Вы меня любите как брата, и будьте уверены, что я бы не мог более любить родную сестру. Да и как мне не любить Вас, Вас, которую он боготворил, которая составляла счастье его жизни.

Благодарю Вас, мой друг, что Вы хотите продолжить его попечение обо мне. Я не оскорблю Вас, действуя с Вами иначе, как я действовал с ним, моим незабвенным другом. Меня утешает мысль, что недолго я буду нуждаться в Ваших попечениях, что наконец Провидение сжалятся надо мной и дарует мне давно желанный покой.

Не забудьте, мой милый друг, Ваше обещание. Пришлите мне его волос и пишите мне; теперь одни Ваши письма могут принести мне хоть тень утешения. Прощайте, мой друг... Молю Всевышнего: да дарует Вам силы и твердость, да утешит он Вас в детях Ваших.

Прощайте и любите Вашего друга и брата.

Н. Панов

ГМП. КП 11800-253. Л. 9–10 об.

Примечание

¹ Н.А. Панов получил известие о смерти брата Дмитрия, последовавшей в Москве 29 мая 1843 г.

4. С.А. Пановой

9 января 1844 года

Вот уже почти месяц, как я получил Ваше письмо, моя добрая сестра София Александровна, и лишь сейчас имею возможность Вам ответить. Причина этого та, что я все это время был очень болен. Моя болезнь, не будучи опасной, заставляла меня очень страдать; у меня были такие сильные головные боли, что я не знал, что со мной будет; я не мог ни читать, ни писать, ни даже говорить. Надо Вам сказать, что здешний климат, холодный и

сырой, вызвал эту болезнь, что я простудился, но держался, хотя головная боль полностью не проходила, но была терпима, я мог читать если не постоянно, то хотя бы иногда.

Вот уже два года, как эта болезнь возвращается и всегда в декабре, но в этот раз она продолжается дольше. Я боюсь, чтобы она не стала хронической, так как до сих пор не знают средства для радикального лечения. Одна мысль об этом заставляет меня содрогаться, я предпочел бы горячку, от которой рискуешь умереть, но не страдать так долго <нрзб 5 слов>. Вот уже полтора месяца, как я не выхожу из комнаты и не знаю, когда я смогу это сделать. Но покончим с этим вопросом, я хотел указать причину, почему я так долго Вам не писал писем.

Как я Вам благодарен за Ваше чудесное письмо, за все детали, которые Вы сообщаете мне о последних минутах моего брата. Они заставили меня пролить много слез, но эти слезы не были такие горькие, как те, которые я пролил, получив известие о его смерти. Мысль, что рядом с ним было существо такое преданное, такое любящее, как Вы, сестра, должно было сделать последние минуты его менее горькими; он знал, что его дети будут окружены заботой. Пусть Бог даст Вам силы носить эту тяжесть, которую Вы добровольно возложили на свои плечи. Я никогда не имел бы смелости Вам это посоветовать, но, поскольку Вы это сделали, я могу сказать, что ничего лучшего Вы сделать не могли. Я говорю об опекунстве. Теперь Вы делаете все, что считаете нужным делать, а при другом опекуне Вы должны были бы выполнять его волю, а кто может лучше соблюдать интересы своих детей, чем мать.

16 января

Вот уже неделя, как я написал начало этого письма, и только теперь я могу его закончить; из-за нового приступа я имел неосторожность выпить полглотка холодной воды; это было сделано по рассеянности: я чуть было не получил ангину; повторились головные боли, почти такие же сильные, как и раньше. Теперь мне лучше, но я постоянно боюсь нового приступа.

Я не знаю, почему Вы не получили двух писем, в которых я писал Вам о посылках. Правда, я вычеркнул все вещи, которые мне не обязательно нужны, и просил Вас послать мне 5 пудов сахара, 2 пуда табака и пуд свечей и еще дюжину рубашек. Прощайте, моя добрая сестра, простите, что я Вам так мало пишу, но даю слово, что я не могу этого делать с моей еще большой головой.

Прощайте. Поцелуйте за меня Ваших детей и не забывайте Вашего брата и друга

Н. Панова.

Через несколько дней я попытаюсь написать Вам еще одно письмо, которое может прибыть к Вам даже раньше этого. Прощайте.

ГМИ. КП 11800-254. Л. 13–14 об.

5. С.А. Пановой

[1844 г.]

Не удивляйтесь, любезная сестра София Александровна, что я так долго не отвечал на Ваше милостивое письмо, за которое я не знаю, как Вас благодарить. Открыто я не хотел Вам отвечать, а случая не было; наконец пришла мне счастливая мысль адресовать письмо Николаю Васильевичу¹ и послать просто по почте.

Вы себе представить не можете, как я Вам благодарен за то, что Вы решились говорить со мною откровенно; Вы, что называется, развязали мне руки. Вы помните, что в первом письме Вы писали мне, что Вы опекунша², и я думал, что Вы одна будете управлять делами; потом стороною узнаю, что назначена опека; спросить Вас мне было совестно, между тем это меня беспокоило, я знал, что опека для меня ничего не может сделать. Это было вскоре после тайного письма, в котором я повторил просьбу, сделанную уже брату, прислать мне 5 тысяч на постройку. Когда я узнал об опеке, мне крайне было досадно за себя, что я, не узнавши хорошенько дел, писал Вам об этом, но, как кажется, вышло к лучшему. Вы решились говорить со мной откровенно, и я еще раз от души Вас благодарю.

Напрасно Вы пишете, что мне не за что Вам быть признательным; Вы это говорите, руководствуясь Вашим добрым сердцем, а я смотрю на эти вещи иначе. Ни я и никто другой не был бы вправе Вас упрекнуть, ежели бы Вы иначе со мною действовали; у Вас была прекрасная отговорка: опека ничего не дает для меня. Вы же, напротив, поступили со мной истинно по-братски, и Вы хотите, чтобы я не был Вам благодарен. Вы сделали для меня более, нежели я мог ожидать. Вы назначаете мне в год 3 тыс., да я и при брате редкий год ему более стоил, и еще 2 тыс. на постройку, и это из собранных Вами доходов.

Я очень хорошо знаю, что Вы не нуждаетесь в моей благодарности, что Вы, как добрая христианка, находите награду за доброе дело в самой себе, но все-таки я со своей стороны считаю обязанностью сказать Вам от души: *спасибо, сестра, что не оставила брата мужа твоего.*

Я откровенно скажу Вам, что в том стесненном положении, в котором мы находимся, я не знаю, чем бы я стал жить; трудиться, чтобы добывать себе хлеб, нам невозможно. Мы поселенцы, платим подати и не пользуемся никакими правами поселенца. Всякий поселенец имеет право взять билет³ и идти по всей губернии для заработка, даже в другую губернию; потому что отсюда ходят на золотые прииски. Пусть бы нам дали подобное позволение, и я уверен найти себе место, где бы я мог получать 4 или 5 тыс. жалованья. Вот почему я просил и брата и Вас выхлопотать мне у гр[афа] Бенкендорфа⁴ позволение ездить по губернии или возможность вступить в частную службу.

Ежели для Вас, мой милый друг, хоть несколько затруднительнее отправлять мне посылки, то посылайте деньгами: это хоть и сделает небольшую разницу, но не такую, чтобы она стоила Вас беспокоить; и тогда я прошу Вас так распорядиться, чтобы я мог получать деньги в начале декабря, потому что в Иркутске с 1-го дек[абря] до пер[вого] ген[варя] бывает ярмарка. Еже-

ли же покупка и отправка посылок не затруднит Вас, то сделайте одолжение: приложите цену всем вещам, укупорке и плате за перевозку, чтобы мне не перебрать за 1000 р.⁵

Что же касается до 2000 р., которые Вы хотите мне прислать на постройку дома⁶, то от Вас зависит прислать когда угодно, адресуя их на имя Его Высокоблаг[ородия] М[илостивого] Г[осударя] Василия Ивановича Разгильдеева⁷, и в записке к нему скажите, что эти 2 т. посылаете ему за соболей, которых он Вам послал.

Теперь, любезный друг, у меня до Вас препокорная просьба, а именно: те 700 р., которые Вы заплатили за меня Н.В. Кузнецову⁸, не вычитайте из нынешнего года, а из будущего, и вот почему: во-первых, пятимесячная болезнь <...>⁹.

ГМП. КП 11800-255. Л. 17–18 об.

Примечания

¹ Лицо неустановленное.

² После смерти мужа Софья Александровна унаследовала его родовые имения в Калужской и Пензенской губ.

³ Билет – документ, дающий ссыльным право выезжать из места поселения в другие населенные пункты губернии на ограниченный срок.

⁴ Бенкендорф Александр Христофорович, гр. (1783–1844), шеф корпуса жандармов, начальник III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

⁵ Эта сумма была определена правительством. Декабристы не имели права получать от родственников более 1000 рублей в год.

⁶ В деревне Михалёво Жилкинской волости Иркутского округа, куда Н.А. Панов был определен на поселение, он намеревался построить собственный дом. 15 июля 1845 г. он получил разрешение переселиться в с. Урик Кудинской волости Иркутского округа.

⁷ В.И. Разгильдеев (р. 1795), урядник (1810), сотник (1812), командир тунгусского полка (1814), начальник Чиндантурукуевской дистанции (1815). В 1824 г. переведен на должность пристава Тункинского отделения, а в 1836 г. – атамана Иркутского городского казачьего полка.

⁸ Лицо неустановленное.

⁹ Окончание письма не сохранилось.

6. С.А. Пановой

17 сентября [1844 г.]

Как мне всегда тяжело поздравлять Вас с именинами и Вашими, и Ваших детей, всегда мысль, что я так далеко, как камень наляжет на сердце. Поздравляю Вас, мой милый друг София Александровна, и дай Бог Вам всего лучшего и, главное, здоровья и спокойствия. Милое письмо Ваше меня приятно обрадовало по возвращении с вод¹, и от души благодарю Вас, что Вы исполнили мою покорнейшую просьбу и не замедлили присылкой денег. Что сказать Вам о моем здоровье? Воды, как кажется, мне помогли, но не столько, сколько я ожидал от них; впрочем, чтобы решить, надобно подождать зимы: ежели головные боли не возвратятся, тогда положительно можно сказать, что они принесли мне пользу. Вот все, что могу теперь сказать, но в оправдание вод должно прибавить, что они моральных болезней, болезней души излечить не могут, а у меня, сколько я понимаю, это была главная причина.

[Далее по-французски:]

Вы ошибаетесь, думая, что болезнь меня сломала, но, дорогой друг, я обладаю еще достаточной долей мужества для того, чтобы страдать, я знаю, что я не нахожусь еще на краю моей жизни и что моя болезнь, к несчастью, не опасна; к тому же я слишком бесполезен, чтобы не жить; Провидение знает, что отдых был бы благом для меня, вот почему оно отказывает мне в нем!

Вы напрасно горюете о том, что Алексей² проявляет вкус к расточительству, попытайтесь внушить ему, что он старший в семье и что его долг – помогать Вам сохранять добро, а не вносить в него беспорядок; я уверен, что его природная доброта поможет ему понять свой долг и приучит к порядку.

Я очень рад, что Ваши дела улаживаются, Бог даст, и я уверен в этом, Вы сумеете это сделать. Вы ничего не говорите о том, что Вы хотите сделать с Вашим конным заводом; хотите ли Вы его продать или сохранить. Если Алексей такой же любитель, как его отец, то мое мнение, что надо их оставить, если нет, то мне кажется, что это потребует от Вас ненужных расходов. Я узнал из газет, что Вы продали Колибри³. Вот почему у меня явилась мысль задать Вам этот вопрос.

Вы ничего не говорите мне, дорогой друг, что Вы решили посылать мне – вещи или деньги. В последнем случае я должен предупредить Вас, что лучшее время для покупки – это декабрь, так как тогда бывает ярмарка в Иркутске, которая продолжается с 1 декабря до 1 января. Но если Вы захотите посылать мне вещи, я пошлю Вам список, и Вы будете столь любезны, что сообщите мне цены. Если Вы ничего мне не сообщите, я на днях пошлю Вам список.

Я имею еще одну просьбу к Вам и очень прошу Вас не отказать мне – послать модель памятника, который Вы поставили на могиле моего брата; не делайте ее большой, но пусть это будет совершенно точная модель памятника. Вы мне доставите большую радость, моя дорогая, хорошая сестра. Прощайте, да сохранит Вас Бог и дарует спокойствие. Поцелуйте за меня Николая⁴, Лизу⁵ и Надю⁶ и думайте хоть немного о Вашем брате и друге Н. Панове.

[Далее по-русски:]

С вод писал Вам два раза и отвечал на Ваше письмо с посылкой; получили ли Вы эти письма?

ГМП. КП 11800-256. Л. 23–24 об.

Примечания

¹ 25 мая 1844 г. Н.А. Панову было разрешено отправиться для лечения на Туркинские минеральные воды (ныне село Горячинск в Прибайкальском районе Бурятии).

² Панов Алексей Дмитриевич (1827–1902?), сын Д.А. и С.А. Пановых, штабс-ротмистр (с 1850 г. в отставке). Был женат дважды. Первая жена с 1854 г. – Мария Ивановна Григорьева, артистка Московского Императорского театра; вторая с 1888 г. – Татьяна Ивановна Бородулина, дочь казенного крестьянина Ивана Тимофеевича Бородулина. Владел в с. Воротники (Воротниково) и д. Дмитриевке Саранского уезда (ныне Лямбирского района) Пензенской губ. 360 душами мужского пола и 20 дворовыми людьми.

³ Д.А. Панов владел во Владимирской губ. небольшим конным заводом. Лошади Панова становились неперемненными участниками скачек. Колибри – скаковая лошадь.

⁴ *Панов Николай Дмитриевич* (1832–1895), сын Д.А. и С.А. Пановых, в 1855 г. – губернский секретарь, чиновник канцелярии Управления губернского гражданского начальства в Москве. Владел в д. Софьиной Саранского уезда Пензенской губ. 254 душами мужского пола и 12 дворовыми людьми. Был холост.

⁵ *Панова Елизавета Дмитриевна* (р. 1830), дочь Д.А. и С.А. Пановых. Муж (с 1851 г.) – *Посников Николай Николаевич* (1827–1881), титулярный советник (1856), коллежский асессор (1859), надворный советник (1863). Е.Д. Панова унаследовала родовое владение в Боровском уезде Калужской губ. (35 душ).

⁶ *Панова Надежда Дмитриевна* (1841–1850), дочь Д.А. и С.А. Пановых.

7. С.А. Пановой

6 октября 1844

Вы получите это письмо, любезная сестра София Александровна, через Никифора Никифоровича Сеницына¹. Так как Вы мне ничего не отвечали насчет посылок, то я принимаю Ваше молчание за желание, чтобы по-прежнему я бы просил Вас о нужных мне вещах. Во всяком случае, ежели это для Вас будет затруднительно, то напишите мне. Я еще покойного брата просил, чтобы он выставлял цены вещам, но никак не мог его уговорить; Вы же, надеюсь, сделаете мне это одолжение. Это мне необходимо, во-первых, чтобы знать, не перешел ли за назначенную Вами сумму для посылок; а во-вторых, часто меня просят некоторые из моих товарищей и знакомых, не имеющих ни родных, ни знакомых в России, выписать что-либо, но я должен был отказывать, не имея возможности сказать им цену.

Например, в этот раз я буду просить Вас прислать мне полдюжины батистовых дамских платков, самых модных, не дороже 15 [рублей] за каждый. Вы меня очень обяжете, исполнив эту комиссию, потому что это для одной особы, которую я душевно уважаю и которая меня просила.

Вы найдете в реестре сукно – это для меня; я решился платье делать здесь, потому что часто то, которое я получаю, бывает не впору; я назначил цену нарочно, чтобы Вы не купили мне слишком дорогого. Но вот в чем я буду просить у Вас прощение (потому что это совсем не дамская комиссия); но я знаю, как Вы добры, а этот предмет очень для меня важен; это – три пары сапог; прикажите их сделать тому мастеру, которому брат для меня заказывал; у него есть моя мерка; здешней работы сапог не могу носить, а в лавках по своей ноге не мог найти ни пары. Фуляры² не покупайте очень большие, но хорошей работы, потому что они мне нужны как носовые платки.

Меня удивляет, что Вы мне ничего не пишете, получили ли Вы золотой наперсток моей работы, который я послал еще прошедшей зимой; скажите мне в письме просто, что Вы не получили или получили его, но не говорите, что золотой, потому что здесь запрещено работать на золото. Прощайте, любезная сестра.

[Далее по-французски:]

Для того чтобы доказать мне, что Вы получили это письмо, Вы мне скажете в ответном письме: «Человек предполагает, а Бог располагает». Это пословица, и вам легко будет ее вставить в какую-нибудь фразу. Прощайте, моя добрая сестра, будьте здоровы и не забывайте Вашего брата и друга.

Н. Панов

[Далее по-русски:]

Список вещам

Сахару – 5 пуд.

Табаку Жукова – 1 $\frac{1}{2}$ пуда

Сте[а]риновых свечей – 1 пуд

Бульону – 20 фунтов

6 платков батистовых не дороже 15 руб. за каждый

6 фуляров

3 пары сапог

5 аршин черного сукна по 20 р. за аршин

1 аршин черного бархату

6 банок четверных помады

2 склянки духов: Pois dubenten и Varmille?

Сделайте одолжение, сестрица, чтобы помада и духи были хорошего, лучшего достоинства. Эту роскошь я себе позволяю; я к ней привык. Прощайте, мой друг, будьте здоровы и поцелуйте за меня и Лизу, и Николая, и Надю. Не забудьте, любезный друг, выставить цены, и укладки, и провоз. Также препоручите доставку Никифору Никифоровичу; он человек верный.

ГМП. КП 11800-257. Л. 27–28 об.

Примечания

¹ Синицын Никифор Никифорович (1827–1897), иркутский купец. Открыл первую в городе литографию (1858), позже – первую типографию, объединив их в 1865 г. в типолитографию. С 1883 г. его компаньоном стал Я.Н. Сизых. Издавал хорошие справочные издания, планы города, научную и другую продукцию. Занимался также книжной торговлей, открыл при типографии специальную книжную лавку.

² Фуляр (франц. foulard) – отбеленная или гладкокрашенная тонкая ткань полотняного переплетения, выработанная из шелка-сырца в основе и шелка в утке. Получила распространение в XVIII в. Ткань очень легкая и мягкая. Из нее шили всевозможные платки, а с XX в. – абажуры, занавеси и платья. Так же назывались головные, шейные и носовые платки из этой ткани.

8. С.А. Пановой

5 ноября [1844? г.]*

Я не должен рекомендовать Вам Ивана Сергеевича Персина¹, так как Вы его уже знаете, моя добрая сестра София Александровна. Он был у Вас 6 лет тому назад, направляясь в Петербург, как и теперь. Я не должен также Вам говорить, какой это прекрасный человек, так как я Вам об этом уже писал. Вы можете отнестись к нему с полным доверием, написать мне все, о чем Вы должны сообщить мне, и даже послать мне 2 т., которые Вы хотели мне послать. Он рассчитывает вернуться сюда к февралю, следовательно, в январе он снова будет в Москве.

* Письмо датировано по времени поездки И.С. Персина в Петербург.

Простите меня, моя добрая сестра, если я говорю Вам о деньгах; я не должен был бы о них писать; но так неприятно не иметь их и жить, как пролетарий, что я решился быть неделикатным и Вам о них написать. Правда, эти деньги не дадут мне возможности закончить постройку, но, по крайней мере, я начну, и затем мало-помалу я приобрету домик, который смогу назвать своим, а это желание весьма простительное, особенно в моем возрасте и при моем здоровье, когда покой становится вещью столь желательной.

Я Вам писал 30-го прошлого месяца через торговца Синицына, но я думаю, что это письмо Вы получите раньше того, так как господин Персин рассчитывает уехать очень быстро, а г-н Синицын, наоборот, будет делать по дороге много остановок.

Я Вам писал по поводу посылки; так как Вы мне ничего не сказали в ответ на мое письмо, в котором я спрашивал Вас, хотите ли Вы посылать мне вещи, как во времена моего брата, или деньги, я принял Ваше молчание за желание оставить все так, как это было раньше. Вы мне назначили 1000, и я старался не перейти эту сумму, хотя мне это было очень трудно, так как я не знаю цен. Поэтому я Вас умоляю сообщить мне в списке, который Вы вложите в посылку, и в письме цену этих вещей, это даст мне возможность ориентироваться в следующий раз.

Затем я Вам послал письмо по почте 30-го прошлого месяца, в котором говорил об этом же, на случай, если Вы не получили первого письма. Я прилагаю список также к этому письму, так как я уверен, что Вы его получите. Если я превзошел в этом списке установленную Вами сумму, Вы можете исключить некоторые вещи, пояснив это в дальнейшем, или же вычесть из тех денег, которые Вы мне пошлете на жизнь. Выбор я оставляю на Ваше усмотрение.

С этим письмом Вы получите пустячок моей работы, золотой наперсток, мне хочется, чтобы он Вам понравился и чтобы Вы им пользовались². Я очень рад, что имею возможность послать Вам его, так как по почте я не мог бы этого сделать, ввиду того, что по всей Восточной Сибири запрещено обрабатывать золото и всякая золотая вещь, которую посылаешь по почте, должна иметь пробу. Так как есть предрассудок, что нельзя дарить наперсток, я его не даю Вам, а продаю за 5 руб. серебром 20 коп., которые я прошу послать мне или, еще лучше, дать их от моего имени первому нищему, который попросит у Вас милостыню.

Я пишу с Персиным Алексею; я прошу его тем же способом посылать мне ответ, сообщить детали о его занятиях, время окончания школы и полк, в котором он рассчитывает служить. Вы очень меня обяжете, если пошлете мне деньги с г-ном Персиным, он приедет сюда в феврале, и я смогу начать постройку весной и к зиме иметь угол для пристанища.

Здоровье мое до настоящего времени довольно хорошо, если не говорить о насморке, от которого я не могу вылечиться; не знаю, что скажет зима. Бог даст, я снова не заболею, это было бы ужасно. Я Вам писал в письме от 30-го, чтобы послать мне настольную лампу, если хватит денег. Если Вы это сделаете, тогда пошлите мне вместо пуда 20 фунтов стеариновых свечей.

Что касается масла, то здесь делают превосходное и которое очень хорошо горит в лампах. Не забудьте также послать мне несколько дюжин фитилей и несколько стекол для смены, которые очень трудно и даже невозможно достать здесь.

Мне очень любопытно знать, что Вы решили в отношении лошадей – хотите Вы их продать или сохранить. Несколько месяцев тому назад я Вам писал и просил прислать мне в уменьшенном виде модель памятника, который Вы установили на могиле моего брата, я повторяю эту просьбу, так как это не может стоить Вам дорого, а мне доставит очень большое удовольствие, я его поставлю на мой стол, чтобы иметь постоянно перед глазами; сладко окружать себя вещами даже мрачными, если они напоминают о существах столь дорогих.

Не забудьте также о Вашем обещании в отношении портретов Лизы и Николая, мне очень любопытно познакомиться с ними. Я просил Ник[олая] Севаст[ьяновича]³ рассказать мне все, что он мог о них, и, несмотря на то, что этого было очень мало, мне это доставило большое удовольствие. Пожалуйста, покажите всех Ваших детей г-ну Персину, чтобы он мог также рассказать мне о них множество вещей, которые мне будут очень приятны. Не смейтесь надо мной, моя добрая сестра, все это Вам покажется, может быть, очень ребяческим, но что делать, если не можешь быть счастлив, приходится удовольствоваться тенью счастья, так редко улавливаемого и которого, однако, каждый желает.

Прощайте, дорогая сестра, напишите мне очень длинное письмо. У Вас будет достаточно времени, чтобы его подготовить к возвращению г-на Персина. Прощайте, будьте здоровы, будьте спокойны и не забывайте Вашего брата и друга

Н. Панова.

[Далее по-русски:]

Список вещей

Сахару – 5 пудов

Табаку – 1 1/2 пуда

Ка<нрзб>вских свечей – 1 пуд.

Сухого бульону – 20 фунтов

6 батистовых платков на базаре 15 р. за каждый

3 пары сапог

5 аршин черного сукна по 20 р. за аршин

1 арш. черного бархату

6 фуляров

6 банок помады 1/4-фунтовых

2 склянки духов

[Далее по-французски:]

Я Вам уже писал, что батистовые носовые платки не для меня и что я получу деньги за них, сообщите мне их цену, так же как и других вещей; они предназначены для дамы, поэтому должны быть по последней моде.

Примечания

¹ *И.С. Персин* (1804 – после 1869), врач в Кяхте в 1836–1841 (?) гг., затем служил в Иркутске, надворный советник, предприниматель, золотопромышленник. Медик-хирург. Был особенно дружен с семьей Трубецких.

² Исходя из содержания письма, наперсток передал вместе с письмом *И.С. Персин*, который был в Москве и Петербурге осенью-зимой 1844–1845 гг. Однако в предыдущем письме от 6 октября 1844 г. *Н.А. Панов* спрашивает Софью Александровну о получении ею подарка – наперстка, который был послан ей прошедшей зимой – в конце 1843 г. или в начале 1844 г. Можно предположить, что *И.С. Персин* был в России и в 1843–1844 гг., но пока данных об этой поездке не обнаружено и точную датировку писем установить не удалось.

³ Лицо неустановленное.

9. *С.А. Пановой*

14 апреля [1845 г.]

Я очень благодарен, дорогая сестра *София Александровна*, за Ваше письмо и за деньги. Простите, что я раньше не ответил на Ваше письмо, но, когда я его получил, я был на богомолье, затем помешали праздники, и я против своего желания вынужден был отложить ответ. Я несколько не сомневаюсь, дорогой друг, что Вы не могли послать мне раньше, иначе бы Вы, конечно, это сделали, зная, что всякая задержка для меня тяжела.

Новости, которые Вы мне сообщаете, очень неприятны, дай Бог, чтобы следующий год был лучше. Меня очень удивляет, что *Пензенское имение*¹, которое когда-то давало твердый доход, приносит убыток, и, как мне кажется, довольно часто; кажется, я понимаю причину этого, может быть, я ошибаюсь, но все же я Вам скажу.

[Далее по-русски:]

Прежде они (крестьяне. – *Н.К.*) были на оброке и всегда исправно платили его, теперь они на пашне, и так как Вы сами не живете там, а, верно, есть управляющий, эти же люди с небольшим исключением более думают о своих выгодах, нежели о выгодах господина и крестьян; вот, я думаю, причина, почему Вы не имеете с этой деревни того дохода, который Вы бы могли иметь, живя там или обложив ее оброком. Повторяю, что я могу ошибаться, но большей частью оно так бывает.

Поздравляю Вас, сестра, с прошедшими праздниками и заочно говорю Вам: Христос Воскресе. Поцелуйте за меня детей Ваших.

[Далее по-французски:]

И скажите *Лизе*, что она скоро получит от меня сувенир, который, надеюсь, доставит ей удовольствие. Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы, да одарит Вас Бог своими благодеяниями, и молитесь его время от времени за Вашего брата и друга

Н. Панова.

Примечание

¹ Пензенское имение Пановых – село Воротники (Воротниково) Саранского уезда с деревнями Дмитриевкой и Софьино.

10. С.А. Пановой*

28 мая [1845]

Вы получите это письмо, моя добрая сестра София Александровна**, а также небольшую посылку через г-на Коленко Захара Васильевича, классного инспектора Иркутского института, которого я Вам рекомендую как прекрасного молодого человека, пользующегося здесь большим уважением. Он согласился взять письмо, а также посылку и оказал мне этим большую услугу, потому что я не мог бы послать почтой браслет для Лизы, который находится в посылке, так как во всей Сибири запрещено обрабатывать золото, и, хотя я и не употребил золото из местных рудников, а использовал для этого браслета два китайских кольца, все же почта принимает золотые вещи только с пробой, т. е. сделанные в России, где ставят пробу.

Для Вас в посылке есть камни для браслета; у меня не было достаточно золота, чтобы сделать два браслета, Вы его закажете по своему вкусу; в посылке есть маленький рисунок, как надо расставить камни. Я очень хочу, чтобы эти безделушки понравились Вам и Лизе и чтобы вы носили их в память обо мне.

Очень жаль, что г-н Персин не мог увидеть Вас при своем возвращении и что я не получил ответа на мое письмо. Сделайте это через г-на Коленко, если он вернется в Сибирь, так как Вы не захотите воспользоваться почтой, хотя теперь Вам вручат письма запечатанными, если в них нет денег; так что Вы можете сделать это в полной уверенности, что письмо будет прочитано лишь мною.

Я очень прошу Вас, дорогой друг, если возможно, не задерживать в этот раз посылку денег; если Вы можете сделать так, чтобы они были здесь 25 июля, я буду Вам очень благодарен, так как в это время я начинаю косить сено, и тогда деньги мне крайне необходимы.

Для того чтобы показать мне, что Вы получили письмо и посылку, вставьте в Ваше первое письмо слова: «Человек предполагает, а Бог располагает» и подчеркните их. Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы и немного помните о Вашем брате и друге

Н. Панове.

ГМП. КП 11800-260. Л. 42–43 об.

* Подлинник на франц. яз.

** Имя и отчество по-русски.

II. С.А. Пановой

29 августа 1849 г.

Я очень благодарен Вам, моя дорогая сестра София Александровна, за Ваше письмо, которое я получил, так же как и деньги, с последней почтой. Я хорошо понимаю Ваше беспокойство, зная, что Алексей находится на войне¹, но я не думаю, чтобы гвардия была в деле, все кончится к тому времени, когда они придут на место, и Вы не должны тревожиться.

Очень рад, что Николай принял мудрое решение быть на гражданской службе, большое преимущество этого – то, что, если он будет служить в Москве, Вы будете всегда иметь его перед глазами. То, что Вы говорите мне о Наде², меня очень огорчает, потому что, как Вы мне писали, я надеялся, что с возрастом она почувствует себя лучше, правда, можно надеяться, что это еще пройдет; почему бы Вам будущей весной не совершить небольшое путешествие в Крым? Я не сомневаюсь, что это будет ей очень полезно, она сможет принимать морские ванны; это путешествие не будет Вам стоить дорого, так как Вы можете поехать ненадолго.

Пожалуйста, поблагодарите Вашу мать за память и передайте, что я часто думаю о том времени, когда мой покойный брат и я приходили к вам домой и как приятно мы проводили время у Вас. Чтобы не затруднять Вас отправкой посылок, я попрошу Вас, дорогой друг, послать мне лишь несколько пустяков по почте. Вы увидите ниже список вещей на 300 руб. ассигнациями. Вы оставите его у себя и, вычтя те деньги, которые Вы употребляете на покупки, остальные отошлете мне не позже чем в начале ноября, чтобы я мог получить их в декабре; в это время здесь бывает ярмарка, и я смогу купить все, что мне надо на год, но, пожалуйста, не задерживайте. Что касается 300 [рублей], то я Вам позже скажу, что с ними делать.

Прощайте, мой дорогой друг, будьте здоровы и думайте от времени о Вашем брате и друге

Н. Панове.

[*Приписка для Е.Д. Пановой:*]

Очень рад, дорогая Лиза, что мой подарок Вам понравился и заставит Вас от времени думать о Вашем дяде, который Вас очень любит. Я с нетерпением ожидаю обещанную обложку и Ваше письмо; я не прошу писать большие письма, пишите маленькие, но почаще, это будет мне очень приятно. Прощайте, мой ангел, нежно обнимаю Вас и прошу передать то же Николаю и Наде. Прощайте.

Список

[*Далее по-русски:*]

1 арш[ин] с половиной черного сукна в 4 [рубля] серебр[ом] за арш[ин]

12 пар носков

3 пары сапог

Пакет семян арбузных

Пакет семян дынь и каких-нибудь с названием.

[*Далее по-французски:*]

Семена берите у Гольста и пошлите все это по почте.

Примечания

¹ В июне 1849 г. Россия начала оказывать помощь Австрии в подавлении венгерского восстания, послав туда 170-тысячное войско под командованием фельдмаршала И.Ф. Паскевича. Первого августа венгры разгромлены у Вилагоша. В составе русской армии находился и корнет лейб-гвардии Гусарского полка Алексей Панов.

² Надежда Панова была очень болезненным ребенком и умерла, не дожив один месяц до девяти лет.

Приложения

*В.Н. Зарин¹ – С.А. Пановой**

17 февраля 1850 Иркутск

Мадам!

Из прилагаемого письма² Вы узнаете печальную новость о смерти Вашего шурина и все детали, которые могут Вас интересовать о его болезни и состоянии его дел; со своей стороны, мадам, я хотел надеяться, что все, что сообщает о нем г-н Трубецкой, – истинная правда. Деньги, которые Вы послали в последний раз, были получены вскоре после его смерти и будут находиться в моей канцелярии до получения Вашего ответа: Вы решите, мадам, следует ли Вам их вернуть или использовать для оплаты оставшихся после него долгов.

Примите, мадам, уверения в почтении и уважении, с которыми имею честь оставаться, Ваш покорнейший слуга

Владимир Зарин.

ГМП. КП 11800-262. Л. 1–1 об.

*С.П. Трубецкой – С.А. Пановой***

Иркутск, 13 февраля 1850

Мадам, ваш шурин сообщил вам о своей болезни. С этого момента она все время прогрессировала, и хотя он продолжал держаться на ногах, он худел и угасал на глазах. К несчастью, у нас не было никаких сомнений, что жизнь его не продлится долго. Действительно, прошедшего 14 января мы испытали горечь, закрыв глаза нашего замечательного друга. Это был чувствительный удар для всей нашей семьи, к которой он был так привязан.

Он был за два дня до смерти в полном сознании. Он скончался без видимых страданий, окруженный моей женой и несколькими друзьями. Можно сказать, что не болезнь убила его, но что ему не хватило жизни. Я должен был раньше сообщить вам, мадам, об этом печальном событии, и я намеревался это сделать уже давно, но не мог найти вашего теперешнего адреса в бумагах моего покойного друга и узнал его только сегодня из письма от

* Подлинник на франц. яз.

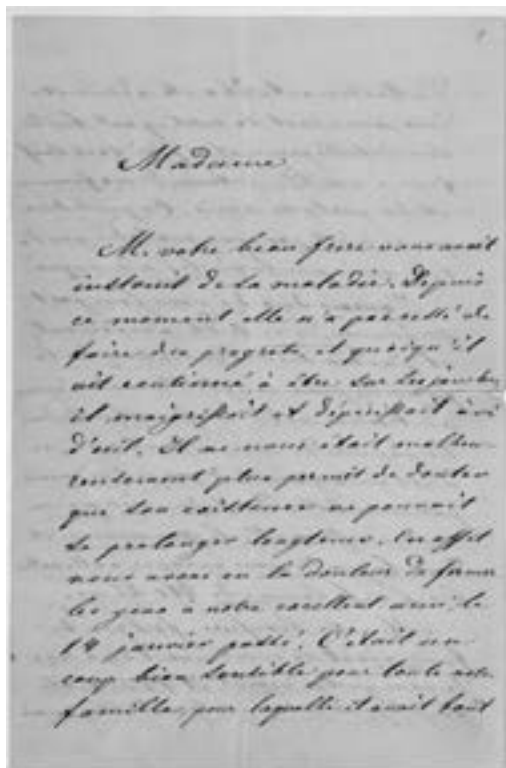
** Подлинник на франц. яз.

7 января, которое вы адресовали г-ну губернатору и в котором вы послали вашему шуруину 260 руб. сер.

Мадам, ваш шурин незадолго до своей смерти уже получил от вас немного денег. Он тут же употребил их на уплату некоторых долгов, но у него еще немного оставалось. Если вы будете так добры разрешить употребить те деньги, которые вы послали ему в последний раз и которые он не успел получить при жизни, также на уплату того, что он оставался еще должен, я надеюсь, употребив также те средства, которые он мне оставил, ликвидировать все долги, которые он мог здесь сделать. При всех случаях я исключаяю долг за дом, который он купил у г-на Муравьева, живущего в Тобольске и имеющего от него вексель, о котором вы, возможно, знаете. Дом этот расположен верстах в 20 от города, и нужен счастливый случай, чтобы извлечь из него какую-либо пользу. Я вас прошу также, мадам, сообщить мне, кому вы уплатили 300 руб. ассигн., о которых идет речь в вашем последнем письме, чтобы по ошибке я не уплатил второй раз те же деньги.

У вашего шурина была табакерка, которой он постоянно пользовался, с портретом покойного брата, я буду иметь честь, мадам, передать ее вам, так же как и другие портреты членов вашей семьи. Нежная забота, которую вы всегда проявляли по отношению к моему покойному другу, внушает мне чувство глубокого уважения к вам, мадам, и я прошу вас принять выражение его от вашего преданного слуги

Сергия Трубецкого.

Автограф С.П. Трубецкого

Примечания

¹ Зарин Владимир Николаевич (1802–1854), иркутский гражданский губернатор (1848–1851), владимирский (1852) и курский губернатор (1853), действ. ст. сов.

² Письмо С.П. Трубецкого о смерти Н.А. Панова от 13 февраля 1850 г. Опубл.: Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: В 2 т. Т. 2. Письма, дневник 1857–1858 гг. / изд. подгот. В.П. Павловой / серия «Полярная звезда». Иркутск, 1987. С. 190–191.

А.Н. Гаращенко, А.А. Иванов

**Из переписки Б.Г. Кубалова
и Ф.А. Кудрявцева в 1957–1966 гг.**

В Государственном архиве Иркутской области хранятся два личных фонда известных сибирских историков – Б.Г. Кубалова (ф. Р-2873, 54 дела, 1922–1965 гг.) и Ф.А. Кудрявцева (ф. Р-2698, 83 дела, 1961–1976 гг.). Помимо рукописей лекций и книг по истории региона, статей и научных докладов, в этих двух небольших фондах имеются и различного рода письма, открытки, поздравительные телеграммы. Здесь и хранится переписка двух историков за 1957–1966 гг., когда Б.Г. Кубалов жил в Москве, а Ф.А. Кудрявцев – в Иркутске. Все письма носят сугубо личный характер: Борис Георгиевич на правах старшего, умудренного житейским опытом товарища постоянно интересуется творческими планами своего ученика, его публикациями, разработкой различных сюжетов из истории общественной жизни Сибири, Иркутска второй половины XIX – начала XX в. При этом хорошо заметны искренние, доверительные отношения авторов друг к другу: Кубалов неизменно называет Кудрявцева любимым учеником, а тот в ответ с почтением пишет, что всем в науке обязан своему учителю.

Читатель обратит внимание и еще на одну особенность переписки Б.Г. Кубалова и Ф.А. Кудрявцева: в письмах много упоминаний об общих знакомых двух исследователей, и в первую очередь об иркутянах. Весьма интересны штрихи к портретам В.И. Дулова, И.И. Кузнецова, С.Ф. Коваля, В.Н. Шерстобоева, С.В. Шостаковича и других. Авторы постоянно обмениваются мнениями о становлении иркутской исторической школы в 1920–1950-х гг., развитии ее направлений, в частности декабристоведения, а также о ближайших задачах и перспективах исторических исследований.

Как известно, Борис Георгиевич родился в семье провинциального актера в 1879 г. в Тифлисе, получил университетское образование на юге России, преподавал в Екатеринославе и Одессе, подготовил и издал учебник по курсу русской истории для гимназий и самообразования. В 1910 г. судьба забросила его в Иркутск, где он получил место преподавателя истории и географии в мужской гимназии, затем работал директором Нижнеудинского реального училища (1915–1917 гг.), создавал гимназию в Петровском Заводе. В начале 1920-х гг. Борис Георгиевич был приглашен в государственный университет, сначала ассистентом при кабинете, а затем и преподавателем на кафедре русской истории¹.

Иркутский период в жизни Б.Г. Кубалова наполнен не только научно-педагогической деятельностью. Он активно занимался пропагандой исторических знаний, участвовал в работе нескольких обществ, народного университета. В 1922 г. Борис Георгиевич был назначен заведующим губернским архивным бюро, много сил и времени уделял систематизации и научной классификации имеющихся материалов, организации архивной службы в

¹ Коваль С.Ф. Борис Георгиевич Кубалов (1879–1966 гг.) // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / авт.-сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин; науч. ред. Е.И. Лиштованный. Иркутск, 2008. С. 99.

Иркутске и городах Восточной Сибири². Работа с ценнейшими, никогда не публиковавшимися документами, рассказывающими о пребывании в сибирской ссылке декабристов, петрашевцев и народников, окончательно оформила и личные научные интересы Кубалова – он выбирает тему политической ссылки в Сибирь XIX – начала XX в.

Уже в 1923–1925 гг. на неизданных архивных материалах Б.Г. Кубалов подготовил и опубликовал две работы – «Страницы из жизни Бакунина и его семьи в Сибири» и «Сибирь и самозванцы», а в 1925 г. увидело свет одно из лучших его исследований – «Декабристы в Восточной Сибири». Написанная живым, доступным языком, эта книга вызвала неподдельный интерес как в научном мире, так и среди самых широких читателей. Она актуальна и сегодня, часто используется современными авторами как прошедший проверку временем незаменимый и содержательный источник политической истории Восточной Сибири³.

Б.Г. Кубалов много делает и для восстановления забытых могил декабристов. О его заслугах в этом деле свидетельствует информация из журнала «Каторга и ссылка»: «Недавно в Иркутске Б.Г. Кубаловым найдена могила декабриста Бечастного на кладбище Знаменского монастыря. В поисках этой могилы Кубалов опросил целый ряд потомков декабристов Бечастновых, Чернышевых, Сухиновых, Шведовичей и др., и, наконец, по указанию невестки Бечастного (жены его младшего сына Михаила), Аграфены Трофимовны Бечастной, могилу удалось найти. Могила находится на Знаменском кладбище против входа, вблизи могилы княгини Трубецкой. Каменная плита, возвышавшаяся когда-то над могилой, глубоко вошла в землю, надпись прочесть невозможно. Сохранились только следы некоторых букв. Иркутская декабристская комиссия приступила к восстановлению могилы»⁴.

Издание статей и книг, разработка и чтение специального курса лекций, постоянное расширение и обогащение проблематики своих исследований, а также поддержка всех начинаний деканом факультета общественных профессий <...> профессором В.И. Огородниковым – все это сделало Б.Г. Кубалова признанным лидером изучения новой обширной научной темы, «одним из родоначальников иркутской школы декабриствоведения»⁵. Вокруг него быстро складывается кружок учеников, зараженных увлеченностью своего учителя: М.К. Одинцова и В.Е. Дербина, некоторые другие – именно о них постоянно упоминается в переписке. Среди этой молодежи заметно выделялся своими способностями Ф.А. Кудрявцев, бывший писарь одной из частей Красной

² Ильина Е.В. Ученые иркутской исторической школы (по материалам фондов личного происхождения ОГУ ГАИО) // Сибирский архив: Архивные документы, публикации, факты, комментарии: Научно-популярный историко-краеведческий сборник / под ред. Н.К. Шестаковой. Иркутск, 2008. Вып. 4. С. 101–102.

³ Кубалов Б.Г. Декабристы в Восточной Сибири: Очерки. [Иркутск], 1925. 216 с.; Кубалов Б.Г. Декабристы в Иркутске и на ближайших к нему заводах: К юбилею Декабрьского восстания. Иркутск, 1925. 33 с.

⁴ Могилы декабристов // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник / под общей ред. Вл. Виленского (Сибирякова). Кн. 21: 100-летие восстания декабристов. М., 1925. С. 294.

⁵ Перцева Т.А. Декабристская тематика на страницах «Сибирской ссылки»: неокончательные итоги 40-летних исследований // Сибирская ссылка: сб. науч. ст. Иркутск, 2013. Вып. 7 (19). С. 9.

армии, откомандированный в Иркутский университет и учившийся здесь на историческом отделении гуманитарного факультета в 1920–1924 гг.

Федор Александрович Кудрявцев родился в Олонках, селе, в котором с 1827 по 1872 г. жил В.Ф. Раевский. Память о первом декабристе, а также отдельные его вещи и мебель бережно сохранялись местными жителями. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, вполне могло сказаться на выборе будущей профессии: Кудрявцев, совершенно осознанно выбрав именно историческое отделение, проучился здесь с 1920 по 1924 г. Уже тогда, студентом, Федор Александрович вполне профессионально исследовал историю «польской ссылки», а завершая свое обучение, под руководством Кубалова выполнил магистерскую работу «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте...». В 1927 г. она была издана в Польше на польском языке⁶.

Творческое наследие Ф.А. Кудрявцева отличается редкой многогранностью. В библиографическом списке его работ есть труды по истории революционного движения, народного образования, развитию высшей школы, просвещения, краеведения, архивного дела в сибирском регионе и Бурятии. При этом его имя можно по праву связать с началом систематического научного изучения истории царской каторги и ссылки в стенах Иркутского университета. Именно Кудрявцев, вслед за Кубаловым, стал разрабатывать здесь декабристскую тематику. Им созданы работы о В.Ф. Раевском, К.П. Торсоне, Н.А. Бестужева, братьях Кюхельбекерах, А.П. Щапове. Автору, пожалуй, впервые удалось на широком документальном материале, который ранее никто не использовал, показать разносторонний экономический, политический, образовательный и культурный вклад декабристов в развитие сибирского общества⁷.

После окончания университета Ф.А. Кудрявцев преподавал в школах Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ), работал в архивном управлении Бурятии. В 1937 г. он был арестован, обвинен по 58-й статье и помещен в иркутскую тюрьму, но в том же году освобожден под подписку о невыезде. В 1940 г., после восстановления в университете историко-филологического факультета, Ф.А. Кудрявцев был приглашен на создаваемую кафедру истории СССР, преподавал историю Сибири, историю Средних веков, историю южных и западных славян. В 1940 г. в издательстве АН СССР вышло капитальное исследование Ф.А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа: очерки», по которому в 1942 г. автор успешно защитил кандидатскую диссертацию в Иркутском университете. В 1956 г. он возглавил кафедру истории СССР, в 1961 г. ему было присвоено звание профессора, а в 1970 г. он стал доктором исторических наук⁸.

В 1950-е гг. Ф.А. Кудрявцев был одним из ведущих авторов и редакторов двухтомного труда «История Бурятской АССР», получившего высокую оценку специалистов. Самое активное участие принял Ф.А. Кудрявцев в подготовке и написании многотомной «Истории Сибири», изданной

⁶ Агалаков В.Т. Ф.А. Кудрявцев // История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета ... С. 103.

⁷ См., например: Кудрявцев Ф.А. Декабрист К.П. Торсон в Забайкалье // Декабристы в Бурятии: сб. ст. Верхнеудинск, 1927. С. 79–87; Он же. Декабристы братья Кюхельбекеры на поселении // Жизнь Бурятии. 1925. № 9/12. С. 127–139; Он же. Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках. Иркутск, 1925.

⁸ Агалаков В.Т. Указ. соч. С. 105.

в 1968–1969 гг., – он выступил членом главной редакции всего издания, редактором третьего тома, автором многих разделов второго и третьего томов. О вкладе Ф.А. Кудрявцева в создание «Истории Сибири» свидетельствуют и строки из письма А.П. Окладникова В.И. Дулову (1963 г.): «Я хочу сказать – поблагодарить тебя и земляков-иркутян за огромное дело, которое вы сделали и делаете для «Истории Сибири». Во всяком случае, у всех одинаково создалось впечатление, что это (вы!) самая сильная группа историков Сибири – и в этом, прежде всего, [заслуга] твоя и Федора Александровича»⁹.

В 1925 г. судьба развела учителя и ученика: Борис Георгиевич уехал в Москву, работал архивистом-консультантом Управления Центрархива РСФСР, затем резко поменял род своей деятельности – приобрел профессию инженера-взрывника и с 1931 г. перешел на службу в «Союзвзрывпром», где написал и опубликовал три книги по истории взрывного дела в СССР. По всей видимости, отношения с Ф.А. Кудрявцевым в 1930-е гг. стали эпизодическими, и только с 1957 г. они были возобновлены.

В письмах говорится о многих российских и иркутских историках. Отметим здесь только имя Семена Федоровича Ковалья (1923–2005) – как продолжателя декабристской темы после Ф.А. Кудрявцева. В 1949 г. С.Ф. Коваль окончил историческое отделение Иркутского университета и был принят ассистентом на кафедру истории СССР, а уже в 1951 г. опубликовал в областном издательстве свою первую работу о В.Ф. Раевском. Задатки талантливого историка и подметил Кубалов, написавший в письме к Ф.А. Кудрявцеву в феврале 1957 г.: «С работами С.Ф. Ковалья знаком. Не знал я только о том, что он, до некоторой степени, мой «внук». Работы этого молодого историка хотя и посвящены узким темам, но изложены довольно толково, от чего можно ожидать хорошую разработку и более широких тем...». В 1975 г., в год полутораугольного юбилея восстания дворянских революционеров, под редакцией С.Ф. Ковалья были изданы два сборника статей и материалов – «Дум высокое стремление» и «В сердцах Отечества сынов». Особенно ценным представляется последний, составленный из наиболее известных работ М.В. Нечкиной, Ф.А. Кудрявцева, М.К. Азадовского, Б.Г. Кубалова, В.Е. Дербиной, Н.М. Дружинина и самого С.Ф. Ковалья¹⁰.

Настоящая переписка уже была частично опубликована¹¹, однако не содержала комментариев, а также не весь рукописный текст, что важно подчеркнуть, был до конца распознан. Данная публикация писем имеет более законченный вид.

⁹ Дулов А.В. Корреспонденция профессору В.И. Дулову по проблемам истории Сибири // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: мат-лы Всерос. науч.-теор. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. В.И. Дулова. Иркутск, 2013. С. 18.

¹⁰ Коваль С.Ф. Декабристы и общественное движение 50-х – начала 60-х годов XIX века // В сердцах Отечества сынов / сост. и науч. ред. С.Ф. Коваль. Иркутск, 1975. С. 263–278.

¹¹ Иванов А.А. «...Любящий Вас Б. Кубалов // Изв. Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2016. Т. 16. С. 220–229; Он же. «Сам я сейчас работаю над вопросом привлечения Щапова к делу сепаратистов»: из писем Б.Г. Кубалова Ф.А. Кудрявцеву // История исторической науки в России XVIII–XXI вв. Одиннадцатые Щаповские чтения: мат-лы Всерос. науч. конф. Иркутск, 12 октября 2018 г. / сост. А.С. Маджаров. Иркутск, 2018. С. 199–207.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву*

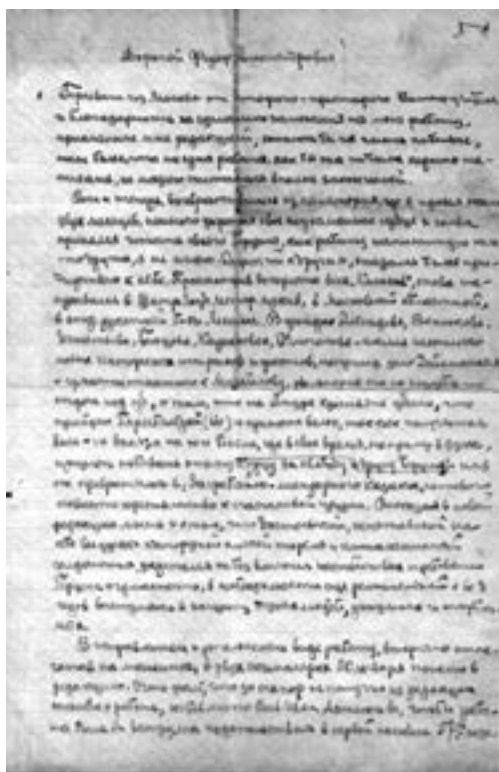
Дорогой Федор Александрович.

Привет из Москвы от старого-престарого Вашего учителя и благодарности за сделанные замечания на мою работу, присланные мне редакцией; хотелось бы их иметь побольше, тем более что ни одна работа, как бы она ни была хорошо написана, не может считаться вполне законченной.

Вот и теперь, возвратившись из санатория, где я провел около двух месяцев, немного укрепил свое неугомонное сердце и снова принялся читать своего Герцена, как работу, написанную кем-то другим, а не мною¹. Строгий к другим, казался более придирчивым к себе. Просмотрев вторично весь «Колокол», снова направился в Центр[альный] госуд[арственный] истор[ический] архив, в Московский областной, в отд[ел] рукописей б[иблиоте]ки Ленина. В фондах < нрзб >, Венюкова², Игнатьева³, Бюцова⁴, Корсаковых⁵, Белоголового⁶ нашел несколько новых интересных штрихов и фактов, например дело Дейхмана О.А.⁷ о гуманном отношении к Михайлову⁸, увольнение его со службы и отдача под суд, о том, что на Амуре крестьяне ждали, что придет Гарибальдий⁹ (sic) и принесет волю, так как полученная воля – не воля; а на юге России, где в свое время, например в Одессе, пришлось побывать этому другу Герцена и борцу за свободу, имя его превратилось в «Загребайло» – легендарного казака, готового повести крестьянство к счастливой жизни. Высказал в новой редакции мысль и о том, что Достоевский, испытавший на себе все ужасы каторжной омской тюрьмы и семипалатинской солдатчины, укрепился не без влияния настойчивых требований Герцена о гуманности в необходимости еще решительней с 60-х годов выступать в защиту бедных людей, униженных и оскорбленных.

В исправленном и дополненном виде работу, вторично отпечатав на машинке, в двух экземплярах 20 января пошлю в редакцию. Очень жаль, что до сих пор не получил из редакции отзыва о работе, составленного Всево[лодом] Иван[овичем]¹⁰. Хотелось бы, чтобы работа была выпущена издательством в первой половине 57-го года к столетнему юбилею со дня выпуска в свет первого листка «Колокола».

«Литературное наследство» сейчас выпустило 63[-й] том, по-

* Письмо не датировано, предположительно, 1957 г.

Б.Г. Кубалов

священный Герцену, там есть и моя небольшая публикация¹¹ с вводной статьей о Раевском¹², о дуэли 1859 г.¹³ Хотелось бы, чтобы, прочтя этот том, Вы дали бы, хотя бы вместе с Вс[еволодом] Ив[ановичем], рецензию о нем если не в целом, то в отношении к вопросам, связанным с Сибирью. Вам, наверно, известно, что последние 25 лет я приобрел новую профессию инженера-взрывника. Работа в этой области была тем хороша, что обеспечила меня и дала возможность не думать о завтрашнем дне. Взрывному делу посвящены три мои большие работы. Одну из них – история взрывного дела в СССР¹⁴, выпущенную в 1949 году, насколько помню, направил Вам.

Теперь «на старости я сызнова живу», минувшее Сибири проходит предо мною¹⁵. Снова прочитываю сделанные 25 лет тому назад выписки из разных работ, архивных материалов наброски и планы задуманных ранее тем, т. е. перебираю весь строительный материал для новых сооружений. Хочется в свои 78 лет сделать на оставшемся коротком отрезке жизни больше, чем сделано в зрелые годы к вящей славе милой моему сердцу Сибири.

Одновременно с этим письмом я отправил письмо и Кон[стантину] Влад[имировичу]¹⁶. В нем я высказал пожелание, чтобы из Сибири был поднят вопрос о возобновлении издания «Сов[етской] Сиб[ирской] энциклопедии» или, по крайней мере, двух ее последних томов. 4-й том, насколько мне известно, был выпущен в количестве 25 экз. и не в полном объеме, а только в 17 печ[атных] первых листов. Секретарь редакции, мой лучший друг и ученик А.Н. Турунов, умер в окт. 54 года¹⁷, у его вдовы сохранились кое-какие материалы, связанные с планами издания 4 и 5-го томов этого издания. Обсудите это предложение с вашими товарищами, возможно привлечь томичей, новые силы Якутского, Владивостокского университетов. Важно, чтобы мысль о возобновлении издания снова вошла из недр Сибири.

Прошу сообщить мне, над чем работаете Вы лично, ваши товарищи по профессии. Над какими темами работают аспиранты, кто ведет курсы истории в Якутске, Владивостоке.

Привет Вам от Михайловской, канд. ист. наук¹⁸, от Поповой¹⁹ (зав. музеем быв[шей] Тр[оице]-Серг[иевой] Лавры, где, между прочим, погребен был уже в третий раз Неклюдов, о чем неизвестно историкам²⁰), а также от Веры Евг[еньевны] Дербиной – преподавательницы историко-архивн[ого] института и начальника Моск[овского] обл[астного] архива²¹.

В ожидании ответа любящий Вас Б. Кубалов.

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову*

Здравствуйтесь, дорогой учитель Борис Георгиевич!

Очень благодарен за Ваше письмо. Рад, что Вы продолжаете бодро и энергично заниматься научно-исследовательской работой, желаю новых успехов.

Никогда не забуду, что я вступил на путь изучения истории Сибири по Вашему благословению. При Вашем содействии была опубликована моя первая статья «Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках». Вами же рекомендована тема «Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 г.» (Она была опубликована на польском языке). Вашу любовь к декабристской тематике я сохранил и передал своему ученику С.Ф. Коваль²² – автору книги «Декабрист В.Ф. Раевский» (Иркутск, 1951). Он предполагает подготовить новое, дополненное издание этой книги. Ему же поручено Иркутским издательством написать брошюру «Декабристы в Иркутске». Коваль систематически работает в архивах по теме «Общественная роль декабристов в Сибири».

Вас интересует моя работа и работы иркутских историков.

За последние пять лет опубликованы написанные мною разделы первого тома коллективного труда «История Бурят-Монгольской АССР» (XVII, XVIII, первая половина XIX в.), Улан-Удэ, 1954, статья «Исторические взгляды Д. Банзарова», совместная с В.И. Дуловым книга «Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг.», сдал в печать статью «Декабрист Н.А. Бестужев о хозяйстве Селенгинского района».

В этом году должна быть издана книга «Иркутск. Очерки по истории города» (с 1652 по 1957 г.), написанная мною совместно с моим учеником Г.А. Вендрих²³. (Я писал о дореволюционном Иркутске.)

Закончил довольно объемистый труд (118 страниц машинописи) «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине

Ф.А. Кудрявцев

* Письмо не датировано, предположительно, 1957 г.

XIX в.». Над ним я работал долго, занимался в архивах Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Ленинграда (фонды Сибирских Комитетов и Сената). Издание этой работы запланировано на 1958 год.

Академией наук издается книга В.И. Дулова по истории Танну-Тувы²⁴ в XIX в. Вышла его книга «Крестьянское движение в Восточной Сибири в период Первой русской революции». Им собрано много ценных материалов по истории Восточной Сибири в XIX – начале XX в.

Предполагается издание второго тома книги В.Н. Шерстобоева²⁵ «Илимская пашня» (Пашня Илимского воеводства в конце XVII и начале XVIII вв.).

М.К. Одинцова²⁶ опубликовала две статьи по истории Сибири в XVII–XVIII вв. Она просила передать Вам привет.

Энергично работает и много печатает по археологии П.П. Хороших²⁷. Он также приветствует Вас.

Доцент Педагогического Института О.И. Кашик²⁸ защитила диссертацию (кандидатскую) на тему «Социально-экономическое развитие Иркутского уезда в конце XVII и начале XVIII в.». Один из фрагментов этой работы опубликован.

Ряд наших историков занимается изучением истории Советского общества. В скором времени в журнале «Вопросы истории» будет опубликована статья о работе иркутских историков. В Государственном архиве Иркутской области работает способный историк-архивист З.Т. Тагаров (бурят)²⁹, опубликовавший ряд статей в журналах и газетах по истории Восточной Сибири.

Один из Ваших учеников по Иркутской гимназии С.В. Шостакович, доцент Университета³⁰, опубликовал ряд статей по истории англо-иранских отношений в первой половине XIX в. Как видите, иркутские историки кое-что делают.

В настоящее время Иркутское областное издательство целиком занято подготовкой к печати работ, посвященных сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции.

Полагаю, что Ваша работа пойдет по плану 1958 года. Как видно из Вашего письма, Вы предполагаете представить новый вариант работы. Я, В.И. Дулов, К.В. Чуйко окажем всяческое содействие в ее опубликовании.

Передайте мой дружеский привет В.Е. Дербиной, Д.И. Поповой, Михайловской. Вам просил передать привет А.И. Занкевич³¹. Старые иркутяне Вас хорошо помнят, а молодые историки знают по Вашим научным трудам.

Желаю здоровья и успехов в работе.

С приветом, Ваш ученик Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–20 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

Письмо ваше, дорогой Федор Александрович, хотя и отправленное давно, получено лишь сегодня. Вина тому рассеянность отправителя. Больше 30 лет проживаю я на улице 2-й Бауманской, д. 3, кв. 17, а вы на конверте напи-

сали 2-я Басманная, а в Москве такой и нет. Вот почему письмо дней десять и путешествовало. Я весьма рад тому, что получил его. Хвала работникам связи!

Ваш труд «Соц[иально]-экон[омическое] развитие юго-вост[очной] Сибири» должен по новизне тематики представить большой интерес. Ведь этому вопросу почти не уделялось никакого внимания. Я полагаю, что это ваша докторская диссертация и вы, по свойственной вам скромности, умалчиваете об этом. Смеею думать, что вы уже и защитили ее. Если мое предположение правильное, то сообщите, где и когда. Если же только подготовлена к защите, то почему нет ее в Ленинской библиотеке, куда в одном экземпляре направляются все кандидатские и докторские диссертации³². Так как, по вашим словам, работа выйдет в свет лишь в 1958 г., а к тому времени я, весьма возможно, могу отправиться *ad patres*³³, то хотел бы ознакомиться хотя бы с оглавлением работы. Руководит мною в данном случае не только «любопытность» историка, но и теплое чувство дружбы. Возможно, что по некоторым вопросам у меня возникнут те или иные соображения, а может быть, среди моих личных бумаг найдутся кое-какие копии архивных документов. И с «соображениями», и с копиями охотно поделился бы с вами. Из вашего письма я вывел заключение, что материалами Московских архивов вы не пользовались, а в них, надо думать, можно найти, например, в «Древлехранилище», материалы особенно по XVIII в.

Капитальных работ современных историков по Сибири очень мало. С выпуском их в свет встречаются большие затруднения. Так, докторская дис[сертация] красноярца П.И. Кабанова³⁴ «Амурский вопрос и его завершение», законченная десять лет тому назад, до сих пор не издана. К тому же и ознакомиться с ней затруднительно: 1-й том ее в Ленинской б[иблиоте]ке, 2-й в б[иблиоте]ке пед[агогического] ин-та им. В. Потемкина³⁵, что представляет большое неудобство для пользования этой работой. По-видимому, в связи с изменившимся за последнее время отношением к трудам по общественным наукам, особенно по истории СССР, Академией наук в конце 1956 г. издана книга А.Л. Нарочницкого³⁶ «Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем востоке» (1860–1895). Объем ее – свыше 85 п. л. Меня заинтересовали вторые части 1-й и 2-й главы, посвященные вопросу англо-американской экспансии в пределы Вост[очной] Сибири. Основываясь, главным образом, на официальных материалах, автор совершенно не использовал личные фонды Игнатьева, Корсакова, Венюкова, Бюцова, письма Муравьева³⁷ (у меня имеется свыше сотни копий с его писем), не использованы письма А.И. Деспот-Зеновича³⁸, а их тоже не менее 50–60 шт. Вот почему автор не знает о таком интересном факте, как о попытке Коллинса³⁹ убедить Муравьева «продать Амур Америке», как территорию совершенно ненужную России, составляющую язву на ее теле.

Так завалишинские статьи⁴⁰ об Амуре преломлялись в панике (?) американцев, подогревая экспансионистские стремления наших «друзей» того времени.

Не знаю, дошла ли до Иркутска книга А.Л. Нар[очницко]го и успели ли вы просмотреть ее. В ней есть по 2–3 ссылки на работы ваши и Всев[олода] Ив[ановича].

Весьма радует меня ваше сообщение о том, что книга Всев[олода] Ив[ановича] о Танну-Туве принята к изданию Акад[емией] наук. Мне думается, что она составлена отчасти и на основании данных иркутского архива. 30 лет тому назад, когда вместе с моими учениками Долголенко⁴¹, Михайловской, Дербиной, Красильниковой⁴² и другими организовывали архбуоро, мы выделили и поместили в отдельный шкаф все дела по Урянхайскому краю. Хотелось бы иметь книгу Вс[еволода] Ив[ановича] о «Крестьян[ском] движ[ении] в В[осточной] Сиб[ири]», ведь в магазинах Москвы ее не найти, а читать в б[иблиоте]ке не всегда удобно; прошу написать, где опубликованы статьи М.К. Одинцовой. С вырезками из разных газет со статьями о Сибири, получаемыми архивным управлением, я знакомлюсь, статьи т. Тагарова читал, но что помещено им в журналах и в каких – мне не известно.

Кстати, об Ирк[утском] архиве. Мною закончена работа в объеме 5–6 п. л. из истории капитализма в Сибири – «Амурская компания» (1858–1865 г.)⁴³. Хорошо помню, что в арх[иве] ген.-губ. имелись дела о ней. Читальный зал Моск[овского] обл[астного] архива, где я знакомлюсь с его богатством, дважды в 1955 г. обращался в Ирк[утский] арх[ив] с просьбой выслать для меня 3–4 дела об Ам[урской] К°, там все время молчали, и только после того, когда инспектор ГАУ т. Фейнберг ревизовал в мае 1956 Ирк[утский] архив в читальный зал Моск[овско]го упр[авления], были высланы три дела. 8 окт. и 17 дек. Опять-таки дважды Моск[овское] обл[астное] упр[авле]ние обратилось с просьбой выслать дело о пребывании на Уссури Чеботарева⁴⁴ (карт[он] 1645) – предпоследнего управляющего делами К°, а также дело с жалобами Правления компании на действия в Амурской области П. Пузино⁴⁵ и других, отбравших «в счет будущих благ» у К° товары, – архив ничего до сих пор не высылает. Так как вы у них, поскольку мне известно, состоите консультантом, то моя убедительная просьба: оказать посильное содействие – убедить кого следует в необходимости выслать в чит[альный] зал Моск[овского] обл[астного] архива просимые мною материалы.

С работами С.Ф. Ковалева знаком. Не знал я только о том, что он, до некоторой степени, мой «внук». Работы этого молодого историка хотя и посвящены узким темам, но изложены довольно толково, от чего можно ожидать хорошую разработку и более широких тем. В новой его работе о декабристах желательно сказать несколько слов об участии Веденяпина⁴⁶ и Муханова⁴⁷ в ревизии Толстого⁴⁸, о столкновении Раевского с Беклемишевым⁴⁹ из-за 20 коп., излишне полученных сидельцем лавки за полуштоф водки, купленной Беклемишевым, о влиянии Веденяпина на выработку революционных воззрений Пестерева⁵⁰, а А. Поджио⁵¹ – на Н.А. Бел[оголов]ого. Обязательно нужно упомянуть о ст[атье] Раевского «Сельская сцена». Последний вопрос вскользь затронут в моей публикации: «Протест Ф.Н. Львова против выступления Бакунина об “Иркутской дуэли”», помещенной в «Литературном наследстве», т. 63 (стр. 228–240). Кстати, дошел ли до Иркутска этот том? Если нет, то сообщите авиапочтой, немедленно вышлю его бандеролью.

Следовало бы на этом поставить и точку, но люди моего возраста болтливы. Так много вопросов, так о многом хочется поделиться с вами, моим учеником-другом, давно, в свою очередь, ставшим учителем третьего поколения – молодежи середины XX в.

Поступил ли у вас в Иркутске в продажу 9-й альманах «Забайкалье», вышедший в Чите в конце 56 г.? Там есть небольшая статейка (230–241 стр.) о «Колоколе», составленная Е.Д. Петряевым⁵². С месяц тому назад я писал Кон[стантину] Владим[ировичу] о том, что 1.VII.57 г. столетний юбилей «Колокола», что к этой дате в газетах и журналах будут помещены заметки, небольшие статьи, составленные, в основном, на использовании печатных материалов, быть может заимствованных из 61–63 томов «Лит. насл[едств] ва». Чита явилась застрельщиком в этом деле. Мою работу, основанную на новых документальных материалах, Иркутску следовало бы также выпустить в 1957, а не в 1958 г., о чем вы сообщили мне. Я понимаю, что 1957 г. для издательств тяжелый год, от них требуют юбилейных изданий, посвященных 40-[лети]ю революции, но ведь и Герцен тоже причастен к ней. Эпиграфом ко 2-й редакции моей работы я взял слова Ленина (т. 18, стр. 9): «Рабочая партия должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для усиления своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя, сыгравшего великую роль в подготовке русской революции». Это одно, помимо самого содержания, посвященного развитию этой темы, должно послужить основанием и иркутскому издательству к выпуску и моей работы о Герцене, как юбилейном издании, в 1957 году.

До выхода в свет 63 тома «Лит. насл[едств] ва» я не имел права, согласно писательской этике, включать в свою работу опубликованное в нем найденное в архиве Л.Р. Ланским⁵³ прекрасное письмо Е.И. Рагозина⁵⁴ к сыну Герцена – лучший венок на могилу его отца от одного из представителей прогрессивной сибирской молодежи 60-х годов прошлого века. Копию этого письма посылаю вам. Одновременно пишу письмо к Кон[стантину] Влад[имировичу] и посылаю ему письмо, оно д[олжно] б[ыть] помещено на 107-й стр. работы, после ссылки «145».

В этом году, сообщаете вы, будет издана книга «Иркутск», в которой до-революционный период разработан вами. Мне интересно знать, будет ли там, хотя бы мимоходом, упомянуто о ревизии генерала фон-Валя⁵⁵ и Свинцова⁵⁶ в 1903 г. управлений Забайкальской и Сибирской дорог, считавшихся штабами с[оциал]-д[емократов] и других революционных групп. Хороший материал об этом имеется в деп[артамен]те полиции, с которым я недавно познакомился. Знаете ли вы о нем и нужен ли он вам?

Искренний привет от меня Мар[ии] Кон[стантиновне] Одинцовой, П.П. Хороших, А.И. Занкевичу – чем он занят теперь? С. Шостаковича я помню «малюткой». Хотелось бы знать о судьбе его братьев, моих юных друзей – Андрюши и Володи⁵⁷.

Привет от всех иркутянок-москвичей. Одна из них – Михайловская – что-то должна была написать П.П. Хороших.

Пока всего хорошего. В ожидании ответа остаюсь любящий вас Кубалов.
12 февр. 1957 г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. № 3, кв. 17.

P.S. Может быть, вам самому что-либо попало в Ирк[утском] архиве об «Амурской К^о», подскажите сотрудникам, пусть вышлют, что найдут о ней. Ведь 1958 год тоже юбилейный: «Айгунский договор», «Амурская К^о». Об Айгунском договоре у меня лежит почти готовая статья.

Ваш Кубалов.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 2–3

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудряцеву

Посылаю Вам, дорогой Федор Александрович, оттиск публикации, помещенной в «Литературном наследстве», т. 63, 1956 г. Прошу Вас другой оттиск и письмо передать Всеволоду Ивановичу, так как адреса его я не знаю.

Получив № 2 «Вопросы истории», был весьма огорчен тем, что ни на научной сессии во Владивостоке, ни на совещании историков Монгольской Народной Республики не было никого из представителей кафедр сибирских университетов, имею в виду Иркутский и Томский университет. Чем это объяснить? Ведь в Томске сосредоточены архивы Приморья.

Еще один вопрос. Не думаете ли Вы переработать «Восстание поляков на Кругобайк[альской] дороге»?⁵⁸ Если поставите в план своих работ, представлю в Ваше полное распоряжение интересные материалы, имеющие непосредственное отношение к данной теме. Ведь не за горами и столетний юбилей польского восстания 63 года, и сибирские историки должны откликнуться на него, хотя бы даже по чувству дружеских отношений к Польской республике.

Не знаю ничего о судьбе моего «Герцена и общественности Сибири». Рукопись во второй редакции была послана К[онстантину] Вл[адимировичу] еще в январе, но от него ответа на два моих письма не получил. Если Вам что-либо известно об этом, прошу уведомить меня.

Привет от Веры Евгеньевны и наших иркутянок – Михайловской, Поповой, с которыми частенько вижусь, вспоминаем былые дни и наших друзей.

Остаюсь любящий Вас Б. Кубалов.

15. IV. 1957.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 4–4 об.

Ф.А. Кудряцев – Б.Г. Кубалову

Здравствуйтесь, дорогой учитель Борис Георгиевич!

Извините, что Ваш нерадивый ученик, запутавшись со всякими делами, долго не писал Вам.

Сердечно благодарю за теплое поздравление по случаю моего шестидесятилетия. Ведь я очень многим обязан Вам. Вы первый благословили меня на путь научно-исследовательской работы по истории Сибири, стали первым руководителем и вдохновителем на этом пути. Вами рекомендованы темы моих ранних работ: «Первый декабрист В.Ф. Раевский в Олонках» и

«Восстание поляков на Кругобайкальском тракте в 1866 году». И теперь я с огромным интересом читаю и использую Ваши новые работы.

Ваша книга «А.И. Герцен и сибирское общество» очень хорошо встречена иркутянами и быстро разошлась⁵⁹. Недавно я хотел послать эту книгу одному из своих знакомых в Улан-Удэ, но купить не удалось: ее уже не было в продаже. Очень интересна статья о гарибальдийцах в Сибири⁶⁰.

Я, С.Ф. Коваль, С.В. Шостакович решили вернуться к моей старой теме и написать книжку о восстании поляков на Байкале в 1866 году.

Готовимся к конференции историков Сибири и Дальнего Востока в начале 1960 года. Она будет проходить в Новосибирске (пленарное заседание), Томске (История Советской Сибири), Иркутске (Дореволюционная история Сибири, археология, антропология и этнография). Мне и С.В. Шостаковичу пришлось редактировать тезисы докладов, представленных на иркутскую часть конференции. Всего представлено до 80 текстов тезисов, среди них есть очень интересные.

Мы, иркутяне, решили предложить на конференции: 1) о составлении сводного коллективного труда по истории Сибири; 2) о возобновлении издания «Сибирской Советской энциклопедии».

Я участвую в коллективном труде «Очерки истории исторической науки в СССР», подготовляемом Институтом истории Академии наук СССР. Мне поручены разделы по историографии Сибири. Для II тома представлена статья «Изучение истории Сибири во второй половине XIX в.», для третьего – «Изучение истории Сибири в конце XIX и начале XX в. (1895–1916 гг.)». Следующий том, посвященный изучению Сибири в советскую эпоху, выйдет в нескольких выпусках, будет наиболее обширным.

Вышел третий том нашей «Истории Бурятской АССР», посвященный истории Бурятии в советскую эпоху.

Моя работа «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в.» передана для редактирования, редактор В.И. Шунков⁶¹.

Пишу очерки из истории Предбайкалья (Иркутской области). Вообще желание работать большое.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом, желаю здоровья, новых творческих успехов и всего лучшего.

Прошу передать мой товарищеский привет Вере Евгеньевне (ведь мы вместе учились в университете), благодарю ее за приветствие по случаю моего шестидесятилетия, поздравляю с Новым годом, шлю самые наилучшие пожелания.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

P.S. Только вчера я приобрел книгу К.В. Кудряшова «Про Игоря Северского, про землю Русскую»⁶². Хотелось бы узнать, где теперь находится К.В. Кудряшов, его адрес. Если не затруднит, сообщите.

Ф.К.

20 декабря 1959 года.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

2.I.60 г.

Дорогой Федор Александрович!

Очень был обрадован, получив от Вас к Новому году хорошее, бодрящее письмо. Рад известию о том, что Верх[овный] Совет Бурятской республики присвоил Вам звание заслуженного деятеля науки и техники республики, – это большая награда и признание Ваших заслуг. Жаль, что иркутяне, народ нерешительный и боящийся, замедлили с таким представлением в высший орган СССР. Ведь таких людей, которые всю свою жизнь отдали служению местному краю или малым народностям, как буряты, мало, очень мало, все они наперечет.

Был у нас на днях Серг[ей] Вл[адимирович], говорил о юбилейном чествовании – редком в иркутской жизни событии. В Москве так тепло и трогательно не отмечают юбилеи даже видных ученых-академиков с мировым именем. Чествование носит сухой, официальный характер.

Приятно мне было читать, что к столетию национально-освободительной борьбы поляков Вы готовите в сотрудничестве с другими работу о поляках в ссылке и на каторге, тема большая и интересная. Вашей же волей будет затронуть и 1830 г., наверное, встретятся два поколения поляков – 30-х и 60-х годов в Сибири.

Приветствую и Ваше решение дать вторым изданием работу о восстании на Кругобайкальском тракте, ведь работа Ваша на польском языке многим сибирякам и неизвестна. К тому же у Вас имеются и новые данные. Кое-что есть в фонде Корсаковых в МОГИА (ф. 864)⁶³, в письмах Б.К. Кукель⁶⁴, есть приказ Корсакова о составе суда и др. В Москве над этой темой работает сотрудница И[нститу]та славяноведения Митина Н.П. А в Ленинграде также несколько лиц разрабатывают некоторые темы, связанные с борьбой поляков в 1863 году. В Ленинграде и в Москве сотрудниками И[нститу]та слав[яноведе]ния» взято на учет (карточки) все, что имеется в архивах по делу 1863 года.

Сам я, насколько позволяют мне силы, продолжаю работать над гарибальдийцами в Сибири. Работа идет очень медленно. Об одних из них, как о Л. Кароли⁶⁵, есть большой материал, о других, как бр[атьев] Меули, – почти ничего нет⁶⁶. Причем работу вопреки всем методическим указаниям начал с конца – с каторги (65 г.) Нерчинской, затем в Петр[овском] З[аво]де (64 г.), а потом на пути в Сибирь (май–дек. 63 г.).

Кто-то из архивных работников (говорят, т. Яковлев – зам[еститель] нач[альника] Гл[авного] арх[ивного] упр[авления] СССР) на одном из «ученых советов», говоря о новых материалах по 1863 году, заявил, что и буряты (!) принимали участие в борьбе поляков. Ко мне обращаются с вопросом: «правда ли это». Говорю откровенно: мне ничего не известно. Во всяком случае попросил Веру Евгеньевну позвонить т. Яковлеву (она знакома с ним) и узнать, в чем дело, почему ему приписывают эту «новость» о бурятах.

Вместе с этим письмом отправил Вам заказной бандеролью два экземпляра «Герцен и общ[ественно]сть Сибири». Один экз[емпляр] Вам, другой для отправки за Байкал одному из Ваших учеников. Книга К.В. Кудряшова у меня есть. Прочел недавно работу П.И. Кабанова «Амурский вопрос» – переработка его докторской диссертации в 2 томах, хранящейся отпечатанной на машинке в Лен[инской] б[иблиоте]ке и в б[иблиоте]ке пед[агогического] ин[ститу]та им. Потемкина. Книга издана в Благовещенске довольно прилично.

Хотел написать на нее рецензию. Некоторых выводов автора принять не могу. Кабанов не использовал совершенно материал Корсаковского фонда, хранящийся в МОГИА, особенно письма Н.Н. Муравьева и других участников в деле «разрешения» Амурск[ого] вопроса. Но так как составление рецензии отвлекло бы меня надолго от гарибальдийцев, то мысль о ней осталась. Пусть поработают над книгой более молодые.

Сам я только недели две тому узнал от А.И. Михайловской, что К.В. Кудряшов уже два десятка лет живет в Москве, а я его разыскиваю в Ленинграде. Она же сообщила его адрес: Москва-248, Кутузовский проспект, д. № 10/д, кв. 186, тел. Г-3-59-12.

Пишите. Любящий Вас Кубалов.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 10–11 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

Дорогой Федор Александрович!

Вместе с Верой Евгеньевной поздравляем Вас с радостным праздником мая и, как друзья, шлем Вам искренние, сердечные пожелания. Перечислять их едва ли нужно, они могут занять много места в письме.

С большим интересом прочел тезисы Вашего доклада об эвенках, их хозяйстве и общественных отношениях. Ведь народы, древнейшие обитатели Сибири, особенно Забайкалья, их быт, хозяйство почти не изучались ни историками, ни краеведами. Рад тому, что Забайкалье по-прежнему увлекает Вас. Хотелось бы скорее получить доклады и сообщения полностью, а не довольствоваться тезисами. Вот томичи уже месяц тому назад не только издали хорошую книгу докладов конференции, но и прислали ее в Москву. А иркутяне что-то поотстали с этим нужным делом.

Жду от иркутян нового номера «Ангары», в нем, по словам Всеволода Ивановича, предполагалось поместить мою небольшую статью, посвященную памяти Н.А. Белоголового к 125-летию со дня его рождения⁶⁷. Мне думается, что альманахи скоро прекратят свое существование и вместо них появятся журналы, как это сделано в Ленинграде, где вместо «Ленинградского альманаха» стал выходить прекрасный журнал «Нева» (газ. «Литература и жизнь» от 29 IV, см. статью «Путь «Невы»). Наверное, на этот путь станут и иркутяне. Ведь «Сиб[ирские] огни», «Дальний Восток» не охватывают всей Сибири и почти не уделяют внимания Вост[очной] Сибири и вопросам краеведения.

Сам я сейчас, борясь с болезнью, все же работаю, хотя не так усидчиво, как раньше, над вопросом привлечения Щапова⁶⁸ к делу сепаратистов. Газетная об этом статья превратилась уже в журнальную, а с получением материалов из «Следственной Омской комиссии», возможно, будет выпущена как брошюра. Ведь в деле богатый материал – показания Н.С. Щукина⁶⁹, Г.Н. Потанина⁷⁰. Очные ставки Щапова с ними. Показания самого Щапова. Жду заграничных изданий Э. Андреоли⁷¹ о его пребывании в Петровском Заводе и на Нерчинской каторге. 1-я часть его дневника, отпечатанная в «Revue moderne», т. 48 от 1868 г., мною переведена, она заканчивается сент. 1863 и описанием Барабинской степи, 2-я же часть в журнал не попала, он прекратил свое существование. Тогда

Андреоли полностью издал свой «Дневник пленного» в Париже в 1869 г. и в итальянском переводе в том же году в Бергамо. Вот одну из этих книг я и добиваюсь получить в Москве; вернее, выписать из-за границы в Москву. На этом покамест заканчиваю письмо. Любящий Вас Б. Кубалов.

30. IV 60.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 8–9

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову*

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю вас с международным праздником трудящихся Первого мая, желаю доброго здоровья, творческих успехов в работе и всего лучшего в жизни.

Заканчиваем сборник матер[иалов] по истории Сибири, в котором будет опубликована ваша статья об Амурской компании⁷². В Иркутске интересно прошла конференция историков по истории Сибири в эпоху капитализма.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 13

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову**

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю вас с праздником Великого Октября, желаю здоровья, творческих успехов и всего лучшего в жизни.

Высылаю еще один сувенир, посвященный 300-летию Иркутска, – марку «300 лет городу Иркутску» и новый вариант юбилейного конверта (с изображением Ангарского моста).

Если бы это было в моих силах, я присвоил бы Борису Георгиевичу за его заслуги по истории Сибири звание почетного иркутянина.

С приветом, Ваш ученик Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 17 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

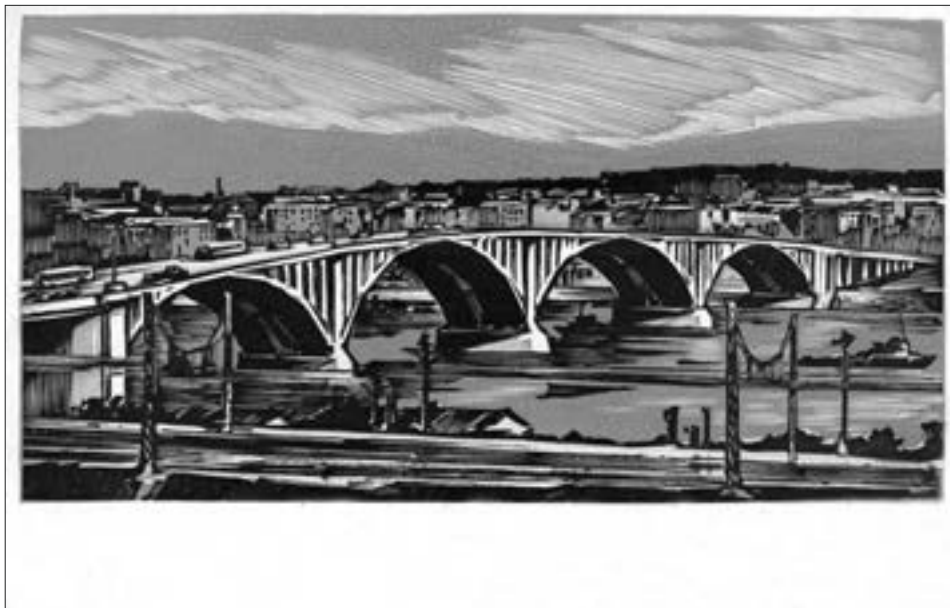
9.VIII.61 г.

Несказанно Вы обрадовали меня, дорогой Федор Александрович, неожиданной присылкой оригинального подарка: «Иркутску 300 лет». Он хранится у меня на письменном столе как лучшее его украшение.

Каждый, кто навещает меня, еще продолжающего болеть, просит рассказать о выдающихся событиях общественной, политической культурной жизни этого чудного города. Делюсь с каждым тем, что память мне сохранила. Особенно памятны университетские годы и люди, с которыми приходилось

* Письмо не датировано, предположительно, 1960 г.

** Письмо не датировано, предположительно, 1961 г.

принимать участие в закладке прочного фундамента этого столь долгожданного храма науки.

Пребольшое спасибо за память и за оригинальный подарок с его чудесным рисунком величественного моста через красавицу Ангару.

Хотя с большим запозданием, но зато искренне, сердечно поздравляю Вас, дорогой Федор Александрович, с присуждением Вам профессорского звания. Оно послужит стимулом к еще более плодотворной работе над созданием ценных работ по истории любимой нами Сибири и народов, ее населяющих. Пишите о «делах и днях» наших иркутских историков, о том, над чем сами работаете. Если немного поправлюсь, постараюсь закончить перевод Эмиля Андреоли – записки военнопленного «Из Польши в Сибирь». Небольшое сообщение из этой работы помещено в журнале «Историч[еский] архив», № 3 за этот год⁷³. Редакция просила дать еще что-нибудь «интересное» о Сибири и гарибальдийцах. Из своего «портфеля» мог предложить им «привлечение А.П. Щапова к делу сепаратистов» (1865 г. Омская комиссия). Примут ли эту небольшую статью – не знаю.

На этом пока кончаю, привет от Веры Евгеньевны.

Любящий Вас Б. Кубалов.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 12–13

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову

Здравствуйте, дорогой Борис Георгиевич!

Благодарю за письмо. Я не мог сразу ответить на него, так как находился «на диком берегу Иртыша»: сначала в Омске, затем в Тобольске. Я отправился туда для ознакомления с документальными материалами архивов, музеев и историческими памятниками. Это было связано с подготовкой II и III то-

мов обобщенного коллективного труда «История Сибири». Мне придется участвовать в разделах, посвященных XIX и началу XX в. (до 1917 г.). От восточносибирской тематики нужно переходить к общесибирской (от Урала до Великого океана).

В Омске я познакомился с фондами Сибирского генерал-губернатора и Главного управления Западной Сибири. В них имеются ценные материалы по истории Западной и отчасти Восточной Сибири с первой четверти XIX в. до 80-х годов XIX в. В 1888 г. функции Главного управления Восточной Сибири перешли к Канцелярии Степного генерал-губернатора с резиденцией в Омске. Я надеялся и на этот фонд, но он передан в Алма-Ату, т. к. содержит материалы о киргизах и казахах.

Интересен и богат по содержанию тобольский архив.

Омск поразил меня успехами в городском благоустройстве, обилием цветов и деревьев на его улицах. Тобольск отстал в этом отношении от других городов, но он больше всех сохранил колорит старины. Недавно правительство признало его городом-заповедником по историческим памятникам. Здесь происходят реставрационные работы.

На высокой безлесной, покрытой травой горе красуется Тобольский кремль («каменный город»). Сохранилась часть каменных стен и башен XVII–XVIII вв. Хорошо выглядят рентерее («шведская палата»), колокольня, напоминающая колокольню Ивана Великого, два собора, консистория, архиерейский дом, где помещается музей, дворец наместника. Полностью сохранились стены, башни и жилые помещения, склады гостиного («менового») двора, построенного в 1703–1705 гг. Здесь находится Государственный архив Тюменской области. В рентерее («шведской палате»), построенной в 1714–1716 гг. при участии пленных шведов, находится архивохранилище.

Наиболее старое здание – Софийско-Успенский собор – замечательный образец национального русского творчества, построено в 1681–1686 гг.

В нагорной части города, на мысе Чукман, находится памятник в форме остроконечного мраморного обелиска на гранитном пьедестале. На одной стороне памятника надпись «Покоритель Сибири Ермак», на другой: «Поставлен в 1839 году».

В нижней (подгорной) части Тобольска встречаются церковные постройки XVIII в. Примечательно здание бывшей Тобольской губернской гимназии. Оно было сооружено в 20-х годах XVIII в., но изменилось в результате позднейших перестроек. Здесь жил композитор А.А. Алябьев, учился и работал поэт П.П. Ершов, учился великий русский ученый Д.И. Менделеев. Недалеко от здания гимназии ему поставлен памятник.

К мемориальным памятникам относятся дома П.П. Ершова, декабристов А.М. Муравьева, П.Н. Свистунова, М.А. Фонвизина, украинского писателя П.Р. Грабовского.

Память о замечательных людях хранят надгробия на могилах художника М.С. Знаменского, историка П.А. Словцова, декабристов А.М. Муравьева и Ф.Б. Вольфа, В.К. Кюхельбекера, А.П. Барятинского, С.Г. Краснокутского, писателей П.П. Ершова и П.Р. Грабовского.

Много ценных экспонатов имеется в Омском и Тобольском музеях. Даже этот краткий перечень показывает, как интересна и полезна была моя поездка в Омск и Тобольск.

Я считаю себя воспитанником Кубаловской школы историков Сибири. Ведь Вы благословили меня на путь исторического изучения этой обширной части нашего отечества, определили основные направления работы, методики исследования, приобщили к архивным ценностям. Я всегда благодарен Вам за это, дорогой учитель. Рад, что Вы сохранили добрую память о нашем городе и об иркутянах. Отправляю еще два сувенира: конверт и «Постоянный табель-календарь», посвященные 300-летию Иркутска.

Печатается юбилейный сборник, в котором будет опубликована Ваша статья об «Амуре»⁷⁴. К сожалению, все статьи пришлось сократить из-за недостатка бумаги. Государственным архивом Иркутской области издан небольшой археографический сборник. Я вышлю его Вам. В этом сборнике имеется моя статья.

По каждому тому «Истории Сибири» (пяtitомник) предварительно определены авторские группы. Окончательно же состав авторов определится к концу этого года. Я включен в группу третьего тома (руководитель В.И. Дулов). Этот (III) том охватывает период со второй половины XIX в. до 1917 г. Кроме того, придется участвовать во II томе (разделы, относящиеся к первой половине XIX в.)

Организационную работу по подготовке коллективного труда «История Сибири» ведет Комиссия по общественным наукам Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск). Труд этот сложный и ответственный.

Составляю подробную библиографию по истории Сибири в XIX – начале XX в., собираю по архивам (выписки, копии) документальные материалы, а также материалы историко-этнографических экспедиций нашего университета. Ценные материалы выявлены, например, в Нижнеилимском и Усть-Удинском районных архивах.

Пока до свидания. Желаю Вам здоровья, бодрости и всего лучшего. Привет Вере Евгеньевне.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

г. Иркутск. Улица Декабрьских Событий, дом № 107 а, подъезд 4, квартира 55.

3 сентября 1961 года.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 6–9

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

6 XI 1961.

Всеякими вливаниями, главным образом новокаином, врачи подправили меня настолько, что я могу сесть за стол и писать моим друзьям, не отрываясь от листа почтовой бумаги часа на 2–3. Вот почему сегодня у меня праздничный день и прекрасное настроение.

Ваше письмо, дорогой Федор Александрович, с описанием «летнего» обзора городов Зап[адной] Сибири и Степного края: Омска, Тобольска, Томска и их архивных фондов меня весьма обрадовало, ведь это как раз то, с чего Ваши ученики должны начинать, вступая на привлекательный путь научной работы, ни мне, ни Вам этого не суждено было выполнить в 20–30-х годах. Знакомство с документальным богатством областных или краевых сибирских архивов, конечно, крайне необходимо и теперь, но писать историю Сибири (от Урала до Тихого океана) будет трудно без знакомства с архивными материалами центральных учреждений. Оставив Сибирь в 1925 году, когда я пробыл три года в должности заведующего Вост[очно]-Сиб[ирским] архивным бюро (вернее, иркутским губархбюро), я охотно согласился принять должность консультанта Центрархива РСФСР. В этой должности, связанной с командировками, я познакомился с местными архивными бюро: Рязань, Калуга, Вологда, Тверь, Челябинск, Уфа, Псков, Новгород и, наконец, Ленинград. В последнем городе я был в 1927 г. и два месяца изучал по описям и в натуре материалы 1-го Сибирского Комитета (1820–1838 г.), 2-го Сибирского Комитета (1852–1864 г.) и с 1865 года часть дел просмотрел из фонда Комитета министров, который, после закрытия 2-го Сиб[ирского] К[омите]та, ведал и делами Сибири.

В путеводителе Центр[ального] гос[ударственного] истор[ического] архива СССР, находящегося в Ленинграде, дана на стр. 40–42 краткая и довольно бледная характеристика фондов этих Комитетов.

1-го Сиб. К[омите]та – немногим более 700 дел.

2-го Сиб. К[омите]та – до 3000 дел.

Вот почему, обладая тем богатством, что Вы приобрели, знакомясь с фондами Вост[очной] Сиб[ири], а позже Забайкалья и Бурятии в течение 30 лет, и теми сокровищами, что хранятся в Ленинградском ЦГИА⁷⁵, Вы смело могли бы взвалить на себя тяжелый, но радостный труд создания хотя бы двухтомной истории Сибири. Конечно, с учетом работ историков, посвященных прошлому республик, вошедших в состав СССР, эта работа окажется вполне выполнимой.

Вы спросите, почему же я, стоя в Москве так близко к богатству центральных архивов, не использовал их в своих работах. Работа в Центрархиве «по консультации» отнимала и дни и ночи, и все же за 1926–[19]27 гг. мне удалось поместить в «Кат[орге] и ссылке», в «Сиб[ирских] огнях» несколько статей⁷⁶ и в обществе политкаторжан выступить с рядом докладов. В 1931 году, соблазнившись большой ставкой, перешел на работу в «Союзвзрывпром», где учил молодых техников и инженеров правильно писать отчеты по произведенным взрывным работам и статьи, доступные пониманию рядового читателя. Это действительно была школа, которой я руководил 25 лет. Некоторые из этой школы члены-корреспонденты Акад[емии] наук (Мельников), другие, как Назаров, занимают кафедры взрывных работ в горных институтах, третьи, как Докучаев, только на днях получили диплом – доктора технич[еских] наук России и ряд других – кандидаты тех[нических] наук. Сам я за 25 лет выпустил основной курс – «Пути развития взрывного дела в СССР», библиографию взрывных работ по 1950 г. и, наконец, «Справочник взрывника», таким образом сочетал историю, библиографию и технику. Выйдя с [19]54 года на

пенсию, я, хотя и с большим перерывом, вновь принялся за изучение прошлого родной и милой мне Сибири. Была ли Кубаловская школа в Ирк[утском] университете? Конечно, ее не было, за 2–3 года научную школу не создашь; я любил молодежь, был близок ей, что позволило среди небольшой группы заметить более талантливых юношей и девушек и приобщить их к научной работе, определить тематику работы, метод исследования, главным образом оперируя с архивными материалами. Зерно упало на прекрасную почву. Выросли Кудрявцевы, Михайловские, Дербины, Трофимовы⁷⁷ – профессора и ведущие работники музейного и архивного дела. Вера Евгеньевна 20 лет была преподавателем теории и практики архивного дела в Историко-архивном институте.

На этом кончаю письмо. Поздравляю Вас вместе с Вер[ой] Евг[еньев]ной с праздником 44-й годовщины Октября. Шлем лучшие дружеские и всегда искренние пожелания.

Любящие Вас Кубаловы.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 14–16 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

[Открытка]

2. I. 1962

Дорогой Федор Александрович!

Вместе с Верой Евгеньевной поздравляем Вас с наступившим Новым годом. Шлем сердечные и лучшие дружеские поздравления, удачи во всех начинаниях, а главное, завершения начатых работ по истории Сибири.

Я со своим плохим здоровьем и больными ногами погнался за двумя зайцами. Одной рукой пишу о сибирском комитете⁷⁸ в связи с событиями Сибири 20-х – 60-х годов, другой о гарибальдийцах в Сибири. Наверное, ничего из этого не выйдет. Догнать «зайцев» сил не хватит.

Любящий Вас Б. Кубалов.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалов*

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю Вас с праздником Великого Октября, желаю доброго здоровья, новых творческих успехов в работе и всего лучшего в жизни.

С приветом: Ф. Кудрявцев.

P.S. Вышел хорошо изданный атлас «Иркутская область»⁷⁹. Я, В.И. Дулов и В.Н. Шерстобоев поместили там исторические карты. Постараюсь выслать этот атлас Вам.

В Томске вышла книга Г.П. Шатровой «Декабристы и Сибирь»⁸⁰. Я опубликовал рецензию о ней в томской газете «Красное знамя».

Продолжаем готовить коллективный труд «История Сибири».

Ф.К.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 11

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалов**

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю вас с праздником Великого Октября, желаю доброго здоровья, новых творческих успехов, бодрости, всего лучшего в жизни.

На память об Иркутске отправляю открытку с изображением моста через нашу красавицу Ангару.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 14

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

Дорогой Федор Александрович!

Весенние погожие дни немного подняли мое настроение, прибавили силы настолько, что я мог сесть за письменный стол и ответить на письма друзей, полученные в мае. От вдовы М.П. Волконского⁸¹ получил «Записки отдела рукописей», вып. 24, библиотеки СССР им. В.И. Ленина⁸². Тираж «Записок» 750 экз. Все мои попытки приобрести несколько экземпляров для друзей-иркутян оказались безрезультатными. Лично я до сих пор не выхожу за ограду «Лефортовского дворца», не могу посетить библиотеку и обратиться за содействием к С.В. Житомирской⁸³, как зав. отделом рукописей и гл. редактора этого выпуска. Редакционная коллегия не воспользовалась ценными деталями, с которыми познакомили «сибиряки» во время его командировки в место ссылки декабристов. С добытыми в Сибири данными Мих[аил] Петр[ович]

* Послание не датировано, предположительно, 1962 г.

** Письмо не датировано, предположительно, 1963 г., так как открытка подписана в печать 29.XI.1962.

делился со мною⁸⁴. Вчера получил письмо от Е.Д. Петряева, в котором читаю: «Подивило меня и то, что в тексте М.П. нет ни строки благодарности сибирякам, особенно Ф.А. Кудрявцеву, хотя мне доподлинно известно, что М.П. такие строки писал. И кто это выкинул? Тем самым на М.П. набрасывается тень как на человека неблагодарного».

В 1963 г., как мне стало известно, читинцы хотят отметить 50-летие Е.Д. Петряева; я написал ему, что если читинцы задумают выпустить в честь юбиляра книгу-сборник его статей или сборник статей, посвященных юбиляру его друзьями, то я готов вложить и свою «рукописную лепту» в это хорошее начинание. Думаю, что и иркутяне примут участие в этом деле, если читинцы действительно думают отметить неутомимую деятельность этого славного забайкальца.

Еще до своей болезни (а ей уже скоро будет два года) я собрал новые материалы о А.П. Щапове и составил план небольшой статьи: «Привлечение А.П. Щапова к делу сепаратистов». Если кто и писал об этом, то ограничивался двумя-тремя строчками (П.И. Кабанов, Т.Л. Козьмин, Е.И. Чернышев и др.). Думаю направить статью в «Ангару». Ведь альманаху должна быть дорога память выдающихся иркутян. Хотелось бы услышать Ваше мнение по данному вопросу и прямо сказать, стоит ли посылать в альманах эту статью.

Вчера был приятно взволнован неожиданным приходом к нам Семена Федоровича. Несколько часов провели в дружеской беседе, говорили о «делах и днях» наших друзей-иркутян. Познакомил С.Ф. с только что полученной из Томска прекрасной работой Р.Я. Кошелева: «Русская фольклористика Сибири»⁸⁵ и с «Учеными записками Омского пед[агогического] института», вып. 13, серия историко-филологическая, ч. II – Труды кафедры русской и зарубежной литературы. Здесь помещена статья: «Из истории собирания и изучения русской народной сказки Сибири». Автор ее кандидат литературовед[ческих] наук – дочь Георгия Леонова и Клани Красильниковой Татьяна Георг[иевна] Леонова⁸⁶. Проездом из Ленинграда в Омск она остановилась у нас на 3 дня. Много говорили о ее родителях, о ее работе. Со свойственной мне откровенностью указал на ее ошибки в статье, касавшиеся Щапова. На этом покамест кончаю.

Любящий Вас Б. Кубалов.
Привет от Веры Евгеньевны.
28 V 62 г.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 17–18 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудрявцеву

29 VIII 62 г.

Дорогой Федор Александрович! Не писал Вам так долго потому, что месяца полтора тому назад повторился спазм одного из сосудов головного мозга. Друзья-врачи принятыми мерами не допустили совершить путешествие в космос к праотцам. Вчера в сопровождении врача перевезли меня на новую квартиру, предоставленную Вере Евгеньевне МВД, по-видимому, в ознаменование 40-летия ее работы в архивных органах.

В середине июня я получил от К.В. Кудряшова написанную им в соавторстве с А.М. Яновским книгу «Москва в далеком прошлом: очерки городской

жизни, быта и нравов Москвы XVI–XVII веков»⁸⁷. Кудряшову принадлежат прекрасно составленные главы: Москва – столица России, Народные движения, Быт и нравы москвичей и, наконец, последняя глава Накануне преобразований, когда, повторю последние слова этой главы, «по удачному выражению историка С.М. Соловьева, «народ собрался в дорогу» и на заре XVIII века начал новый период своей истории». Получена ли в Иркутске эта книга, выпущенная тиражом в 15 000. Привет от Веры Евгеньевны.

Любящий Вас Б. Кубалов.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 19 об.

Б.Г. Кубалов – Ф.А. Кудряцеву

Дорогой Федор Александрович!

Я и Вера Евгеньевна поздравляем Вас с наступившим новым годом, шлем искренние, дружеские пожелания, всех их не перечесть, главное из них – быть здоровым, спокойным, *in corpore sano mens sana*⁸⁸. А раз здоровый дух, то будут и хорошие творческие успехи. Мы их ждем от Вас в этом году. «Томское знамя», вернее, тот номер, в котором помещена Ваша рецензия на книгу Г.П. Шатровой «Декабристы и Сибирь», следовало бы иметь несколько экземпляров, чтобы отправить их друзьям иногородним. Ведь здесь сибирскую газету достать трудно, нужно идти в Ленинскую библиотеку, а я уж второй год не выхожу дальше ворот своего дома. Категорически запрещено. Вот почему, если что мне нужно взять из той или иной книги, эту работу берет на себя Вера Ев[геньев]на, делает нужные выписки.

Над чем Вы работаете теперь? Я немного работаю над Щаповым. Ведь до обидного мало уделяли ему внимания дореволюционные историки, да и современные написали немного. В Ленинской библиотеке есть несколько о нем диссертационных работ, да и пользоваться ими трудновато. Совершенно обойден во всех работах вопрос «о привлечении Щапова к делу сепаратистов» (Омская следственная комиссия 1865 года). Мне прислали из Омска копии некоторых постановлений этой комиссии, ряда ее допросов. Часть копий из III отд[еления]. Что получится из этой работы – пока не знаю. А материал интересен. Пишите, не забывайте Вашего старого, престарого учителя.

Любящий Вас Б. Кубалов.

3/1 63 г.

ГАИО. Ф. Р-2698. Оп. 1. Д. 123. Л. 20–21

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову*

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю вас с Новым годом, желаю доброго здоровья и всего лучшего, надеюсь в 1964 г. читать Ваши новые интересные исследования.

Благодарю за книжку Альберта Лиханова «Да будет солнце!». Она мне очень понравилась. Работаю по II и III томам «Истории Сибири».

В Новосибирске состоялось совещание о ходе и итогах работы по этому труду. Кое-что сделано, но еще многое предстоит сделать. Работу задерживают некоторые нерадивые авторы. Они срывают сроки представления рукописей.

Как бы хотелось, чтобы родная Сибирь получила наконец свою обобщенную историю. Она заслужила ее.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 15

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову**

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Сердечно поздравляю вас с праздником Первого мая, желаю доброго здоровья, бодрости и всего лучшего в жизни.

Пишу из Новосибирска, где нахожусь в командировке. Мы закончили наконец свой коллективный труд – III том «Истории Сибири» (1861–1917 гг.).

Вышел макет I тома, заканчивается подготовка II тома. Всего будет V томов.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 16

Ф.А. Кудрявцев – Б.Г. Кубалову***

[Открытка]

Дорогие Борис Георгиевич и Вера Евгеньевна!

Поздравляю вас с Новым годом, желаю доброго здоровья, бодрости и всего лучшего.

Конец 1965 года ознаменовался для нас выпуском на ротاپринте макетов 5 томов коллективного труда «История Сибири». Теперь предстоит окончательная подготовка к изданию этого труда с учетом замечаний и предложений, сделанных во время обсуждения макетов.

После «Исторического обозрения Сибири» П.А. Словцова наш труд будет первым опытом обобщенного освещения истории этой обширной части нашего Отечества.

С приветом, Ф. Кудрявцев.

ГАИО. Ф. Р-2873. Оп. 1. Д. 48. Л. 18 об.

* Письмо не датировано, конца 1963 или начала 1964 г.

** Письмо не датировано, предположительно, 1964 г.

*** Письмо не датировано, предположительно, конец 1965 – начало 1966 г.

Примечания

¹ Речь идет о рукописи, которая была издана в Иркутске в 1958 г. под названием «А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862)».

² *Венюков Михаил Иванович* (1832–1901), известный русский путешественник, географ, ген.-майор, публицист; участвовал в сплавах по Амуру в 1857 и 1858 гг.

³ *Игнатьев Николай Павлович* (1832–1908), российский гос. деятель, дипломат, ген. от инфантерии, граф, ген.-адъютант; добился подписания чрезвычайно выгодного для России Пекинского договора 1860 г.

⁴ *Бюцов Евгений Карлович* (1837–1904), дипломат, начинал службу секретарем по дипломатической части при ген.-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, участвовал в переговорах с Китаем, приведших к подписанию Айгунского договора 1858 г.

⁵ *Корсаковы* – известный дворянский род, к которому принадлежал Михаил Семенович Корсаков (1826–1871), ген.-губернатор Восточной Сибири в 1861–1871 гг.

⁶ *Белоголовый Николай Андреевич* (1834–1895), старший сын купца А.В. Белоголового, управляющего делами Амурской К^о в Сибири, доктор медицины, известный общественный деятель России второй половины XIX в.

⁷ *Дейхман Оскар Александрович* (1818–1891), горный инженер, служил в Восточной Сибири чиновником по особым поручениям при ген.-губернаторе в 1845–1847 гг., с 1847 г. – управляющим Петровским железодельным заводом, в 1856–1865 гг. – начальником Нерчинского горного округа. Отстранен от службы и отдан под суд за ослабления, оказанные в содержании на заводах государственного преступника М.Л. Михайлова.

⁸ *Михайлов Михаил Ларионович* (1829–1865), поэт и политический деятель; за распространение революционных прокламаций был осужден и приговорен к каторжным работам в Нерчинском горном округе.

⁹ *Гарибальди Джузеппе* (1807–1882), итальянский революционный и политический деятель, пользовался огромной популярностью как в Италии, так и в других странах, в том числе в России.

¹⁰ *Дулов Всеволод Иванович* (1913–1964), ученый-историк, исследователь истории Сибири, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории СССР Иркутского государственного педагогического института (с 1952 по 1964 г.). Стал первым доктором исторических наук на территории Сибири и Дальнего Востока (1954). Лауреат Государственной премии за участие в создании пятитомной «Истории Сибири».

¹¹ Речь идет о публикации: Протест против выступления Бакунина об «Иркутской дуэли» // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63. С. 228–239.

¹² *Раевский Владимир Федосеевич* (1795–1872), декабрист, участник Отечественной войны 1812 г., занимался литературной деятельностью.

¹³ Дуэль между чиновниками Ф.А. Беклемишевым и М.С. Неклюдовым, в результате которой М.С. Неклюдов был убит, что вызвало большой резонанс в иркутском обществе.

¹⁴ Вероятно, речь идет о книге: *Кубалов Б.* Пути развития взрывного дела в СССР. М., 1948. (Взрывное дело / М-во промышленности строит. материалов СССР. Союзвзрывпром. Вып. 43)

¹⁵ Б.Г. Кубалов цитирует и перефразирует строки из «Бориса Годунова» А.С. Пушкина: «На старости я сызнова живу, / Минувшее проходит предо мною – / Давно ль оно неслось, событий полно, / Волнуясь, как море-окиян?».

¹⁶ *Чуйко Константин Владимирович* (?–1967), директор Иркутского книжного издательства в 1947–1952 гг., а с 1956 по 1959 г. его главный редактор.

¹⁷ *Турунов Анатолий Николаевич* (1893–1954), уроженец Иркутской губ., историк, библиограф, художник, искусствовед. Учеником Б.Г. Кубалова он был во время обучения в Иркутской гимназии. В 1928–1937 гг. был редактором «Сибирской советской энциклопедии» и автором ряда статей.

¹⁸ *Михайловская Анна Ивановна* (1901–1992), уроженка Иркутска, музеевед, историк, доктор исторических наук.

¹⁹ *Попова Д.И.*, других сведений выявить не удалось.

²⁰ *Неклюдов Михаил Сергеевич* (1830–1859), коллежский ассессор, чиновник по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири; участник дуэли 1859 г. с членом Совета Главного управления Восточной Сибири Ф.А. Беклемишевым, в ходе которой погиб. Первоначально захоронен в иркутском Иерусалимском кладбище, но в начале 1860 г. его тело было эксгумировано и перевезено на родину.

²¹ *Дербина Вера Евгеньевна* (1904–1999), иркутянка, ученица, а затем и супруга Б.Г. Кубалова; историк, архивист.

²² *Коваль Семен Федорович* (1923–2005), историк, историограф, декабристовец, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, преподаватель Иркутского госуниверситета; один из инициаторов создания в Иркутске музея декабристов и проведения научно-практических конференций по декабристской проблематике.

²³ *Вендрих Герман Александрович* (1923–1992), историк, участник Великой Отечественной войны, специалист по истории Иркутска.

²⁴ Так в 1921–1926 гг. официально называлась современная Республика Тыва; с 1926 г. – Тувинская народная республика. В 1944 г. Тувинская народная республика была принята в состав СССР.

²⁵ *Шерстобоев Вадим Николаевич* (1900–1963), доктор экономических наук, профессор, историк. С 1943 по 1962 г. возглавлял кафедру конкретных экономик (впоследствии – экономики сельского хозяйства) в Иркутском финансово-экономическом институте. Вел ряд крупных научных исследований по экономической истории Сибири. Его классическим трудом стала «Илимская пашня» над которой он работал около двадцати лет: первый том издан в 1949 г., второй – в 1957 г.

²⁶ *Одницова Мария Константиновна* (1884–1972), историк, преподаватель, музейный работник.

²⁷ *Хороших Павел Павлович* (1890–1977), археолог, историк, этнограф, кандидат исторических наук, доцент Иркутского госуниверситета.

²⁸ *Кашик Ольга Ильинична* (1911–1978), историк, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей истории Иркутского пединститута (1954–1960).

²⁹ *Тагаров Зандра Тагарович* (1928–2000), кандидат исторических наук, сотрудник Государственного архива Иркутской области в 1953–1962 гг., с 1962 по 1990 г. – преподаватель Иркутского института народного хозяйства.

³⁰ *Шостакович Сергей Владимирович* (1902–1981), ученый-историк, востоковед, античник, юрист-международник, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории ИГУ в 1944–1970 гг.

³¹ *Занкевич Александр (Аркадий) Иванович*, выпускник Московской духовной академии, бывший учитель Иркутской духовной семинарии, а впоследствии преподаватель латинского языка в Иркутском госуниверситете.

³² В 1970 г. в качестве докторской диссертации Ф.А. Кудрявцев представил доклад, обобщающий содержание его научных трудов на тему «Вопросы экономического развития и социальных отношений в Сибири в XVIII–XIX вв.», который был блестяще защищен в Сибирском отделении АН СССР.

³³ *Ad patres* (лат.) – к праотцам.

³⁴ *Кабанов Петр Иванович* (1888–1974), доктор исторических наук, профессор; его книга «Амурский вопрос» вышла в Благовещенске в 1959 г.

³⁵ Московский городской педагогический институт имени В.П. Потемкина – работал в Москве с 1931 по 1960 г. В 1946 г. институту после смерти народного комиссара просвещения РСФСР В.П. Потемкина было присвоено его имя. В 1960 г. вуз был слит с МГПИ им. В.И. Ленина.

³⁶ *Нарочницкий Алексей Леонтьевич* (1907–1989), историк, академик, специалист по истории международных отношений; заведующий кафедрой новой и новейшей истории МГПИ им. В.И. Ленина (1960–1974), директор Института истории СССР АН СССР (1974–1979), заведующий Отделом внешней политики (с 1975 г.) Института истории СССР АН (с 1992 г. – Институт российской истории РАН); главный редактор журнала «Новая и новейшая история» (1962–1974).

³⁷ *Муравьев-Амурский Николай Николаевич* (1809–1881), ген.-губернатор Восточной Сибири (1847–1861).

³⁸ *Деспот-Зенович Александр Иванович* (1828–1895), чиновник особых поручений при ген.-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве, затем пограничный комиссар, а позднее градоначальник в Кяхте; в 1862–1864 гг. тобольский гражданский губернатор.

³⁹ *Коллинс* (Коллинз) *Перри Макдоно* (1813–1900), предприниматель и политический деятель из Сан-Франциско. Был отправлен по решению американского правительства в качестве официального представителя (коммерческого агента) на Амур.

⁴⁰ Декабрист Д.И. Завалишин (1804–1892) в 1839–1863 гг. находился на поселении в Чите. Свое критическое отношение к «Амурской эпопее» выражал в статьях, опубликованных в ряде российских изданий.

⁴¹ Дополнительных сведений выявить не удалось.

⁴² Дополнительных сведений выявить не удалось.

⁴³ Данная работа впервые публикуется в настоящем издании.

⁴⁴ *Чеботарев Евгений Ильич*, приказчик «Амурской К^о», был убит китайцами.

⁴⁵ *Пузино Помпей Поликарпович* (ок. 1825–1889), участник 2-го амурского сплава (1855), впоследствии занимался устройством переселенцев на Амур. В 1862 г. покинул Сибирь.

⁴⁶ *Веденяпин Аполлон Васильевич* (1803–1872), декабрист. С авг. 1841 г. служил младшим писарем в Иркутском военном госпитале, с 1844 г. был помощником смотрителя Иркутской гражданской больницы, с авг. 1848 г. – смотритель больницы; с 1850 по 1855 г. – заседатель Иркутского окружного суда.

⁴⁷ *Муханов Петр Александрович* (1799–1854), декабрист.

⁴⁸ *Толстой Иван Николаевич* (1792–1854), сенатор, тайный советник. В 1843–1845 гг. возглавлял сенаторскую ревизию Восточной Сибири.

⁴⁹ *Беклемишев Федор Андреевич* (1830–1906), выпускник Императорского Александровского лицея; на момент дуэли (1859) – член Совета Главного управления Восточной Сибири; с 1861 г. – чиновник Сибирского комитета; саратовский (1862–1864), а затем харьковский вице-губернатор (1864–1869).

⁵⁰ *Пестерев Николай Николаевич* (1832–1874), сын иркутского купца Н.В. Пестерева; выражал демократические взгляды; в мае 1863 г. уехал из Иркутска, встречался в Лондоне с А.И. Герценом; в окт. 1866 г. арестован по делу о попытке освободить Чернышевского из Нерчинской каторги. В конце 1869 г. отправлен из Москвы в Иркутск с учреждением за ним полицейского надзора.

⁵¹ *Поджио Александр Викторович* (1798–1873), декабрист.

⁵² *Петряев Евгений Дмитриевич* (1913–1987), военный врач, кандидат биологических наук, писатель, член Союза писателей СССР, библиофил, исследователь истории, культуры Забайкалья и Вятки, почетный гражданин Нерчинска.

⁵³ *Ланский* (Каплан) *Леонид Рафаилович* (1913–2000), кандидат филологических наук, литературовед, текстолог, научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР, исследователь жизни и творчества Герцена, Гоголя, Тургенева и др.

⁵⁴ *Рагозин Евгений Иванович* (1843–1906), экономист, общественный деятель, статистик, редактор-издатель газеты «Неделя».

⁵⁵ *Валь Виктор Вильгельмович* (1840–1915), государственный деятель, товарищ министра внутренних дел и командир Особого корпуса жандармов, ген. от кавалерии, член Государственного совета.

⁵⁶ Личность не установлена.

⁵⁷ *Шостакович Андрей Владимирович* (1900–1941), юрист-экономист, поэт (псевд. А. Коллан). Окончил Иркутскую губернскую гимназию, затем юридический факультет Иркутского госуниверситета. С 1934 г. жил в Ленинграде, работал экономистом в Промбанке. Остался в блокадном городе. Умер от дистрофии. *Шостакович Владимир Владимирович* (1898–?), профессор, доктор медицинских наук, известный психиатр, с 1959 по 1970 г. возглавлял кафедру психиатрии Днепропетровского медицинского института.

⁵⁸ Это была дипломная работа Ф.А. Кудрявцева.

⁵⁹ Речь идет о книге Б.Г. Кубалова: А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). Иркутск, 1958.

⁶⁰ Речь идет о статье Б.Г. Кубалова: Н.Г. Чернышевский, М.Л. Михайлов и гарибальдийцы на Каданской каторге // Сиб. огни. 1959. № 6. С. 139–144.

⁶¹ Докторская диссертация Ф.А. Кудрявцева, подготовленная в виде монографии «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв.», так и осталась неопубликованной.

⁶² *Кудряшов Константин Васильевич* (1885–1962), историк, доктор исторических наук, профессор, исследователь «Слова о полку Игореве»; его книга: Про Игоря Северского, про землю Русскую: Историко-географический очерк о походе Игоря Северского на половцев в 1185 г. М., 1959.

⁶³ В настоящее время данный фонд находится в Государственном бюджетном учреждении города Москвы «Центральном государственном архиве города Москвы».

⁶⁴ *Кукель Болеслав Казимирович* (1829–1869), чиновник по особым поручениям при ген.-губернаторе Восточной Сибири Н.Н. Муравьеве с 1851 г., с 1856 г. – управляющий казачьим отделением, член Совета Главного управления Восточной Сибири; с 1858 г. – начальник штаба войск; ген.-майор (1862); в 1862–1864 гг. – и. д. забайкальского военного губернатора, с 1865 г. – начальник штаба Восточно-Сибирского военного округа.

⁶⁵ *Кароли Луиджи* (1834–1865), гарибальдиец, принадлежал к богатейшей бергамской семье. В 1863 г. в числе группы гарибальдийцев-добровольцев из Бергамо участвовал в Польском восстании; попал в плен и по приговору военного трибунала был приговорен к смертной казни, которая затем была заменена двенадцатью годами каторжных работ в Сибири; умер на каторге.

⁶⁶ *Меули Джакомо и Лючио* – братья, гарибальдийцы, принимали участие в Польском восстании 1863 г., попали в плен и по приговору военного трибунала были приговорены к смертной казни, которая затем была заменена двенадцатью годами каторжных работ в Сибири.

⁶⁷ *Кубалов Б.Г.* Сибиряк-шестидесятник // Ангара. Иркутск, 1960. № 2. С. 117–126.

⁶⁸ *Щапов Афанасий Прокофьевич* (1831–1876), историк, публицист, писатель.

⁶⁹ *Щукин Николай Семенович* (1838–1870), сын иркутского педагога С.С. Щукина, писатель. С 1861 г. жил в Иркутске, издавал сборник «Сибирские рассказы». В 1865 г. арестован по делу «сепаратистов» и около трех лет отсидел в Омском остроге, осужден на 15 лет каторги, замененной ссылкой в Архангельскую губ., где и скончался.

⁷⁰ *Потанин Григорий Николаевич* (1835–1920), географ, этнограф, публицист, общественный деятель, фольклорист, ботаник, один из основателей сибирского областничества, почетный гражданин города Иркутска (1915 г.).

⁷¹ *Андреоли Эмиль* (1836–1900), литературовед, профессор истории и журналист, гарибальдиец. В 1863 г. в числе группы гарибальдийцев-добровольцев из Бергамо участвовал в Польском восстании; попал в плен и по приговору военного трибунала был приговорен к смертной казни, которая затем была заменена двенадцатью годами каторжных работ в Сибири; автор мемуаров.

⁷² О каком сборнике идет речь, выяснить не удалось. Работа Б.Г. Кубалова об Амурской компании впервые публикуется в наст. изд.

⁷³ *Кубалов Б.Г.* Из сибирских встреч Н.Г. Чернышевского // Ист. архив. М., 1961. С. 283–284.

⁷⁴ *Кубалов Б.Г.* Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862) // Записки Иркут. обл. краевед. музея. 1961. Вып. 2. С. 55–87.

⁷⁵ Центральный государственный исторический архив, ныне Российский государственный исторический архив.

⁷⁶ Б.Г. Кубаловым в названных журналах в 1924–1930 гг. были опубликованы статьи: Ветеран Народной воли М.П. Овчинников // Каторга и ссылка. 1924. № 12. С. 78–105; Сибирское общество и декабристы // Там же. 1925. № 21. С. 139–171; Каракозовец И.А. Худяков в ссылке // Там же. 1926. № 28. С. 166–192; Ольхонская каторга // Там же. 1927. № 35. С. 112–141; Каракозовец О.А. Мотков и его побег // Там же. 1930. № 66. С. 177–189; Сибирь и самозванцы: из истории народных волнений в XIX в. // Сибирские огни. 1924. № 3. С. 152–177; Декабристы и амнистия // Там же. 1924. № 5. С. 143–159.

⁷⁷ Трофимов – других сведений, кроме указанных в письме, выявить не удалось.

⁷⁸ Законосовещательный и распорядительный орган Российской империи по делам восточных окраин страны. Первый Сибирский комитет проработал с 1821 по 1838 г. Второй Сибирский комитет просуществовал с 1852 по 1864 г, когда Указом от 31.12.1864 (12.1.1865) он был «присоединен» к К-ту министров (делопроизводство С. к. в канцелярии К-та министров сохраняло некоторую обособленность до 1883 г.).

⁷⁹ Атлас Иркутской области [Карты] : атлас / ред. кол.: Гриценко А.В. [и др.] ; отв. ред. За-руцкая И.П. М.; Иркутск : ГУГК, 1962.

⁸⁰ *Шатрова Галина Петровна* (1925–1985), видный специалист по истории декабризма, сибиревед, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Красноярского педагогического университета.

⁸¹ *Волконский Михаил Петрович* (1891–1961), внук декабриста С.Г. Волконского, оперный певец, переводчик. Покинул Россию в 1917 г., жил в Италии, Югославии, пел в Белградской опере, позже в Париже, сценический псевдоним Михаил Верон. В 1947 г. с семьей вернулся в советскую Россию, жил в Тамбове, работал учителем английского языка в школе. В 1956 г. переехал в Москву, стал литературным переводчиком с хорватского, сербского, болгарского и французского языков. Его жена, Кира Георгиевна, урожд. Петкевич (1911–1995).

⁸² Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1961. Вып. 24.

⁸³ *Житомирская Сарра Владимировна* (1916–2002), историк-архивист, редактор, заведующая ОР ГБЛ им. В.И. Ленина (1952–1978), кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Занималась изучением истории движения декабристов. С 1979 г. – заместитель главного редактора серии «Полярная звезда».

⁸⁴ В 1961 г. в альманахе «Ангара» (№ 1. С. 94–103) была опубликована статья М. Волконского «Декабрист С.Г. Волконский в Иркутске».

⁸⁵ *Кошелев Яков Романович* (1921–2012), известный фольклорист, литературовед, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник культуры России; заведующий кафедрой литературы Смоленского педагогического института (1967–1969, 1981–1987) и проректор по научной работе (1969–1981).

⁸⁶ *Леонова Татьяна Георгиевна* (р. 1929), известный фольклорист, доктор филологических наук, профессор; родилась в Иркутске, ее родители (отец служил военным топографом, мать работала библиотекарем) были знакомыми Кубалова по Иркутску.

⁸⁷ Издана в Москве в 1961 г.

⁸⁸ Правильно: *mens sana in corpore sano* (лат.) – В здоровом теле – здоровый дух!

Примечания А.Н. Гаращенко, А.А. Иванов

Г.Н. Куценко

Любимое детище главного архитектора

В 2020 г. Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» отмечает юбилей. 40 лет назад был открыт Музей деревянного зодчества, именно так первоначально назывался отдел, входивший в состав Иркутского областного краеведческого музея. Сейчас это крупное, успешное и динамично развивающееся учреждение культуры. В достижениях музея «Тальцы» – большой вклад его коллектива во главе с директором В.В. Тихоновым.

Хорошая традиция юбилейных дат – говорить о людях, благодаря которым произошло рождение музея. В этом выпуске Вестника Иркутского музея декабристов мы публикуем воспоминания старшего научного сотрудника музея с 1969 г., заведующей Музеем деревянного зодчества с 1982 по 1993 г. Г.Н. Куценко. Галина Николаевна написала о замечательном человеке, московском архитекторе Г.Г. Оранской, многое сделавшей для сохранения деревянных и каменных памятников Иркутска и Иркутской области. Имя Галины Геннадьевны связано и с историей реставрации одного из са-

мых красивых и исторически значимых особняков Иркутска – Дома-музея декабриста С.П. Трубецкого. К нашему большому сожалению, вспомнить о работе Г.Г. Оранской над этим объектом историко-культурного наследия уже некому.

Редакция

***

В жизни случается всякое, никогда не знаешь, куда тебя забросит судьба. Так произошло и со мной. По семейным обстоятельствам пришлось переехать в Иркутск, где я и задержалась на 31 год. Но об этом я не жалею, так как все эти годы у меня была любимая работа. Я встретила много замечательных людей, которых помню и люблю до сих пор. Об одном таком человеке мне хочется рассказать отдельно, чтобы и иркутяне его не забывали, так как в городе и области она оставила о себе замечательные следы памяти.

Это Галина Геннадьевна Оранская – архитектор Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината (ВПНРК, Москва). Я могу рассказать только о совместной работе с ней над памятниками деревянного зодчества, но под ее руководством восстановлены в Иркутске и замечательные памятники каменного зодчества. Надеюсь, об этом расскажет кто-то другой. По приезду в Иркутск с рекомендациями новгородского музея меня приняли в Иркутский областной краеведческий музей старшим научным сотрудником. В институте и позже меня больше интересовала история своего края, историю Приангарья я знала в общих чертах. Но не полюбить этот замечательный

*Г.Г. Оранская
Фото Б. Дмитриева*

край невозможно, и я с головой окунулась в интересную, но трудную для меня работу. Первым моим учителем стала Галина Геннадьевна Оранская.

Управление культуры и краеведческий музей с января 1964 г. вели работу по созданию в Иркутской области музея деревянного зодчества. Мне предложили ее продолжить. Для начала необходимо было ознакомиться с тем, что уже сделано. Днем я входила в курс дела, а дома конспектировала труды А.П. Окладникова, М.К. Одинцовой и, конечно же, изучала труды ученых Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества и другие источники. Уже в первый месяц работы меня представили архитектору из Москвы Г.Г. Оранской как сотрудника краеведческого музея, который должен заниматься работой по созданию музея деревянного зодчества. Мне показалось, что сначала она меня приняла настороженно, так как

я не была местной, но потом мы нашли с ней общий язык, тем более что для меня она была авторитетом и я этого не скрывала.

История создания Архитектурно-этнографического музея Иркутской области – это замечательные страницы жизни и деятельности целого поколения специалистов различного профиля, партийных и общественных деятелей, просто жителей Иркутска и области, так или иначе принимавших участие в этой благородной миссии.

Организатором всех работ по созданию музея являлось управление культуры Иркутского облисполкома, а главным архитектором проекта – Г.Г. Оранская. Галина Геннадьевна – широко образованная личность своего времени, бесконечно преданная любимому делу. Она с первого приезда полюбила Иркутск, Приангарье и не представляла своей жизни без этого замечательного края. Она была автором реставрации практически всех каменных церквей и соборов Иркутска. Некоторых, слишком спокойных людей она иногда раздражала своей настойчивостью и дотошностью, но иначе она не могла, если видела промашки, ошибки или нежелание выполнять работу должным образом. Наш музей деревянного зодчества был для нее особенно дорог, потому что она создавала его с самого начала и считала его своим детищем. Она приглашала меня в гостиницу и требовала полнейшего отчета о том, что сделано, в чем задержка, если она была. На эти мини-совещания, если что-то не ладилось, часто приглашала В.Г. Распутина. Он никогда не отказывался, с большой охотой помогал, ходил вместе с нами в горисполком к Н.Ф. Салацкому, если вопрос можно было решить только там. Валентин Григорьевич был очень заинтересован в создании музея деревянного зодчества, так как прекрасно знал, как много замечательных памятников еще сохранилось. Особенно из зоны затопления надо было их срочно перевозить. Он очень переживал, когда что-то не получалось. Кстати, с Галиной Геннадьевной они были в этом похожи, только она все переживала эмоционально, а он – в себе.

Сложности возникли и при выборе территории под музей. Галина Геннадьевна осмотрела все окрестности Иркутска. Ей понравилось красивое место всего в трех километрах от Иркутска по Александровскому тракту. Подобные места обычно выбирали русские поселенцы (наличие реки, удобные пахотные места, обилие строительного материала). Но это предложение было отвергнуто по двум причинам. Во-первых, отсюда хорошо просматривалась территория авиационного завода, засекреченная для иностранцев, во-вторых, по Александровскому тракту имелись радиоактивные захоронения. Решили поискать территорию по Байкальскому тракту, так как это туристический маршрут к Байкалу. В 1967 г. комиссия утвердила под Архитектурно-этнографический музей Иркутской области территорию на 47-м километре Байкальского тракта. Галине Геннадьевне это место не понравилось. И только значительно позже, когда создавалась первая очередь музея, всем стало ясно, что территория выбрана не совсем удачно. Во-первых, нет перспективы развития музея, во-вторых, территория оказалась сложной для размещения памятников. Здесь практически невозможно совместить естественный водораздел, географию местности и историческую целесообразность. И са-

мое, пожалуй, главное: идет быстрое разрушение берега, в среднем в год 1,5 м. Позже в годовых планах работы музея на это неоднократно указывалось, но то не находилось средств, а работы действительно дорогостоящие, то руководители созданной в июле 1973 г. специальной научно-реставрационной производственной мастерской (СНРПМ) не обращали внимания на наши предостережения. Методические рекомендации по созданию музеев под открытым небом, в которых указывался определенный перечень необходимых документов, появились только в 1985 г. До этого такие музеи создавались стихийно с учетом местных условий. Местные условия были и у нас: с одной стороны, надо было начинать работу по созданию генплана, а с другой – срочно вывозить памятники из зоны затопления Усть-Илимской ГЭС.

В июне 1969 г. началась подготовка к перевозке памятников из затопляемых районов, прежде всего – памятников XVII в. Управление культуры заключило договор с РСУ-5 о перевозке памятников, РСУ, в свою очередь, заключило субподрядные договоры с местными организациями на различные виды работ, поставку маркировочно-упаковочного материала, гвоздей, веревок и пр. С руководством Братскгэсстроя управление культуры договорилось о вывозе памятников на баржах по Ангаре, с Восточно-Сибирской железной дорогой – вагонами до Иркутска, с автотранспортными организациями – о перевозке до территории музея. Подключились партийные и советские органы власти, общество охраны памятников. В конце года велась в основном различные согласования, переписка с различными организациями с просьбой о выделении средств. Срок окончания вывоза памятников намечался до 1972 г., но решением облисполкома его сократили на год, т. е. до 1971 г. 20 мая 1970 г. реставрационная бригада в составе десяти плотников, в которую были включены Г.Г. Оранская и я, вылетела в зону затопления. В кратчайший срок необходимо было произвести разборку, упаковку проезжей Спасской башни Илимского острога и Казанской часовни, отобранных крестьянских усадеб и доставить на о. Антоново к месту причала барж. Только после этого можно было приступить к разборке мельниц в дер. Владимировке, но их еще необходимо было обмерить и промаркировать. Эту работу предстояло выполнить нам – Галине Геннадьевне и мне, на что отводилось три дня.

Все жители уже покинули деревню, кроме пожилой пары, у них мы и остановились. Мельница находилась в двух-трех километрах от деревни. С рассветом мы туда и отправились. Мне впервые пришлось встретиться с такой работой, но Галина Геннадьевна доходчиво объяснила, и дело пошло. Возвращались уже в сумерках. Я очень устала, и было страшно. Но Галина Геннадьевна держалась молодцом, и я помалкивала. Утром она опять поднялась с рассветом, позавтракали пирожками с тухлой рыбой, которыми угостили хозяева. Они сказали, что свежая, только что пойманная, но почему-то пахнет, видимо, что-то происходит с ней в реке. Подойдя к мельницам, мы увидели развороченную копну сена, которая еще вчера была нормальной. Кто тут ночевал? Медведь или бич? Галине Геннадьевне тоже стало страшно. Бригада наша осталась в дер. Подъяланке, двое стариков – во Владимировке. Мы одни в тайге. Она пошла на хитрость и закричала: «Вань, а Вань,

не отставай, иди сюда». Ну а я постаралась ответить басом: «Да здесь я, рядом!» Весь день было жутковато, постарались вернуться пораньше. На третий день оставалось работы совсем мало, так что закончили засветло. В этот день на разборку мельниц подоспела наша бригада, так что дальше мы уже ничего не боялись. Через месяц мы полетели на Ан-2 в Илимск (Г.Г. Оранская, Ю.В. Ефимов и я), чтобы отобрать для вывоза жилые постройки, но там уже работали бригады пожарных и уничтожали то, что не вывезли хозяева. Мне удалось собрать интересные экспонаты, в том числе лодку-долбленку, но в самолет ее не брали. Тогда я нашла брошенные старые простыни, положила в лодку собранные мной экспонаты и обшила ее, как посылку. К вечеру Галина Геннадьевна присмотрела отличный старинный дом, украшенный резьбой. Утром хотели его оформить для вывоза, но ночью его сожгли. Сердце разрывалось от бардака, который творился вокруг. До сих пор у меня остался вопрос: а стоила овчинка выделки? Я столько увидела людского горя за это время! Но это же не война, а мирное время...

В марте 1970 г. Иркутский облисполком принял решение об отводе под музей 50 га земли на 47-м километре Байкальского тракта. Сначала официально был оформлен отвод 25 га, несколько позже – еще 25 га.

21 апреля 1970 г. состоялось торжественное открытие строительства Архитектурно-этнографического музея Иркутской области. Организаторами торжества были работники управления культуры, общества охраны памятников, краеведческого музея, Г.Г. Оранская, РСУ-5. Присутствовали представители областной и городской власти, партийных органов, видный ученый, автор многих работ по деревянному зодчеству А.П. Окладников, главный архитектор города В.П. Шматков, специальный корреспондент газеты «Известия» Л. Шинкарев, многие другие. Первый секретарь обкома партии В.И. Ситников вбил символический первый кол на месте, где планировалось установить усадьбу Непомилуева. Таких колов заготовили много, поэтому все присутствовавшие их с желанием забивали.

Работа по вывозу памятников из зоны затопления продолжалась. В сентябре 1970 г. Братскгэсстрой выделил баржи, чтобы перевезти разобранные и упакованные памятники с о. Антоново к железной дороге. Восточно-Сибирская железная дорога в октябре предоставила 10 вагонов для перевозки памятников до Иркутска. А из Иркутска лесовозами они были доставлены на 47-й километр Байкальского тракта. К концу года пять изб с хозяйственными постройками, трехъярусная мельница, Спасская проезжая башня Илимского острога и Казанская часовня, в общей сложности 20 объектов, были доставлены на территорию музея.

На лето 1971 г. Г.Г. Оранская определила ряд неотложных работ. Это санитарная очистка леса, дорога с грунтово-щебеночным покрытием, вертикальная планировка и строительство антисептирующего центра. На эти работы был приглашен студенческий строительный отряд «Русь». Почти все работы были выполнены, кроме тех, которые не обеспечил реставрационный участок. 5 октября 1971 г. Иркутский облисполком утвердил «Эскизный проект планировки народного музея Иркутской области» (автор Г.Г. Оранская). «Эскизный проект...» отражал разнообразие народного творчества

по этническим, хозяйственно-экономическим и географическим признакам. Он предусматривал четыре русские зоны: 1. Центральную – объединяющую районы, тяготеющие к Иркутску; 2. Ангаро-Илимскую – районы р. Илим и среднего течения Ангары; 3. Ленскую – верховья Лены; 4. Мамско-Бодайбинскую. А также национальные зоны коренных народов Иркутской области: 1. Бурятскую; 2. Тофаларскую; 3. Эвенкийскую. Предусматривалась также зона археологических находок. Помимо экспозиционных зон, планировались административно-хозяйственная и транспортные развязки. Все экспозиционные зоны связывались единым кольцевым маршрутом. Дорожно-тропиночная сеть полностью охватывала экспозиционные объекты и наиболее интересные видовые точки с перспективами на окружающий ландшафт. В «Эскизном проекте...» были серьезно проработаны инженерные вопросы и первая очередь системы пожаротушения. Предусматривался причал.

«Эскизный проект...» был направлен на согласование в Государственную инспекцию по охране памятников истории и культуры РСФСР. В отзыве на проект сообщалось следующее: «Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры рассмотрела представленные проекты Генерального плана детальной планировки музея деревянного зодчества Иркутской области и считает возможным согласовать их с учетом следующих замечаний:

1. В настоящее время нецелесообразно воссоздавать в полном объеме сооружения Илимского острога, следует ограничиться его фрагментом, включающим въездную Спасскую башню с примыкающими пряслами стен и двумя угловыми башнями.

2. Застройку площади перед восстанавливаемой частью Илимского острога произвести в соответствии с исторически сложившейся планировкой. При этом необходимо увеличить разрыв между сооружениями Илимского острога и примыкающими к нему фрагментами двух деревень (двухрядной и однорядной).

3. Планировка Бельского острога и его окружающей застройки требует доработки с максимальным приближением к исторически сложившейся застройке Бельска. Перенос Бельского острога не вызывается необходимостью, и его целесообразно сохранить на месте.

4. В связи с намечаемым формированием музея в г. Братске и реконструкцией острога делать его макет на территории данного музея нецелесообразно.

Государственная инспекция по охране памятников отмечала большую работу, выполненную ВПНРК по подготовке проекта создания музея народного зодчества Иркутской области под руководством Г.Г. Оранской. Одновременно подчеркивалось, что до настоящего времени слабо проводится работа по сбору историко-бытового материала и выявлению памятников, подлежащих вывозу в музей, что создает трудности в дальнейшей работе по планированию музея.

В 1972 г. управление культуры приняло решение о разделении функций по созданию музея между Иркутским краеведческим музеем и управлением культуры. За управлением культуры оставили технадзор и финансирование,

за краеведческим музеем – научно-исследовательскую работу, сбор экспонатов, подготовку научно-методической документации (Г.Н. Куценко). Объем работы для одного человека был значительный, поэтому в конце года мне в помощь была принята на должность научного сотрудника П.И. Тугарина.

За время работы бок о бок с Галиной Геннадьевной я значительно пополнила практические и теоретические знания по теме «Деревянное зодчество Приангарья». Во время совместных экспедиций, радиальных выездов было интересно и поучительно работать с Галиной Геннадьевной. Она с увлечением рассказывала и о реставрации каменных памятников в Иркутске, приглашала посмотреть. Так, я увидела, как золотили купола на иркутских соборах... В апреле 1973 г. мы с Галиной Геннадьевной обследовали памятники в Бельске, отобрали четыре усадьбы и Бельскую башню XVII в. Одним из самых интересных памятников была усадьба Феклы Михайловны Лобановой по ул. Луговой, 6. Ее Галина Геннадьевна маркировала с большим удовольствием. Планировка сохранилась с XVII в. без особых изменений, только в конце XVIII в. к избе была пристроена горница, которая с тех пор также не перестраивалась. Все это было выяснено не только из рассказа хозяйки, но и по сохранившимся косякам, наличникам, фронтому, охлупню и другим характерным деталям того времени. Эта изба – очень редкий памятник, сохранившийся до нашего времени.

Каждый вопрос по созданию музея, в том числе и по вывозу отобранных памятников, решался медленно, проходил многочисленные согласования с вышестоящими инстанциями, постоянно не хватало средств. Пока судили да рядили, усадьба Лобановой частично сгорела, остальное жители растащили на дрова. К счастью, в музее сохранилась фотофиксация усадьбы Лобановой. Удалось вывезти только одну усадьбу «солдатки» (ул. Иванова, 100). Две усадьбы не смогли приобрести из-за завышенной стоимости, установленной хозяевами. Бельскую башню отстояли местные власти, которые хотели создать свой музей.

Опыт предыдущей работы показал, что в Иркутске появилась необходимость создания специального объединения не только для реставрации каменных архитектурных памятников, но и для сохранения быстро исчезающих памятников деревянного зодчества. И в июле 1973 г. была создана специальная научно-реставрационная производственная мастерская (СНРПМ) с подчинением управлению культуры. В 1974 г. по инициативе Г.Г. Оранской Иркутский областной краеведческий музей обратился с просьбой в горисполком отдавать старые, но добротные бревна из разбираемых домов Иркутска для использования в реставрации на 47-м километре Байкальского тракта. Выделенные для этого средства не помогли, ни одного бревна музей не получил. С созданием СНРПМ работа оживилась, строилась первая очередь музея «Деревня-малодворка», состоявшая из трех усадеб: Непомилуева, Серышева, Прокопьева. Однако претензий к реставраторам не убавилось, Галина Геннадьевна требовала не отступать от чертежей, не допускала самостоятельности, заставляла переделывать, если замечала ошибки.

По ряду объективных и субъективных причин, не от музея зависевших, только в начале 1980-х была начата работа по восстановлению памятников

XVII в. В декабре 1974 г. строительство Музея деревянного зодчества было передано ДРСУ-1 Дорремстройтреста Иркутского горисполкома. 30 декабря СНПРМ произвела передачу разобранных памятников, хранившихся на территории будущего музея, реставрационному участку в количестве 35 объектов.

Первые итоги по созданию музея были подведены на производственно-техническом совещании 7 мая 1977 г. На нем присутствовали директор ИОКМ Н.С. Струк, Г.Г. Оранская, начальник ПТО ДРСТ С.М. Петрухин, начальник ДРСУ-1 О.П. Дубовик и др. Рассматривался вопрос о ходе реставрации и о состоянии памятников, хранившихся на складах. Было решено провести инвентаризацию разобранных памятников, определиться с расценками на реставрационные работы, строго соблюдать предписания архитектора Г.Г. Оранской, согласованные с музеем. Однако и дальше работы задерживались из-за отсутствия электроснабжения, телефонизации. Основная работа научных сотрудников была направлена на сбор экспонатов, составление тематико-экспозиционных планов к объектам. Проведены экспедиции в район р. Лены, в Катангский и Ольхонский районы, подготовлена обзорная экскурсия на тему «Хозяйство, быт и культура крестьян Среднего Приангарья конца XIX – начала XX в.

20 июля 1980 г. была торжественно открыта первая очередь музея деревянного зодчества «Деревня-малодворка», состоявшая из трех усадеб с хозяйственными постройками. Фонды музея к этому времени насчитывали восемь тысяч экспонатов, хранящихся на территории музея.

Планомерное обследование памятников деревянного зодчества Иркутской области показало необходимость корректировки генплана. Научные сотрудники подготовили для проектировщиков предложения по изменению зонирования, тем более что работе по созданию «Проекта планировки музея» должен предшествовать историко-этнографический очерк с предлагаемой научными сотрудниками системой внутреннего построения экспозиционных зон, секторов, комплексов, демонстрирующих разнообразие форм культуры различных этнических групп населения Приангарья. Авторский коллектив Архитектурно-этнографического филиала краеведческого музея (Г.Н. Куценко, О.В. Бычков, А.К. Нефедьева) разработал «Обоснование развития экспозиции Архитектурно-этнографического филиала» (Историко-этнографический очерк региона). Очерк получил положительную оценку головного методического совета по созданию музеев под открытым небом при Государственном музее этнографии народов СССР (руководитель Л.А. Фотий), Сектора восточно-славянской этнографии Института этнографии АН СССР (д. и. н. Т.В. Станюкович, к. и. н. Л.М. Сабурова), Отдела этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии АН СССР (к. и. н. Л.Р. Павлинская). Вопросы упорядочения реставрационных работ, корректировки «Эскизного проекта...» и формирования площади перед Спасской башней обсуждались на уровне областного управления культуры и НИПМ Всесоюзного объединения «Союзреставрация». Но руководство «Союзреставрации» посчитало, что обоснованных причин для какой-либо корректировки нет. На создание «Эскизного проекта...» в конце 1960-х – начале 1970-х гг. времени было мало, поэтому он и назван эскизным. При составлении сбор-

ника материалов архивно-библиографических изысканий к проекту сотрудники тогда ВПНРК основной упор сделали не на выяснение типологии народного жилища Иркутской губернии XIX – начала XX в., а на разработку материалов по Илимскому острогу в XVII – начале XVIII в. Авторы проекта обследовали только Братский и Черемховский районы. Историко-культурное зонирование русских в XIX – начале XX в. было проведено без использования материалов экспедиций в этот район, в частности материалов комплексной Ангарской экспедиции Института этнографии АН СССР. В декабре 1984 г. распоряжением облисполкома была принята в эксплуатацию и сдана на баланс Иркутского областного краеведческого музея Спасская башня Илимского острога, но также без учета рекомендаций музея по обустройству площади перед ней. Были представлены замечания музея в «Союзреставрацию» и по реставрации Казанской церкви (часовни), но в апреле 1985 г. чертежи на нее пришли без их учета. Почему руководство производственной группы по охране памятников при управлении культуры не проявило достаточной принципиальности и документы были приняты к производству? Почему я сейчас об этом пишу, почему задаю эти вопросы, на которые никто уже сейчас не ответит? А вот почему.

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» интересен всем – и молодым, и тем, кто еще недавно держал топор, демонстрируя мастерство обработки дерева, и тем, кто любит душевные русские, бурятские и эвенкийские песни, которые можно здесь послушать. На территории музея выступали практически все фольклорные коллективы Иркутской области. Здесь проводился праздник «Играй гармонь» под руководством братьев Заволокиных и многочисленные литературные праздники. Здесь киностудия «Ленфильм» сняла на средства Японии замечательный фильм «Сны о России», который рассказал о судьбе японских рыбаков, которых шторм прибил к берегам Охотского моря во времена Екатерины II. Кстати, лучшего места для съемок ленфильмовцы не нашли, хотя обследовали все Приморье. На средства Японии музей приобрел значительное количество памятников, включая церковь Пресвятой Троицы из села Дядино. Музей продолжает строиться и развиваться, и, как всегда, главная работа еще впереди. Именно сейчас при разработке новых планов, проектов надо учитывать накопленный опыт и ошибки прошлого.

В 1985 г. Галина Геннадьевна уже плохо себя чувствовала. В последний приезд летом ей было настолько плохо, что вернуться домой самостоятельно она уже не смогла. Ее провожал до Москвы Александр Кравченко из реставрационных мастерских, с которым она была особенно дружна. 7 ноября я позвонила ей, чтобы поздравить с праздником и справиться о здоровье. Мне ответили, что она не может разговаривать. Но, узнав, что звонят из Иркутска, Галина Геннадьевна потребовала трубку. Голос ее был очень слабый, но первое, что она спросила: «Что с церковью?», а 11 ноября ее не стало.

Г.Г. Оранская – большой художник своего времени. Благодаря ее любви к своей профессии, настойчивости, терпению восстановлены многие памятники в Иркутске. Будучи автором «Эскизного проекта планировки музея деревянного зодчества Иркутской области», она прекрасно понимала, как много еще предстоит работать над проектом, но времени у нее уже не было... Светлая ей память.

Об авторах

Афанасьева Антонина Олеговна, заведующая отделом «Дом и усадьба Волконских».

Гаращенко Алексей Николаевич, старший научный сотрудник Музея истории города Иркутска им. А.М. Сибирякова.

Гончаренко Наталья Валерьевна, заместитель директора Иркутского областного краеведческого музея по развитию.

Добрынина Елена Аркадьевна, директор Иркутского музея декабристов.

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России ИГУ.

Кирсанов Никита Алексеевич, журналист (Италия).

Куценко Галина Николаевна, в 1982–1993 гг. заведующая отделом Иркутского областного краеведческого музея «Музей деревянного зодчества».

Матханова Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, Новосибирск.

Мусабирова Надежда Францевна, заместитель директора по научной работе Иркутского музея декабристов.

Подшивалова Любовь Михайловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Иркутского музея декабристов.

Сакович Александр Васильевич, главный специалист по учету фондов Иркутского музея декабристов.

Харабадзе Ксения Валерьяновна, научный сотрудник Иркутского музея декабристов.

Список сокращений

- ГАЗК* – Государственный архив Забайкальского края (Чита)
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГМП – Государственный музей А.С. Пушкина (Москва)
ИОИММД – Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов
ИОХМ – Иркутский областной художественный музей
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
ОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург)
ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы

Содержание

К читателю	3
-------------------------	---

Архивное наследие

<i>Е.А. Добрынина.</i> С чувством живейшей дружбы... (письма М.К. Юшневской)	6
<i>Л.М. Подшивалова.</i> Из опыта работы над подготовкой к публикации писем С.Г. Волконского за 1855–1857 гг. в серии «Полярная звезда»	21
<i>Н.Ф. Мусабирова.</i> Обзор корпуса документов М.Н. Волконской	26

Декабристоведение: историко-краеведческие исследования

<i>Б.Г. Кубалов.</i> Амурская компания. 1858–1865 гг. (К истории капитализма в Сибири) <i>Предисловие, публикация и примечания А.Н. Гаращенко</i>	35
<i>Н.В. Гончаренко.</i> Мария Сукачёва – художница из семьи декабриста Александра Поджио	122
<i>Н.П. Матханова.</i> «Обращаюсь к Вам с просьбой...» Прошение о пенсии дочери декабриста В.А. Высоцкой (Поджио)	129

Музейное дело

<i>А.В. Сакович.</i> Вещный мир декабристов в Сибири	133
<i>К.В. Харабадзе.</i> Каталогизация декабристского наследия Из опыта работы	151

Люди и судьбы

<i>А.О. Афанасьева.</i> Эпизод из жизни чиновника (по дневниковым записям и письмам М.С. Волконского)	160
<i>Н.А. Кирсанов.</i> Декабрист Николай Панов	185
<i>А.Н. Гаращенко, А.А. Иванов.</i> Из переписки Б.Г. Кубалова и Ф.А. Кудрявцева в 1957–1966 гг.	211
<i>Г.Н. Куценко.</i> Любимое детище главного архитектора	240
Об авторах	249
Список сокращений	250

Декабристское кольцо

Вестник Иркутского музея декабристов

Выпуск 5

Редактор и корректор А.В. Глюк

Иркутский музей декабристов.
664007 Иркутск, пер. Волконского, 10.

Издательство «Оттиск»
Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.
Подписано в печать 12.10.2020 г. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 12,67. Уч.-изд. л. 14,38.
Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 100 экз. Заказ № 374.

Отпечатано в типографии «Оттиск»
664025 г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.
Тел.: 34-32-34, 241-242.
E-mail: ottisk@irmail.ru